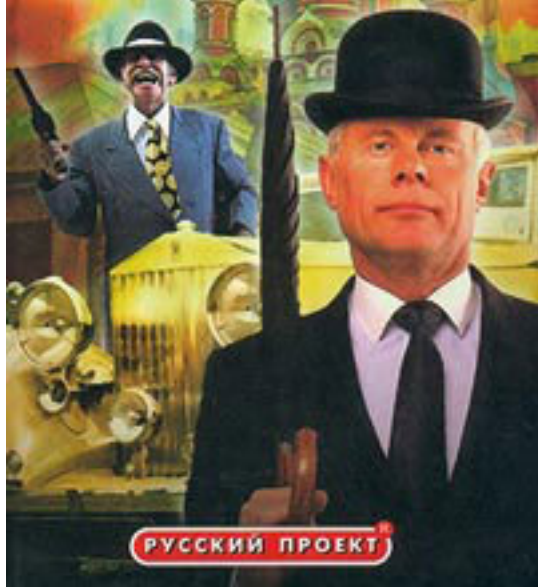

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

РУССКИЙ ПРОЕКТ

Эдуард Анатольевич Хруцкий Полицейский [Архив сыскной полиции]

fixx – Олег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130367

Полицейский: Олма-Пресс; Москва; 2005

ISBN 5-224-02083-2

Аннотация

Эдуард Анатольевич Хруцкий – прозаик и кинодраматург, выпустивший более 40 книг в России и за рубежом. По его сценариям поставлены популярные фильмы – «Ночь над городом», «По данным уголовного розыска», «Приступить к ликвидации», «Последняя осень», «Дом свиданий», «На углу, у Патриарших»...

В романе Эдуарда Хруцкого «Полицейский» описываются криминальные истории Российской империи начала XX столетия – вымогательства, грабежи, убийства. Непримируемую борьбу с «героями» уголовного мира ведет чиновник сыскной полиции Александр Бахтин. Перед силой его интеллекта, высоким оперативным мастерством не могут устоять самые бесчестные и самые изощренные преступники.

Содержание

Часть первая.	4
Часть вторая.	153
Часть третья.	429
От автора	557

Содержание

Эдуард Хруцкий

Полицейский

Часть первая.

ПАРИЖ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

1912 год.

Внезапно пришел страх. И был он вполне ощутимым: холодный и липкий. Вновь тот же сон. Удивительно длинный и похожий на раскрашенные дагерротипы.

Черная река Стикс, пустые берега из неведомого камня. И с той, жуткой, стороны приближается лодка. В ней седобородый человек. Харон. Он гонит лодку веслом, бесшумно уходящим в черную воду, как в расплавленную смолу. И нет спасения от него.

Бахтин проснулся, вскочил на кровати, привычно протягивая руку к тумбочке, на которой лежал револьвер. Но не было ни тумбочки, ни револьвера. Да и квартиры на Офицерской улице в Петербурге тоже не было. И сон этот, нелепо страшный, приснился ему в Париже, и сидел он, свесив

ноги, на широкой кровати отеля «Королевская охота».

Пять лет назад, когда он не был еще чиновником для поручений Санкт-Петербургской сыскной полиции, а служил в летучем отряде на Лиговке, в доме Самохина, он и двое городских брали известного громилу Ваньку Рю-тю-тю. Фамилии его никто не знал, и в русском криминальном мире кличка Рю-тю-тю давно заменила Ваньке все остальное.

Ванька заперся в подвале и угрожающе кричал что-то через дверь.

Городовые были ребята дюжие и дверь высадили мгновенно. Бахтин шагнул в подвал и услышал щелчок. Четкий, металлический, резкий. Ванькин револьвер дал осечку.

Потом, в участке, помощник пристава Саша Трепин, взял в руки револьвер, взвел курок.

– Что же ты, братец, оружия себе подходящего не завел?

Трепин поднял ствол к потолку и нажал на спуск. Выстрел был особенно резок в маленькой комнате, после него еще некоторое время звенело в ушах.

– Повезло вам, ваше благородие. – Один из городских перекрестился и посмотрел на дырку в потолке.

Той же ночью, придя домой, Бахтин снял пальто, сел в передней на кресло и его начала бить противная дрожь.

С той поры ощущение страха возвращалось к нему по ночам и несколько раз приходил один и тот же сон. И видел он лодочника Харона, только вот лица его разобрать не мог.

Господи, почему именно тогда пришел этот совсем ненуж-

ный страх? За двенадцать лет службы в сыскной полиции, случилось и не такое. Подумаешь, невидаль, нанюхавшийся кокаину налетчик с Лиговки.

Бахтин постучал по стене, нащупал выключатель, повернул его.

Над кроватью зажегся кокетливый абажур, напоминающий бело-матовую деталь женского туалета.

Бахтин взял папиросу, закурил. Горячий аромат табака, ворвавшийся в легкие, отозвался дурманом в голове. Но все же сон этот оставил некое ощущение волнения, переходящее в ожидание какой-то очередной радости.

На тумбочке, рядом с кроватью, лежали его часы. Серебряный «Мозер» с плоской цепочкой. На крышке были выдавлены подкова, лошадиная морда и стек. Бахтин никогда не увлекался бегам, просто в тот день, когда он покупал часы в швейцарском магазине на Невском, это был один из наиболее подходящих рисунков. Он взял часы, нажал на кнопку. Крышка отскочила, и репетир мелодично позвонил три раза. – Господи, всего три часа.

Бахтин налил в высокий стакан воды «Виши», о которой ему говорили, что она очень полезна. Сделал два глотка, поморщился. Вода оказалась солоновато-горькой.

Он встал, вышел в гостиную. В углу, на поставце стояли серебряный сифон и несколько бутылок вина. Они были все откупорены и заткнуты затейливыми серебряными пробками.

Что и говорить, принимали его соответственно. Бахтин, как каждый полицейский чиновник Российской империи, не был избалован почетом и вниманием. Да и вообще испытывал некоторую неловкость за пышную встречу на вокзале, за апартамент этот в гостинице «Королевская охота», за серебряные пробки, за весь этот непонятный комфорт.

Бахтин подошел к поставцу, взял одну бутылку, потом другую. Названия вин не говорили ему ровно ничего.

А вон, наконец, знакомцы. Темного стекла тяжелая бутылка, с сургучной печатью на стенке, с давленной надписью «Порто». Он даже обрадовался, увидев эту бутылку. Так радуются обычно, встретив знакомого человека в чужом городе. Медленно вытащил серебряную пробку, всадника с копьем, втянул чуть сладковатый аромат и налил вино в бокал.

В свете лампы оно заиграло темным рубином. Бахтин поднял бокал и выпил его в два глотка.

Не выпуская бутылку и стакан, он пошел в спальню и сел на кровать. Голубовато-атласная роскошь этой огромной, почти во всю комнату, постели подчеркивала его одиночество и дискомфорт.

Бахтин налил еще полбокала и, подумав, наполнил до краев. Теперь он пил медленно, ощущая крепковатую сладость несравненного португальского портвейна. Он запомнил эту красивую бутылку в гостях у присяжного поверенного Глебова, известного петербургского гурмана и хлебосола. Бахтин только начинал свою службу в полиции и был простым

полицейским надзирателем, служившим в летучем отряде.

Но, как ни странно, именно он, зайдя в ночлежку «Слепушку» на Суворовском проспекте, увидел на шее у четырнадцатилетней проститутки Катьки Ломовик бриллиантовое кольцо с изумрудной звездой в центре.

Следствие было коротким. Катька не желала связываться с сыскной, сказала, что камушки эти украла у своего кота, Сережи Послушника. Сережа спал тут же, выпив бутылку ханжи.

Очухался он уже в участке, где после пятиминутного разговора с дежурным околоточным Евграфовым, знаменитым на весь криминальный Петербург своей физической силой, сказал, что спер кольцо в гостинице «Догмара» у неизвестного человека, проживающего в десятом номере.

Через час Бахтин с двумя городовыми взяли в «Догмаре» знаменитого вора-домушника Токарева.

На Офицерской, в здании сыскной полиции, Токарев сознался, что долго высматривал одну пустую квартиру, а когда вскрыл ее, то обнаружил там даму и мужчину, занимающихся любовью. Токарев не стал им мешать. Забрал кольцо, два кольца, аккуратно положенные дамой на стол в гостиной, и прихватил также бумажник, часы и золотой портсигар любовника.

Самое удивительное заключалось в том, что ни в один из пятидесяти двух полицейских участков столицы никаких заявлений не поступало. Ценности положили в сейф до выяс-

нения.

Через три дня Бахтина вызвали к директору департамента полиции, действительному статскому советнику Лопухину. Известие то произвело на Офицерской, в Управлении сыскной полиции, впечатление разорвавшейся бомбы. Недавно принятого на службу полицейского надзирателя III разряда вызывают на такой верх!

Начальник сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов пригласил к себе Бахтина и предложил рассказать все как есть. Но что рассказывать, Бахтин не знал. Тогда Филиппов телефонировал в департамент помощнику заведующего уголовно-розыскным делом, старинному своему приятелю. Но и тот ничего не знал.

– Езжайте, – сказал Филиппов Бахтину, – я дам Вам свое авто и помните, Александр Петрович, вызов этот может быть для вас судьбоносным. – Как это понимать, Владимир Гаврилович?

– Жизнь покажет, – ответил начальник, снова поднял трубку телефона и назвал номер 83.

На этот раз Филиппов говорил с чиновником для поручений при Лопухине. Владимир Гаврилович словно вскользь поинтересовался, нет ли надобности в каких-то документах, коль скоро его превосходительство вызывает надзирателя сыскной полиции Бахтина.

– А вам разве не передавали, что необходимо привезти все, что вы отобрали у Токарева, – ответил чиновник для

поручений. Филиппов положил трубку, усмехнулся.

Александр Петрович, вам повезло. Ваша карьера в полиции вполне может сложиться.

Не без трепета душевного ехал Бахтин на Фонтанку, 16. Полицейская карьера была ему небезразлична, именно она позволила ему увлечься криминалистикой.

Бахтин не представлял себя вне воинской службы. Его история вообще наделала много шума в определенных кругах. Она была романтической и таинственной. Бахтин дрался на дуэли, ранил своего противника. За это он был исключен из училища и предан суду.

Но присяжные его оправдали, и из зала суда вышел молодой человек в недорогом штатском костюме и без всяких перспектив на будущее. Барышня, из-за которой он дрался на дуэли с лицеистом Томским, немедленно отказалась от него. Что, впрочем, было вполне естественным. К месту дуэли прибыл юнкер – подпрапорщик, без двадцати дней подпоручик Бахтин, а из зала суда вышел молодой господин в дурно сшитом костюме.

О поступлении в высшее учебное заведение Бахтине мог даже помышлять, так как в его аттестате об окончании кадетского корпуса был поставлен соответствующий штамп.

Оставалась только служба. Унылая казенная служба. Удел чиновника в акцизном управлении или в экспедиции государственных бумаг. Впрочем, можно было пойти и по почтовому ведомству, или окончить курсы телеграфистов.

Бахтин распорядился своей судьбой проще. Он поступил в полицию.

Шаг этот был несколько демонстративный. Чем-то вроде поездки на Кавказ, под черкесские пули.

Что делать! Девятнадцатый век заканчивался, но люди цеплялись за прожитые годы, словно боясь наступления нового столетия. Впрочем, как показало время, они оказались правы. Итак, полицейская служба. К этому роду деятельности Бахтина приспособил его дядя, Виктор Николаевич, служивший полицейским приставом Невской части в Петербурге.

Еще не было книг о похождениях великого русского сыщика Путилина, не было романов Мориса Леблона, не появился еще Шерлок Холмс.

Поэтому полицейская служба представлялась Александру Бахтину как унылое стояние на перекрестке Тверской и Триумфальной площади. Но дело, которым начал заниматься Бахтин, оказалось совсем другим. Его взял под свою опеку сам начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции, надворный советник Филиппов, известный в те годы практик-криминалист, и определил в летучий отряд. Служба в нем была беспокойная. Заведующий летучим отрядом, коллежский асессор Новиков, был однокашником дядьки, увлекался криминалистикой и свел его с Евгением Федоровичем Буринским, организовавшим в здании Окружного суда на Литейном первую в России судебно-фотографическую лабор-

раторию.

Интерес к криминалистике не только примирил Бахтина с полицейской службой, но даже позволил увлечься ею.

Правда, пока не часто приходилось ему использовать премудрость новой науки. Не до этого было ему в летучем отряде. Совсем не до этого.

Да и отряд летучий не криминалистикой занимался, а ловил карманников в трамваях, конках, на гуляниях, в магазинах. Проституток задерживал, грабителей. Группа, в которой служил Бахтин, брала только опасных громил.

Какая уж тут криминалистика нужна, чтобы задержать Фому Малахая в тот момент, когда он на Обводном громил топором публичный дом. Так вот начинал службу бывший юнкер Бахтин.

Директор департамента принял Бахтина приветливо. Усадил на диван в кабинете, спросил чаю.

– Не надо никакого «превосходительства». Зовите меня, голубчик, просто Алексей Александрович.

Директор департамента ласково глядел через пенсне на Бахтина.

– Знаете, милый Саша, я могу вас так называть? Вы же мне как сын, я с нашим батюшкой, покойным Петром Николаевичем, и служил вместе, и дружил очень, а Вас помню с того дня, как ваша матушка, светлая ей память, разродилась вами. Дядюшка ваш, достойнейший Виктор Николаевич, ко мне приходил, прежде чем вас в полицию аттестовать. Уж

больно история ваша шумна была. Но ничего, ничего. Слушайте вы хорошо, господин Филиппов вами доволен.

Директор департамента прихлебнул чай, снял пенсне.

Бахтин не мог понять ни этой чрезмерной ласковости, ни смысла этого таинственного разговора.

– Что ж, могу вас порадовать. Высочайшим указом вам пожалован чин губернского секретаря, так что вы теперь особа двенадцатого класса, равная армейскому подпоручику. И мундир этот меняйте, меняйте. Согласно моему приказу по департаменту, вы назначаетесь помощником заведующего летучим отрядом. Бахтин поднялся, вытянулся. – Рад стараться, ваше превосходительство.

– Ну зачем же так, Саша? Зачем? Как я вам приказал именовать меня? – Алексей Александрович.

– Да и садитесь вы. Я хоть и генерал, но статский, садитесь. Теперь давайте о деле поговорим. – Слушаю, Алексей Александрович.

– Саша, Александр Петрович, что еще говорил Токарев об этой квартире? – Что вы имеете в виду? – То, что в протокол не вошло. – Пожалуй, ничего. Нет, впрочем... Да мелочь.

– В нашей службе мелочей не бывает, говорите, голубчик, говорите.

– Тот мужчина, что был там, приезжал на авто, черном, с серебряным клаксоном в виде перекрещенных труб.

Директор департамента изучающе посмотрел на Бахтина. – Все? – Так точно, все. – Ну что же. Где сейчас Тока-

рев? – Сидит в Лиговской части.

– Опытный вор, в большом почете среди громил. Не про-
бовали завербовать его? – Пока нет.

– И не надо, я сам этим займусь. Что смотрите? – усмех-
нулся Лопухин. – Тряхну стариной, директору департамента
тоже положено иметь свою агентуру. Но об этом потом. Ло-
пухин нажал кнопку звонка.

– Пригласите Петра Петровича минут через пять, – при-
казал он чиновнику для поручений.

– А вот теперь главное, Саша. – Директор департамента
встал из-за стола.

Был он среднего роста, сухощав, на форменном сюртуке
звезды Анны и Станислава.

– Сейчас мы вернем ценности владельцу. Похищены они
у жены присяжного поверенного Глебова. Сами понимаете,
при ситуации весьма пикантной. Поэтому наш долг – мол-
чать, где были украдены вещи и как у грабителя отобраны.
Мы, Саша, полицейские, сродни врачам.

Лопухин вскрыл пакет, опечатанный сургучом, вынул
бриллиантовое кольцо с изумрудной звездой, браслет, серь-
ги, два кольца. Камни в солнечном свете заиграли глубоким
цветом.

– Да-с, – Лопухин взял в руки браслет, – целое состояние.

Дверь распахнулась и на пороге появился известный пе-
тербургский златоуст, самый шикарный столичный адвокат
Петр Петрович Глебов.

Мазнул глазами равнодушно по человеку в полицейском мундире в чине таком, что и смотреть на него не надо. Он с некоторым изяществом подошел к Лопухину и пожат ему руку.

– Петр Петрович, рекомендую: мой протеже, с сегодня полицейский чиновник Александр Петрович Бахтин.

Глебов развернулся, словно на пружине, улыбнулся профессионально-обаятельно.

– Чрезвычайно рад составить знакомство. Судя по выправке, молодой человек, вы из военных. Постойте, постойте, Бахтин... Как же, как же! Помню. – Глебов звучно шлепнул себя ладонью по лбу. – Что-то с дуэлью. Шумная, романтическая история, сродни Дюма.

Он крепко пожал руку Бахтина. Задержал ее в своей и сказал весело:

– Милости прошу ко мне, завтра вечером. Будет узкий круг, наши дамы умрут от счастья. Они же год обсуждали вашу одиссею.

– Петр Петрович, – перебил адвоката Лопухин, – это же Александр Петрович нашел ценности вашей жены.

– Невероятно, – патетически воскликнул Глебов, – каков молодец! – Он держался с некоторой экзальтацией, играя одному ему известную роль. Он всегда словно находился в зале суда, который был его сценой.

– Только прошу вас, не спрашивайте, как нам удалось найти грабителя, пока это служебная тайна.

– Молчу, молчу. – Глебов сложил драгоценности в мешочек. Но на пороге оглянулся. – Александр Петрович, жду вас завтра к восьми.

Вот там-то и попробовал Бахтин этот сладкий портвейн. Лучше и не было бы того вечера, скомкавшего всю его жизнь. Не хотелось ему вспоминать об этом нынешней ночью. Воспоминания засасывают, словно болото. Он отхлебнул еще глоток, прислушался. За окном загрохотали колеса по камням мостовой.

Кстати, о тех днях. Лопухин приказал его отправить на своем авто: черном с серебряным клаксоном в виде перекрещенных труб.

Садясь в машину, Бахтин понял, почему мужские вещи директор департамента сразу положил в стол. Вот такая жизнь была в начале нынешнего века.

Простучали колеса и стихли снова. Только часы тикают. А потом что-то зазвенело. Тонко и протяжно. Так обычно пели стеклянные шары на рождественской елке, когда открывали форточку в гостиной.

Он прислушался, не понимая, грезится ли ему этот звук или на самом деле где-то поет сказочный шар его детства?

Дождь, безостановочно ливший, перестал, и в номере стояла непривычная предутренняя тишина.

И вдруг вновь возник непонятный звон. Бахтин подошел к балконным дверям. Звенели капли. В камне балкона переливалось в свете фонарей крохотное озерцо. Видимо, ямка

была глубокой, потому так и звенели падающие капли.

Бахтин вернулся, взял папиросу, прикурил и снова вышел на балкон.

Под ним лежал Париж. Улица Сен-Мартен была залита плывущим газовым светом и башня Сен-Жак, словно страж, нависла над ней. Где-то недалеко пробили часы, отсчитав пять ударов. Голос их вибрировал в мокром воздухе.

Улица начинала оживать. Простучал по мостовой фургон, и запах свежего хлеба долетел до третьего этажа.

Бахтин курил, глядя, как зарождается новое утро. Оно подступало, как нечаянная радость.

Прямо напротив ярко загорелись два окна, с грохотом распахнулась дверь. Открылось кафе. И тут Бахтин вспомнил, что со вчерашнего обеда ничего не ел.

Он погасил папиросу и пошел одеваться. В номере, в стенном шкафу, висел темно-зеленый мундир с витыми серебряными погонами.

В Петербурге ему было строго указано: получать французский орден в подобающем виде. А подобающий вид у чиновника, служащего по Министерству внутренних дел, тем более у полицейского, единственный – в мундире.

Бахтин вынул мундир. Золотом и эмалью блеснул на зеленом сукне крест Почетного легиона. Господи, сколько интриг, сколько непонятных намеков и разговоров предшествовало его поездке в этот город. И все из-за эмалевого с золотом крестика.

Вчера префект полиции, месье Люпен, маленький, седобородый, подвижный, даже чуть подпрыгнул, прикалывая крест к его мундиру.

В парадном зале Ратуши народу было немного, десятка два французских полицейских, пяток репортеров и один любезный сердцу соотечественник. Увидев его прямую спину и усы, Бахтин сразу же понял, кого прислало посольство на церемонию.

Приколов крест, префект хлопнул в ладоши. Присутствующие тоже почтительно похлопали. Только представитель посольства стоял как полицейский пристав в табельный день.

– Мадам, месье. – Префект Люпен вздернул голову, задиристо подняв бородку. – Я предлагаю перейти в соседний зал и выпить по бокалу вина за друга Франции, прекрасного русского криминалиста, месье Бахтина.

В соседней комнате, вернее, маленьком зале, во всю стену висело батальное полотно, где французские кавалеристы шли в атаку на оцетинившееся штыками каре.

На столе стояли бутылки с вином, перно, коньяком. В большом блюде скромно лежали пирожки.

«У нас, – подумал Бахтин, – по такому поводу гуляли бы дней пять». Неслышно подошел лакей с подносом. Бахтин взял бокал.

– Господа, – префект полиции поднял бокал, – теперь мы можем сказать нашему русскому другу о том глубоком ува-

жении, которое мы испытываем к нему и его отечеству.

Потом Бахтина увезли журналисты и они славно погуляли в кабачке на Монмартре.

Именно там, ближе к вечеру, когда шампанское возбуждало всех до чрезвычайности, тосты стали длинней и запутаннее, а подсевшие женщины необыкновенно красивы, Бахтин увидел знакомое лицо.

В углу сидел человек в аккуратном сером пиджаке, галстук в горошек. На столе перед ним стояла бутылка «Пинар» и жаркое в глиняном горшочке. – Боже мой, – сказал Бахтин, – Митя.

Он встал и пошел к столу лучшего своего друга по первому Московскому кадетскому корпусу Мите Заварзину.

Правда, окончив корпус, Митя вышел в университет, что тогда просто ошеломило кадетов их роты. Получить золотую медаль и не пойти в училище, где вполне можно стать портупей-юнкером, казалось тогда немыслимой глупостью.

– Митенька, – сказал Бахтин. Он был пьян и добр, а кроме того – действительно рад увидеть друга, с которым его развела жизнь. – Здравствуй, Саша. – Заварзин встал. – Митенька, ты что, не рад мне?

– Отчего же. – Заварзин с усмешкой покосился на ленточку в петлице Бахтина. – Ты стал знаменит, Саша, второй день парижские газеты пишут о тебе.

– Митя, – хмель не позволял Бахтину правильно оценивать положение, – Митя, пойдем к нам, выпьем, поговорим,

старое вспомним. Ты как сюда, на вакацию или по делу?

– Нет, Саша, я политэмигрант, так что извини. Нам с тобой сидеть не с руки. Честь имею, господин криминалист.

Заварзин обогнул его, словно столб, и пошел к выходу. Бахтин чисто профессионально отметил, как из-за стола, запрятанного в темный угол, вскочил человек в котелке и поспешил за Заварзиным.

«Все, – пьяно отметил про себя Бахтин, – повели Митю».

Неловкость от этой встречи он почувствовал позже. Допита была последняя бутылка, закончил он вечер у милой танцовщицы из кордебалета. Чувство стыда и горечи он ощутил в фиакре, по дороге в гостиницу, когда хмель начал уходить, а встреча с Заварзиным приобрела в его сознании истинный смысл.

Он не судил Заварзина за его убеждения. Упаси Бог! Если его однокашник стал социалистом, следовательно, так ему совесть подсказала. Бахтин, хотя и служил по департаменту полиции, старался не вникать в сложности программ политических партий. Он занимался криминалистикой. Защитой общества от преступников. И свое занятие считал наиглавнейшим.

То, что Заварзин не подал ему руки, тоже не удивило, хотя больно обидело его. В либерально-просвещенных кругах считалось дурным тоном иметь короткие отношения с полицейскими. На бесчисленных банкетах, на которых либералы произносили витиеватые тосты, служащие полиции подвер-

гались анафеме.

Но, случись что, и тот же самый либерал бегал в участок с просьбой защитить его от меньшего брата. Так почему-то они именовали фабричных. Бахтин твердо понимал одно: раскачивание лодки никогда к добру не приводило.

Пожалуй, не было в России газеты, кроме «Полицейских ведомостей», где не обливали бы грязью служащих полиции.

В Париже, что искренне удивило Бахтина, сыщики-криминалисты были также известны, как знаменитые актеры или модные депутаты.

В душе ругая себя за тщеславие, он сложил в чемодан парижские газеты, в которых печатали его портреты.

Конечно, Заварзин как социалист имеет право не подать ему руки. Но Заварзин – друг молодости обязан был это сделать, хотя бы в память о том, как Бахтин, взяв на себя его провинности, позволил Заварзину окончить корпус с золотой медалью.

Сколько потом было уверений в дружбе. И была клятва, настоящая, ночью в парадном зале корпуса, перед портретами великих русских полководцев. Прошла молодость и забылась клятва.

Приобретя некий жизненный опыт, Бахтин обратил внимание на странное несоответствие слов и дел либеральных интеллигентов. Их бесконечные и утомительные сетования на народные страдания, их уверенность в неоспоримости социальных перемен казались Бахтину тягучими и такими же

приторными, как нуга.

Он жил в другом мире и, вполне естественно, был отдален от жарких схваток общественного движения.

Бахтин никогда не задумывался, что мимо него, практически не трогая и не задевая, проносится история. В день знаменитого расстрела, ставшего потом кровавым воскресеньем, он ловил шайку Китайца. Страшного, изошренного убийцу, приехавшего в столицу из Владивостока.

Дарование Манифеста и события, связанные с ним, он пережил в Варшаве. Там работала крупная шайка фальшивомонетчиков.

Так же пронеслись, не задевая, беспорядки пятого года.

Правда, Филиппов сделал ему выговор за то, что он в присутствии нескольких чиновников сказал, что искренне рад, что уволен из училища, потому что не хотел бы служить в армии, подменяющей жандармерию.

Один из его друзей, вернее, единственный друг, литератор Кузьмин, сказал, что у Бахтина наступила душевная апатия.

Бахтин засмеялся. Просто он жил в другом мире. И заботы у него были другие. А что касается народной жизни, так он, полицейский чиновник, лучше любого либерала и социалиста знал, как живут рабочие и мастеровые в Питере. И считал твердо, что не бунты и демонстрации нужны им, а просвещение и социальная устроенность. Тем более, что в большинстве своем мастеровые эти зарабатывали больше него, полицейского чиновника. До чего же невеселые мысли

преследовали его в последнее время. Бахтин вновь попил чудесного португальского напитка. Сделал глоток, прислушался. По телу медленно разливалось долгожданное тепло. Вино убрало руку, сжимавшую сердце, отогнало дурные воспоминания.

Бахтин понимал, что алкоголь не выход. Что такие налеты меланхолии надо врачевать иначе. Но иначе – значит сложнее. А он привык к простоте. Бахтин оделся, оглядел себя в зеркале. Из светлого проема глядел на него вполне подходящий Парижу щеголеватый господин.

Бахтин жил в обществе странном. В Петербурге был свет, был еще некий полусвет. И была жизнь, не поддающаяся определению. Нечто третье. Прекрасно одетые шулера, именитые авантюристы, ворующие драгоценности, роковые красавицы, разоряющие всех подряд. Ему постоянно приходилось сталкиваться с этими людьми, именно у них он перенимал привычки, вкусы, манеры.

И все же Бахтин остался доволен своим двойником. Набалдашником трости он провел по усам, подмигнул сам себе и пошел в утренний Париж. На углу улицы горели окна быстро. Бахтин вошел в узкую гремящую дверь, подошел к цинковой стойке.

В этот ранний час в бистро народ был совсем простой. Возчики, грузчики, двое полицейских и замерзшие проститутки, дремавшие в углу за столиком.

Хозяин, высокий, худой, с небольшой бородкой, с любо-

пытством взглянул на Бахтина, пригляделся, вытащил из-под стойки газету. – Это вы, месье?

Хозяин развернул «Фигаро», и Бахтин увидел свой громадный портрет.

Он взял газету в руки. Со страницы смотрел на него темный, как кавказец, очень похожий на него господин. Бахтин вернул «Фигаро» хозяину.

– Нет, нет. – Хозяин поднял газету и громко крикнул: – Ребята, вот кто сегодня в нашем баре.

Народ зашумел, придвинулся к Бахтину, потянул бокалы и рюмки. Хозяин достал из-под стойки запыленную бутылку, налил две большие рюмки.

– Это кальвадос, месье Бахтин, выпейте с нами. В газетах пишут, что вы спасли честь Франции. За вас, месье! За Россию! За Францию!

Бахтин одним глотком осушил рюмку. Неведомый ему напиток был крепок и напоминал фруктовую самогонку.

Хозяин налил еще. Бахтин жал чьи-то руки, с кем-то чокался, кого-то благодарил. Наконец ему удалось забиться в угол, взять большую чашку кофе и мясное рагу. После выпитого есть хотелось чудовищно, и он расправился с тарелкой в одну минуту. Вот теперь-то и закурить можно. Бахтин достал портсигар, вынул папиросу. Он успел затянуться всего один раз, как у стола возник человек.

Незнакомец приподнял котелок и спросил по-русски. – Господин Бахтин?

Бахтин посмотрел на него и все понял. Разве можно было перепутать его с кем-нибудь?! Ах, эти усы, ловко, по-военному сидящий пиджак, короткий поклон головы. Глаза, глаза главное. В них словно отражалось здание на Гороховой, близкого сердцу Охранного отделения. – Чем могу? – Бахтин пригласил присесть.

– Позвольте представиться, ротмистр Люсьтих. Чиновник для особых поручений при министре внутренних дел, статский советник Красильников просил вас, Александр Петрович, посетить его нынче.

– Красильников? – переспросил Бахтин, вспоминая. – Так точно, Александр Александрович.

– А где изволит располагаться господин Красильников? – На Рю-де-Гринель, в посольстве.

– Благодарю вас, господин ротмистр, непременно буду. Не желаете ли выпить или кофе спросить? – Благодарствуйте, другим разом. Честь имею. Ротмистр поднялся, сдвинул каблуки. Бахтину даже показалось, как малиново звякнули шпоры. Он допил кофе, пошел к стойке рассчитываться.

– Нет, – увидев деньги, сказал хозяин, – сегодня за счет заведения. Такой гость – лучшая реклама.

Бахтин поблагодарил и, выйдя на улицу, подумал о том, что на заводе к коммерции совсем иной подход.

Бахтин вышел из бистро. Париж раскинулся перед ним. Промытый дождем, радостный и незнакомый. Постукивая тростью, он шел по улицам, сворачивал в узенькие кривые

переулки. Это было его первое свидание с Парижем. Он и город. Один на один.

Как удивительно быстро бежало время. Вот уже и одиннадцать часов.

Ажан на углу Севастопольского бульвара и улицы Сен-Дени объяснил, как попасть на Рю-де-Гринель. Время еще было. Бахтин зашел на террасу кафе. Спросил пива.

На улице в жаровне лопались каштаны, их сладковатый запах окутывал округу. Целовались в углу влюбленные, о чем-то жаростно спорили два солдата в красных штанах. По улице неторопливо шли люди. И Бахтина охватило странное чувство свободы, которое он испытывал только в детстве, когда приезжал из корпуса в имение на Орловщине, где его дядя служил управляющим.

Господи! Как чудовищно скован он в Петербурге. И это не работа. Нет! Жизнь, полная глупых условностей. Замундиренная, разложенная по полочкам жизнь.

С раннего детства ему внушали, что можно, а чего нельзя, что прилично, а что нет. И эти глупые наставления, родительские, офицера-воспитателя в корпусе, ротного в юнкерском училище, старшего по чину в службе, висели на человеке, словно тяжкие вериги. Да еще литература добавляла свою лепту. Мрачная, исповедальная, душу разворачивающая русская литература.

А часы прицокали к полудню. Пора к статскому советнику Красильникову. У ворот посольства уже знакомый рот-

мистр. – Прошу.

Мимо привратника ротмистр провел Бахтина, не к входу в посольство, а правее, к зданию консульства. Дубовая дверь в первом этаже.

Они вошли в небольшую комнату. Вдоль стены обычные канцелярские шкафы. Три письменных стола, на одном пишущая машинка «Ремингтон» и, конечно, громадный сейф. Два зарешеченных окна, выходящих во двор.

За одним из столов сидел чиновник. И хотя он был в партикулярном парижском пиджаке и пестром галстуке, Бахтину показалось, что надет на нем зеленый мундир его родного департамента. Чиновник встал, наклонил голову. – Александр Александрович ждет.

Вторая комната производила совсем другое впечатление. Обставлена она была дорого и со вкусом. Из-за стола красного дерева, поднялся высокий человек и протянул руку.

– Рад, душевно рад видеть знаменитость нашу.

Голос у него был низкий, приятный, с модуляциями. Так обычно говорят провинциальные трагики.

Бахтин пожал протянутую руку, оглядел этого щеголеватого господина и понял, что перед ним заведующий иностранной агентурой Охранного отделения.

– Что ж вы, голубчик, Александр Петрович, нас, коллег-то, игнорировали? Нехорошо, нехорошо.

– Александр Александрович, – Бахтин сел в кресло, устроился удобно, положил руки на головку трости, – вы уж

меня по вашему делу не берите. Министерство у нас одно, а служба разная.

– Так и знал, так и знал, – замахал руками Колесников, – вечный спор сыска и охраны, кто же благороднее. Но все равно своих забывать нельзя. Мало ли что.

– Господин статский советник, вы пригласили меня для того, чтобы это сказать?

– Уели, уели, Александр Петрович, действительно позвал я вас по делу казенному. Хочу предоставить вам возможность еще лучше послужить государю императору. – Почту своим долгом. – Другого ответа и не ожидал.

Красильников нажал на головку серебряного звонка. Дверь отворилась, и в комнату вошел высокий, элегантный блондин.

Бахтин отметил для себя, что давно уже не встречал такого красивого мужчину.

– Прошу знакомиться, мой помощник, титулярный советник Мельников Борис Дмитриевич. Бахтин поднялся, кивнул, не подавая руки. Мельников сел в кресло у стола, раскрыл папку.

– Как нам стало известно, господин Бахтин, вы коротко знакомы с неким Дмитрием Степановичем Заварзиным.

– Да, я учился с ним в Первом московском кадетском корпусе, господин титулярный советник. Александр Александрович, – обратился Бахтин к Красильникову, – на каком основании мне, чиновнику VII класса департамента полиции

учиняется этот допрос? Видимо, вы располагаете указаниями директора департамента, господина Белецкого. Если это так, прошу показать мне полномочия.

– Александр Петрович, вы неправильно поняли Бориса Дмитриевича. Не допрос это, не допрос. Просто наружное наблюдение срисовало вас, когда вы разговаривали с Заварзиным в ресторане.

– Да, действительно, я увидел в ресторане господина очень похожего на моего соученика Заварзина. Я подошел к нему, но тот сказал мне, что я обознался и что он австриец.

– Правильно, – усмехнулся Мельников, – вы даже рукопожатием не обменялись. – А, собственно, что сделал Заварзин? Кто он?

– Вам показать можно. – Мельников вынул из папки листок, протянул Бахтину.

«1) Известный департаменту полиции по моим докладам от 13 октября 1911 года за № 245 и по следующим бывший студент Московского университета из дворян Московской губ. Зарайского уезда Дмитрий Степанов Заварзин (партийные клички „Гоголь“ и „Петр Петрович“, в наблюдении „Дунайский“) проживает по адресу улица Данфер-Ромеро, № 7, меблированные Комнаты Борто...»

– И давно мой однокашник балуется социализмом? – усмехнулся Бахтин.

– Достаточно. Могу вам сказать, что он весьма заметная

фигура в политической эмиграции.

– Господа, – Бахтин откинулся в кресле, – чем же вам, специалистам в политическом сыске, может помочь человек, работающий по уголовной преступности?

– Нам стало известно, что в Варшаве социалисты совершили экс...

– На русском языке это экспроприация? – перебил Бахтин Мельникова.

– Так точно. Они ворвались в квартиру графини Замайской, связали прислугу, тяжело ранили лакея и унесли драгоценности. Нам стало известно, что драгоценности они прячут в библиотеке русских социалистов на улице Брона. Там завтра в три они собираются.

– Я, как полномочный представитель МВД Российской империи, считал необходимым, чтобы именно вы арестовали преступников. Тем более что эксакция уголовная.

«Неужели они считают меня за идиота, – подумал Бахтин, – ведь именно я вместе с начальником Московской сысской полиции Кошко арестовал латышей из рижской банды. У них нашли и ценности, правда, не все!.. При чем здесь социалисты?»

– Как я вижу, вы раздумываете. Вы, видимо, забыли, какую неопределимую услугу оказал нам господин Путилин, ставший потом начальником Петербургской сысской полиции.

– Господин Красильников, мне неизвестны мотивы, по которым господин Путилин ввязался в историю с фальшивыми

письмами Чернышевского...

– Так уж и фальшивыми, – перебил его Красильников, – просто в сенатской комиссии много либералов.

– Я опираюсь на факты. А если вы считаете господ членов сенатской комиссии сочувствующими социализму, то мне сказать нечего.

– Господин Бахтин, не о Путилине нынче речь. Вы можете нам?

– Мне надо подумать, господа, я дам ответ завтра. Честь имею. Бахтин встал, надел шляпу и вышел. – Вы ему верите? – спросил Мельников.

– А куда он денется, – засмеялся Красильников, – небось сейчас идет и думает, как новый орденок вне срока получит.

Нет, не о новом орденке думал Бахтин. Совсем не о нем. Он снова шел сквозь Париж, но на этот раз прогулка не радовала его. Слишком неприятным был разговор в посольстве. Ну куда только не залезет вездесущая охранная полиция! Им-то он должен помогать. Какой же он дурак, не вспомнил шифровки, которую он лично отправлял заведующему заграничной агентурой с просьбой установить, где находится мошенник, граф Коралли. Два года минуло, а ответа все нет. Они через французов установили его квартиру, и чиновник для поручений Ястребцов ездил арестовывать графа.

Нет, господа. Свои дела обдeldывайте сами. Он уже направился было к гостинице, как что-то остановило его. Заварзин. Конечно, Митя Заварзин придет завтра в эту библиоте-

ку и его арестуют, как уголовного.

«Ну и что? – сказал кто-то внутри него, – пусть. Он же даже руки тебе не подал. Говорить с тобой не захотел. Как же так?»

– А так, – ответил Бахтин тому невидимому, злому, ехидному, – мы же однокашники, друзья детства и юности. Мы должны помогать друг другу. А Митя поймет, потом, но поймет.

«Господа, помните, что вы не просто будущие юнкера или студенты. Вы члены одного военного ордена. Корпус сплотил и воспитал вас. Вы стали крепки физически и духовно подготовлены к сложностям жизни. Теперь вы как братья. Помните это, господа, и не забудьте главное, при первой возможности, по первому зову или без оного вы должны прийти на помощь друг другу».

Так напутствовал их при выпуске начальник корпуса генерал Богданов.

Пришли ли ему, Бахтину, на помощь друзья в тяжелый для него день?

Пришли. Они собрали свои жалкие юнкерские деньги, оторвав их от так необходимых молодым людям расходов, а потом, в зале суда, два ряда заняли весьма решительно настроенные молодые подпоручики. Они бурно хлопали адвокату, со значением поглядывали на присяжных.

После приговора они на руках вынесли Бахтина из зала суда.

Нет. Не простили бы друзья юности ему подобного предательства.

Итак, адрес Заварзина: улица Данфер-Ромеро, 7. Интересно, наружное наблюдение пасет его постоянно или они шли за ним только в те дни, когда агентура дает сведения о каких-то встречах объекта.

Наверное, скорее последнее. Зачем постоянно «водить» человека, находящегося в активной агентурной разработке.

Бахтин зашел в кафе, выпил кружку пива, съел горячие сосиски и заодно выяснил, как попасть на улицу Данфер-Ромеро.

Через час он уже узнал у консьержки, что русский господин дома, и, осмотрев здание, убедился, что второго выхода нет.

Идя сюда, Бахтин несколько раз перепроверился. Хвоста не было. Теперь нужно посмотреть, поведут ли Заварзина от дома.

Напротив подъезда находилась маленькая кондитерская. Бахтин сел у окна, спросил черный кофе, коньяк и пирожные. Милая дама немедленно выполнила заказ, да и в общем-то это было не мудрено, Бахтин был единственным посетителем.

Мраморный столик весь изрисован женскими головками, стройными ножками, какими-то домами и башенками, затейливыми фонарными столбами. Видимо, здесь по вечерам собирались веселые монмартрские художники со свои-

ми прелестными подружками.

Бахтин несколько раз встречал эти веселые компании. Он завидовал им. Той простоте, с которой они держались, свободе одежды и вообще свободе. Как ему хотелось сбросить пиджак, сорвать тугой воротник рубашки, выкинуть галстук и бродить вместе с этой отчаянной публикой по кабачкам и мастерским. Петь, любить, драться.

А главное, все это было вполне реальным и сбыточным. Пиши прошение об отставке, продай тот малый скарб, который нажил за годы службы, – и в Париж!

Все просто, как грабли. И вместе с тем сложно, как телефон Эриксона.

Бахтин курил, разглядывал рисунки, ждал. Ждал, когда из дверей дома выйдет Митя Заварзин.

И он вышел. Слава Богу! Долго ждать не заставил. А вот теперь нужно проверить, нет ли за ним хвоста. Нет. Бог милует. Все чисто.

Заварзин шел по улице спокойно, не оглядываясь. И Бахтин внутренне похвалил людей Красильникова. Работу они свою знали.

А Заварзин шел по улицам, постукивая тростью. Легко шел. Так обычно ходят люди, когда у них настроение хорошее.

Они прошли бульваром Сен-Мишель, оставив слева Люксембургский дворец, миновали Дворец правосудия. На улице Сен-Дени Бахтин чуть не потерял Заварзина, и заметил

его, когда он свернул в узкую улочку, ведущую к рынку.

Улица Венеции была пустой, узкой, как щель, казалось, встань посередине, подними руки и коснешься стен домов.

Уже стемнело, и улицу освещали три газовых фонаря, прикрепленных к стенкам домов коваными кронштейнами.

Заварзин быстро шел вдоль правой стороны улицы и вдруг исчез, словно вошел в стену.

Бахтин приблизился и увидел узкую дверь, на которой была выжжена бутылка и рюмка. Он толкнул ее. Три ступеньки вели вниз. В освещенную маленькую залу. Обитая цинком стойка, пол, посыпанный опилками, семь столиков. У дверей сидели двое в картузах и куртках, в углу за столом – Заварзин и еще один, незнакомый.

Бахтин подошел к их столу, придвинул ногой стул и сел.

– В чем дело, – спросил Заварзин, – ты что, Бахтин?

– Не бойся, я тебе руки протягивать не буду, – Бахтин тростью сбил на затылок котелок, – тебе, Митя, не придется здороваться с полицейским.

– Полицейским? – прищурился товарищ Заварзина, – вы полицейский?

– Так точно. Чиновник для поручений Санкт-Петербургской сыскной полиции, надворный советник Бахтин. А вы кто? – Отвечать обязательно?

– Нет, – резко сказал Заварзин, – нам с ним и разговаривать-то не обязательно. Что тебе нужно, Бахтин?

– Я мало знаком с вашим учением, Митя, тем не менее я

пришел к тебе как друг, чтобы еще раз, – Бахтин произнес эти слова со значением, – помочь тебе. – Ты? Мне?

– Представь себе. Я не буду ничего говорить вам, скажу только одно. Не ходите в вашу библиотеку завтра. Там кто-то подложил ценности с крупного варшавского налета, за эти цапки вас и хочет повязать Красильников.

– Что? Что? Повязать? – засмеялся товарищ Заварзина. – Это по-каковскому?

– По-блатному это, милый господин, по фене то бишь.

– Откуда ты знаешь? – побледнев, спросил Заварзин.

– Знаю, и не только это. Так что помните, не ходите туда.

Кстати, если один из вас агент охранки, то продавать меня не советую. Меня здесь не было, и есть в Париже люди, которые подтвердят это.

– Как вы смеете, – неизвестный вскочил. Был он высок, плечист, ловок.

– Смею, – Бахтин встал, – смею потому, что жизнь такая. Счастливо оставаться. Он повернулся и вышел.

Уже на улице он подумал, что вел себя как мальчишка. Нельзя было говорить при свидетеле. Нельзя. Но что сделано, то сделано, жалеть поздно.

И он пошел по улице Сен-Дени. Уверенно. Постукивая тростью. На углу Реомюр и Сен-Мартен он уже совсем успокоился и, дойдя до гостиницы, твердо решил завтра уехать.

У здания департамента полиции белый авто кабриолет передним колесом ударился в выбоину, подскочил, оглуши-

тельно выстрелил и окутал набережную синеватым дымом. Околоточный надзиратель, проверявший патент у лоточника-разносчика, повернулся и стремительно лапнул кобуру.

А авто выстрелило еще раз, потом сыграло первые два такта модной шансонетки и покатило дальше, распугивая лошадей и заставляя креститься случайно попавших на Фонтанку монашенок.

Красные узкие колеса несли по набережной отделанную золотом механическую карету. Она летела, победно играя клаксоном, обгоняя матерящихся кучеров, отражаясь в зеркальных окнах подъездов.

У номера 62 авто остановилось. Присяжный поверенный Усов, чертыхаясь, выбрался из узеньких дверей механической каретки. Нет, к черту. Конечно, двадцатый век, прогресс, но он за консервативную широкую пролетку с мягкими рессорами.

– Поганая, братец, у тебя колымага, – сказал Усов затянутому в кожу шоферу и, тяжело опираясь на трость, пошел к подъезду.

Солнце переливалось в узор зеркальных стекол, золотило львиные головы ручек. Да и дверь не простая, а из дорогого черного дерева, вывезенного Бог знает откуда, не то из Африки, не то из Индии.

Широко, широко начинал столичную жизнь Григорий Львович Рубин. Вот и швейцар дверь распахнул, ливрея, как мундир генеральский, шапка золотом расшита. А рожа-то,

рожа. Что и говорить, мужик здоровый. Нет, не просто швейцара держал Рубин. Это был страж, защитник, телохранитель. А откуда взял его Григорий Львович, сразу ясно стало, стоило увидеть синее пятно татуировки на руке.

В прихожей пахло сырой штукатуркой, кожей и скипидаром. На стенах висели батальные полотна Гро, стояла новенькая кожаная мебель, но ковры еще не постелили, и они лежали, свернутые в здоровые трубы.

Швейцар принял котелок и трость. Усов достал массивный золотой портсигар, закурил. Что и говорить, прихожая просто кричала о богатстве, ярком, бьющем в глаза. Но Усов знал, что картины Гро рисовал хозяину спившийся живописец Аброханцев, что старинная бронза фигур и светильников была сработана в Евпатории, в мастерской некоего Градусова, и что вся эта старина такая же подделка, как и сам хозяин.

По ступенькам сбежал Анатолий Арнольдович, секретарь Рубина, человек без возраста и национальных признаков. Жгучий красавец, с тонкой ниточкой пробора в набриолиненных волосах. Его можно было бы вполне принять за грека, если бы не светлые зеленовато-серые глаза.

О нем Усов почти ничего не знал, правда, поговаривали, что Анатолий Арнольдович Зоммер неплохо знал места Сахалинские, да и в Нерчинском остроге был своим человеком.

– Петр Федорович, – Зоммер по-военному наклонил голову, – честь имею.

– Здравствуй, голубчик, – Усов кивнул, но руки не протянул, – где сам-то?

– Григорий Львович ждет вас в малахитовой гостиной. – В какой? – изумился Усов. – В малахитовой. – Хозяин у тебя прямо императрица Екатерина. – Григорий Львович человек с размахом. в внимательно поглядел на ничего кроме любезности не выражающее лицо Зоммера. Да, сумел Рубин подобрать себе людей. Швейцар Семен, каторжное отродье, грабитель и убийца, необыкновенной силы, ему человека зарезать, что плюнуть. Зоммер этот. Да и шофер Кацинский не лучше.

Увяз, Петр Федорович, увяз. И промахнулся-то разок. Черт попутал. Нужна ему была подделка купонов. Правда, имелось за Усовым еще кое-что, о чем он старался не вспоминать. Об этом думал Усов, поднимаясь по мраморной, покрытой ковром лестнице, проходя анфилады комнат. Мелькали картины, мраморные фигуры, бронзовые лампы, ковры, красное дерево, птичий глаз.

Все в доме этом было нарочито ярким и броским. Стены обиты штофом, дорогой паркет, мраморный мальчик, достоящий занозу, словно кричали: «Скорее удивляйся, какие мы богатые!»

Малахитовая гостиная была похожа на декорацию к спектаклю из боярской жизни. По углам комнаты сидели нелепые каменные птицы, такие же чудища, только с огромными хвостами, украшали пол, выложенный зеленой каменной

плиткой. Нелепые, под старину, кресла, нелепый стол.

Рубин поднялся навстречу Усову из-за какого-то сооружения, напоминающего гробницу. Был он не по утреннему времени в смокинге, грудь рубашки замялась, лицо припухло. Чувствовалось – хозяин еще не ложился. Он стоял перед Усовым, раскачиваясь с каблука на носок, словно демонстрируя лакированные штиблеты. И Петр Федорович в который раз подивился странному ощущению. Рубин словно ускользал от него. Была в нем некая неприметность, стертость какая-то. Выйди он из комнаты, память сломаешь, пока лицо его вспомнишь. А в общем-то весьма милый человек, росту выше среднего, худощавый, лицо белое, чуть веснушками присыпано. Самую малость. Глаза карие, маленькие, правда, нос прямой, рот крупный, губы яркие, словно налитые.

– Рад, рад. – Рубин взял Усова под руку, потащил к каменному страшилищу.

– Ну как? – Григорий Львович даже в сторону отступил, давая гостю возможность увидеть сооружение из малахита. – Что – как? – усмехнулся Усов. – Стол нравится?

– Это стол, никак? Я-то думал, камень надгробный.

– Что ты, что ты. – Рубин трижды плюнул через левое плечо, выхватил из жилетного карманчика высохшую птичью лапку, зажал ее в кулаке.

– Значит, стол, говоришь. – Усов опустил на странное сооружение из камня и малахита. – А это, видать, кресло. –

А что?

– А то, что не уважаешь ты гостя. Жестко, да зад коченеет от камня. Прикажи мне нормальное кресло принести.

И пока молчаливые лакеи несли кресла и какую-то выпивку и закуску, Усов обошел гостиную.

– Так, – Петр Федорович усмехнулся, – решил поразить столицу?

– А что? – Рубин налил коньяк в большие рюмки. – Тебе бутерброд с икрой или...

Усов подошел, зачерпнул ложкой икру из серебряного жбана, положил на маленькую тарталетку. – Давай.

Они выпили молча, не чокаясь. Усов выпил одним глотком. Он любил и умел выпить, видимо, это было наследственным. В его купеческом, старомосковском роду мужчины умирали, дожив до глубокой старости, до последних дней крепко выпивая и закусывая.

Рубин пил мелкими глотками, кадык на шее дергался, на лице было написано отвращение, так пьют необходимое, но чудовищно невкусное лекарство.

Из всех напитков Григорий Львович предпочитал сладкие наливки, ликер и «Донское» шампанское. В общем, все сладкое. Но коль скоро ты уже в Петербурге и дом у тебя высшего шику, нужно пить то, что любят аристократы.

Усов налил себе еще полбокала. Но не стал пить, любясь, как солнце отражается в цветных гранях. Он знал толк в посуде. Этот рубиновый хрусталь был подлинным и старым,

сработанным русскими умельцами для столовой петровского фаворита князя Меншикова. Усов сделал глоток и поставил бокал. – Хрусталь-то хорош. Подлинный. – А остальное, ты думаешь...

– А что мне думать-то. Я-то знаю, кто для тебя французские картины рисует и ткёт фламандские гобелены. – Неужто так заметно? – обеспокоился Рубин.

– Не переживай. Мне заметно, а те, кого ты будешь приглашать, они Левитана от Клевера не отличат. – А кого же, по-твоему, я буду приглашать?

– Ты коньяк-то брось, брось маяться с коньячком. Налей своей запеканки. Когда никого нет, пей свой местечковый напиток.

– А и то правда. Никак не привыкну к этим изысканным винам да коньякам.

Рубин почему-то подошел к окну и из-за шторы достал графин.

– Ты что это, брат, словно от жены прячешь, – захохотал Усов.

– Да нет. Просто он так всегда под руками и не видит никто. Так кого же я приглашать буду?

Усов порылся в сигарном ящике, достал сигару, обрезал кончик щипчиками, закурил и, выпустив ароматный клуб дыма, ответил:

– Кого? Пригласить-то, Григорий Львович, ты можешь любого, а вот кто пойдет к тебе...

– Черт с ними. Сначала пусть полусвет, писатели, актеры, потом прознают о моих вечерах и аристократы потянутся. – А зачем они тебе?

– Нужны, нужны. Ты думаешь, я зря с Большого Канатного переулка в Одессе перебрался в столицу? – Думаю, что нет.

То-то. Приготовь документы, я покупаю две кинофабрики в Москве и три в Питере. И кинематографы на Невском. Пиши. Невский, 67, «Сатурн»; Невский, 80, «Паризьен» и «Пикадилли» в начале проспекта.

– Вот тебе и раз! – удивился Усов. – Ты же хотел прииски купить.

– Золотопромышленники – особый круг. Они чужака не примут. Да и потом, у них служба осведомления почище сысканой работает. А синема дело новое и прибыльное. А потом актрисы. Всякие там Веры Холодные да Ольги Станевские. А! – Рубин захохотал. – Что ж, можно подумать.

– Потом надо свой киножурнал выпускать. Да газету купить какую-нибудь. – Газета – это дело. Это общественный рупор.

– Правильно изволил заметить. Так этот рупор я против полиции направлю. – Не боишься? – Ты ее на подставное имя купишь. – Не много ли в нашем деле подставных?

– Ничего, ты, Петр Федорович, человек с головой. А потом я же тебе два министерских оклада плачу. На прочее. – Рубин бросил на ларец номер «Биржевых ведомостей». – Чи-

тай, как некий Кузьмин расписывает дело Гохманов. – А ты думал, как это будет? – Ты же заплатил деньги. – Я же говорил тебе, что Геккабуш не взял. – Сволочь, чистоплюй!

– Не расстраивайся, есть пара литераторов, они так это дело распишут, что твои братцы Гохманы невинными жертвами окажутся. – Теперь этот Бахтин.

– Опытный криминалист, пожалуй, после Путилина у нас такого не было. – Он тебе вроде бы нравится? – А почему нет. Нравится. Честный, смелый... – Ты на себя погляди лучше.

– Не обо мне речь, Гришенька. Я в вашем дерьме по уши. Дорожки мне обратной нет. Но радуюсь я, когда находится человек, которого вы купить не можете.

– Петя, дружок, не вы, а мы. Мы, понимаешь! Это значит, и ты тоже. Так что девицу-то из себя не строй. Не надо.

– А ты что со мной так говоришь? – Усов грохнул бокалом о поднос. – Я тебе что, уголовник, жиган...

– Нет, нет, – тягуче повторил Рубин и шагнул к Усову.

Так они стояли друг против друга. Высокий, барственный Усов и совсем неприметный в сравнении с ним Рубин. Но была в этой неприметности некая злая сила, появившаяся не вдруг, а возвращенная годами кровавой борьбы за место в жизни. Именно так жил Григорий Львович все свои сорок лет. Именно эта сила привела мальчишку из маленького местечка Шполы в столицу.

Усов смотрел на Рубина. На сильные ноги, словно вросшие в малахит пола, на широкую грудь под мятой рубахой.

Усов знал, что на ней две татуировки – перекрещенные кинжалы и женская головка. Усов видел Рубина в бане и подивился его сильным рукам и мускулистым ногам, какие бывают только у гимнастов.

Да, этот человек пришел в Петербург навечно, его не столкнуть, не подвинуть.

– Так-то, Петя. – Рубин развернулся на каблуках, подошел к столу, налил себе запеканки, Усову коньяку. – Теперь так. Этот Бахтин мне на дороге второй раз становится. – Рубин сделал маленький глоток, поставил бокал на стол.

Вообще-то, он не любил спиртное. Пил только за компанию, даже свои сладкие напитки. И сигары Григорий Львович не любил. Раз уж считалось, что это принято среди богатых, так, значит, эту гадость непомерной крепости нужно сосать. Куда лучше асмоловские папиросы «Зефир». Крепкие, душистые.

Эх, надоело ему строить из себя аристократа, поехать бы в Одессу, поесть бы жареную колбасу на Привозе с серым мягким хлебом, а потом запить все это варенцом или молоком топленным с коричневой вкуснейшей пенкой.

И смокинг бы этот снять. Натянуть белый чесучовый костюмчик, рубашку апаш, морскую фуражечку с якорьком. Какое, впрочем, счастливое время было.

– Ты что замолчал-то, – Усов коньяк допил, – загрустил ты что-то, брат?

Воспоминания обожгли и погасли. И нет Одессы. Вообще

ничего нет: ни Привоза, ни фуражки, ни костюма из чесучи. А есть дом этот холодный, да забот куча.

– О Бахтине потом. Ты, Петя, должен встретиться с Громобоевым. – Подожди, Григорий Львович, он же...

– Петя, ты деньги получаешь, чтобы с такими, как Громобоев, встречаться. Он крупнейший скупщик краденого в Питере. Остальные помельче – Шосток, Гаврилов, Фост. – Они тоже нужны?

– Да, нужны все. Мы сначала их к рукам приберем, а потом уж жиганьем займемся. Поезжай в департамент полиции к Козлову. Завези ему жалованье, пусть даст адреса всех петербургских скупщиков. И напomini ему, что хоть он и стал действительным статским и «вашим превосходительством», это я его из приставов в генералы вывел. – А зачем напоминать-то?.. – Работать перестал. Напomini, напomini ему. – На Бахтине-то что?

– Бог с ним пока. Ты, Петя, этими делами займись. – Рубин проводил Усова до дверей. Подошел к окну. Вот дверь распахнулась, вылез на улицу нахохленный Усов, полез в авто.

Все правильно, не надо было купоны фальшивые в оборот пускать, тогда бы и жил, как хотел, дорогой Петр Федорович. А теперь служи. За то тебе и жалованье платят, и долю с прибылей. Рубин позвонил. На пороге появился Зоммер. – Слушаю, Григорий Львович. – Где Жорж? – Внизу, с людьми. Позвать? – Не надо, я сам спущусь.

Секретарь обогнал его, почтительно раскрывая двери. Рубин шел, глубоко засунув руки в карманы брюк с атласными лампасами. Смокинг мешал ему, и он скинул его прямо на пол. Зоммер стремительно подобрал его, перекинул его через руку. Шутка ли, тысячный смокинг, в Париже пошитый.

По широкой лестнице Рубин сбегал вниз, недовольно принюхиваясь к запахам штукатурки и скипидара. Пора, пора кончать этот ремонт. Затянули черти. И Зоммер понял недовольство хозяина.

– На ночь все откроем, продуем, запах исчезнет. Так что не беспокойтесь.

Рубин спустился в прихожую, отодвинул штору, открыл маленькую узкую дверь. Этот ход вел в соседний дом, тоже купленный Рубиным. И если парадные покои поражали помпезностью, то второй дом был самым обычным, и обстановка была типичной для квартиры одесского маклера средней руки.

В доме этом сидели бухгалтеры и кассиры, в подвале была ювелирная мастерская, да еще некое печатное дело располагалось. На втором этаже жил Жорж со своими людьми. И сейчас Рубин нашел их в гостиной, Жорж и еще трое играли в карты. В гостиной приятно пахло дорогим табаком и можжевеловой водкой. Иначе чем еще можно было объяснить этот лесной запах.

Игроки, увидев Рубина, положили карты и встали, но не вскочили поспешно, как делал это Зоммер, а поднялись сте-

пенно, с достоинством. Эти люди знали себе цену. В блатном мире, везде, где подчиняются воровскому закону, это были князья налетов и грабежей. Рубин пожал всем руки, сел за стол, взял медовую карамельку из вазы. Жорж кивнул одному из своих людей, тот вышел и через несколько минут принес две бутылки с длинным горлышком. Зоммер взял с буфета бокал, со сноровкой официанта протер его салфеткой, поставил перед Григорием Львовичем. Потом, замотав салфеткой горлышко бутылки, вытянул штопором пробку, налил в бокал шипучий, манящий напиток.

– «Фиалка», – радостно засмеялся Рубин. – Вода «Фиалка». – Он взял стакан в руку и начал пить маленькими глотками пузырящийся напиток. В нем была горькая сладость детства, точно на пляжах Ланжерона, ностальгия по последней станции Фонтана. Только в Одессе делали эту воду на фабрике братьев Вебер. Подобрело на душе у Рубина, хорошо ему стало, ласково.

– Спасибо, ребята, – Рубин вылил в бокал остатки воды. – Ах, спасибо. Жорж, где у вас здесь телефон? – В соседней комнате.

Григорий Львович встал, вышел в соседнюю комнату, обставленную точно так же, как гостиная, с литографиями маленьких южных городов на стенах. Он снял наушник.

– Барышня, 36-17, пожалуйста... Спасибо... Алло, можно ли пригласить к аппарату его превосходительство господина Козлова? Жду... жду... Ваше превосходительство... Ру-

бин... Как здоровье ваше?.. Рад... Весьма рад... Дома, надеюсь, тоже все в порядке... Всего один вопрос, Михаил Иванович... Наш друг когда выезжает из Парижа?.. Завтра?.. Значит, послезавтра будет в Вержболово. Понятно., понятно... Спасибо... желаю здравствовать. Рубин вышел в соседнюю комнату.

– Жорж, Бахтин будет в Вержболово послезавтра. Берите мой мотор и на вокзал. – А что делать с ним? – спросил Жорж. – Что делать? – Рубин внимательно смотрел на Жоржа, так внимательно, будто впервые видел этого молодого крепкого человека. Рубин любил, чтобы его окружали красивые люди. И Жорж был так же, как и Зоммер, хорош собой. Только приятность его была северная, блондин с тонким лицом, с прекрасными манерами. Он был из бывших лицеистов, запутавшимся в карточных долгах, убившим свою престарелую любовницу и обокравшим ее. Следы он скрыл так искусно, что на каторгу попал племянник покойной, а Жорж нашел возможность легкого заработка, пристрастился к револьверу и ножу, организовал в Курске банду попрыгунчиков. В белых саванах, привязав к ногам пружины, они, страшно подпрыгивая, ночью появлялись перед жертвой. Шок или глубокий обморок. По городу ходили самые нелепые слухи. А все кончилось просто: из Питера приехал Бахтин с двумя надзирателями. Неделю, одевшись в богатые шубы, они все ночи изображали пьяных купчиков. На восьмой день попрыгунчики запрыгали к ним. Двоих сыщики

уложили на месте из наганов, одного взяли. Жоржу удалось уйти.

– Что делать? – еще раз повторил Рубин. – Смотри сам на месте. – Мы и замочить можем. – Мочи. – А не удастся? – Попугай.

Вот и все. Сон кончился. Уплыл за окном парижский вокзал. Уплыли два ажана в синем, девочка с бантом в розовом «кондитерском» платье, какие-то усатые господа, два французских офицера-кавалериста в черных мундирах с длинными саблями в серебряных ножнах, красивая дама в черном... Уплыл Париж.

Бахтин удобнее устраивался в одиночном международном купе. С бархатом, плюшем, медью блестящем, с настольной лампой под красивым абажуром. Наступило прекрасное время полной отрешенности от всего. Ты уже не в Париже, но еще и не в Петербурге. Ты свободен от всех, кроме себя. Можно читать книгу, просто бездумно курить, сбрасывая пепел в бронзовую пепельницу, или потягивать винцо, благо взял кое-что в дорогу. А можно просто закрыть глаза, наслаждаясь комфортом.

Он так и сделал. Крутеж последних дней, банкеты, милая крошка из кордебалета подутомили его. И Бахтин заснул. Разбудил его проводник, пришедший постелить постель. – Не желаете ли ужинать? – Желая.

– Здесь изволите, тогда я официанта приглашу, или в вагон-ресторан пойдете? – А далеко ли ресторан? – Следую-

щий вагон. – Послушай, братец, а нет ли чайку? – Непременно есть, господин.

– Тогда покрепче, а то французы и не знают, как чай заваривать.

– Да куда им, – проводник довольно засмеялся. – Сейчас смешаю вам байховый с фабрикой Бродского. Это аромат... Не желаете ли бисквитов и бутербродов к чаю? – А с чем бутерброды-то? – С рыбкой. – Нет, братец.

А за окном совсем стемнело, только огоньки, огоньки; вот маленький городок надвинулся. Островерхий, залитый фонарным светом. Площадь, костел, три кеба. И опять побежали и сразу оборвались улицы. Уплыл городок за последний вагон. Проводник появился. На этот раз поверх мундира надета белая куртка.

– Попробуйте чаек, а вот бутербродик с ветчиной из буфета взял.

– Спасибо, братец, – Бахтин, протянул ему деньги, – да не надо, не надо сдачи.

– Покорно благодарим. – Проводник исчез. Выпив необыкновенно вкусный чай и съев бутерброд, Бахтин опять закурил.

Движение поезда все ускорялось, скоро немецкая граница. В такт колесам дребезжала ложка в стакане. Бахтин не зажигал света. Спать не хотелось, читать тоже. На душе почему-то было спокойно и грустно. И вспомнил он тот самый проклятый день, когда попал в дом к присяжному поверен-

ному Глебову. Что он видел-то до этого: сначала кадет, потом юнкер, потом полицейский надзиратель.

Все женщины без исключения казались ему прекрасными, музыка божественной, а обстановка шикарной. Хозяин и его супруга, да и большинство гостей были настолько любезны и приветливы с ним, что смущение первых минут вскоре рассеялось. Где-то в середине вечера хозяин подвел к Бахтину девочку лет двенадцати.

– Рекомендую, Александр Петрович, моя дочь Елена.

Бахтин поклонился. Девочка посмотрела на него и спросила: – Вы офицер? – Нет, мадемуазель, я статский. – А где вы служите?

– Александр Петрович сыщик, он ловит воров и убийц, – сказал Глебов. – А это страшно? – По-всякому, мадемуазель.

– Вы мне нравитесь, – сказала девочка и протянула Бахтину руку. Он прикоснулся губами к тонким пальчикам, вдохнул запах свежести, исходящей от них.

Больше его никогда не приглашали в этот дом. Петр Петрович любил преподносить гостям сюрпризы. Шаляпин, Игорь Северянин, литератор Немирович-Данченко, генерал Куропаткин, даже Распутин побывали на его званых вечерах.

А в тот день – молоденький сыщик, романтическую историю которого знали многие. Для салона Глебова звезда Бахтина вспыхнула один лишь раз. А он ждал. Почти год надеялся, что ему протелефонируют приглашение или пришлют по почте. Потом уже, став опытнее, заматерев, изучив Петер-

бург, он понял, что в такие салоны допускаются люди типа Лопухина и его первых помощников.

В прошлом году служебная необходимость заставила его попасть на Троицкую, 13, в Театральный зал Павловой, на благотворительный маскарад в пользу увечных воинов. Маскарад этот устраивало Юридическое собрание, билеты стоили пять целковых, да еще в залах шла аукционная торговля.

Его отрядили туда по службе, вместе с четырьмя надзирателями и несколькими агентами. Предполагалось, что на маскараде будет работать шайка варшавских карманников. Главварь ее, Косоверий Ляховский, – так он числился по последнему паспорту, а настоящего имени даже он не помнил, – по кличке Граф, разыскивался сыскными полициями четырех губерний. Любой праздник был стихией Графа, особенно маскарад.

Бахтин видел его только на фотографии. С глянцевої картины глядел на него красавец с пушистыми шляхетскими усами. Голова была гордо вскинута, взгляд прямой, смелый. На обороте надпись по-польски с тремя ошибками в четырех строчках. Нежные пожелания некой Баське. Человек с такой запоминающейся внешностью должен был немедленно быть опознанным и арестованным. Но Граф был не таким. Усы наклеены, волосы... впрочем, он и сам, наверное, забыл их натуральный цвет.

В розыском производстве упоминалось вскользь, что, по словам Графа, он в молодости исколесил всю Россию с труп-

пами провинциальных театров. Филиппов говорил, что Граф Ляхове кий пользуется гримом.

Каким же ярким и красивым был маскарад! Бахтин замер у дверей залы, замороженный мельканием красок. С хоров лилась музыка, и зал вместе с ней двигался и пел. Перемешались в танце бояре и мушкетеры, домино и арлекины, дамы в кринолинах и пейзажи. Но многие, как и он, были в обычных костюмах и платьях, только маски закрывали их лица. Бахтин поправил узкую черную маску. Да, нелегко было в этой круговерти найти щипачей. Но некоторый опыт, недаром шесть лет отработал в летучем отряде, подсказывал, они всегда там, где благотворительная торговля. Бахтин еще раз внимательно осмотрел зал, его люди успели смешаться с толпой и стали неотъемлемой частью этого веселого водоворота.

Кто-то бросил в него конфетти; заглушая музыку, выстрелила над ухом хлопушка, обсыпав его серебристыми, словно снег, маленькими звездочками.

В человеческой сутолоке пьяняще пахло духами и пудрой. Маски летели мимо него, как во сне. Здесь нельзя было стоять и Бахтин полетел, поскакал по залу в такт одному ему ведомой мелодии. Ее не играл оркестр, она рождалась внутри него и несла, крутила по залу. Чьи-то руки крепко обвили его шею, кто-то поцеловал его в щеку горячими губами. Сегодня можно все, на то и маскарад!

Но все-таки, хоть и с сожалением, ему удалось вырваться

из веселой толпы. Благотворительный буфет и лотерея были на втором этаже, Бахтин поднялся по лестнице в большую залу, в которой были построены смешные теремки.

В каждом из них имелось большое окно, а в нем можно было увидеть красивую даму в кокошнике. Прелестная продавщица мило улыбалась целой куче мужчин в мундирах и фраках. Здесь цена бокала шампанского начиналась от двадцати пяти рублей и заканчивалась сотней. Здесь толпились только самые богатые люди столицы. Кое-кого Бахтин знал. Известно ему было, откуда у них эти сотенные и четвертаки, которые так небрежно падали на покрытый голландским полотном прилавок.

В суতোлке элегантных фраков Бахтин безошибочно отделил золотопромышленника Понарина от Виталия Граве, человека, собравшего состояние сводничеством. Он и сейчас содержал в десяти городах несколько тайных домов свиданий, азартно играл на бирже, давал деньги в рост.

А вот Сергей Гаврилов, один из крупнейших скупщиков краденого, с ним рядом Изя Майфельд, черный ювелир. В его мастерских переделываются украденные драгоценности.

Кого только нет в этой нарядной толпе. Сутенеры, игроки, мошенники...

А вот промелькнул человек хорошо знакомый: Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, сотрудник политохранки, выдающий себя за журналиста. Наверняка прошел сюда бесплатно по корреспондентской карточке.

Иван Федорович раздвинул острым плечиком толпу, пролез к прилавку. Бахтин тут же втиснулся в эту щель и увидел прелестную молодую даму, стоявшую за прилавком. Все в ней было удивительно знакомым. Безусловно, Бахтин ее видел раньше. Но где и когда?

А Иван Федорович выкинул сотню, взял бокал шампанского и выпил, неотрывно глядя на прелестную продавщицу. Потом поставил бокал, вытер белоснежным платком рот и сказал: – Кланяйтесь Петру Петровичу, Леночка. – Мерси.

И тут только Бахтин понял, что это была дочь Глебова. Из прелестного подростка она превратилась в красивую молодую даму. Но и обручальное кольцо Бахтин увидел сразу. «Вы мне нравитесь», – выплыл в памяти Бахтина детский голос. И почему-то вдруг заколотилось сердце и даже жарко стало. Господи, да что же это? Видел он дам, и даже красивее. Был у него жгучий роман с красавицей певицей из «Буфф» на Фонтанке, 114, Ириной Нечволодовой. Его ближайший друг журналист Кузьмин, познакомивший его с Ириной, сразу же предупредил, что дама сия не для него, так как Бахтин взятки не берет. Но все получилось. Почему-то тогда, в летнем саду «Буфф», он совершенно не робел, а сейчас... И все-таки он решил подойти к прилавку. Конечно, шампанское за сотню ему не по карману, но стакан лимонада за красненькую, куда ни шло. Бахтин снял маску, встретился глазами с Еленой Глебовой и понял, что она его узнала. – Добрый вечер, Елена Петровна.

– Это вы? – Женщина улыбнулась. – Вы пропали из моей жизни на тысячу лет. – Всего на десять, Елена Петровна.

– Разве? Вы здесь веселитесь, Александр Петрович? «Помнит имя», – обрадовался Бахтин.

– По мере сил, – улыбнулся он, – позвольте стакан лимонада. – Он положил на прилавок червонец. Елена Петровна протянула ему стакан и сказала:

– Я сейчас попрошу распорядителя, чтобы меня заменили. Угостите меня мороженым? – Конечно. Извольте. – Тогда идите к окну.

У окна, словно на заказ, стояло два жиденьких кресла, обитых светлым штофом. Бахтин взял мороженое и, держа блюдечко в руках, следил, как медленно оплывает розоватый кубик. Вот уже на доньшке блюда появилась розовая пленка, а Лена не шла. Вот начала опадать макушка, а ее все не было. Она появилась, когда почти весь кубик растаял.

– Ну и хорошо, – она взяла блюдце, – теперь точно не застужу горло. – Она села удобно, съела первую ложку. – А теперь давайте говорить.

Графа он так и не взял в тот вечер, резко изменивший всю его жизнь.

Елена была замужем за чиновником Министерства Императорского двора и уделов. Муж ее, статский советник Алексей Егорович Кручинин, был столоначальником в Департаменте уделов и занимался императорским имуществом за границей. В настоящее время он находился в Швеции. В том

году двоюродная сестра царя, великая княгиня Мария Павловна, вышла замуж за второго сына шведского короля Густава. В качестве свадебного подарка царь построил молодым дворец. Но мало того что построил. Шведская династия была не очень богатой и содержать великую княгиню было поручено министру двора и уделов графу Фредериксу. Вот почему статский советник Кручинин пять месяцев в году находился в Швеции. На этот раз он уехал на две недели, и отсчет дням этим только начался...

Год этот он прожил лихорадочно, горячечно как-то. Когда не было Кручинина летом, они уезжали на смешном прогулочном пароходе Островской линии на Крестовский остров. Садилась у Летнего сада и мимо Выборгской, Ботанического сада, Черной речки, Новой деревни, Славянки прямо на Крестовский остров. В знаменитый сад, который никогда не посещали знакомые Лены Кручининой. Там они обедали в дощатом, летнем ресторане.

Бахтина здесь знали, поэтому кормили отменно. Потом, ближе к вечеру, они уезжали к нему на Офицерскую. Когда же Кручинин был в Петербурге, то встречи их становились реже. Иногда она приезжала к нему на Офицерскую, иногда они уезжали на паровом трамвае со Знаменской площади до конечной остановки деревни Мурзинки и гуляли там по дороге вдоль рощи.

Перед самым Новым годом, кухарка Мария Сергеевна, вошла в его кабинет: – Барин, к вам господин. – Какой? –

Важный очень. Одет богато, как шулер. – Приси, – усмехнулся Бахтин. – За время службы у него Мария Сергеевна выработала собственную градацию социального положения его гостей. Бахтин надел пиджак и вышел в гостиную. В кресле сидел Глебов.

– Чем могу? – Он даже голосом не выдал своего волнения. Глебов подошел, протянул руку.

– Квартира казенная? – поинтересовался он. – Видимо, о трех комнатах?

– Да. – Бахтин пытался предугадать, когда известный петербургский златоуст перейдет к главному.

– Чин на вас, Александр Петрович, надворный советник, переводя на армейскую величину, подполковник. Стало быть, дослужились до звания ваше высокоблагородие. А жалованье ваше? – А, собственно, зачем вам?

– Зачем мне? – Глебов достал сигару, вынул из жилетного кармана золотые ножнички, обрезал кончик. – Позвольте спички. Бахтин взял со столика коробок, протянул ему.

– Мерси. – Глебов выпустил тугое облако дыма. – Итак, жалованье ваше со всеми надбавками за чин одна тысяча четыреста тридцать рублей в год. Так?

Бахтин молчал, догадываясь, куда направляет беседу Глебов.

– Взятки вы не берете, это я знаю доподлинно. Наградные к праздникам, за удачные дела – пусть пятьсот в год, столовые вы не получаете.

– Простите, Петр Петрович, кто дал вам право приходить ко мне и считать доходы? – Справедливо, милый друг... – Извольте говорить со мной без амикошонства.

– И это справедливо. Так вот, Елена мне рассказала все. Вы думаете, что я негодяй, не желающий счастья дочери. Ошибаетесь. Если бы она полюбила вас девицей и вы пришли ко мне, я бы отдал ее вам, правда, перевел бы вас на другую службу. – Куда же? – усмехнулся Бахтин.

– В ваш же департамент, чиновником, старшим письмоводителем, помощником столоначальника, потом столоначальником.

– Благодарю, Петр Петрович, я знаком с устройством департамента полиции.

– Но сейчас я не могу, чтобы Елена бросала мужа. Кручинин – господин со связями, вхожий в дом графа Фредерикса, вы можете опять попасть в историю. – Что вы хотите от меня? – Оставьте Елену в покое. – Это зависит не только от меня.

– Вот письмо. Подождите, не читайте. Елена делает это не только ради вас, но и ради нашей семьи. Когда-нибудь вы это поймете.

«Саша! Милый! Прости меня. Я отреклась от тебя, но так будет лучше для всех. Прости. Елена».

Бахтин подошел к окну. На мостовой околоточный надзиратель гонял прочь ломового извозчика. Околоточный грозил ему кулаком, затянутым в кожу перчатки, а извозчик,

видимо хвативший лишку, кланялся шутейно в пол, как купец Иван Калашников из спектакля Народного театра. – Что мне передать Елене, Александр Петрович? – Я выполню ее просьбу. – Честь имею.

Бахтин стоял не поворачиваясь. Скрипнула дверь, и Глебов сказал:

– Вы знаете, зачем я пересчитывал ваши деньги? – И, не дождавшись ответа, продолжил: – Их очень мало, чтобы устроить жизнь для женщины, привыкшей к определенному образу жизни, но одновременно очень много, чтобы потерять за один день. Дверь хлопнула. Бахтин так и не обернулся...

Наступила ночь. Немецкую границу миновали и покати́л поезд к Берлину.

А там уж и Эйдкунен, немецкая пограничная станция.

Над вокзалом Вержболово висели тучи. Они наплывали со стороны Варшавы и были угрожающе темными. Не просто черными, а с каким-то синеватым отливом даже.

Родина встречала плохой погодой. Первый, кого увидел Бахтин, был начальник жандармского пограничного управления полковник Веденяпин. Занимаясь делом братьев Гохман, Бахтину часто приходилось работать с ним, так как жандармский пограничный пункт выполнял чисто полицейские функции. Он искренне обрадовался полковнику.

Веденяпин увидел его в окне, приложил руку к козырьку, поспешил за вагоном.

Наконец лязгнули буфера, и состав замер у перрона. Веденяпин вошел в купе. Они крепко пожали друг другу руки.

– Александр Петрович, стоянка долгая. Милости прошу ко мне, закусить.

Бахтин спустился на перрон, заполненный толпой пассажиров, посмотрел на здание станции, украшенное чуть позеленевшим от времени орлом, и понял, что он дома. Чувство это было секундным, обжигающим и радостным. Разве ему плохо было в Париже? Наоборот. А вот приехал в Россию и вздохнул облегченно. Видно, такая уж его судьба. Видно, повязался он до могильного креста с этой нелепой и доброй страной.

Обедали они в кабинете Веденяпина. Обед был отменным, вино восхитительным. К кофе подали ликеры.

– А теперь за вас, Александр Петрович, за голову вашу светлую, за награду. – Полковник дотронулся пальцем до розетки Почетного легиона, в петлице бахтинского пиджака.

– Спасибо, Андрей Валерианович, от всей души. Я тоже за вас и за награду вашу выпить хочу.

– Как это? – Веденяпин даже покраснел от удовольствия.

– А вот, – Бахтин достал из кармана номер парижской «Официальной газеты», – здесь имеется правительственное сообщение о награждении вас орденом «За заслуги» и двух ваших унтеров медалями.

– Спасибо, Александр Петрович, уважили, спасибо. А то у моего-то предшественника Мясоедова восемнадцать ино-

странных наград было. А за что? Спасибо, не забыли. – Это не я, это французы да литератор Кузьмин.

– Светлый человек Евгений Петрович, нынче либеральные литераторы про наши полицейские дела писать стесняются, как бы в связи с департаментом не уличили.

– Русский либерал, – засмеялся Бахтин, – понятие особое. Презирать полицию у них признак хорошего тона. Бороться с судопроизводством – мужество. А почитайте статьи, послушайте речи, особенно в Татьянин день, об ужасах нашего Уголовного уложения. Люди, сидящие в тюрьмах, для них меньшие братья. Они забывают, что защищают убийц и разбойников. А еще Шекспир сказал, что ничто не одобряет порок, как излишняя снисходительность.

– Правы, голубчик, ох как правы. А теперь вот. – Веденяпин открыл стол, достал наган-самовзвод, протянул Бахтину.

– А зачем он мне, Андрей Валерианович? – с недоумением спросил Бахтин.

– Такое дело, мой дорогой. Мясоедов, о котором я изволил вспомнить, был, конечно, жуликоватый господин, но работать умел. Великий агентурщик. Часть своей личной агентуры передал мне. Так вот, один из них, по кличке Пекарь, дал мне информацию особо ценную, вас касающуюся. – Меня?..

– Да, голубчик, вас. Кому-то вы сильно на хвост наступили с делом братьев Гохман, поэтому вас и приказано убрать. – Кому? – Бахтин внутренне собрался.

– Кто исполнители, не известно, а организатор некий Жорж Терлецкий. Знаком он вам?

Бахтин сразу вспомнил эту фамилию. Пятидесятилетняя вдова сенатора Попова, убитая якобы племянником, дело попрыгунчиков. Хотя арестованные и не показали на бывшего лицеиста, но он стоял за этой бандой. – Так знаком он вам? – переспросил полковник. – Еще бы. – Опасный субъект? – Как и все.

– Так что берите наган и патроны. В соседнем купе, вы уж не обижайтесь, поедут двое моих унтеров в штатском, повезут в Питер кое-какие изъятые ценности. Заодно они за вами присмотрят. Веденяпин достал часы, щелкнул крышкой. – Пора, мой друг, пора.

– Покоя сердце просит, – в тон ему ответил Бахтин.

А на перроне маленький оркестрик играл вальс «На сопках Маньчжурии». Мелодия его была знакома и нежна. Внезапно в музыку оркестра ворвался медный, требовательный звон колокола, ему ответил свисток обер-кондуктора, басовито крикнул паровоз, задудел стрелочник. Это была музыка железной дороги. Симфония станций, баллада паровозов, элегия стальных рельсов.

И вновь серебристая трель обер-кондуктора. Вновь ему отвечает паровоз...

Выстрела Бахтин не услышал, просто пошло трещинами в двух сантиметрах от его головы вагонное стекло, а пуля мягко щелкнула в бархат обивки. Он рванул из кармана на-

ган, выскочил на площадку, стреляли с другой стороны, не с перрона, а от пакгаузов. Да какой там. Разве увидишь что. Поезд набирал скорость.

В Петербург приехали в полдень. Унтеры ловко подхватили немудреный багаж Бахтина. На перроне его ждали Кузьмин, старший надзиратель Литвин и пристав Литейной части полковник Савронский. Кузьмин – друг, Литвин – вернейший помощник, а при чем здесь Савронский? Видно, привалило дело какое-то срочное. Усевшись в пролетку, Бахтин спросил пристава: – Ну что, Гаврила Мефодьевич, плохо?

– Хуже некуда, голубчик Александр Петрович. Два трупа. – Кто?

– Да люди-то дрянные. Скупщики краденого. Гаврилов... – Сергей? – Ну да. Кровосос. И Шостак. – Борис. Старьевщик. Когда? – Одного третьего дня. А одного сегодня утром.

– Так что же у вас голова-то болит, – засмеялся Бахтин, – радоваться должны. Двух таких мазуриков свои же на тот свет отправили.

– Так, оно конечно. Только этих-то мы знали, а вот кто-то на их место придет? А потом у Гаврилова брат действительный статский советник, по благотворительному обществу... – Он, кажется, ночлежки содержит?

– Именно, голубчик. Но чин купил благотворительными взносами. Мундир с серебряным шитьем надевает, треуголку и – ко мне, в часть, и, конечно, скандал. А людей при нем кормится пол-Питера. Все время телефонируют, так повери-

те, я канцеляристу запретил звать меня к аппарату. – Труба ваше дело, – засмеялся Бахтин.

– Они очень за имущество пережинают, – вмешался в разговор Литвин, – имею данные, что Гаврилов Павел своему брату на хранение какие-то бумаги и драгоценности сдал. – Сведения-то верные? – спросил пристав. Литвин промолчал. Он на такие глупые вопросы не отвечал никогда, у него просто не было неверных сведений.

– Кто делом-то этим занимается? – спросил Бахтин.

– Гавриловым – я, а Шостаком – господин Панкратов с Нечаевым.

– Так чего же вы от меня хотите? – спросил Савронского Бахтин. – Все идет, как надо.

– Голубчик Александр Петрович, надеюсь только на вас, меня вчера полицмейстер вызывал. Лучше и не рассказывать. – Полковник махнул рукой и отвернулся.

Наверное, именно сейчас пришла ему в голову мысль, что напрасно он, прельстившись повышенным окладом, кормовыми, бесплатной квартирой да благодарностями от купечества, бросил тихую армейскую службу. Тянул бы себе ляжку в гарнизоне, стал бы батальонным командиром, а может быть, попал бы в уездные воинские начальники. Тихо, спокойно. А здесь? Литейная часть на виду. То кража, то убийство, то деонстрация. И спрос с него, с Савронского. А ему двух дочек надо за хороших людей устраивать. Кому пожалуешься?

А пролетка уже закончила свой путь от Варшавского вокзала до Офицерской. У подъезда дома стоял городской. Увидев Савронского, он подбежал к коляске, вытянулся. – Так что, ваше высокоблагородие, передал.

– Молодец, Тимофеев, – Савронский тяжело спрыгнул на тротуар, – иди себе с богом, братец, в участок. – Слушаюсь, – проревел городской.

Дверь им открыла Мария Сергеевна. Всплеснула руками, засуетилась.

– Голубчик вы мой, Александр Петрович, приехали. Слава Богу. А я-то здесь извелась совсем. Стол с утра накрыт, жаркое вот-вот поспеет, а вас все нет да нет.

– Здравствуй, Сергеевна, я тебе гостинчик из Парижа привез, вещи разберу и дам.

Маленькую квартиру Бахтина заполнили люди. Савронский с Кузьминым сразу пошли в столовую, Литвин на кухню.

– Гаврила Мефодьевич, дай ему Бог здоровья. – кухарка перекрестилась, – окороку, рыбки да фруктов вам прислал. Дай ему Бог благополучия всякого. Душевный человек.

Бахтин усмехнулся и подумал, что бы сказали постоянные клиенты милого полковника, услышав о его душевности. В определенных кругах Савронский слыл человеком нрава крутого и жестокого.

Сели за стол. Выпили по первой. Беседа только начала налаживаться, как звякнул колоколец входной двери. Сергеев-

на водрузила на стол фаянсовую миску с супом и бросилась открывать. В прихожей послышался ее голос: – Ой, батюшки... В столовую вошел Филиппов.

– Приятного аппетита, господа. С приездом, Александр Петрович, налей-ка, брат Литвин, мне рюмашку да семужки на вилку зацепи.

– Так к столу просим. – Бахтин подошел к начальнику.

Филиппов выпил, зажмурился, словно прислушиваясь, как водка проходит горло, разливается теплом в животе. Потом закусил со значением и сказал:

– Господа, сожалею очень, что нарушил вашу компанию. Но служба требует. Александр Петрович, собирайся, милочка. Дай вы, Гаврила Мефодьевич, поспешите, третий труп у вас.

– За что, Господи, – истово перекрестился пристав. – Ну чем я разгневал тебя? Ну почему не в Выборгской, не в Петроградской...

– Вы, господин полковник, – Литвин уже натягивал пальто, – не берите близко к сердцу. Там тоже своих хлопот хватает. – Можно мне с вами? – спросил Кузьмин.

– А почему нет? – Филиппов поправил котелок. – Я распорядился репортеров вообще не допускать. Думаю, дай другу заработок облегчу. – Кого убили-то? – спросил Бахтин. – Фоста. Карла Петровича. – Значит, третий, – мрачно подсчитал Литвин. – Труп, что ли?.. – зло спросил Савронский.

– Да нет, – продолжал мысль Литвина Бахтин, – скупщик краденого. Ведь кличка Фоста – Паук. Так, Орест? – Имен-

но, – Литвин распахнул дверь, – прошу. На лестнице Бахтин сказал Филиппову:

– Владимир Гаврилович, а ведь убийства-то эти наверняка связаны между собой.

– Оно, конечно, так, – вздохнул Филиппов, – но лучше, если бы их замочили порознь. Три разных жигана. – Почему?

– Искать легче. Один труп-то на себя кто-нибудь да возьмет, если поднапряжемся. А сразу три...

– Владимир Гаврилович, а вы уже подставки ищете?

– А как же, голубь мой, к градоначальнику не вас, а меня потянут. – Оборонимся как-нибудь. – Дай-то Бог.

И пока они ехали в пролетке, Бахтин думал, как рассказать начальнику историю о происшествии в Вержболово. Но Филиппов сам заговорил об этом.

– Мне в департаменте рассказали о том, что в вас стреляли. Поданным Веденяпина, это Терлецкий устроил.

– А как это докажешь? – Бахтин достал папиросу. Литвин ловко зажег спичку, закрыл ее ладонями от ветра, Бахтин глубоко затянулся. – Как докажешь-то? – повторил он.

– Я велел Бородину и Кацу начать его разрабатывать.

– Пора. А то он нырнул куда-то и никаких следов по сей день.

– А хоть бы и были следы, что ему инкриминировать можно было-то? За сенаторшу Велихову племянник сидит, курские налеты ему доказать не удалось. Что еще?

– Вот и плохо, Владимир Гаврилович, что мы по той по-

словице: «На охоту ехать – собак кормить».

– А вы, голубчик, хотите, как во Франции или Германии, или других просвещенных странах. У них сыщики – гордость общества, а у нас враги. Вот потому у нас так мало хороших криминалистов. Люди-то к нам идут не по призванию. Обстоятельства жизни да неудачи приводят человека в полицию. Ну вот и приехали.

У арки, ведущей во двор, стоял околоточный в новом форменном пальто. Он был совсем молоденький, видимо, только-только из полицейского резерва, поэтому все происходящее воспринимал со значением и важностью. Увидев начальство, он подбежал к пролетке, помогая вылезти Савронскому. У пристава было такое несчастное лицо, что Бахтин чуть было не расхохотался.

– Не печальтесь, господин полковник, – серьезно сказал Литвин, – господин Бахтин все ваши трупы поднимет.

– Дай-то Бог. – Савронский приподнял фуражку, перекрестил лоб.

Ну вот и опять работа. Опять все с самого начала. Бахтин вошел в глухой, как колодец, типично петербургский двор. Именно в таких должны были жить типы Достоевского. Именно эти мрачные задворки могли породить ту страшную петербургскую жизнь, так образно описанную писателем.

У подъезда стояли городовые, во дворе толпились любопытные. Фост владел четырьмя доходными домами в разных концах города. Контингент проживающих: мелкие чиновни-

ки, ремесленники, студенты, да и просто люди, выброшенные к этим мрачным причалам жизненным морем.

Бахтин хорошо знал такие дома. На них лежала особая печать. Переступив порог, ты должен был оставить во дворе все свои надежды и мечты. В таких домах находили приют воров, проститутки, беспатентные торговцы. И сейчас это шестизэтажное мрачное строение вызывало в нем некую неприязнь, словно живой человек.

Фост был одним из самых крупных и удачливых скупщиков краденых драгоценностей. В разных банках страны и в «Лионском кредите» у него лежало несколько миллионов. О его скупости ходили легенды. Один из самых богатых людей столицы жил в собственном доме в самой дешевой квартире, сам себе готовил, посылал дворника на рынок, в ряды, где торговали потрохами и мясными обрезками. Но в преступном мире у Фоста был непоколебимый авторитет и кличка Паук. Через этот дом прошло несметное количество краденого золота и камней.

– На шестой этаж, ваше высокоблагородие, – взял под козырек городской. – Высоко жил.

– Так к Богу ближе, – второй городской усмехнулся в усы.

– Орест Дмитриевич, – Бахтин повернулся к Литвину, – спросите пока зевак, может, что... – Понял, Александр Петрович.

Лестница была мрачна, грязна и бесконечна. Казалось, что она выходит на небо. Бахтин шел мимо мрачных две-

рей, на большинстве которых не было номеров. На площадках толпились жадные до сенсации люди. В их однообразной, беспросветной жизни нынешнее происшествие было важным событием.

Городовые стучали сапогами и гремели шашками за спиной. До чего же крутая лестница! Надо же было так нелепо построить дом. Бахтин, отдуваясь, поднялся на верхний этаж. Лестница закончилась. Вот дверь квартиры Фоста, пробитая пулями, распахнутое грязное окно, железный трап, ведущий к чердачному люку.

– Чердака нет, – сказал за спиной Литвин, – там прямо крыша. – Откуда знаете? – Был в этом доме.

Внезапно окно затрещало, ухватившись за раму, с крыши вылез чиновник для поручений Борис Ильин. – Здравствуй, Саша, с приездом. – Здравствуй, Борис, ты чего там делал? – Следы там, Саша, преступник по крыше ушел. – Ты бы рассказал, как было дело.

– Соседка снизу, вдова титулярного советника Скопина, услышала, как над головой шесть раз грохнуло. Она открыла дверь и почувствовала запах пороха. Поднялась наверх, увидела дырки в двери и побежала к дворнику. – Когда это случилось? – В полдень. – Что на крыше?

– Следов особенно нет, но убийца там револьвер перезаряжал.

Ильин вынул руку из кармана, разжал кулак. На ладони лежали шесть медных закопченных гильз. Бахтин взял одну,

поднес к глазам.

– Наган-самовзвод офицерского образца. Имеет характерный почерк, капсюль разбит у левого края. Видимо, боек запыленный.

– Не бойтесь нас, – сказал Литвин, – поэтому гильзы и эжектировал.

– А чего бояться-то? – Полковник Савронский, отдуваясь, возник на площадке.

– Ох, жиганье, жиганье, – сказал он, разглядывая простреленную дверь. – Это же надо... Понятых, что ли, звать, Александр Петрович? – Зовите.

На площадке появились какие-то люди и городской с ломом. Он умело засадил лом под филенку. Нажал. Дверь скрипнула, но не поддалась. Городовой налег еще сильнее. Тот же результат.

– Ты что же это, братец, – сказал Савронский, – силу утратил?

– Никак нет, ваше высокоблагородие, дверь, видать, дубовая. – Ишь ты, а, посмотрев на нее, не скажешь. – Еще бы один лом нужен... – Где дворник? – рявкнул Савронский.

– Здесь мы, здесь, ваше высокоблагородие, здесь мы, несем.

Дверь крушили в два лома, уже не пытаюсь развалить коробку, били прямо в полотно. Дом гудел. Наконец с хрустом вылетел первый замок, но дверь все равно не поддавалась.

Бахтин отошел к окну. Над крышами Петербурга в голу-

бом мареве плавало солнце. И в свете его даже эти обшарпанные, залатанные крыши казались красивыми. Удивительно жил этот город. То лихорадочно, горячечно, то вновь медленно-лениво. И Бахтин был частью его жизни, он спешил вместе с городом, а иногда останавливался на мгновение, чтобы через секунду продолжить свой бег. Он достал папиросу, но не закурил, почувствовал некое беспокойство. Какое-то странное чувство, словно что-то силился он вспомнить и не мог. И он начал заново прокручивать в памяти двор, подъезд, лестницу, площадку, дверь, пробитую пулями, Ильина, влезającego в окно... Точно, конечно же, высверк. Он подошел к окну и увидел этот высверк. И сейчас, даже на солнце, он увидал его. Кто-то из дома напротив следил за ними или в подзорную трубу, или в бинокль. Он словно пробежал глазами по длинному ряду окон дома напротив и вновь увидел блеск оптики. – Литвин, - сказал Бахтин не оборачиваясь. – Здесь я, – ответил за плечом надзиратель. – Пятое окно в последнем этаже видишь? – Понял. Бахтин обернулся, Литвина уже не было.

Наконец дверь выбили. Городовые в сердцах бросили лопаты об пол, и они с плачущим звоном укатились в угол.

– Ну, что ж. – Бахтин подошел к двери и увидел двух новых персонажей сей трагедии: судебного врача Брыкина, следователя судебной палаты статского советника Акулова. Настроение у него сразу испортилось. Он терпеть не мог этого самоуверенного, высокомерного человека. Акулов был одет

так, словно приехал не на убийство, а в Английский клуб. Он вообще слыл в городе британофилом и злые языки поговаривали, что он вот уже несколько лет безуспешно пытается выучить английский язык.

– Я войду первым, – безапелляционно изрек он и, брезгливо покосившись на потных городских, вошел в разбитую дверь. – Доктор, пожалуйста, сюда, – раздался его голос. Брыкин, подмигнув Бахтину, вошел в квартиру. Все стояли и ждали, и это начало бесить Бахтина. Он подождал еще минуту и вошел в квартиру. Акулова не было, он, видимо, ушел в одну из комнат, рядом с дверьми. Брыкин наклонился над телом убитого.

– Четыре дыры, – врач поднял голову, – как стрелок-то этот сподобился. Видать, большой умелец. Я вам, Александр Петрович, пули после вскрытия отдам. Вы же у нас криминалист.

Из глубины квартиры появился Акулов, недовольно взглянул на Бахтина.

– Ну что, доктор? – Он обращался к Брыкину, подчеркнуто игнорируя Бахтина. – Что вы имеете в виду? – Причина смерти. – Извольте взглянуть. – Ваше мнение?

– Убит из неизвестного огнестрельного оружия, предположительно из нагана или браунинга. – Как вы сделали вывод?

«Господи, какой непроходимый дурак, – подумал Бахтин, – неужели опять придется работать с этим напыщенным

идиотом».

А тем временем Литвин коротким свистком вызвал дворника. Тот подбежал, топя сапогами. – Слушаю, ваше благородие. – Пятое окно в последнем ряду видишь? – Так точно. – Кто там проживает? – Так что господин Гензелли. – Кто?

– Гензелли, ваше благородие, из цирка господин. Он в цирке «Модерн» на Кронверкском проспекте служил. – Служил?

– Так точно, теперь он вроде как пострадавший инвалид. С крыши упал. – Он в каком номере проживает? – В шестнадцатом. – А зовут его как?

– Как обычно, Трушкин Егор Степанович, а Жорж Гензелли это вроде... – Понятно. – Литвин пошел к подъезду. – Вас сопроводить? – крикнул в спину дворник. Литвин не ответил и скрылся в парадном. То, что у дома другой владелец, чувствовалось сразу. Лестница была чистой, перила целые, крашенные, двери сияли медью заклепок и ручек.

Литвин был человеком молодым, регулярно посещал занятия гимнастического кружка, где истово обучался английскому боксу, к которому его приохотил Бахтин, поэтому взбежать до последнего этажа ему ничего не стоило. Ему оставался всего один пролет, и тут Литвин услышал какой-то странный скрип и услышал песенку, которую пел кто-то тихо-тихо. Литвин поднялся и увидел человека, сидящего в коляске и натирающего тряпкой дверную ручку. – Добрый

день. – Литвин приподнял котелок.

– Мое почтение, – весело улыбнулся человек в коляске.

– Вы господин Гензелли? – Литвин специально назвал псевдоним, зная, что его собеседнику это будет приятно.

– Это я. Но лучше зовите меня Егор Степанович. С кем имею честь?

– Я из сысской полиции. – Литвин показал значок.

– Вот это встреча. Впрочем, так и должно было быть. – Почему?

– Сейчас узнаете. Прошу. – Трушкин распахнул дверь.

Стены коридора были завешаны фотографиями. Виды Петербурга плотно, рамка к рамке, висели на стенах. Особенно много было крыш, шпилей, маковок церквей, солнца, поднимающегося над городом. Некоторые виды Литвин узнавал, ему попадались открытки с этими фотографиями, что-то он встречал в журналах.

– Ушел из цирка, – хозяин проехал на колясочке в комнату, – и вот увлечение свое в профессию обратил.

Вслед за Егором Степановичем Литвин вошел в небольшую комнату, которая, видимо, была гостиной. Со стен на него смотрели глаза. Десятки лиц – мужских, детских, женских – улыбались или хмурились, или печалились на фотографиях. Литвина поразило своей красотой особенно одно женское лицо, но самое удивительное, что оно было ему откуда-то знакомо. Фотографу удивительно точно удалось передать ясные глаза, нимб пушистых волос. Литвин подошел

ближе. Конечно, это же фотография актрисы Поливицкой. Еще реалистом Орест Литвин бегал на ее спектакли в Киеве. И он вспомнил киевский вечер, фонари у входа в театр, желтые пятна света на пушистых сугробах, высокая, ясноглазая женщина, садящаяся в легкие санки. Господи, всего несколько лет прошло, а кажется, как давно это было...

– Узнали? – ворвался в воспоминания голос хозяина. – Поливицкая.

– Она. Великая актриса. Покорительница юга России. У нее в Киеве ангажемент был, а мы там представляли в шапите. Вот она и согласилась позировать мне для портрета.

– А я ваши пейзажи и портреты встречал, – сказал Литвин, – в журналах, на открытках.

– Весьма польщен. Так вы, видимо, ко мне по поводу человека на крыше. Я как знал, пластинки эти проявил и напечатал. Минутку.

Егор Степанович выехал из комнаты, оставив Литвина наедине с фотографиями. Он снова подошел к портрету актрисы. И снова вспомнил Киев, дом на Лукьяновке, библиотеку Идзиковского на Крещатике, старый забытый парк «Кинь грусть», принадлежащий киевскому меценату Кульженко. Он был всегда закрыт. Но Литвин знал сторожа, и тот пускал его.

После последнего экзамена в реальном они пошли в кабачок на Владимирском спуске, нарушив тем самым строжайшую инструкцию Министерства просвещения. За посе-

щение питейных заведений ученикам гимназий и реальных училищ полагался «волчий билет». На более доступном языке это означало исключение без права поступления в любое учебное заведение Российской империи. В кабачке их случайно увидел инспектор училища, человек чудовищно злой. Их было трое. Вместо аттестата они получили формуляр, то есть «волчий билет». С ним не принимали даже в пехотное училище. Все. Двое его друзей уехали учиться за границу, у их родителей были средства, а он пошел в полицию. Вот и вся история.

В коридоре заскрипели колеса коляски, в комнату въехал хозяин.

– Ну вот, смотрите. – Он положил на стол сырые отпечатки. – Вот, – Егор Степанович аккуратно разгладил один.

И Литвин увидел человека, эжектирующего гильзы из барабана револьвера. Снимок был сделан настолько искусно, что была видна цепочка падающих гильз.

– Вот это да, – восторженно сказал Литвин, – а крупнее?.. – А вы этот посмотрите.

С влажного отпечатка на Литвина смотрело незнакомое лицо. Литвин взял отпечаток, взгляделся внимательно. Нет. Он никогда не видел этого человека.

А тем временем в квартире убитого закончили писать протокол. Акулов диктовал его судебному канцеляристу, играя голосом, словно был не на происшествии, а на подмостках любительского театра.

– Предполагаю, – звучно произнес в заключение Акулов, – настоящее убийство совершено на почве ревности, так как преступник в квартире оставил нетронутыми все ценные вещи. Финита.

Судебный следователь устало провел рукой по лицу. И тут Бахтин заметил Кузьмина, сидящего в углу на стуле и делающего заметки в записной книжке. Так вот для кого был устроен этот спектакль! Для Кузьмина. И, словно подтверждая бахтинскую догадку, Акулов сказал:

– Вот видите, дорогой господин литератор, чем приходится заниматься интеллигентному человеку? Тяжелый хлеб. Но он необходим обществу. – Вы твердо уверены, что Фост убит ревнивцем?

– Поверьте моему опыту. – Акулов достал трубку, набил ее табаком, раскурил. – Теперь главное – найти предмет ревности! И мы его найдем. Заезжайте денька через два ко мне на Литейный, протелефонируйте по номеру 431 -22 и милости прошу.

Акулов, весьма светски поклонившись всем, исчез за дверью.

– Ну что ж, – Бахтин повернулся к Ильину, – давай начнем, Боря, труд наш неблагодарный. И начался обыск.

Литвин появился, когда все подходило к концу. На столе в гостиной лежали письма, фотографии, пачки денег, внушительная горка золотых изделий. Бахтин наугад взял браслет с бриллиантами, лежащий на самом верху, достал лупу. У

самой застежки четко обозначилась латинская «с».

– Этот браслет, – повернулся он к Ильину, – убитой мадам Сомовой.

– Неужели? – Ильин взял браслет. – Действительно, очень схож по описанию.

– Нужно все здесь проверить. Думаю, Паук много здесь чего собрал.

– Господин Бахтин, – из кухни вышел околоточный надзиратель, – тайник нашли.

Ну что, кухня как кухня. Плита, рядом кусок пола, обитый жестью. Только сейчас жесть отогнута и видна металлическая крышка ящика со скважиной замка.

– А ну-ка, принеси мне ключи, – сказал Бахтин околоточному. – Какие? – На столе рядом с драгоценностями связка лежит.

Значит, здесь хранил свои тайны Фост-Паук. Неужели здесь знаменитая книга, о которой рассказывали громилы. Ее страницы – история крупнейших налетов, самых дерзких ограблений, искусных краж.

Вместо околоточного появился Литвин. Бахтин посмотрел на него и понял, что у надзирателя есть что-то интересное.

– Сначала сундучок этот откроем, – усмехнулся Бахтин. Он выбрал на связке тяжелый ключ с затейливой головкой, вставил его в скважину, повернул. Крышка откинулась неожиданно легко. На дне ящика лежала амбарная книга и

несколько футляров, в которых хранят драгоценности.

– Впишите все это в протокол. Что у вас, Литвин?

Литвин молча разложил на кухонном столе фотографии.

Директор департамента полиции Сергей Петрович Белецкий только что вернулся от министра. Разговор обеспокоил его. Макаров в несвойственном ему резком тоне спросил Белецкого:

– Сергей Петрович, доколе вора́м и разбойникам будет вольготно жить в столице нашей?

– Что вы имеете в виду, ваше высокопревосходительство?

– Вчера на малом приеме государь обратился ко мне с таким же вопросом. – Чем недоволен его императорское величество?

– Серией кошмарных убийств, о которых ему доложил полковник Спиридович.

– Ваше высокопревосходительство, с каких пор начальник охраны царя вмешивается в дела уголовного сыска? В чем здесь дело?

– Не знаю. Но настаиваю, чтобы вы строжайше разобрались с этими убийствами.

– Ваше высокопревосходительство, убиты четыре скупщика краденого. Так сказать, свершился суд Божий.

– Не знаю, ничего не знаю и знать не хочу, немедленно наведите порядок!

У себя в кабинете Белецкий, раздумывая над словами министра, решил, что один из убитых, видимо, Фост, был аген-

том дворцовой охраны, так как Департамент полиции располагал сведениями, что он берет вещи в заклад у особ весьма значительных. Многие карточные трагедии заканчивались в квартире Фоста. Интересно, где сейчас эти драгоценности, видимо, из-за них и поднят скандал. Белецкий подошел к стене, снял трубку телефона, закрутил ручку, назвал номер 43-880. – Сыскная полиция. – Кто у телефона?

– Чиновник для поручений Комаров. Кто телефонирует? – Это Белецкий. Где Филиппов?

– Сейчас позову, ваше превосходительство. Через несколько минут в трубке послышался уверенный голос начальника сыскной полиции. – Весь внимание, ваше превосходительство.

– Скажите мне, господин статский советник, доколе будут продолжаться убийства во вверенной нам государем столице империи?

– На все воля Божья, – в голосе Филиппова звучала насмешка, – но тем не менее, ваше превосходительство, скоро мазуриков возьмем. – Откуда такая уверенность? – Так Бахтин за конец веревки уже уцепился.

– Что ж, пусть и на нас поработает. А то все парижские газеты о нем захлеб пишут. – Так от Бога же криминалист.

– Пусть постарается, тем более что государь ему сверх срока пожаловал Владимира четвертой степени. – Белецкий повесил трубку, покрутил ручку телефона.

Ну, что ж. Он доволен. Бахтин – человек толковый. По

следу идет, как хорошая гончая. Этот найдет.

– Ваше превосходительство, – на пороге появился секретарь, – к вам полковник Еремин.

Белецкий поморщился. Он не любил заведующего Особым отделом Еремина. Полковник был человеком злопамятным, завистливым и весьма карьерным. Родом из донских казаков, он сразу по окончании Атаманского училища вышел в Отдельный корпус жандармов. Особый отдел Еремин возглавил благодаря поддержке шефа Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенанта Курлова.

Белецкий вообще откровенно тяготился политическим сыском. Дело это было сложное, опасное и малопонятное, поэтому он тайно готовил проект о выделении из департамента жандармской службы в отдельное производство.

Полковник Еремин был сухощав, черноволос, с глубоко посаженными светлыми глазами. Белецкий с тоской поглядывал на него. – Слушаю вас, Александр Михайлович. Белецкий, что скрывать, побаивался Еремина. Весь служилый Петербург помнил, как в 1905 году молодой поручик Еремин устранил с поста киевского генерал-губернатора генерал-адъютанта Клейгольса, личного протеже вдовствующей императрицы Марии Федоровны, да о его службе в качестве начальника Тифлисского жандармского управления ходили таинственные слухи.

– Сергей Петрович, – Еремин сел, положил на стол папку, – неприятное сообщение получено из Парижа. – От Кра-

сильникова? – Так точно.

– Что же сообщает нам милейший Александр Александрович?

– В Париже находился надворный советник Бахтин... – Я это знаю.

– Там ротмистр Люстьих проводил операцию против Дмитрия Заварзина... – Кажется, Студента?

– Именно. Мы решили воспользоваться присутствием чиновника сыскной полиции и задержать их как уголовников.

Белецкий поморщился. Господи, в Париже хотят действовать как в Костроме. – Ну и что Бахтин?

– Он отказался принять участие в операции и уехал.

– Да, полковник, хочу вам напомнить, что трижды Красильников отказывал сыскной полиции в помощи, в делах весьма важных.

– Но, Сергей Петрович, ваше превосходительство, после отъезда Бахтина социалисты не явились в назначенное место, операция сорвалась.

– Так при чем здесь Бахтин? Ему вчера вне срока государь маленького Владимира пожаловал. У вас есть данные, что Бахтин не верен долгу? – Данных-то нет. Но некие странные совпадения. – Совпадения – это не данные.

– Весьма справедливо, ваше превосходительство, но именно из совпадений слагается некое целое. – Слушаю вас.

– Нам стало известно, что Бахтин и Заварзин совместно обучались в Первом московском кадетском корпусе. И были

весьма дружны...

– Ну и что, со мной в гимназии тоже обучались люди, ставшие социалистами. – Это нам известно, – твердо сказал Еремин.

Белецкий никак не ожидал подобной реакции полковника. Подумать, какой сукин сын, ему известно. Директор департамента заполыхал злобой.

– Но Бахтин и Заварзин, – продолжал как ни в чем не бывало Еремин, – были ближайшими друзьями. – После корпуса они поддерживали отношения?

– Данных нет. Так как Бахтин вышел в Александровское училище, а Заварзин в университет.

– Маловато, маловато. – Белецкий встал, одернул щегольскую визитку. – Просто очень мало, полковник.

– Есть второе совпадение. Бахтин – протеже Лопухина. Бывший директор департамента был хорошо знаком с его семьей, поэтому принял участие в Бахтине. – Так, так, так!

Белецкий сел за стол. Вот тебе и на! История Лопухина наделала много шума. Шутка ли, директор Департамента полиции выдает революционерам лучшего агента, самого Азефа. Конечно, здесь было о чем задуматься. Но реплика полковника в его адрес разозлила Белецкого настолько, что доводы Еремина, его совпадения не играли сейчас никакой роли.

Кстати, Лопухин был гимназическим другом покойного Петра Аркадьевича Столыпина, – сказал вслух Белецкий, –

вы меня не убедили, полковник, тем более Бахтин известен мне как прекрасный криминалист и усердный полицейский чиновник. – Я могу идти? – Еремин встал. Белецкий протянул ему руку, улыбнулся дружески: – Не надо, не надо плохо думать о коллегах. «Ничего, – подумал директор, глядя в обтянутую дорогим мундирным сукном спину Еремина, – пусть знает, как напоминать мне о Саратове».

В бытность свою саратовским вице-губернатором Сергей Петрович имел несколько прелестных связей с милыми дамами в Москве и Петербурге. Сведениями об этом и располагал Еремин, постоянно напоминая об этом Белецкому.

Еремин поднялся к себе на четвертый этаж, где располагался Особый отдел. Вход сюда был запрещен даже чиновникам и офицерам Департамента полиции. Это была святая святых политического сыска. Здесь лежали материалы не только по борьбе с революционными и националистическими группами. Здесь скрупулезно велись досье на крупнейших государственных и общественных деятелей, на аристократию и иностранных дипломатов и даже на членов императорской фамилии. Еремин некоторое время сидел у себя в кабинете, рисуя в настольном бюваре лошадиные головы. Это он делал в минуты крайнего душевного волнения. Потом он вызвал секретаря и приказал позвать заведующего наружным наблюдением надворного советника Платонова. Еремин высоко ценил этого человека, начавшего свою сыскную карьеру в московском охранном отделении под руководством

великого специалиста-наружника Евгения Павловича Медникова.

– Вот что, Сергей Глебович, – сказал полковник, – нужна смена филеров, и очень опытных. – Кого поведут? – Чиновника из сыскной. – Кого именно? – Бахтина.

– Весьма опытный господин. Весьма. Я назначу Верного, Клешню и Гимназиста. Смотреть за ним круглые сутки? – Да. – Понял.

Вот и кончились погожие дни. Наступила петербургская осень. Бахтин не любил ее. Не любил мокрые дома, рябую от дождя воду каналов, мостовые, покрытые лужами, словно плесенью. Осенью его неотвратимо тянуло в Москву, с ее сбившимися в кучу деревянными слободами и заставами, в зелень дворов и скверов, на элегантную Спиридоновку и Кузнецкий, Столешников и Арбат. До чего же хорошо было получить увольнение в праздничный день. Утро. Знаменка залита солнцем, дворники сгребают листву в кучу. Низко по тротуару стелется дымок. И дымок этот, синеватый и легкий, сопровождал юнкера Бахтина весь путь по бульварам. Так он и шел через Страстную, мимо монастыря на Трубной, галдящей и кричащей Трубной, переждал трамвай, потом лукавая Сретенка и дом номер пять по Сретенскому бульвару. Как же давно это было...

Слава Богу, что дождя нет, а то совсем настроение испортилось бы. Бахтин распахнул окно, взял гири. В комнату во-

рвался сырой ветер. Сразу же стало холодно и неудобно. Но он начал энергично поднимать гири, и скоро тело покрылось легкой испариной. Он поднимал гири ровно полчаса. Потом, зажав чугунные шары, начал наносить ими удары. Бахтин с силой выкидывал руки, стараясь бить невидимого противника. Он увлекся боксом двенадцать лет назад, увидев в Гимнастическом обществе встречу между Млером и англичанином Мози. Бокс, завезенный в Россию в 1887 году французом Лусталло, немедленно покорила Бахтина своеобразной пластикой и тем, что этот вид гимнастических игр просто незаменим для сыщика. Так он стал посещать уроки Гвидо Мейера, перенимать у него весьма сложные сочетания ударов. Постепенно в товарищеских встречах Бахтин приобрел хороший опыт, научился легко передвигаться, а главное, спокойно и четко ориентироваться на ринге. У него отработались акцентирующие удары с обеих рук, и Мейер начал агитировать его поехать на гастроли по России. Но бокс Бахтин воспринимал как необходимое приложение к профессии.

Несколько раз в темных проходных дворах на Лиговке, на 8-й Рождественской или в закоулках Новой Баварии ему приходилось воспользоваться английской наукой. Умение нападать и обороняться без оружия, стремительная реакция, отработанная месяцами спаррингов, придавала ему так необходимую сыщику уверенность.

Каждое утро сорок минут гимнастики. Потом душ, потом завтрак и служба. Правда, иногда служба затягивается и до

утра, тогда уже не до гирь.

Сегодня день нормальный. Бахтин принял душ, позавтракал, выслушав упреки Марии Сергеевны, жалобы ее на бакалейщика и мясника, оделся и пошел на службу. На улице щемяще и нежно играла шарманка. Человек в старом матросском бушлате с Георгиевским крестом и серебряной Варяжской медалью крутил ручку инструмента. Вместо левой ноги у него был вытертый до блеска деревянный протез.

Бахтин вспомнил военный парад на Дворцовой в честь оставшихся в живых матросов и офицеров «Варяга» и «Корейца». Потом в Зимнем дворце царь дал торжественный обед. Все газеты писали тогда об этой «монаршей милости». На обеде царь пообещал обеспечить всех неимущих и увечных членов экипажей героических судов. Но судя по этому матросу, благие пожелания так и остались пожеланиями.

Что делать, в стране так уж повелось, любое доброе начинание тонет в чиновничьем болоте. А деньги, отпущенные увечным, оседают в карманах делопроизводителей и столоначальников благотворительных обществ.

Знакомую мелодию играла шарманка. Это была музыка далекой юности. Может быть, катка на Патриарших прудах в Москве: скрипящий под коньками лед, розовый павильон с колоннами, теплая рука Жени в его ладони. А может быть, он слышал ее на даче в Сокольниках. Поздним вечером, когда так оглушающе пахнут цветы, а желтые шары фонарей скрываются в листве. И у Жениных губ горький цветочный

привкус. Может быть. Все могло быть.

И, отдавая инвалиду серебряный рубль, Бахтин подумал о том, что счастливым человеком может быть только тот, кто уверен, что лучшее ждет впереди. А он уже в это не верит.

Агент наружного наблюдения Верный отметил в книжечке этот случайный контакт и повел объект до входа в здание сыскной полиции.

В большой комнате уже затопили печку. Двое городских из команды тащили охапки дров. Печка весело трещала, щедро отдавая тепло, и в этой мрачной комнате даже стало немного уютней. Весело спорящие о чем-то надзиратели сразу же смолкли, как только Бахтин вошел в комнату. – Здравствуйте, господа. Где Литвин?

Он в столе приводов, Александр Петрович. Позвать? – Самый молодой надзиратель, Леня Банкин, услужливо вскочил. – Не надо, спасибо, голубчик, я сам туда зайду. Стол приводов был памятью сыскной службы. Здесь собирались сведения о всех преступниках, попавших в поле зрения столичной полиции. Здесь проводились антропологические измерения по системе Бартильона и дактилоскопирование, выработанное Главным тюремным управлением. Здесь же работал фотограф Алфимов, ученик покойного Буримского.

Начальник сыскной полиции Филиппов в отличие от Путилина считался с наукой и хотел поставить у себя криминалистическое дело не хуже, чем в Европе.

Стол приводов размещался в трех комнатах, заставлен-

ных шкафами с картотекой, приборами для антропологических измерений, секретерами делопроизводителей. В большой комнате винтовая лестница вела на антресоли, на которых восседал хозяин всего этого губернский секретарь Николай Иванович Кунцевич. Бахтин поднялся на антресоли и увидел развешанные на стене фотографии, сделанные Гензелли. Рядом с Кунцевичем и Литвиным в кресле сидел помощник начальника сыскной полиции Сергей Ильич Иноков, крупнейший специалист по составлению словесного портрета. Сергей Ильич пил чай. Ведерный самовар, дар Василеостровской части, был гордостью Кунцевича и постоянно находился в полной готовности. Следили за ним городовые. Кунцевич ежемесячно менял их, чтоб не баловали. К столу были прикомандированы двадцать четыре городских из пешей роты, так что приятная служба выпадала каждому всего раз в два года. Иноков вытер платком лоб, поставил подстаканник на стол.

– Больно уж у тебя, Николай Иванович, чай хороший. Какие сорта мешаешь?

– Секрет, Сергей Ильич, главный секрет моей канцелярии.

– Все равно узнаю, на то я всю жизнь в полиции пробегал. Но этого господина я никогда не видел, а портрет его словесный, извольте, напишу. Только зачем он вам, если дагерротип имеется? Твой клиент-то, Александр Петрович? – Иноков протянул руку вошедшему Бахтину.

Бахтин любил этого человека за честность, доброту, мужество и безукоризненное знание дела. Сергей Ильич начал канцелярским служащим без чина в Василеостровской части, с тех пор он достиг предела, стал статским советником. Еще не генералом, но уже и не полковником. Промежуточный чин. Предел для человека без связей, криминалиста-практика. Ему уже можно было вполне подумать о пенсии, но что делать дома вдовцу? Два сына служили в провинциальных номерных полках, а больше близких не было. Так что все время Иноков отдавал службе.

– Смотри, Александр Петрович, – Иноков встал, взял со стола указку, подошел к фотографиям, развешанным на стене. – Вот что у нас есть. Красивый, брюнет или темный шатен, глаза, видимо, светлые. На лице ни родинок, ни шрамов. Дальше. Одет дорого, но вещи не пошитые, а купленные. Теперь вопрос – где? Ну-ка, Литвин.

Литвин подошел к фотографии, долго рассматривал ее, потом ответил: – В английском магазине, Сергей Ильич. – Как определил?

– Видите, пиджак в елочку, это английский твид, но главное – тесьмы по борту нет и карманы накладные, пуговицы роговые, видимо, материей не обтянуты, да и сидит пиджак как влитой. А это значит, что в английском магазине на Невском специальные мастера пиджаки те подгоняют...

– Это не довод, можно любому мастеру отдать, он подгонит, – хитро прищурился Иноков, – главное?

– А главное, мы видим носок туфли. Она тупоногая, подошва двойная, спиртовая, вероятно, на носке рисунок – дырочки и полосы. Туфля это английская. – Откуда взял?

– Сам был недавно на Невском в английском магазине.

– Никак, ты, Орест, там одеваешься? – засмеялся Иноков. – На наше жалованье только там и одеваться.

– Вот к чему я и веду. Магазин дорогой. Народу немного. Постоянные клиенты – господа из Английского клуба да промышленники, за модой гонящиеся. Сейчас Британия в моде. Вот и ты с Бахтиным английским боксом занимаешься. Смекнул? – Тут и дураку понятно.

– То-то. Хватай дагеротип и гони в магазин. Ты уж извини, Александр Петрович, что в твои дела лезу.

– Да я вам, Сергей Ильич, только благодарен должен быть. – Что ты скажешь, мысли-то есть какие? – Я бы все эти убийства рассматривал вместе. – Поясни.

– Убиты три крупнейших скупщика краденого: Гаврилов-Кровосос, Шостак-Старьевщик и Фост-Паук. Убиты из револьвера. Слава Богу, что пули при вскрытии трупов не выбросили, а передали нам.

– А зачем они нужны? – усмехнулся Иноков, – неужто веришь во всякие открытия по научной части? – Верю, Сергей Ильич.

– Ну смотри, тебе жить, Александр Петрович. Что твоя наука показала?

– Господин Алфимов в кабинете научно-судебной экспер-

тизы вчера под микроскопом пули те изучил, и теперь можно сказать точно, что царапины от нарезков совпадают.

– Может быть, может быть. Теперь время такое. Микроскопы, рентген, а у нас-то раньше одна лупа была да кулак. Вот и вся криминалистика.

– Ну, кулак в нашем деле вечен. Как бы далеко не ушел прогресс, а агент да кулак – два самых надежных помощника сыщика, – засмеялся Бахтин. – А если серьезно, – продолжал он, – то мне просто интересно, кому понадобилось глушить скупщиков? Мечь? Не похоже. Корысть? Так на двух убийствах вообще ничего не взяли.

– Может, ревность, – неудачно влез в разговор Кунцевич.

– По-вашему выходит, все три совершенно разных мужчины амурничали с одной дамой, у которой муж, или брат, или ами эдакий красавец. Непохоже.

– Пришел запрос из дворцовой канцелярии в отношении смерти Фоста и Гаврилова. А знаете, что это значит... Иноков многозначительно замолчал.

– Не знаете. А то, что было в 1893-м, когда убили ростовщика Мелкоянца? Тогда тоже Дворцовая канцелярия засуетилась. Оказывается, сей деятель брал в заклад у весьма больших чиновников и даже у членов императорской фамилии. Какие твои действия, Бахтин? – Пойду в Вяземскую лавру. – И то верно.

Литвин махнул стоящему у тротуара извозчику. Он специально отошел подальше от здания сыскной. Извозчики не

любили возить полицейских, так как такса по времени за проезд, введенная постановлением Санкт-Петербургской думой с 1 января 1899 года исчислялась по времени. Днем сядоки должны были платить 60 копеек за один час. Соответственно ночью тариф увеличивался. Опытные столичные извозчики знали в лицо практически всех надзирателей и агентов летучего отряда сыскной полиции.

Подойдя к извозчику, Литвин увидел, что это Ферапонтов – агент Бахтина. Бахтин очень ценил и берег этого сотрудника. Ферапонтов был человеком хитрым, умело сходящимся с людьми, кроме того, он обладал удивительным даром уговора. Но главным талантом Ферапонтова был талант предателя. Он искренне жалел людей, которых обрекал на централы и каторги, но ничего с собой поделаться не мог.

Вот и сейчас, везя Литвина на Невский, Ферапонтов быстрой скороговоркой рассказывал о том, что слышал в трактирах и ночлежках.

– Какие-то люди порезали Сашку Чухонца, еле ушел, – начал новую историю Ферапонтов. – А что за люди?

– Так, залетные. Сказывали в чайной на Первой Рождественской, что из теплых краев приехали. – А кто сказывал? – Так я ж и говорю: Семен. – Какой? – Буфетчик. Какому Семену там еще быть? – Так что Семен говорил-то?

– А говорил, что пришли трое, молодые, одетые как баре. Богато одетые. По наружности никак не скажешь, что урки...

– А за что они Сашку-то били? – перебил Ферапонтова

Литвин.

– Да за дело, видать, кто просто так, с трезвых глаз, все зубы выбьет? То-то и оно.

Сашка Чухонец был весьма удачливым квартирным воров, ходившим на «доброе утро», и в блатной иерархии Петербурга занимал твердое положение. Просто так с ним сводить счета побоялись бы. Значит, в городе появились залетные, стоящие значительно выше, чем Сашка Чухонец, на блатной лестнице. Или же это были группы людей «отвязанных», то есть бандитские группы, не считающиеся с ворами.

Литвин еще раз прокрутил про себя несвязный рассказ Ферапонтова и вынес из него одно, главное, что люди те были «одеты как баре». И то, что их в чайной, где собирается практически вся петербургская хива, не знал никто. Но пока Литвин не придавал этому особого значения, так как подобных совпадений можно было набрать по городу в необыкновенном количестве.

Учителем его был Бахтин. Литвин преклонялся перед этим человеком. В Бахтине ему нравилось все: и манера держаться, дружелюбная и вместе с тем сдержанная, и умение одеваться, и другие манеры, и образ жизни. А главное, что подкупало Литвина – смелость. Не только в необыкновенных обстоятельствах, но и перед начальством. Бахтин был независим, имел собственное суждение по любому вопросу, не боялся высказывать его где угодно. – Приехали. – Ферапонтов остановил экипаж. На витрине английского магазина был

нарисован задумчивый джентльмен, внимательно разглядывающий Невский проспект. Лицо его было сдержанно-грустным, видимо от того, что мужчины, идущие по славному сему проспекту, одеты не в английском магазине, а Бог знает где. Хорош был магазин, и витрина была хороша. Кроме усатого красавца, на специальном возвышении лежали вещи, так необходимые respectable мужчине. Необыкновенно скромные, но очень дорогие седла, стеки, несессеры, трубки, бинокли, охотничьи сумки, сапоги для верховой езды, модные туфли, флаконы с одеколоном, жестянки талька... Много чего было здесь для мужчин, посещающих клуб на Английской набережной. Литвин толкнул зеркальную дверь, вошел в вестибюль магазина.

Ах, как упоительно пахло здесь медовым табаком, кожей и одеколоном. Почти весь первый этаж занимал табачный отдел, здесь, как ружья в пирамиде, переливались на свету глянцевые бока курительных трубок, здесь в кожаные футляры был насыпан «Кептон» и «Эринмоор». В углу был оборудован курительный салон, обтянутые дорогой кожей диваны и кресла, большой круглый стол, рядом с которым вздрагивал синеватый огонь газовой горелки. В центре зала, за изящным бюро сидел помощник управляющего. Человек лет тридцати – тридцати пяти, безукоризненно одетый, с прямым пробором. Он увидел Литвина и определил сразу, что это не потенциальный покупатель, он, пожалуй, даже точно высчитал, кто этот молодой человек в штучных брюках и пи-

джак из магазина братьев Кропотовых. Но была в посетителе некая презрительная уверенность, свойственная людям, облеченным властью.

Поэтому помощник управляющего, который слыл предметом подражания для всего столичного полусвета, поднялся и пошел навстречу Литвину.

– Чем могу? – Он наклонил безукоризненный пробор. Литвин достал значок.

– Я понял. – Помощник управляющего еще раз внутренне похвалил себя за прозорливость. – Чем могу? – Кто у вас в конфекции работает?

– Пал Палыч Снежков. А что такое случилось? Наш магазин... Репутация фирмы... Может, пройдемте в кабинет управляющего?

– Не нужно. Репутация вашей фирмы останется незабываемой. Это несколько иное дело. Где бы я мог поговорить с господином Снежковым? – Желаете подняться на второй этаж? – А может, где-нибудь в другом месте? – Извольте. На складе, тихо и никто не помешает. – Пожалуй.

В темном помещении, заставленном ящиками, едва помещался невесть как сюда попавший измызганный павловский стол на гнутых ножках. На нем медный чайник, на газете был накрошен рафинад, стояли кружки с почерневшими орлами. На складе пахло иначе, рогожками, струганным деревом, самоварным дымком. Да и помощник управляющего здесь вдруг стал иным, словно стянул с себя, будто с лошади, ан-

глийскую попону.

– Как прикажете величать вас? – поинтересовался он.

– Орестом Дмитриевичем. – Литвин опустил на табуретку, снял котелок.

– А меня Алексеем Степановичем. Чайку не желаете? – С удовольствием.

– Сейчас распорядимся и английский бисквит на закуску.

Они только начали пить чай, как появился господин Снежков. Как же негодились английская визитка, стоячий воротничок, темный галстук и полосатые брюки этому типичному охотнорядскому приказчику, созданному для шитой рубахи, поддевки и лакированных сапог.

– Вызывали-с, Алексей Степанович?

Помощник управляющего поставил стакан, помолчал немного и ответил важно:

– Вот, Орест Дмитриевич из сыскной тобой интересуется. Чего натворил?

– Помилуйте, – Снежков стремительно побледнел, – мы, вы же знаете, всегда законы блюдем...

– Ладно, – милостиво махнул рукой Алексей Степанович, – дело казенное к тебе у Ореста Дмитриевича.

– Присаживайтесь, Снежков. – Литвин достал фотографию. – Знаком вам этот человек?

– А как же-с, – радостно закричал Снежков, – приджак-с «Челендер», рост пятый, полнота шестая-с. Материал твид, без тесьмы-с.

– Так это вы пиджак признали, господин Снежков, а мне человек нужен.

– Так я и говорю. Их трое приходили, этот господин, а с ним еще двое. Купили всего по две смены. Пиджаки, туфли, галстуки, сорочки, пальто. Даже каучуковые плащи-макинтоши взяли. – А платили как? – перебил его Литвин. – Золотом, империалами значит.

– Они одежду забрали сами или попросили доставить по адресу?

– А тут сказать не могу. Они к немцу на подгонку пошли. – К какому немцу?

– У нас подгоняет костюмы представитель от фирмы мистер Джонс. – А позвать его можно?

– Конечно. Снежков, позови мистера Джонса.

Ну, что ж. Пока Литвин узнал уже достаточно много. Трое купили два полных комплекта одежды. Рассчитывались наличными. И не просто ассигнациями, а золотом. Значит, в город приехала шайка. То, что это была шайка, Литвин больше не сомневался.

На склад ввалился огромный рыжий человек, скорее похожий на матроса, нежели на портного. Он словно клещами сдавил руку Литвину, хлопнул его по спине и что-то сказал по-английски.

– Вообще-то, он не любит полицейских, – невозмутимо перевел Алексей Степанович. – Скажите ему, что я тоже их не люблю. Алексей Степанович перевел, и мистер Джонс

вновь одобрительно хлопнул Литвина по спине, да так, что у того зазвенело в голове.

– Спросите его, знает ли он этого человека. – Литвин достал фотокарточку.

– Он его знает, – перевел помощник управляющего. Англичанин продолжал говорить. – Он говорит, что вещи он отправил в гостиницу. – В какую? – Литвин вскочил.

– Это в книге записано, – перевел Алексей Степанович.

Через минуту Литвин знал, что вещи были отправлены в гостиницу «Гранд-Отель» на улице Гоголя. Что господа: Закряжский, Волович и Богомоллов занимали два номера – первый и второй. Литвин знал, эти номера самые дорогие и стоят двадцать два рубля в сутки. Но жили они там месяц назад, о чем сказал ему портье, и съехали, не оставив адреса.

Литвин позвонил в участок и отправил в «Гранд-Отель» околоточного с фотографией, нужно было определить фамилию убийцы.

Агент наружного наблюдения Верный взял объект у выхода из сыскной полиции и опять проводил до дверей дома. Если так пойдет и дальше, то работать с таким объектом одно удовольствие. Из дома на службу, со службы домой. Уже начало смеркаться и зажгли фонари, когда к подъезду подкатило длинное темное авто. Слава Богу, что он-то не дурак, за углом экипаж припасен. Там пара казенных, похлеще любого мотора. Так оно и есть, из подъезда объект появился, уселся в авто и поехал.

Хотя улицы были пустые, но механик, затянутый в кожу, управлявший мотоколяской, не торопился. Машина неслышно бежала по набережной, распугивая клаксоном прохожих. Миновав здание Технологического института, авто свернуло к Фонтанке и остановилось, не доезжая знаменитой Вяземской лавры.

Агент наружного наблюдения Верный много слышал об этом знаменитом месте. Лаврой назывался огромный проходной двор, выходящий одним концом на Фонтанку, другим – к Сенной площади. Двор был застроен двухэтажными корпусами, забитыми шулерами, налетчиками, карманниками, проститутками. Вся столичная шпана слеталась в его темные закоулки. Здесь были игорные притоны с беспощадными правилами, здесь скупалось краденое, здесь в чистых комнатах ночлежки Титовой собирались деловые, обсуждая будущие налеты, здесь сводились счета, и трупы уплывали по канализационным стокам в Фонтанку. Сюда не заходила полиция. Случайный прохожий, попавший по ошибке в этот двор в сумерки, рисковал остаться голым в лучшем случае.

Обычно таким в участке говорили, что им крупно повезло. Редко кто чужой выходил живым из лабиринтов Вяземской лавры.

Агент наружного наблюдения Верный много слышал, но не знал до конца всей правды об этом замечательном месте. Если бы он знал, то наверняка бы не полез за объектом в зловонные арки.

Объект шел спокойно, словно не в Вяземскую лавру заходил, а в ресторан «Сиу» на Островах. Это и притупило бдительность Верного, привыкшего иметь дело совсем с иным контингентом. Политические – народ, в основном, тихий и обходительный. Он успел сделать несколько шагов, как на голову ему обрушилось нечто напоминающее стену, и он потерял сознание.

Бахтин услышал шум за спиной, обернулся, но увидел только, как мелькнули неясные тени на фоне освещенной фонарем улицы.

Что поделаешь! Лавра есть лавра. Как полицейский, то есть человек, которому поручено охранять общество, он понимал всю преступность существования подобных домов. Столичная пресса после каждого шумного убийства в этом квартале начинала бешеную кампанию против полиции. Но просвещенная либеральная общественность, корящая полицейских взятками, не могла даже представить, какие высокие имена поднимались на защиту лавры. Присяжные поверенные, произносящие на всевозможных банкетах и собраниях речи в защиту морали и закона, не знали, что закон этот бессилен перед Манусами, Рубинштейнами, Воейковыми и Мещерскими. Лавра давала кому-то ежедневный огромный доход. Часть его оседала в Царском Селе, банковских конторах, правительственных учреждениях.

Построенные в середине прошлого века, эти дома стали не просто доходными, а сверхдоходными. Все, что запрещалось

лось в столице, было здесь: малолетние проститутки, мальчишки-гомосексуалисты, знаменитая гусарская рулетка, опиум, игорные притоны. Мало кто из полицейских мог безбоязненно зайти сюда. Но Бахтин мог. И право это он заслужил физической силой, личным бесстрашием и справедливостью, все эти качества особенно высоко ценились у уголовников.

Много чего произошло за время его службы в этих домах. И стрелять ему приходилось, и бить. И сам был стрелян, резан и бит. Такая уж служба была у полицейского чиновника Бахтина. И теперь он шел в лавру, зная точно, что сюда уходят концы всех преступлений Петербурга.

Во дворе на первом этаже в окне горели две толстые свечки, и на подоконнике лежала девушка с копной золотистых волос.

– Красавчик, – крикнула она, – угости папироской.

Это была знаменитая Лялька Приманка. Восемнадцатилетняя девушка с лицом ангельской красоты, но, к сожалению, родилась она с врожденным пороком позвоночника и передвигалась только на костылях. Бахтин подошел, достал портсигар. – На, Ляля.

– Ой, это, никак, вы, ваше высокоблагородие, – ахнула Лялька. – Так поздно, да на наш двор. – А мне чего бояться-то? Я же не фраер залетный. – Ой, – Лялька замахала руками.

Бахтин обернулся. Сзади стояли трое. Это и была про-

стейшая ловушка. Человек подходил к окну, сзади его глушили, затаскивали в подъезд и раздевали.

– Это ты, Федор? – Бахтин старался разглядеть в темноте лица громил. – Так точно, Александр Петрович. Мы это. – Тебе мало Сахалина? – Так мне чего, так в заведение направляемся. – Это ты фраерам лепи, мне не надо.

– А что это он? – придвинулся к Бахтину один из троих. – Ты чо? А, падла? – От него противно пахло сивухой, невымытым телом и грязной одеждой. – Чо ты?!

Малый приблизил лицо почти вплотную к Бахтину. Был он молод, здоров и глуп. Видимо, недавно начал свою разбойничью жизнь, поэтому и не знал, с кем разговаривает. Его надо было учить. В лавре законы строги.

Федор и второй, кто это, Бахтин разобрать не мог, молчали. Не вмешивались. Ждали. – Ты чо? – почти заорал парень.

И тогда Бахтин ударил. Коротко, четко, как в боксерском зале. Человек упал. Федор чиркнул спичкой, наклонился. На булыгах лежал молодой парень лет двадцати – двадцати двух, с испитым лицом и здоровым шрамом на щеке.

– Эк вы его, Александр Петрович, – почтительно произнес Федька, – лихо. – Кто это?

– Да молодой ишо, зовут Гришка, кличка Меченый.

– Ты его, Федор, жить сначала научи, а потом на дело бери.

– Так кто ж знал, что вас встретим. – Из темноты надвинулся старый знакомец Сережа Послушник. – Молодой он,

шустрый, а мы к вам завсегда с уважением. – Где Кашей?

– Откуда нам знать, ваше высокопревосходительство, – Федор даже перекрестился истово, – мы ж о нем ничего не знаем. – Через кого товар сдаете? – Так...

– Я спрашиваю, через кого? Ты меня знаешь, Федор, я шутить не люблю.

– Есть тут один. Новый недавно объявился. Кличка – Каин. – Где он? – Во втором доме, номер семнадцатый. Там у него «мельница». Только мы ничего не говорили.

Гришка застонал, попробовал встать и опять упал на землю.

– Ну и кулачок у вас, ваше высокоблагородие, чище, чем у околоточного Евграфова, – льстиво сказал Сережа Послушник. – Слово какое для входа в «мельницу»?

– Зерно, – вздохнул Федор, – только вы... Бахтин достал десятку, сунул Федору. – Похмелитесь. – Покорнейше благодарим.

В подъезде второго номера валялась на полу пьяная баба. Но лестница была относительно чистой, это было заметно даже в тусклом свете газового фонаря. Фонарь этот, вычищенный кем-то, горел мертвенным сине-желтым светом. То, что в лавре был освещен подъезд, было непонятно и тревожно. Но, поднимаясь на второй этаж, где тоже горел фонарь, Бахтин понял, что сделал это Каин, новый хозяин «мельницы». Видимо, доверенные люди привозили сюда из города

чистую публику, поиграть в банчок. Бахтин стукнул тростью в дверь с номером семнадцать. – Кто? – спросил сразу же женский голос. – Зерно.

Щелкнул засов, распахнулась дверь. В прихожей горели свечи в канделябрах. Пахло пудрой и воском, как за кулисами в театре «Буфф». Прихожая была удивительно чистой для квартиры лавры. Бахтин побывал здесь во всех домах.

– Чего надобно? – Надвинулся на него из темноты человек.

Бахтин взял в руки шандал, поднял его. В прихожей сразу же стало светлее. У дверей в комнату стоял бывший борец Довгань, выступавший под псевдонимом Маска Смерти, три года назад его сильно порезали на Островах, цирк пришлось бросить. Пошел вышибалой на «мельницу».

– Поставь свечу, – спокойно, но жестко сказал Довгань, – а то...

– Ты меня, Леша, никак, не узнаешь? – Бахтин нащупал в кармане рукоятку нагана.

– А если и узнаю, – также спокойно сказал Довгань, – то что из того?

– А то, Леша, бывшая Маска Смерти, что я не из страхового общества «Саламандра», а из сыскной полиции. – Уже несколько секунд Бахтин чувствовал, что за его спиной кто-то стоит. Ощущение это, само по себе неприятное, усиливалось славой Вяземской лавры. И тут Бахтин понял, что вот-вот его ударят по голове, он отпрыгнул к стене, развернулся

стремительно и ткнул горящими свечами в чье-то лицо. – А-а-а, – надсадно заорал человек.

В прихожей запахло паленым. Бахтин рванул из кармана револьвер.

– Ну, Леша, теперь я в тебе дырок наделаю. К стене! Мордой, сволочь! Руки на стену!

Распахнулась дверь и из игровой комнаты высунулись чьи-то испуганные лица. – Полиция, закрыть дверь!

Бахтин даже не заметил, как появился в прихожей этот маленький, невидный человек.

– Ваше высокоблагородие, хозяин к нему просит пройти.

В углу стоял человек с обожженным липом, прилип к стене Леша Маска Смерти. Все правильно. Все в стиле лавры. Он не совершил ни одной ошибки. – Раз просит, пойдём.

За человеком этим невидным прошел Бахтин в комнату, в которой сразу горело несколько лампад перед иконами. Комната была пустой. Иконы и сундуки вдоль стены и острый запах нафталина. Следующая комната была похожа на гостиную в чиновничьем доме средней руки: овальный стол, покрытый бархатной скатертью с кистями, лампа под зеленым абажуром на затейливых цепях висела над ним, портрет государя на стене, громадный, похожий на замок буфет, в углу тумбочка, на ней граммофон, кресла в чехлах, на стенах картины, напоминающие Клевера, затейливый японский экран, отделанный перламутром. Бахтин подошел к тумбочке, на граммофонном диске лежала пластинка. Бахтин крутанул

ручку, нажал кнопку пуска, поставил на пластинку мембрану с иголкой.

– «Славное море священный Байкал...» – рявкнул мужской хор.

Бахтин присел в кресло, предварительно вынув револьвер из кармана и засунув его за пояс брюк. На словах: «Шилка и Нерчинск не страшны теперь...» в комнату вошел человек небольшого роста, сгорбленный, одет он был во все серое, да и сам был какой-то серый, незаметный.

– Здравия желаю. Музыкой увлекаетесь? – Голос у него под стать внешности, незаметный, без явных признаков.

– Я эту песню поставил, чтобы напомнить, куда могу тебя отправить, Каин. – За что же? Помилуйте! Да и пугать меня не надо... Он не успел договорить, Бахтин вскочил и рванул хозяина на себя: – Что ты сказал, гнида?

Бахтин с силой ударил его об стену. Упала на пол картина. С треском разлетелось стекло. – Вы что?.. Что это?.. Бахтин вновь взял его за лацканы.

– Слушай меня, брат мой Каин, тебе никто не поможет. Я тебя шлепну сейчас, а в руки нож вложу да объявлю следователю, что ты меня зарезать хотел. Так что ты меня не пугай. – Так я чего, я всегда готов... Если что... – Правильно, вот это «если» и наступило. – Чего вам надобно, господин Бахтин? – Значит, знаешь меня?

– А кто ж вас не знает, господин надворный советник. Мы про вас все знаем. – Что именно?

– А то, что со взяткой к вам не лезь. Что вы английским боксом да японской джиу-джитсой занимаетесь, что стреляете в тире два раза в неделю и что за стрельбу серебряный приз имеете.

Эти люди преклонялись только перед силой и смелостью. В их мире были свои кумиры: налетчики, убийцы, борцы, удачливые шулеры, удачливые сыщики. О них слагались легенды. Герои изустных историй награждались качествами необычайными и становились под стать героям авантюрных романов.

– Что-то я твое лицо не вижу, света мало. – Бахтин подошел к буфету, зажег свечи в канделябре. В комнате сразу стало светло.

Человек с кличкой Каин стоял у стены. Бахтин подошел и увидел, что у того дернулась щека. Нет, он не знал этого человека. И именно это поразило его. Каин был заметной фигурой уголовного Петербурга. – Документы у тебя есть? – Имею. – Липу? – Чистые.

– Смотри, если обманешь. Как твоя фамилия и откуда будешь.

– Фролов Петр Емельянович, из мещан, Московской губернии. – Фролов, это ты шниффером был? – Когда это было, господин Бахтин...

Да, действительно, давно это было. Жил тогда в Москве шниффер, специалист по сейфам фирмы «Брилль» Фролов, но кличка у него тогда была совсем другая. – Что ж ты клич-

ку-то сменил, Фролов?

– Так от профессии ушел. Умер шниффер, и кликуха умерла. – А Каин это...

– Каин, извиняйте, что перебиваю, это меня местные прозвали. Люди темные, глупые, одним словом, народ. – Видно, любят они тебя сильно, Фролов? – А вас, господин Бахтин, все сильно любят? – Твоя правда. Но тебе меня любить придется. – Это как же понимать изволите?

Бахтин снова сел в кресло, вытянул ноги. В комнате было тихо, шум «мельницы» сюда не доносился. Горящая лампада, групповой портрет царской семьи – обстановка чиновничьей квартиры средней руки.

– Прикажи-ка, братец, чаю покрепче подать, – устало сказал Бахтин.

– Не обижайте, господин надворный советник, ром есть, выдержанный.

– Выдержанный в лавке Пузанова, – усмехнулся Бахтин.

Он позволил себе расслабиться. Главное сделано. Фролов сломлен. Дальше дело пойдет привычно, как сотни раз до того.

– Никак нет. Ром подлинный. Я к напитку этому слабость особую питаю. – Тогда неси.

Фролов вышел, а Бахтин переложил револьвер обратно в карман. Начиналось главное в сыске – вербовка агента. Умением этим отличались далеко не все служащие сыскальной полиции. Вербовка дело тонкое. Это как начало любовной ин-

триги, переходящей потом в роман. Сложно склонить человека к сотрудничеству, но еще сложнее заставить его работать. Сломить его нравственно, поднять из глубины, из потаенных углов души самое страшное, развить в нем любовь к предательству. Многие уголовники охотно становились агентами, зная, что полиция снисходительно смотрит на проказы своих секретных сотрудников. Это, в основном, мелкое ворье, солдаты уголовной армии. Шли на вербовку и короли преступлений, у тех планы были более сложными, сотрудничество с полицией давало им возможность свести счеты с конкурентами. Но были люди непримиримые. Читвшие превыше всего воровской закон. Это были рыцари налетов и квартирных краж. Вот с ними-то и приходилось вести тяжелую нравственную дуэль.

Бахтин за долгие годы работы в полиции точно знал, что во многих живет непонятная потребность в предательстве. Ее нужно только умело развить, а это уже дело сыщика.

Фролов был прост и понятен. Он пойдет на сотрудничество из-за страха потерять свой крупный доход. «Мельницы» на Вяземском подворье, это не просто прибыль, это золотые прииски.

Чай Фролов принес сам. На подносе, умело, как это делают половые в трактирах. И по тому, как был поставлен поднос на стол, как хозяин разливал чай по чашкам, как наливал ром, Бахтин понял, кем начинал жизнь бывший медвежатник, а ныне содержатель «мельницы» и скупщик краденого.

Бахтин вылил ром в чашку.

– Напрасно, – сказал Фролов, – чай уж хорош больно. Но как изволите.

Бахтин отхлебнул горячего крепкого напитка, почувствовал прилив бодрости. Старый проверенный офицерский способ. Юнкерами они очень любили пить чай с ромом, называя его грогом. Так делали их командиры, и они хотели быть похожими на них. Как теперь далеко от него Москва, дом на Знаменке, желтизна осенних роц в Сокольниках, прелестная барышня, любившая стихи Фета.

Молодость, чистота, счастье. А теперь наган в кармане, вонючий притон и чаепитие с уголовником.

Фролов не притронулся к рому. Он и чай даже не пил. Нервно хватал из вазочки леденцы и с хрустом разгрызал их мелкими, как у лисенка, зубами. Он ждал. Зная, о чем пойдет разговор, думал о том, как более выгодно продать себя. Фролов был старым вором, он перепробовал несколько профессий – «менял масть». У него, естественно, складывались свои отношения с полицией. Он продавал, кого надо, некоторых, наоборот, выгораживал. Он знал Нерчинский острог, соляные прииски, тюрьмы Москвы, Владимира, Ростова. За свою пятидесятилетнюю жизнь он завоевал незыблемый авторитет в уголовном мире. Его боялись и уважали. И он решил не ждать. Начать первым.

– Может, вам какая помощь нужна, господин Бахтин? – хрустнул леденцом Фролов.

Бахтин поставил стакан. Вопрос был поставлен неожиданно прямо. – Нужна. – Так чем могу? – Об убийствах скупщиков слышал?

Как же не слышать, если к нему уже приходил молодой, весьма элегантный господин и, поигрывая тросточкой с золотой ручкой, предложил платить ежемесячный оброк. Фролов уже и людей подготовил на случай крайний, а тут начали мочить скупщиков и страшновато стало ему. Поэтому и борца бывшего он в дверях поставил, и двух лихих мальчонков с наганами посадил в соседней комнате. Так что визит Бахтина подарком для него был, истинным подарком.

Но надо было торговаться свирепо, страстно, чтобы оговорить для себя условия достойные, возможность получить безбедно жить дальше под крылом у полиции. И это счастье, что пришел к нему именно Бахтин, о котором в их мире говорили уважительно и даже восторженно.

– Знаю, – после долгой паузы сказал он. – Не питерские они и не москвичи... – Варшавяне? – Нет, из Одессы, так мне сказали.

– Конечно, клички знаешь? – Только одну – Красавчик. Бахтин достал из кармана фото. – Он?

Фролов взглянул. И подивился. Значит, правду говорят об этом человеке. Нет, сам Бог послал его к нему. – Он один или шайка?

– Их несколько человек. Говорят, что в большом авторитете среди урок, но работает не от себя. Хозяин у них есть.

Стоит за ними кто-то очень сильный. – Не знаешь кто?

– Нет. Но думаю, кто-то из новых. Он мне предлагал работать на их хозяина. Вроде как я у него в шестерках. – Сколько же просил? – Пять тысяч в месяц. – Крутовато.

– Что и говорить, господин Бахтин, люди с размахом. – У кого они еще были? – Да почти у всех. Сеть создают. Фирму хотят сделать – сначала всю скупку краденого в свои руки взять, все «мельницы». А потом и остальное. – Где их можно найти? – Не ведаю пока. – А долго это «пока» будет?

– Так к утру, крайний срок к полудню. Этот Красавчик обещал ко мне зайти завтра, в это время, за ответом. – Брать его у тебя нельзя.

– А зачем его брать-то? Я за ним своих ребятушек пошлю, они его и отпасут в лучшем виде.

Бахтин задумался. Дело представлялось серьезным. Он знал, что ребятушки Каина вполне могут отследить Красавчика. Но риск.

– Вы не сомневайтесь, Александр Петрович, отпасем в лучшем виде. А ваших он срисовать может, больно уж парень битый. Ну что ж, тот, кто не рискует, не побеждает. – Хорошо. Гостиницу «Виктория» знаешь? – Это на Казанской?

– Да. Дом 65. Буду тебя ждать в седьмом номере, в обед.

– Так у всех, Александр Петрович, обед по-разному. – В три часа.

И снова двор этот опасный, снова темнота и зловоние. А

окно-приманка горит по-прежнему. И Федор у арки из темноты выплыл.

– Ваше высокоблагородие, погодите чуток. Тут случай один случился. – Что за случай случился, Федор?

– Никита! – крикнул Федор в темноту. – Расскажи, как дело было.

– Только я на свет не пойду, – раздалась в ответ чья-то скороговорка. – Да говори ты.

– Так, как они, то есть их высокоблагородие в двор-то зашли, за ними фраер какой-то шасть. А тут народ всякий, без понятия. Они того фраера по голове, лопатник достали, а там карточка, что он из охраны. – Откуда, откуда? – Бахтин шагнул на голос.

– Ты, ваше высокоблагородие, слово не рушь. Я же сказал, на свет не пойду. Стой, где стоишь.

– Да стою. Тебя, если понадобится, по голосу найду.

– Так оно и бывает. Делай доброе дело. Помог калеченому, а меня теперь в острог. – Где калеченый?

– Да мы его на улицу снесли, на свет значит. А лопатник подобрали. – Вот лопатник, – протянул Федор бумажник. – Посвети-ка.

Федор чиркнул спичку. Бахтин вынул из бумажника карточку сотрудника наружного наблюдения Охранного отделения. Любопытно, что могло привести сюда филера. И почему он шел именно за ним. Совпадение? А может, штучки парижской резидентуры? – Деньги были? – Незнаем, – истово

сказал Федор.

Спичка догорела, и он плюнул на обожженные пальцы. – А револьвер? – Так мы что нашли, то и отдали.

– Федор, знать ничего не хочу, но чтобы оружие было у меня к утру. Понял? – Как не понять.

Бахтин повернулся и пошел в арку. На улицу пошел, к свету фонаря. И удаляясь с каждым шагом от Вяземского подворья, он думал о том, что опять Бог был милостив к нему, и не этот день стал его последним. Потому что при его службе подобные встречи когда-нибудь все равно кончатся для него пулей или ножом.

У Технологического института он взял извозчика, и пока ехал по пустым улицам, мысли о смерти постепенно уходили и ему захотелось заехать к Ирине в театр «Луна-парк». Сегодня там давали «Веселую вдову», и она наверняка пела.

Он посмотрел на часы. Нет, уже спектакль окончен, а искать Ирину за столиками он не любил, да и поклонники ее почему-то вызывали в нем стойкую неприязнь. Дома у нее, на Екатерининском канале, наверняка полно актеров, офицеров, репортеров. Там обычно гуляют до рассвета. Правда, там мог вполне быть Кузьмин. Его единственный друг. И Бахтин понял, что именно хотел он в этот вечер. Выпить и поговорить с Женей Кузьминым. Почувствовать доброту друга, а может быть, и нежность женщины, с которой встречался последний год. Бахтин служил в летучем отряде, а Кузьмин только что начал репортерить в «Биржевых ведо-

мостях». У них даже судьбы были схожи. Кузьмина исключили из Московского лицея, где он изучал право, за то, что ударил профессора, оскорбившего его. Он тоже уехал в Петербург, но стал репортером. Теперь он вел в «Биржевке» отдел хроники, писал в журналах сенсационные рассказы из жизни криминального Петербурга и даже издал три книжки, пользующиеся успехом у читающей публики. А его очерк «Петербургские хулиганы», опубликованный в прошлом году в приложении к журналу «Жизнь для всех», по сей день служил темой для обсуждения в литературных салонах. Но тем не менее для литературной среды, для писателей-натуралистов, описывающих тяжелую сельскую долю, для молодых декадентов и солидных романистов Кузьмин был человеком чужим. Литератор-то литератор, но второго сорта. Только два человека дружили с ним. Но эти два, пожалуй, стоили всех остальных. Ему симпатизировал Борис Зайцев, да Александр Куприн крепко дружил с Кузьминым.

Бахтину несколько раз довелось быть с Куприным в одной компании, и его поразила необыкновенная расположенность писателя и искреннее любопытство к людям. У них были похожие судьбы. Оба были юнкерами Александровского училища, оба учились в кадетских корпусах, только в разных.

Бахтин очень любил его рассказы, повесть «На переломе» и, конечно, «Поединок».

Так, может быть, все-таки поехать к Ирине? Но не хотелось ему видеть сегодня ее шумную большую квартиру, по-

падать в выдуманную, ночную, почти карнавальную жизнь.

Видимо, он начал стареть. Бахтин открыл дверь квартиры. В прихожей горел свет, а на полу сидел маленький пятнистый котенок. Он с интересом разглядывал Бахтина, словно собирался спросить: «А ты, собственно, кто такой? Как попал ко мне?!»

– Тебя как зовут? – Бахтин наклонился, погладил пушистую шкурку. Рука почувствовала живое тело. Котенок потерся об его пальцы.

Из гостиной вышли Ирина и Кузьмин. Бахтин увидел их и радостно улыбнулся.

– Ну где же ты ходишь, сыщик? – сказала Ирина. И Женя Кузьмин стоял рядом. И никому не ведомый котенок сидел в коридоре. – Откуда он? – Бахтин взял котенка на руки.

– С лестницы, – Ирина подошла, погладила котенка. – Зашел вместе с нами и решил поселиться у тебя. Ты же не выгонишь его, Саша?

Котенок удобно устроился на груди Бахтина и закрыв глазки, тихо урчал.

– Куда же его выгонять-то, – усмехнулся Бахтин и вспомнил, как в детстве, в корпусе этом кадетском, ему очень хотелось, чтобы у него был маленький пушистый друг. Но детство, закованное в панцирь черного кадетского мундира, прошло в казарме, юность тоже. И вот сейчас, в сорок лет, к нему приходят радости детства. Из кухни появилась заспанная Мария Сергеевна.

– Оставим ее, Александр Петрович, больно уж кошечка ладная. А потом, у нас говорят – пестрый кот к прибыли да удаче.

– Значит, это ты принес мне удачу? – спросил Бахтин котенка и протянул его Ирине.

А потом они сидели за столом, ужинали и пили. И ночь за окном летела быстро, как авто по петербургским улицам.

Утром дежурный надзиратель передал Бахтину сверток. Бахтин развернул его и достал браунинг.

– Ну, что скажешь? – спросил Бахтин подошедшего Литвина.

– Браунинг «Модель 07», номер два, 1903 года. Им филеров вооружают. Точно, смотрите.

На кожухе-затворе справа была выбита надпись «Моск. Стол. Полиция».

– А что такое, случилось чего? – поинтересовался Литвин. – Пока нет. Владимир Гаврилович здесь? – У себя.

Бахтин прошел в кабинет Филиппова. Начальник сыскной полиции сидел за столом и разглядывал разложенные перед ним золотые монеты.

– Александр Петрович, посмотри, какие умельцы у нас объявились.

Бахтин взял империал, поглядел, даже на зуб попробовал, поставил на ребро. Потом чиркнул монетой по стене. – Золото, убей меня Бог, золото. – Ты смотри дальше-то, на лупу.

Бахтин начал внимательно разглядывать монету и увидел,

что буквы, идущие по кругу, чуть разного наклона. Но совсем чуть-чуть. – Кто же «монетный двор» открыл?

– Не знаю. А золото-то пробы самой низкой. По первым признакам вроде империял, а на самом деле чистая туфта.

– Это кто-то, я думаю, ворованное золото переплавляет, а может, и песочек приисковый мешает с чем-то.

– Я одну монету специалистам-металлургам отдал, – Филиппов сгреб монету в ящик стола, – они точный ответ дадут, как это жиганье свое дело наладило. Ну, что у тебя?

Бахтин рассказал о беседе с Фроловым, о сегодняшней встрече.

– Так. – Филиппов закурил толстую папиросу. Он курил крепкий табак, запах которого был едок, как скипидар.

– Вот, значит, кто к нам пожаловал. Залетные из теплых краев. Что-то начинают они Питер-то скупать. Тебе небось Ирина-то говорила, что театр их «Буфф», и варьете, и все кинотеатры на Невском покупает некто Рубин. – А кто он такой?

– Да фукс темный. Но богатый. Его дела Усов ведет.

– Усов тоже человек со вторым донышком, как контрабандный бидон.

– Но это пусть у градоначальника голова болит да у Городской управы. Наше дело разбойников ловить. Да ты, никак, мне что-то сказать хочешь?

Бахтин вынул из кармана бумажник и браунинг и положил на стол начальника. Тот вынул карточку охранного от-

деления и присвистнул. – Где взял-то?

– На Вяземском подворье. Федоровы ребята, видать, его глушанули.

– А как филер туда попал? – Искренне удивился Филиппов. – Там же политиков отродясь не было. Или сам шел в банчок перекинуться? – Говорят, что меня пас.

– Тебя? Даты, никак, в социалисты подался? Может, в за-
границах этих сочинения господина Маркса читал? – К со-
жалению, не читал.

– То-то и оно. А я попробовал, да не осилил. Уснул. Ви-
дать, не по нашему разумению сочинения те. Ну что голо-
ву-то ломать? Напиши подробный рапорт, да и отправим в
Охранное их имущество. – А может, лучше Белецкому.

– А что, это мысль. – Филиппов засмеялся. Он представил
себе на секунду лицо директора Департамента полиции.

Ровно в три в дверь постучали. Бахтин повернул ключ. На
пороге стоял Фролов. – Заходи.

Фролов вошел, огляделся. Обычный номер в гостинице
средней руки, в таких обычно любят останавливаться ком-
мивояжеры и небогатые купчики. Бронзовая лампа в виде
голой девки, держащей абажур, потертая плюшевая мебель,
тяжелые шторы на окнах.

– Садись, Петр Емельянович. – Бахтин открыл шкаф, до-
стал бокалы и бутылку ликера.

– Днем-то не по-людски вроде, – опасливо покосился на
рюмки Фролов.

– А мы по одной, ты меня ромом, а я тебя ликером угощаю. Они пригубили по рюмке. Фролов поставил свою. – Справил я это дело. – Хвались.

– Пришел ко мне Красавчик. Я ему сказал, что согласен, мол, но сумму меньшую назвал. Он засмеялся, говорит, мол, главное – договоренность, а о деньгах и поторговаться можно. На том и порешили. Я ему своего извозчика подставил. Так он довез Красавчика на Суворовский проспект в седьмой номер. Там доходный дом Старкова Елисея Ильича. Зашел Красавчик в пятую квартиру на втором этаже. В ней проживает мадам Холопова Анна Семеновна. Дама красивая, образа жизни широкого и легкого. Ее в игорных домах хорошо знают. – Он, что же, живет там или просто заходит?

– Отношения у них. Частенько его дружки ее посещают. Трое. Дворник сказал, что молодые, хорошо одетые господа. Почти каждый день мотор вызывают с Гончарной. Там таксомоторная фирма «Фортуна». Ну и едут или в «Медведь», или в «Виллу-Родэ». – Ясно. Спасибо, Петр Емельянович.

Бахтин достал сторублевку, положил перед Фроловым.

– Значит, расписочку написать надо? – спросил тот. – Обязательно. – А без нее нельзя?

– Порядок такой. Пиши, что обязуешься сотрудничать с нами, такую-то сумму получил и псевдоним твой будет Макаров. Фролов написал, протянул бумажку Бахтину. – А для меня какая польза-то будет? – Живи как жил, только помни, что раз в неделю мы встречаться будем. Вот тебе мои номера

телефонов: 32, 43-880 это в присутствие, а дома 36. Если что срочное, звони.

Полковник Еремин вошел в кабинет Белецкого и сразу же увидел браунинг на столе директора департамента.

– Полковник, получите вещи вашего сотрудника. Занесло его в Вяземское подворье. Кстати, как он?

– Сильный удар по голове. Находится пока в больнице. – Способный филер? – Один из лучших.

– Жаль, можем потерять ценного сотрудника. Вещи его и оружие изъял у громил надворный советник Бахтин, так что можете поблагодарить его. – Непременно.

– Кстати, полковник, это что, случайное совпадение или вы посадили за Бахтиным хвост? – Чистая случайность. – Я так и думал. Я вас не задерживаю.

Еремин ушел. А Белецкий захохотал, он смеялся долго до слез, вспоминая каменную рожу полковника. Потом вызвал секретаря.

– Передайте начальнику канцелярии издать приказ по департаменту: надворного советника Бахтина за мужество и находчивость пожаловать тремястами рублями из моего фонда. Приказ довести до всех заведующих производствами.

Белецкий представил лицо Еремина, читающего приказ, и опять засмеялся.

В кабинете Филиппова сидели Иников, Бахтин и Литвин, заведующий летучим отрядом Кислицын и заведующий на-

ружным наблюдением Плахов.

– Ну, как жить будем, господа? – Филиппов внимательно оглядел всех.

– По моему разумению, – ответил Иников, – надо засаду в квартире мадам Холоповой сажать. Кто пойдет?

– Надзиратель Никитин и два агента из летучего отряда, – изрек Филиппов.

– Маловато, – махнул рукой Кислицын, – люди-то серьезные. Им человека убить – что муху прихлопнуть.

– Давайте добавим трех городских из команды, – предложил Бахтин. – А у тебя, Александр Петрович, какой план-то?

– По данным секретного сотрудника Макарова Красавчик и трое его друзей почти каждый вечер ездят гулять или в «Виллу-Родэ» или в «Медведь», авто постоянно заказывают в обществе «Фортуна». Полагаю, что сегодня они будут делать то же самое. Посему в «Фортуну» посылаем одного надзирателя, за квартирой ставим негласное наблюдение. Создаем специальную группу – я, Литвин, надзиратели Токарев, Кольченко, Сомов, четверо агентов летучего отряда и городские из команды с околоточным Шалимовым. Брать всех будем на выходе из ресторана. В таксомотор сажаем Борю Ильина, он авто водит лучше любого механика.

Два варианта. Первый – взять по дороге в ресторан. Второй, если народу на улице будет много, брать ночью после ресторана.

– Лучше ночью, – сказал Филиппов, – не дай Бог, стре-

лять начнут, да кого из обывателей заденут, век не отмоемся. Значит, на этом и порешим.

В шесть часов вечера Усов и Рубин обедали в ресторане Кюба с председателем правления Русско-Азовского банка Дмитрием Львовичем Рубинштейном. Пожалуй, не было на финансовом небосклоне России более удачливого человека, чем тридцатичетырехлетний биржевой делец Рубинштейн, по кличке Митька Катафалк. Начав обычным биржевым «зайцем», он через несколько лет стал крупнейшим биржевым маклером, а потом и организовал банк.

Крупные промышленники и банкиры: Рябушинский, князь Львов, Путилов, Манус сторонились его, презирали, но не могли не отметить бульдожьей хватки и предприимчивости молодого дельца.

Они сидели в отдельном кабинете. Обед был великолепный. Рубинштейн, выпив немного вина, закурил сигару.

– Господа, я внимательно выслушал вас, теперь прошу послушать меня. Вы, господин Рубин, хотите хранить в сейфах моего банка драгоценности на сумму миллион двести тысяч рублей. Мои служащие проверили опись. Господа, не смейтесь надо мной. Вы же не ювелир, и я могу догадаться, откуда у вас эти ценности.

– Много лет, Дмитрий Львович, мой клиент вкладывал средства в драгоценности.

– Господин Усов, до приезда в Петербург ваш клиент был владельцем посреднической конторы в Одессе с оборотом от

шестидесяти до ста тысяч в год. Вычтем накладные расходы и у нас с вами получится не такая уж большая прибыль, чтобы скупать драгоценности. Кроме того, вы предполагаете положить в мой банк, – Рубинштейн налил бокал вина, шумно, в два глотка, выпил, – акций, ценных бумаг и наличности на полтора миллиона. Так? – Именно, – ответил Усов.

– Но откуда такие деньги у владельца вновь созданной фирмы «Пегас»? Тем не менее «Пегас» уже фирма, вы скупили несколько варьете, театров и кинематографов. Это дело, это надежно, это перспективно.

– Я купил два киноателье в Москве и сам начинаю снимать фильму, – сказал Рубин.

– Это разговор. Я могу сделать вкладчиком банка вашу фирму, но такие суммы – повод для сенатской ревизии. Если вас это устраивает, господа, то тогда считаем, что мы договорились.

Рубин зло жевал погасшую сигару. Он был бессилён перед этим молодым, напористым человеком. Что мог сделать он? Хотя и то, что ему удалось уговорить его принять вкладчиком – уже большое везение. Правление Русско-Азовского банка просто не пожелало разговаривать с ним. – И что я могу посоветовать вам напоследок, – сказал Рубинштейн, вставая, – вложите наличность в акции, ну а что делать с драгоценностями... здесь я не даю советов. Честь имею, господа.

– Сволочь, – мрачно сказал Рубин, когда дверь в кабинет закрылась.

– Нет. – Усов придвинул к себе блюдо с семгой. – Он делец рискованный, но опытный и тертый. Ты что хотел, чтобы банкиры к тебе побежали с распростертыми объятиями? Да ты для них никто. Фукс. Тебе надо деньги эти из подвала вынести, значит, покуай новое дело. – Какое еще дело?

– Оперетка, фильма, канканчик – это не то. Мелко, не масштабно. Нужно, во-первых, благотворительностью заняться, больницу, к примеру, построить, это общественный вес, потом я веду переговоры о вступлении в долю с Обществом северо-западного пароходства, его возглавляет некто Фрейдберг. У них сейчас трудности, им наши деньги понадобятся.

– Не хочу. Слышал я о них. Из Либавы в Лондон эмигрантов возят. Нам с тобой надо прибрать к рукам местное пароходство и все таксомоторы в городе. Входи к ним пайщиком, покуай, делай что хочешь, но это должно быть нашим.

– Теперь о Бахтине. Я, Гриш, решил его проучить на всю жизнь. И поможет нам в этом корреспондент «Вечернего времени» Ванька Манасевич-Мануйлов. – Слышал о нем. Тот самый, из Охранного? – Он. Но заплатить надо.

– Не вопрос. Пусть только его наизнанку вывернет. – За это не бойся.

– Вот на том и порешили, а теперь давай закусим, не бросать же стол такой. – Может, баб позовем? – Усов погладил бороду. – Зови, пусть едут.

Красавчик позвонил в «Фортуна» в одиннадцать часов и

заказал большое авто до утра.

Ильин, одетый в кожу, как рыцарь в черные латы, вывел машину с Гончарной и поехал на Суворовский проспект. Он гнал машину по улицам, упиваясь своим умением и скоростью. Уже пять лет, как он был членом Императорского автомобильного клуба, мечтал уйти из полиции и стать авиатором. Автомобиль был первым шагом к достижению мечты. Несколько лет назад он с трепетом душевным наблюдал полеты Сергея Уточкина, знаменитого одесского автогонщика и авиатора. В тот день он был одним из трех, желающих совершить полет с авиатором.

Высота, город, лежащий под ним, ощущение полета воспринимались как счастье, пришедшее во сне. Скорость пленяла его, авто летело по улицам столицы.

У дома Старкова на Суворовском Борис лихо затормозил и трижды нажал на грушу клаксона. Из окна полуподвала выглянул недовольный дворник и пообещал позвать городского. Ильин со свойственной шоферам простотой отправил его к матери и вошел в подъезд. Вот и второй этаж. Борис снял кожаный картуз и позвонил. Дверь распахнулась сразу. На пороге стоял Красавчик. – А где Сергей? – спросил он. – В больнице. – Да что с ним? – Ногу сломал. – Не повезло. А тебя как зовут? – Борис.

– Боря, тебе Сергей говорил, что будешь нас держаться – не пропадешь? – Да у нас о делах особенно не говорят.

– Это хорошо. – Красавчик хлопнул его по плечу. – Длин-

ный язык – враг длинному рублю.

Ильин усмехнулся и понял внезапно, что, видимо, этот шофер Сергей возил шайку на преступления.

– Так что мне делать? – Ильин чуть наклонил голову. – Иди вниз, сейчас поедem в «Медведь».

Через несколько минут в машину сели молодая красивая женщина и двое тщательно одетых мужчин, – Гони, Боря, с ветерком.

И Боря погнал. До Большой Конюшенной добрались в рекордный срок. – Ну, ты и мастер, – вылезая, сказал Красавчик, – нам с тобой будет о чем поговорить.

Ильин подождал, пока вся компания скроется за освещенными стеклянными дверьми и огляделся, закурил. И сразу рядом возник господин в кепочке английского покроя. – Дозвольте прикурить?

– Их раньше возил шофер Сергей, думаю, он с ними и на мокруху ездил, – сказал Ильин. – Понятно. Будем ждать.

Бахтин вошел в ресторан с черного хода и спросил управляющего. Через несколько минут перед ним стоял толстый, страдающий одышкой, лысый человек.

– Это вы, голубчик, Александр Петрович, а я-то думал... Что изволите, столик, кабинет?

– Спасибо, Тихон Спиридонович, я бы одним глазком из вашей обители на зал взглянул. – Извольте, извольте.

Тихон Спиридонович, несмотря на свою комплекцию, бойко взбежал на второй этаж.

– Заходите, – пропустил он Бахтина, – вчера тоже подполковник Глобочев из Охранного заходили, так они часа два за залом наблюдали.

Комната управляющего была просторной, и иногда ее использовали как кабинет для особо важных гостей. Одна из стен была стеклянной. Ее закрывала темная плотная занавеска. Бахтин отодвинул ее. После сырой улицы, черного хода ресторана зал показался ему особенно светлым.

Созвездия красивых дам. Туалеты, драгоценности, меха. Нарядно гляделись мундиры военных. Блестело золото и серебро погон, аксельбантов, галунов.

Он заметил несколько синих студенческих тужурок. Сюда могли приходить только дети богатых родителей, так называемые студенты-белоподкладочники. И, конечно, штатские мужчины соперничали с военными покровом фраков и сюртуков.

Тревожно звучала музыка румынского оркестра. Звуки плыли над залом. Рыдала скрипка. Сам Аки-Альби, знаменитый скрипач и дирижер, высокий худой брюнет в расшитой атласной куртке, играл соло, переходя от одного столика к другому. Зрелище это, красивое и яркое, невольно завораживало. И Бахтин, плененный им, начал следить глазами за скрипачом. Вот он наклонился к столику, за которым с поручиком лейб-гвардии Литовского полка сидела прелестная дама в голубом платье. Скрипка пела, плакала об ушедшей любви, и вдруг мелодия стала бравурнее, быстрее и оркестр

подхватил ее.

Аки-Альби уже склонился над дамой в черном платье. Бриллианты в ушах и на шее, светло-русые волосы уложены просто, но именно в этой простоте и была особая прелесть. Рядом – мужчина во фраке.

И стукнуло сердце Бахтина в такт. Жарко ладоням стало. Лена Глебова сидела за столом. Единственная женщина, которую он любил. Она стала старше и еще прелестнее. Бахтин смотрел на нее не в силах отвести глаза.

А высокий румын, кумир ночного Петербурга, шел от стола к столу, играя и радуясь. Он снова остановился и заиграл какой-то бойкий, прыгающий мотив. Какую-то мелодию кабаков русского юга. И Бахтин увидел Терлецкого. Жорж сидел рядом с Красавчиком. Остальные Бахтина не интересовали. Он уже посчитал, что, видимо, здесь вся банда. Пять человек.

Ну что ж, Терлецкий. Это тебе не по окнам вагона стрелять. Сегодня встреча лицом к лицу.

Бахтин опустил занавеску и, уходя из кабинета, вдруг подумал о том, что не взглянул еще раз на Елену. И с грустью подумал, что ненависть к Терлецкому, видимо, сильнее любви. На улице к нему подошел Литвин.

– Александр Петрович, шофера, что их возил, Сергея Шохина, наши забрали. – Хорошо. Люди готовы? – В любую минуту.

– Ну, в любую не надо. Они только холодное начали, так

что пусть расслабятся, покурят.

И потянулось время, как баржа против течения. К входу в ресторан подъезжали авто и извозчики. Нарядные люди шли веселиться в моднейший кабаk столицы. Распахивались двери и выходили из ресторана парочки. Норковая шуба, черное пальто, черно-бурый палантин и сизая гвардейская шинель. Шло время. Медленно шло. Слишком.

Рядом Литвин сквозь зубы материл Красавчика и Жоржа и всю их банду подлую, и всех, кто пьет сегодня в «Медведе» и вообще ведет ночную жизнь.

– Что-то вы очень строги к людям, милый Орест. – Бахтин закурил папиросу.

Запах табака во влажном воздухе был особенно резок.

– Насколько я знаю, вы тоже не прочь посетить кабачок под названием «Капернаум» на Владимирской. – Это рядом с моим домом.

– Зачем вы оправдываетесь, я не осуждаю вас. Я сам люблю зайти в «Северную Пальмиру». – Починам и кабаk.

– Не завидуйте. Чин дается за выслугу лет, стало быть, чем выше чин, тем вы старше. Увы, это так. Но юный подпоручик никогда не понимает и не поймет своего преимущества перед сорокалетним полковником. Чины, чины, чины. – Бахтин достал часы, нажал репетир. Динь! Динь!

– Всего два, – продолжал он, – ночь только набирает силу.

– Вы, Александр Петрович, себе наручные купите часы, – посоветовал Литвин, он задрал рукав и показал Бахтину ча-

сы. – «Мозер», и совсем недорого.

– К этой мысли надо привыкнуть. – Бахтин бросил папиросу. – Подите скажите приставу Сиротину, чтобы его городовые не высовывались из дворов.

Бахтин вышел из-под арки. Оглядел улицу. Нет, им деться некуда. С двух сторон запрут Большую Конюшенную сторожевые фургоны, взятые в полицейском резерве. Все проходные дворы, все подъезды перекрыты городовыми. Лучшие агенты летучего отряда, лучшие сыщики сысской полиции томятся в ожидании дела.

Они появились около пяти. Большая Конюшенная уже была пустынной, и у входа в ресторан стояло только авто Ильина. Первым к нему подошел Терлецкий. Он долго, внимательно разглядывал Бориса, потом спросил: – Ты давно работаешь в «Фортуне»?

– Полгода. – А почему я тебя не видел? – Вы бы в гараж зашли, там бы и увидели. – Почему в гараж?

– Я механик, а Сергея подменил только на один день.

– Он здорово ездит, Жорж, нам нужен такой человек, – вмешался Красавчик.

– Посмотрим, – Жорж запахнул пальто и сел в машину.

Ильин так и стоял с кожаной фуражкой в руке, придерживая дверь. Наконец, последний из их компании залез в машину. Пятеро мужчин и две дамы теснились в салоне. Красавчик сел рядом с Ильиным. – Куда?

– А действительно, куда? – повернулся он к компании.

– На Стрельну, – безапелляционно сказал Терлецкий, – там и встретим утро. – Понял? – Красавчик повернулся к Ильину. – Стрельна.

Ильин резко рванул машину с места. У условленной арки дома он затормозил. – Что такое? – крикнул Жорж.

– Мотор. – Ильин выскочил из машины. Поднял капот, выдернул из куртки наган. – Вы арестованы!

Из подворотен и подъездов к машине бежали сыщики в штатском и городовые. И тут Жорж Терлецкий выстрелил в Ильина. Бахтин увидел, как медленно-медленно падает на камни мостовой Боря Ильин. Увидел Жоржа Терлецкого, выпрыгнувшего из машины и бегущего к входу в ресторан. Он хотел укрыться среди людей, в лабиринте комнат, в переплетении лестниц и переходов. И это был шанс. Единственный шанс к спасению.

Наперерез ему бросился молодой околоточный, совсем мальчик, пришедший в полицию неделю назад. Он бежал к нему, размахивая длинноствольным «смит-и-вессоном», боясь выстрелить по человеку. – Стой! – крикнул Бахтин. – Стой, Терлецкий! Жорж выстрелил, не оборачиваясь на голос. Пуля, противно цвикнув, шлепнулась в стену в метре от Бахтина. Околоточный был уже у двери, он, что-то крича, растопырил руки, закрывая вход в ресторан. Терлецкий выстрелил и тот осел, прислоняясь спиной к дверям.

Бахтин выругался, поднял наган. Пуля догнала Жоржа в метре от входа в «Медведь». Он, словно споткнувшись, сде-

лал шаг и рухнул на спину. Бахтин побежал к нему. Стонал раненый околоточный. Жорж лежал, раскинув руки, глядя пустыми глазами в ночное небо. – Готов? – спросил подбежавший Литвин. – По-моему, да.

– Мы врачебную карету вызвали, сейчас будет. – Он наклонился к околоточному: – Куда тебя? – Кажется, в руку.

Левый рукав на форменном пальто стал черным от крови. Мальчик с испугом глядел на растекающееся пятно.

К стеклам дверей прилипли любопытные лица. Бахтин повернулся и пошел к машине. Он словно перешел из одной комнаты в другую. Из напряжения схватки, когда он видел и слышал только то, что происходит у дверей «Медведя», в крик и гомон улицы. Визжали женщины, дико матерились налетчики и городовые. А он шел мимо них, сквозь этот мат и крик, к человеку в накинутах на плечи пальто, склонившемуся над Ильиным. – Вы врач?

– Да, ординаторский профессор Военно-медицинской академии, действительный статский советник Алексеев. – Он жив, ваше превосходительство?

– Да перестаньте вы. Я врач, поняли? Врач. Он убит. – Я прошу вас... – Бахтин замялся. – Глеб Андреевич, – подсказал Алексеев. – Глеб Андреевич, ранен околоточный. – Хорошо.

– Двоих городских порезали, гады, – сказал подошедший Кислицын.

В конце улицы зацокала копытами медицинская карета. Потом подъехал арестантский фургон и задержанных отвезли на Офицерскую, 28. Увезли раненых.

А Бахтин стоял и смотрел, как санитары кладут на носилки труп Ильина, как несут... Захлопнулась дверь кареты, отвозящей людей на берег реки Стикс.

Зоммер разбудил Рубина в семь утра. Тот полчаса назад лег спать, вернулся от Кюба, куда Усов вызвал дам, и они потом поехали к одной из них и провели там ночь.

– Ну, что тебе? Оставь меня в покое, – зарычал спросонья Рубин

– Жоржа убили, мальчиков взяли. – Зоммер протянул хозяину стакан сельтерской.

Рубин жадно выпил воду и сказал спокойно, будто ничего не случилось: – Звони Усову, пусть берет Козлова и сюда. – К вам? – Нет, туда, к Жоржу. Кто их взял? – Бахтин.

Рубин грохнул хрустальный стакан о стенку и начал одеваться. Он был спокоен. Так уж приучил себя. В самых критических обстоятельствах он немедленно брал себя в руки.

Усов и Козлов застали его сидящим за столом и с аппетитом завтракающего жареной колбасой с кислой капустой. На столе стояли несколько литровых бутылок пива. – Григорий Львович любил простую пищу, к которой привык с тех далеких времен, когда был еще молодым налетчиком в Одессе. – Ну, садитесь, подельщики, чем порадуете?

– Григорий Львович, – гневно начал Козлов, – я генерал,

как вы...

– Что? – Рубин бросил вилку и встал. – Генерал? А кто тебе этот чин-то купил? Да если бы не я, ты бы в Николаеве выше исправника не поднялся. Кто тебе две тысячи в месяц платит? Забыл? А за что...

– Легче, Гриша, легче. – Усов сел за стол, налил себе пива. – Ты тоже без нас сидел бы в своей Одессе... – Может быть. Но я плачу вам, а не вы мне...

– Спокойнее, – продолжал Усов, – Михаил Иванович, кто дело-то расследует?

– Следователь судебной палаты статский советник Акулов. – Берет? – Усов допил стакан и налил снова.

– По слухам, нет. Больно уж независимый господин.

– Все берут, – мрачно сказал Рубин, – только надо дать больше.

– Вы можете поговорить с Акуловым? Мол, так и так, убийца погиб, а остальные... – Да они городских порезали.

– Вот, – радостно засмеялся Рубин, – в Уголовном уложении для этого своя статья. Совсем иная, нежели налет да убийство.

– Тяжелое дело, – вздохнул Козлов, – очень тяжелое.

Рубин открыл дверцу шкафа, вынул пачку денег, положил перед Козловым. – Десять тысяч.

– Мало, Григорий Львович, мало. Многим давать придется. – Сколько надо? – Еще десять.

– На. – Рубин добавил еще пачку. – Ты, Михаил Ивано-

вич, следователем и городскими займись, а ты, Усов, найди адвоката лучшего и Бахтина с дерьмом смешай. Почему ты, Михаил Иванович, с Бахтиным не разобрался?

– А почему, Григорий Львович, ты думаешь, что я не разобрался? Им Особый отдел Охранного отделения занимается. Так что Петр Федорович в самое время статейку организует. Тем более, Мануйлов. У него перо злое и хлесткое. На том и порешили.

Иноков утром зашел в кабинет Филиппова и положил на стол протокол дознания.

– Показания шофера Сергея Шохина, он убийца по адресам покойных возил.

– Вот это дело. Отправляй Акулову. Теперь им не открыться. Где Бахтин? – Дома пока. Почернел весь из-за Ильина.

– Дружили они. Сколь ни печально говорить, но вакансия открылась. Ищи человека. – Подумаю. – А на примете есть кто?

– Трепов, помощник пристава. Склонен к сыскной работе. – А если Литвина?

– Рано еще. Пусть заматерее немного. Он как сыщик хорош, а здесь людьми командовать.

А Михаил Иванович Козлов нашел все-таки хитрый ход. Он попросил графа Щербатова, и тот пригласил его на обед в Английский клуб. Там, в курительном салоне он и нашел Акулова. Они мило раскланялись. Козлов был человеком

светским, устраивал раз в месяц рауты у себя на Фуршадской. В его доме бывало много нужных людей. Поэтому Акулов был с ним особенно любезен. Козлов присел в кресло рядом с ним, закурил сигару.

– Слышал, вас поздравить можно? – Он выпустил плотный шар дыма. – Да сделали кое-что.

– Но доказать-то трудно будет. Наша сыскная хватает кого ни попадя.

– Один точно убил Фоста. Это уже доказано. А на остальных свидетель показывает. Представьте дураков. Наняли в «Фортуне» таксомотор и разъезжали на нем из дома в дом. Они убивали, а шофер ждал. Вот он-то и есть мой главный свидетель. – Он в арестантском доме?

– Зачем? Человек напуган, согласен на всемерное сотрудничество.

– Правильно мне говорили, Игорь Сергеевич, – сказал, вставая, Козлов, – вы действительно лучший следователь Петербурга. Позвольте откланяться. Двадцатого жду у себя. А то избегаете вы меня. Избегаете.

Манасевича-Мануйлова Усов застал в бильярдной у Доминика. В низком прокуренном зале свет ламп тонул в клубах табачного дыма. За одним из столов играл редактор и хозяин «Вечернего времени» Борис Суворин. Мануйлов стоял в углу, он «держал мазу» за игру своего шефа. Игра покрупному. Партия – «катенька».

– Петр Федорович, – обрадовался Мануйлов, – может, за-

ложитесь?

– Да не до того, Иван Федорович. Дельце у меня к вам.

– То, о чем говорили, в отношении надворного советника Бахтина? – Именно.

Мануйлов потер большой палец правой руки об указательный. Усов понимающе кивнул и достал пять сотенных. – Думаю, хватит?

– В опасное дело втравливаете, – Мануйлов взял деньги, – в очень опасное. Знаете, ссориться с самим Филипповым... Бахтин-то у него на отличном счету. Да потом в Париж за орденом ездил. Трудновато. – Добавить, что ли? – усмехнулся Усов. – Не мешало бы. – Столько же после выхода статьи.

– Партия! – радостно крикнул Борис Суворин. – Ванька! Ты мазался? – А как же, – радостно ответил Мануйлов. – По чем? По «петруше»? Можешь получить.

Усов посмотрел на радостного Мануйлова и подумал, что только жизнь не делает с человеком. Удачливый работник заграничной разведки, резидент в Ватикане, ловкий контрразведчик в японскую стал мелким биллиардным жучком. А почему? От жадности спалился, да от того, что нечист на руку был.

На секунду пример Мануйлова устрасил его. Но всего лишь на секунду.

Борю Ильина похоронили в полдень. Отпели в церкви, закопали, шли за гробом почти все сыщики Петербурга, да

пристава и их помощники. Приехал директор Департамента полиции.

Из всех родных были брат-гимназист, да старшая сестра – бестужевка. Ее вел под руку Филиппов. Засыпали могилу. Городовые поставили мраморный крест. Потом поминки были. В ресторане Самохвалова. Помянули и разошлись. На поминках к Бахтину подошел брат Ильина.

– Говорят, что вы отомстили за брата. Это правда, Александр Петрович?

– Это не месть, Женя. Вы должны понять, что службу нашу нельзя использовать для побуждений личных. Я остановил уголовника. Остановил пулей. То есть наказал зло.

– Но тогда, – спросил Женя Ильин, чудовищно похожий на брата, только моложе, – вы же сами сотворили зло, убив этого человека.

– Да, Женя. Но такова моя служба. Я караю зло злом. – И вы думаете, это поможет?

– Нет. С того момента, как Каин убил Авеля, это не помогло ни разу. – Так чем же можно победить зло?

– Видимо, добром, Женя, но я не знаю, как это делать. Кем вы хотите стать после окончания гимназии? – Авиатором, как мечтал Боря. – Ну, дай вам Бог.

Дома Бахтин снял мундир и прилег на диван. Пестрый котенок по имени Луша немедленно залез к нему на грудь и зарурчал, уткнув в рубашку розовый нос. Тишина квартиры, урчание котенка, сумерки, прилипшие к окну, наполнили его

покоем, и Бахтин задремал.

Разбудил его звонок. В прихожей чей-то незнакомый голос препирался с Марией Сергеевной. С урчащим котенком в руках Бахтин вышел в переднюю.

– Я им говорила, Александр Петрович, что вы спите, да они...

Перед Бахтиным стоял высокий, плотный, даже толстый человек в черном дорогом пальто, белом шелковом шарфе, в руке он держал цилиндр. – С кем имею честь? – Присяжный поверенный Усов Петр Федорович.

– Извините меня, господин Усов, что я по-домашнему, но, право, я нынче гостей не ждал. Проходите.

– У вас милая кошечка, Александр Петрович. Говорят, трехцветные кошки приносят дому удачу и достаток. – Прощу. В гостиной Бахтин надел висящий на стуле мундир. – Садитесь. – Господин Бахтин, давайте сразу к делу. – Давайте.

– Я представляю самих арестованных вами третьего дня людей. – Бандитов.

– Это в социальном понимании. А в божеском – людей. Вы, конечно, будете выступать на суде? – Естественно.

– Помогите родственникам арестованных и вы сразу станете богатым человеком. – Не понял. – Сто тысяч? – Они с вами?

– Я же не дурак, господин Бахтин, чтобы приносить с собой такие деньги к вам. – Значит, понимаете, что я могу сде-

лать. – Сто пятьдесят.

Бахтин шагнул к Усову. Тот, несмотря на свою грузность, проворно вскочил. – Не...

Он не успел закончить. Кулак Бахтина опрокинул его на пол. Бахтин налил воды в стакан, плеснул в лицо Усову, тот застонал, оперся руками о пол и начал медленно подниматься. Бахтин рывком поставил его на ноги, вытащил в переднюю, открыл дверь и вытолкнул наружу, выкинув вслед ему пальто.

– Ты пожалеешь, – разбитым ртом пообещал Усов.

Рубин никак не мог дозвониться Усову. Сначала телефон не отвечал, потом лакей говорил что-то невразумительное. Наверное, опять напился. Как же можно в такое-то время? Григорий Львович так и не знал, чем закончился визит его поверенного к Бахтину. А вдруг сыщик глотнул наживку. Значит, тогда Рубину практически никто не угрожает в Петербурге.

Взятка, полученная Бахтиным, позволит выйти на Филиппова, а главное, теперь любое дело, которое Рубин собирается провести, будет надежно прикрыто от сыска.

Странно и непонятно устроена жизнь. Впервые с Бахтиным он столкнулся еще в Одессе, когда его люди взяли Вознесенский ломбард. Дело было продумано четко. Из Москвы выписали известного медвежатника Тихомирова. Рубин сам пошел в участок и дал десять тысяч околоточному. Братья решили на Пасху, ломбард несколько дней не работал. Охра-

ну там несли артельщики. Они наняли людей крепких. Пять человек сидело в здании. Еще за десять тысяч околоточный в конной парадной форме, по случаю святого праздника, зашел в ломбард, якобы проверить охрану. И сказав, что полиции вокруг много, разрешил четверым уйти в церковь. Посты, естественно, околоточный снял.

С одним охранником справились быстро. Рубин и четверо в масках связали его и впустили Тихомирова. Через три часа все десять сейфов были вскрыты. Наличными и золотом взяли двести тысяч. Вот тут-то и появился Бахтин. Он раскопал околоточного, вышел на Тихомирова, через него на Сашку Червонного, одного из людей Рубина.

Но тогда бог миловал. Пронесло. Вот так, много лет назад, стал на дороге Рубина полицейский чиновник Бахтин и стоит по сей день. Дверь в квартиру Усова открыл лакей Степан. – Где хозяин? – Да он... – замялся Степан. – Где?! – В спальне.

Рубин пролетел по квартире, распахнул двустворчатую дверь в спальню. На постели сидел Усов. Лицо его чудовищно распухло. Левая сторона затекла черным, пугающим цветом. – Бахтин? – захохотал Рубин. Усов кивнул. – Значит, не взял? Усов опять кивнул.

– Молодец. Я его ненавижу и преклоняюсь перед ним. Человек. Таких в империи мало. – Свидетелем по делу об убийстве, – прошамкал Усов, – идет шофер из «Фортуны» Шохин Сергей, он их на дела возил.

– Фраера. Не могут без глупого шика. Но это в голову не бери. Им Семен займется. А ведь неплохо он тебе влепил. – Рубин снова захохотал.

Михаил Абрамович Гринберг подписывался псевдонимом Григорьев. Он много лет репортерил в «Биржевых ведомостях», но страстно любил искусство. Любовь эта зародилась в нем еще на филологическом факультете Киевского университета. Он прекрасно знал театр, великолепно разбирался в живописи, писал о новом искусстве – Великом Немом. Борис Суворин лично пригласил его обозревателем в «Вечернее время».

Михаил Абрамович печатал два раза в неделю подвалы. Один о выставках и вернисажах, а другой – театральный обзор.

Вот и сегодня вечером он вернулся с Адмиралтейской набережной из Русского драматического театра. Последний абзац обзора, где он должен был сказать об увиденном спектакле, уже сложился, и он решил дописать его прямо в типографии.

В типографии пахло свинцом и керосином, гудели лино-типы, ухали за стеной печатные машины. Наверное, нет журналиста, который бы не любил вечернюю типографию. Ее шум, запах, крепкие анекдоты наборщиков.

Метранпаж Захаров, огромный, гладкобритый, похожий на оперного певца, пригласил Гринберга к себе в комнату, отделенную от цеха стеклянной стеной. – Держу полосу, Ми-

хаил Абрамович. Много у вас? – Строк сорок.

– Копейки. Садитесь, голубчик, пишите. Чайку с пряниками? – Да не откажусь.

Для Гринберга наступало любимое время. Ждать мокрую полосу, пить чай, слушать веселые истории метранпажа. Вошел печатник, положил на стол сырые гранки. – Верстальщик спрашивает: в этот номер ставить? – Мануйлова? – Да.

– В следующий. Пусть сдает раньше. Я из-за него газету ломать не буду.

Гринберг взглянул на гранки и увидел внезапно фамилию Бахтин. Он придвинул к себе статью. Название было непонятным, но хлестким: «Властью, мне данною...» Гринберг прочел статью. В ней говорилось о гибели молодого человека, который стал жертвой не просто убийцы-полицейского, а что хуже, убийцы – члена стрелкового клуба. Вместо того, чтобы задержать его, Бахтин развлекался с ним, как с живой мишенью. А дальше начинался рассказ о лихоимце Бахтине, какие-то намеки на поборы лавочников, о неоплаченных счетах в ресторанах. О крупных взятках. О связях с преступным миром.

Михаил Абрамович знал Мануйлова. Слишком хорошо знал, чтобы поверить хотя бы одному его слову. С Бахтиным Гринберг встречался у Евгения Сергеевича Кузьмина и знал о сыщике только хорошее. Видимо, не зря Мануйлов написал эту статью. Совсем не зря. Незаметно Гринберг положил гранки в карман. Потом быстро дописал статью, вышел на

улицу. Где же найти Кузьмина? В редакции его нет наверняка. Значит, дома.

Но дома Евгения Сергеевича не было. Гринберг вышел из подъезда и решил ехать к артистке оперетты Ирине Нечволодовой на Екатерининский канал, там Кузьмин был частым гостем.

Дверь в квартиру Ирины была открыта. Еще на лестнице Гринберг услышал звуки рояля и веселые голоса. Он вошел в большую прихожую, стены которой были оклеены афишами и увешаны венками. На огромном зеркале теснились автографы знаменитостей, написанные губной помадой. Это был безалаберный, веселый богемный дом.

Ирина обрадовалась Гринбергу. Они были в добрых отношениях. Несколько раз Михаил Абрамович писал хорошие рецензии на ее спектакли.

Кузьмина Гринберг нашел в маленьком будуаре, стены которого были обиты синим штофом.

Евгений Сергеевич разговаривал с каким-то человеком в форме капитана Добровольного флота. Он искренне обрадовался Гринбергу.

– Михаил Абрамович, ну мы холостяки, понятно. Ночь губим. А вы-то, семьянин? Знакомьтесь. Капитан и литератор Лухманов. Садитесь с нами. – Дело есть к вам, Евгений Сергеевич.

– Пойдемте на кухню, это единственное тихое место в этой квартире.

На кухне среди наваленных тарелок и бокалов, блюд с закуской и пустых бутылок Кузьмин прочитал гранки и спросил: – Когда пойдет статья? – Завтра.

– Спасибо, Михаил Абрамович. Вечно ваш должник.

С Мануйловым Кузьмин встретился утром в ресторане «Севастополь» на Обводном канале. Ресторан был маленький, прокуренный и грязный. Зато наверняка там не было знакомых. Они сели за стол и спросили пива.

– Это ваша статья? – Кузьмин положил на стол гранки. – А вам она понравилась? – усмехнулся Мануйлов. – Нет. Не об этом разговор. Вы ее снимите. – Почему?

Кузьмин положил перед Мануйловым машинописные страницы.

– Читайте. Только помните, эта статья выйдет завтра в Петербурге и будет напечатана в двух московских газетах. – Что в ней? – прищурился Мануйлов. – Все, Иван Федорович. – То есть?

– Три тысячи семьсот франков, украденных вами у Эмиля Мутье из Брюсселя, рассказ полковника Генштаба Арабаша о том, как вы обирали агентов в Париже, сведения о присвоении вами жалованья и наградных агента Бруккера, пикантная история о жалованье за тридцать три месяца парижскому агенту Бурштеку, а главное, данные о полученных вами двадцати тысячах франков от редактора «Общего дела» Владимира Львовича Бурцева. Вы же продавали ему секретные данные охранной полиции...

– Хватит, – Мануйлов поднял руку, – эти документы фигурировали...

– Ваше дело прокурор Корсак закрыл по письму генерала Курлова на основании 227 статьи Уголовного уложения. Но газета потребует нового разбирательства. – Что мне делать? – Голос Мануйлова дрогнул.

– Вы оставляете в покое Бахтина, а я вас. Теперь главное: кто вас нанял?

Монасевич-Мануйлов покрутил в руке вилку, потом начал ею что-то чертить на скатерти. – Это важно? – спросил он. – Очень.

– Присяжный поверенный Усов. Я в трудном положении, деньги... – Это ваши трудности. Кузьмин встал и не прощаясь вышел.

Котенок сразу же нашел свое место в доме. Спал он только с Бахтиным, удобно устроившись около подушки. Но Бахтин был рад этому. Наконец-то в доме появилось живое существо, за которое он нес полную ответственность. Смешно сказать, но он скучал по Луше. И она, услышав, как хлопнет дверь в передней, бежала к нему, радостно мурлыча.

– Ты стал подлинным старым холостяком, – смеялась Ирина.

Сегодня он лег рано, заснул и проснулся от боя часов. Они пробили четыре раза. Бахтин сел на кровати, Луша недовольно завозилась на своем месте.

И тут раздался телефонный звонок. Длинный и тревож-

ный в ночи. Шлепая босыми ногами по паркету, Бахтин выскочил в коридор, снял трубку. – Бахтин слушает.

– Слушаешь, легавый? Так слушай. Своего стукача Сережу Шохина на Обводном ищи. Ему кто-то горло перерезал.

Часть вторая.

ПЕТРОГРАД – МОСКВА.

1916-1917 годы

Часы неумолимо отсчитывали последние шаги ночи. И хотя до рассвета было еще далеко, Бахтину показалось, что фонари за окном начали постепенно тускнеть. Чертовски длинные осенние ночи в Петрограде. Темнота рано наползает на город. Наверное, приносят ее черно-грязные тучи, висящие над Финским заливом. Внезапно время остановилось, часы смолкли на несколько секунд, потом натужно пробили пять раз.

В кабинете полицмейстера протяжно зазвонил телефон. Господи, да кто же телефонирует в такую рань столь высокому чину, как полицмейстер 3-й части. Полковник Арутюнов еще спит спокойно.

Бахтин закурил папиросу и спустился в дежурку. Из-за стола вскочил заспанный околоточный, с грохотом поднялись городовые.

– Видно, зря вы ночь потеряли, господин надворный советник, – вздохнул дежурный. – Такова наша служба.

– Ничего, ваше высокоблагородие, вы его все равно заловите, – сказал один из городских. – Думаешь?

– А что, я вас не знаю. – Городовой громыхнул тяжелой

пашкой. – Значит, веришь мне? – усмехнулся Бахтин. – Так точно, верю. – Твои бы, братец, слова, да к Богу в уши. – Ваше высокоблагородие...

Городовой не успел договорить, как дверь распахнулась и в дежурную комнату вошел Литвин, за ним два сыщика и помощник пристава Евдокимов ввели человека, одетого в черное пальто, белый шелковый шарф и сбитый на затылок цилиндр.

– Вот он, Александр Петрович, еле взяли, здоров бегать оказался.

– А зачем вы за ним бегали, Орест, прострелили бы ему ногу и весь разговор. – Да пожалели подлеца.

– Значит, так, – Бахтин подошел к задержанному, – вот ты, Конкин, опять с нами.

– Ошибаетесь, господин, – с явным иностранным акцентом ответил задержанный, – я бразильский подданный граф Альбано.

– Любопытно, – удивился Бахтин и взял протянутый Литвиным паспорт.

– Действительно бразильский подданный, граф. Все сходится. Молодцы, ребята, крупную рыбу поймали. Вы арестованы, граф Альбано. – На каком основании...

– А вам известно, граф, что Российская империя вместе с Англией, Францией, Италией и Румынией воюет с Германией и ее союзниками. Задержанный важно кивнул.

– А вам известно, что Бразилия союзница Германии и что

войска Германии на Западном фронте, прорвав нашу оборону, подходят к Варшаве.

Все присутствующие с изумлением смотрели на Бахтина.

– Стало быть, граф, вы шпион, мы передадим вас в контрразведку и вас расстреляют. Военно-полевой суд – дело короткое. Сегодня привезем, завтра приговор. Везите его в Главный штаб, в отделение контрразведки, – скомандовал Бахтин. «Граф» дернулся испуганно и заговорил без акцента. – Господин Бахтин, так что и пошутить нельзя?

– Можно, если ты, братец, признаешь себя не бразильским подданным, а касимовским мещанином Егором сыном Даниловым Конкиным. – Признаю. – Конкин истово перекрестился.

– Вот это уже лучше, – подошел к нему Бахтин. – А скажи-ка мне, Егор Данилович, где вещи? – Какие вещи? – Значит, это не ты, на Фуршадской штопорнул? – Истинный крест, не я.

Бахтин ударил его коротко, без замаха. Конкин отлетел к стене, гулко стукнувшись головой. Городовые одобрительно крикнули. – Поднимите его. – Бахтин достал папиросу.

– Сам, сам встану. – Конкин оперся о лавку и поднялся с трудом.

– Вы, господин Бахтин, ручку-то попридержите. Чуть не убили. – Вещи? – Так разве я против. Они у Верки Лошади. – Все? – Как одна. – А ты знаешь, дурак, кого ты штопорнул? Конкин промычал нечто невнятное.

– Начальника департамента Министерства финансов. – А нечего ему по малинам шляться.

– Моралист. Но правда в твоих словах есть. Но об этом не наша печаль, а господина полицмейстера. А пока, господа, поезжайте к Верке Лошади, благо ее стойло недалеко, и привезите вещи. Бахтин надел пальто и котелок.

– Да, – повернулся он к Евдокимову, – вы телефонируйте потерпевшему, пусть получит вещи. – А «графа» куда? – спросил Литвин.

– Его, Орест, отвезите к нам, мне с ним по душам поговорить нужно.

На улице было сыро и знобко. Бахтин поднял воротник и зашагал к Николаевскому вокзалу.

Невский был безлюден. Даже проститутки попрятались по домам. Только городовые на перекрестках, узнавая его, становились во фронт.

Господи, вот же добился чести, небывалого почтения низших полицейских чинов. Стоило прожить почти всю жизнь ради этого.

Пустынная улица успокаивала его, но все-таки не сравнить Невский с Тверской. Та роднее, теплее, уютнее.

Внезапно на пересечении улиц загрохотал трамвай. В залитом электричеством салоне сидели и лежали солдаты, перевязанные грязноватыми бинтами. Значит, на какой-то вокзал пришел санитарный поезд. Война резко изменила жизнь столицы, больше стало военных, под госпитали заняли доро-

гие особняки, появилось огромное количество новых учреждений, обслуживающих армию.

В них окопалась куча молодых здоровых людей, напяливших на себя форму Земского союза, Союза городов, всевозможных ведомств великих княгинь. Они носили щегольские френчи, немислимые серебряные погоны, шашки, браунинги, шпоры.

Они вечерами заполняли модные кафе и рестораны. Их не устраивала судьба скромных прапорщиков и вольноопределяющихся, они не хотели, как их менее ловкие коллеги, уходить в полевые санитарные отряды. Им нужны были поставки, накладные, вагоны, товар. Через их руки проходили миллионы.

Конечно, не все были жулики, но все же очень многие. Второй год войны не принес ни успеха, ни радости.

Бахтин был далек от политики. Непосредственно столкнулся с ней только три года назад в Париже, когда пожалел бывшего товарища Митю Заварзина и после этого расхлебывал кашу, заваренную Особым отделом Департамента полиции.

А тут еще дружки Рубина и Усова. Хотели его назначить помощником начальника сыскной полиции, не вышло, чином обошли и орденом. Даже премиальные к праздникам регулярно снижали.

А как сейчас, не беря взяток, проживешь на одно жалованье при эдакой дороговизне.

Слава Богу, пристава, чтобы расположение завоевать, подкидывали продукты хорошие по смешным ценам.

У Николаевского вокзала строилась рота. Необмятые шинели, яркие шифры на погонах, новые сапоги. Суетились офицеры, перетянутые ремнями.

А в вестибюле было пустынно и гулко. Важно прохаживался между лавок жандармский унтер. Краем глаза он немедленно профессионально срисовал Бахтина и, гремя шпорами, устремился к нему.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие. – Унтер лихо рванул руку к козырьку. – Здравствуй, братец. – Случилось чего?

– Нет, я к Петру Ивановичу. На месте он? Лицо унтера расплылось в приятной улыбке. – Так точно, на месте. У него строго. – Тихо все?

Бахтин спросил это для порядка, для поддержания служебных отношений. – Пока Бог миловал, ваше высокоблагородие. – Ну, служи.

Бахтин подошел к дверям ресторана. Швейцар услужливо распахнул застекленные створки.

– Здравия желаю, – произнес с интимной таинственностью, принимая пальто так аккуратно, словно это была горностаевая императорская мантия.

В зале было накурено и шумно. Одинокие штатские пиджаки тонули в море френчей хаки.

В центре зала, составив несколько столов, гуляли прапорщики. Свежее золото их погон победно сияло в свете люстр.

На них снисходительно поглядывало фронтовое офицерство в потертых кителях с полевыми погонами.

Скоро вытрется золото на погонах этих веселых мальчиков, а кто-то так и умрет в этой новенькой форме.

А сегодня они пьют портвейн и кахетинское, чувствуют себя героями и жаждут побед, очередных звездочек на погоны, золотого оружия и орденов.

Из служебного помещения выглянул Петр Иванович, управляющий рестораном. Бахтин помнил его еще юрким официантом, услужливым и жуликоватым. Нынче Петр Иванович раздобрел, полысел, упругий животик распирал темный сюртук. Он стремительно пересек зал, подлетел к Бахтину. – Рад видеть, Александр Петрович. Посидите? – Посижу.

– Вон тогда столик у окна, я вас сам обслужу. Закусить, понятно. Горячее? – Что-нибудь мясное и чайничек.

– Сделаю, чай нынче шустовский, весьма приятный. Подполковник Орлов пробовали, остались довольны. – Спасибо.

Бахтин сел у окна, закурил, оглядел зал. И ему внезапно стало стыдно, что сидит он, человек, учившийся в Александровском военном училище, в цивильном пиджаке, вместо того чтобы командовать батальоном на фронте. Петр Иванович сноровисто расставлял на столе тарелки, налил из заварочного чайника в стакан с подстаканником коньяк.

По военному времени продажа крепких напитков была

строжайше запрещена, но их все равно давали к столу, только в чайниках, а для больших компаний в самоварах.

– Третьего дня московские Иваны гуляли, – тихо сказал Петр Иванович. – Сабан и Метелица, третьего не знаю. – Широко гуляли? – Нет. Скромно. Видно, с деньгами туго. – Спасибо, Петр Иванович.

– Я вам вчера вечером домой послал шустовского пяток бутылок, да закусок всяких. Федор отвез. Бахтин полез за бумажником.

– И думать не можете, Александр Петрович, вы денег не берете, а за сына я вам по гроб жизни благодарен. – Так я его не в департамент благочестия устроил... – Лучше уж околоточным дома, чем вольнопером в окопах, а так – как пойдет. Дослужится до пристава, вот и жизнь обеспеченная. Кушайте на здоровье. Петр Иванович отошел неслышно.

Ну вот, господин надворный советник, получили благодарность от собственного агента, коньячок и закуски. А ведь хорошие книжки читали, о судьбах отечества, бывало, спорили. Вот она служба-то ваша. Коньяк и закуски. Ну и что, что взятки не берешь. Все равно ты ничем не лучше гоголевского судьи.

Бахтин выпил коньяку и на душе потеплело немного. И совсем другой человек заговорил внутри его, менее жесткий и требовательный.

После второго стаканчика коньяка он уже не думал о моральной стороне профессии и даже нашел некие прелести в

полицейской службе.

Коварный напиток шустовский коньяк. Он делает жизнь нереально зыбкой. В нем растворяются заботы и горести. И надоевшая обыденность становится яркой и нарядной, как елочные украшения, но, к сожалению, радость живет в тебе так же недолго, как и новогодние игрушки. Но все же настроение улучшилось, и Бахтин уже совсем иначе поглядывал в окно.

А хорошо бы сесть сегодня в поезд и махнуть в Москву. С вокзала прямо к Жене Кузьмину, в его заваленную книгами квартиру в Камергерском переулке. Лечь на широченный диван, дремать и слушать, как за окном трещат трамвайные сигналы. – Прошу прощения...

Бахтин повернулся. У его столика стоял высокий полковник с золотым оружием, эмалевым офицерским Георгием. Ловко сидел на нем китель, перетянутый ремнями, и было во всем его облике нечто знакомое, наплывающее из прошлого, далекого и невозвратного. – Простите. – Бахтин встал.

Что за черт. Знаком ему этот полковник. Конечно знаком. – А я тебя, Саша, сразу узнал, – засмеялся офицер.

– Коля Калмыков, – узнавая товарища по юнкерскому училищу, обрадовался Бахтин. Они обнялись.

– Садись, Коля. Сейчас прикажу тебе прибор принести.

– Спасибо, Саша. Не один я. Вон, – Калмыков показал рукой на соседний столик. Трое офицеров внимательно разглядывали Бахтина. – Пошли к нам, Саша. – Да неудобно вро-

де. – Чушь. – А ты знаешь, где я служу?

– Конечно. Читал о тебе в «Русском слове». Пошли, Саша. – Ну, что ж, изволь. Сколько лет мы не виделись?

– Много. За столом поговорим, я очень рад тебя видеть. Они подошли к столу.

Трое офицеров, звякнув шпорами, поднялись навстречу Бахтину. Капитан и два подполковника. Фронтовые это были вояки, окопные. У каждого на рукаве нашивки за ранение, да и кресты на груди с мечами и бантами. Такие в Питерском интендантстве не получишь.

– Господа, – сказал Калмыков, – рок, счастливый случай, просто не знаю, как и выразить обстоятельство это. Только что мы говорили о статье литератора Кузьмина. Так вот и герой ее. Мой однокашник по Александровскому военному училищу, за неделю до выпуска отчисленный за дуэль. А ныне полицейский чиновник, Александр Петрович Бахтин. Офицеры наклонили головы, назвали себя.

Бахтин по их лицам заметил, что, должно быть, «полицейский чиновник» немного смутило офицеров. И почему-то подумал о том, что большинство чинов наружной полиции с радостью уходило из армии на эту малоуважаемую службу. Но коньяк сделал его добрее и менее восприимчивым. Когда расселись за столом, Калмыков попросил его рассказать эту историю.

Действительно случилось необыкновенное. После 26 марта имя Бахтина приобрело чудовищную популярность. Вто-

рой раз за свою жизнь он стал предметом обсуждения в модных столичных салонах. Двадцатого марта он приехал в Москву закончить разбирательство с дутым Невско-Московским банком. Несколько аферистов создали его не без помощи людей из распутинского окружения. Восемь месяцев банк принимал деньги вкладчиков, выпускал ценные бумаги, получил крупные средства от интендантства, и внезапно обе его конторы в Петрограде и Москве оказались закрытыми. Бахтин умело и четко провел разработку, его агент, одна из самых шикарных питерских проституток, вывела сыщиков на любовницу председателя банка Наталью Самсонову, весьма красивую даму полусвета. А дальше дело умения и техники. Бахтин завербовал Самсонову, и она сдала ему всю компанию. Взяли их в подмосковной Салтыковке, на даче. Вполне естественно, что Женя Кузьмин принимал самое активное участие в этом деле. Он написал прекрасную статью и пригласил Бахтина, Литвина и двух сыщиков в ресторан «Яр». Вот там-то все и случилось. В самый разгар веселья в зале появился пьяный Распутин. Выпив еще, старец увидел, что место балалаечников на сцене занял женский хор. Как было дальше, Бахтин не заметил, он специально сел спиной к столику, за которым обретался Распутин с двумя мужчинами и тремя дамами. Внезапно хор смолк и раздался женский визг и хохот зала. Бахтин повернулся и увидел, как полураздетый Распутин стягивает с себя брюки, С криком «Кто первая»? он пошел к хористкам.

Девушки в хоре битые, их мужскими прелестями удивить было трудно. Они окружили старца. – Полиция, – дружно заголосил зал.

К столу Бахтина подбежал пристав второго участка Суцевской части подполковник Семенов.

– Голубчик, Александр Петрович, что делать? Сейчас градоначальник генерал Андрианов приедет. Скандал-то какой.

– Пошлите городских, пусть его в холодную отправят...

– Да что вы, голубь мой, двадцать три года непорочной службы коню под хвост...

– Александр Петрович, – к Бахтину подошли два актера Художественного театра, давние его знакомцы, – что же это такое?

А на сцене в окружении хористок плясал полуголый святой старец.

– Неужели на эту тварь в империи управы нет, – сказал за соседним столом человек со значком присяжного поверенного на лацкане фрака.

Бахтин ненавидяще поглядел на лохматого пьяного мужика, сделавшего Россию своим подворьем, ткнул папиросу прямо в тарелку и скомандовал: – Старший надзиратель Литвин!

Они, расталкивая пьяных зевак, поднялись на сцену. Бахтин привычно, как жулику, вывернул Распутину руку и поволок его к служебному входу. – Ты... Как смеешь... Да я... – ревел старец.

За кулисами Бахтин толкнул его на диван, угрожающе за-
трещавший под грузным телом. Распутин вскочил, с ревом
кинулся на Бахтина.

– Убью, сука, – тихо сказал Бахтин. И пьяный старец по-
нял, что этот убьет.

Тут появился Андрианов, несколько жандармских чинов.
Они бросились успокаивать Распутина. К Бахтину подо-
шел начальник Московского Охранного отделения полков-
ник Мартынов.

– Мне жаль вас, господин Бахтин, – тихо сказал он, – ви-
димо, из полиции вам придется уйти.

– Вы имеете в виду, полковник, что меня просто выгонят?

– Думаю, да. Но помните, я объективно доложу Белецко-
му, как все произошло. – И на том спасибо.

На сцене еще бесчинствовал хор, хохотали люди. Появле-
ние Бахтина было встречено овацией. К нему подскочил че-
ловек в серой визитке, один из компании Распутина. – Да
как вы смели...

Он не успел договорить. Бахтин схватил его за отвороты
и с силой оттолкнул. Полетел стол, зазвенела посуда.

– Пойдем скорее. – Кузьмин потянул его за руку. Они вы-
шли из ресторана, сели на извозчика и уехали. По приезде в
столицу, его сразу же отстранили от должности.

– Наделали вы делов, батенька, – сказал огорченно Фи-
липпов, – теперь хорошо, в рядовые сыщики переведут, а мо-
гут совсем со службы турнуть.

– Не пропаду, – ответил Бахтин, – а вы, Владимир Гаврилович, вытерпели бы эти мужицкие выходки? – Честно говоря, и сам не знаю.

Тем же днем Филиппов тайно встретился с товарищем министра внутренних дел генералом Джунковским, пользовавшимся правом непосредственного доклада царю.

Царь принял Джунковского в библиотеке, Он только вчера приехал из Ставки и был одет в полевую офицерскую форму. В защитной гимнастерке, перетянутой ремнем, с полевыми полковничьими погонами, он больше походил на командира номерного полка, чем на российского самодержца.

– Милости прошу, Владимир Федорович, – царь встал и пошел навстречу Джунковскому, мягко пожал руку, – вы, генерал, у меня редкий гость.

– Ваше величество, пришел я к вам по делу неприятному...

– Если вы по поводу московской истории, то не трудитесь.

– Ваше величество, я не могу кривить душой, посему не буду давать оценку поведению Григория Ефимовича.

– В него вселился дьявол, так считает императрица.

– Сей объект нечто астральное, посему неподведомствен нашему министерству...

– Очень мило, – Николай улыбнулся, – действительно, это скорее в компетенции церкви.

– Но, ваше величество, я прошу за отличного полицейского чиновника, который, проявив недюжинное мужество,

спас старца от позора. – Он применил к нему силу.

– Да, ваше величество, в зале ресторана было много репортеров, появились фотографы, тогда надворный советник Бахтин и начал действовать, дабы спасти от позора Григория Ефимовича.

У Николая II была великолепная память, особенно на фамилии. – Пойдите... Бахтин. Мне знакома эта фамилия.

– Три года назад вы всемилостивейше разрешили принять ему орден Почетного легиона, пожалованный президентом Франции. – Помню, как же, эта история с Лувром. – Так точно.

– Насколько я помню, мы тоже отметили его усердие по службе.

– Вы пожаловали ему орден Владимира четвертой степени. Нынче этот отменный криминалист отстранен от службы и, видимо, будет уволен из полиции. – Вы говорите, что он спас нашего друга? – Именно так, ваше величество. – А как служит Бахтин?

– Превосходно, ваше величество, он в двенадцатом году арестовал банду Терлецкого, через год раскрыл дело убийства фабриканта Лыкова, сейчас арестовал аферистов из Невско-Московского банка. Чья-то злая рука тормозит его продвижение по службе, обходят наградами...

– Господи! Джунковский, вы везде видите заговоры. Подыщите ему хорошую должность, представьте к очередному чину, а за эту историю поздравьте с Владимиром тре-

твѣй степени. Впрочем, не надо за эту историю. За службу. Именно за службу.

Все рассказал Бахтин за веселым офицерским столом. Все, кроме визита Джунковского к царю. Потому что он ничего не знал об этом. И об очередном ордене умолчал, постеснялся.

А напряженность за столом исчезла. И не было полицейского чиновника и офицеров. Тесно сбилась вокруг бутылок и закусок компания юнкеров, и истории вспоминались все больше из молодости. Прекрасной юнкерской молодости. Когда впереди была вся жизнь, которая непременно должна сложиться удачливо.

Хорошо Бахтину было сидеть рядом с этими отважными людьми и, глядя на их боевые ордена, он забыл о том, что сам многожды рисковал жизнью, был несколько раз ранен, нещадно бит и не знал покоя в мирное время так же, как не имеет его нынче.

А утро уже вступило в свои права и стремительно катилось к полудню. – Пора прощаться. – Ты куда, Коля? – спросил Бахтин Калмыкова. – Пойду в гостиницу. Мне ночью на поезд.

– Поехали ко мне, я холостяк. Помоешься, поспишь. Закусим, чем Бог послал, поговорим. – Поехали.

Извозчик медленно вез их сквозь проснувшийся, суетливый город. Холодный, неуютный, настороженный, словно ожидающий чего-то страшного. Вот прапорщик юный. С от-

рядом пехоты Пытается знамя полка отстоять...

Привязались же эти никчемные стишки. Засели в голове, словно считалка. Вот и бубнит он их пятый день подряд. Тьфу! Прямо напасть.

Григорий Львович Рубин, раскачиваясь на носках, оглядел еще раз прихожую.

Мраморные фигуры, бронзовые лампы, батальные картины якобы Гро.

Постоял немного, закурил и начал подниматься по лестнице, позванивая шпорами.

Война для всех война. Прочь фраки, визитки, английские пиджаки. Ловко сидел на нем замшевый френч с узенькими серебряными погонами, на которых, словно монограммы на портсигаре, разместились шифры, зигзагообразные просветы, звездочки и эмблема в виде перекрещенных топора и лопаты. Теперь он числился по Союзу городов, носил форму и даже браунинг на ремне. Когда председатель Государственной Думы Родзянко начал организовывать поставку сапог и обмундирования для действующей армии, Усову удалось воткнуть Григория Львовича в это крайне патриотическое и безумно прибыльное предприятие. Патриотизм Григория Львовича был отмечен орденом Станислава III степени и медалью на темно-синей ленте «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года». Коммерческая деятельность дала неплохую прибыль.

Подумать только, всего три года назад он приехал сюда из Одессы с твердой уверенностью, что покорит северную столицу. Мечтал стать кем-то вроде героя своего любимого романа «Граф Монте-Кристо». Прав был Усов, ох как прав. Размах у него действительно местечковый.

Сделал дом, как декорацию к плохой фильме. Мечтал об аристократах, о приемах, о которых молва по всему Петербургу пойдет. Действительно на дармовую выпивку да жратву приезжали к нему актеры всякие, журналисты, жуликоватые дельцы, чиновники средней руки, князь Андронников и, конечно, Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, а с ним вся лукавая охранная гопа.

Однажды в январе четырнадцатого ему удалось затащить к себе любимца судьбы гуляку миллионера Леона Манташева. Тот хорошо выпил и закусил, а уходя, сказал:

– Гриша, ты, видно, парень неплохой, и стол у тебя отменный, только умоляю, смени квартиру. Ты, конечно, фильмы снимаешь в Москве, так ты лучше здесь снимай. У тебя же не дом, а декорация сплошная, так, братец, приличные люди в Питере не живут. Ты перстень-то с натуральным камнем носишь, а дом твой фукс, подделка. Это сразу видать. Несolidно, брат.

После этого разговора Григорий Львович напрочь прекратил приемы да обеды. – Все, – сказал он Зоммеру, – лавочка закрыта.

В Москве, на Остоженке, купил двухэтажный славный

особнячок. Позвал человека знающего, обставил дом легкой и удобной шведской мебелью. Ковры в тон, картинки не дорогие, но подлинные, на стену и практически совсем в Москву перебрался.

Перед самой войной, не без выгоды, продал все свои кафешантаны и кинематографы, кроме «Стуриа», что на Невском, 67, и жизнь начал вести размеренную и деловую. Поигрывал на бирже не без успеха, были еще кое-какие делишки, но...

То главное, ради чего Григорий Львович покинул милую его сердцу Одессу, продолжал делать. Уже в тринадцатом году он полностью контролировал подпольные игорные притоны, через его руки проходили практически все краденые драгоценности в Петербурге, Москве, Варшаве. И люди были, которых он на дело посылал. Перед самой войной вездесущий Усов свел его с Ароном Симоновичем Симановичем, купцом первой гильдии, а ныне секретарем Распутина. Побывал Григорий Львович на Гороховой, 64, на квартире старца. Побывал и испугался. Хотя Ванька Мануйлов несколько раз передавал, что отец Григорий о нем спрашивал.

– Ты, Гриша, от счастья своего бежишь, – сказал ему тогда Усов. Рубин выпил рюмку, закусил. По позднему времени разговор шел в «Славянском базаре». И он ответил:

– Ты, Петя, конечно, человек ученый, слов нет. А простых вещей не понимаешь. Там же политика. Кухня, в которой чины империи варятся. Там каждый второй агент охранного,

а еще хуже, контрразведки. А я человек простой, одной полиции по мере сил остерегаюсь. При нашем деле подальше от политики жить надо, ох, как подальше.

Но с Симановичем Рубин продолжал встречаться. Была у этого человека в определенных кругах кличка Бриллиантщик. Потому как много лет секретарь старца скупал краденые камни, промышлял ростовщицеством и нечестной игрой в «макао». Именно от Симановича узнавал Рубин, у кого какие камушки где лежат.

Ну, а дальше дело техники. Камни в банковский сейф, в Стокгольм. Золото на переплавку шло. Из него умелые ювелиры, благо мастерская при киноателье числилась, делали кольца и браслеты хорошей работы.

Да мало ли чего из золотишка можно сделать?! Урок двенадцатого года, с бандой Терлецкого, Рубин хорошо запомнил.

Тогда убрать Бахтина не удалось. Хитер сыскарь оказался, но палец Григорий Львович загнул, помнил, ох как помнил все.

Козлов по его распоряжению задержал Бахтину чин, наградами его обошли, а в марте этого года история с Распутиным в «Яре». Казалось, все, конец сыщику, ан нет, выхлопотал ему генерал Джунковский и прощение у императора, и даже Владимира III степени пожаловали. Одно слово везунчик.

Григорий Львович оглядел малахитовую гостиную и еще

раз подивился прошлой глупости своей. А ведь когда-то этот нелепый зал ему нравился, и птицы эти безумные нравились, и стол-саркофаг, и кресла каменные.

Позванивая шпорами, он пришел в столовую, подошел к окну, рывком раздвинул портьеры. Что за чертовщина, никого нет. Где Зоммер? Где слуги, лодыри! Зоммер появился в дверях и тихо кашлянул. – Где все люди? – зло спросил Рубин.

– В доме, как вы распорядились, остался швейцар и двое слуг. – Так где они? – Чего изволите, Григорий Львович? – Закусить изволю и выпить.

– Что именно? Запеканки, наливки, ликера или портвейна. – А наливка какая? – На любой вкус, у нас с этим строго. – Тогда малиновой прикажи. – Закусывать здесь изволите?

Рубин оглядел столовую, величиной с палубу миноносца. Представил на секунду, как будет сидеть один в этой огромной комнате, за мертвым столом, и ему стало неуютно.

– Нет, накрой в той половине. А эту квартиру до лучших времен закроем. Зоммер наклонил безукоризненный пробор.

Рубин подошел к окну. Октябрь выдался на редкость солнечный, и Фонтанка выглядела весьма нарядной. У дверей дома стоял большой зеленый военный автомобиль. Это тоже была дань времени. Хватит изящных моторов, клаксонов серебряных, сафьяновых сидений. Новое время, новые песни. Он уходил из дворца Монте-Кристо с чувством печали.

Так и не сбылись те чудные сны, которые он видел в милой Одессе. Не получилось сверкающей, как бенгальский огонь, жизни. Не получилось.

И на второй половине ничего не изменилось. Жорж Терлецкий убит, ребят нет – упрятали их в арестантские роты. А для дела нового очень бы сгодился Терлецкий.

– Ну что Козлов? – спросил Рубин, усаживаясь за стол.

– Только что телефонировал, едет. – Зоммер поставил еще один прибор. – Есть чем гостя встретить?

– А как же, его превосходительство довольны будут.

Его превосходительство! Звучит. Гордо. Почтительно. Еще бы, в словосочетании этом незыблемый имперский порядок. А десять лет назад помощник станového пристава титулярный советник Козлов, в дым проигравший казенные деньги, взял от Рубина свои первые пять тысяч.

Взял и подводку сделал на почтовое отделение, куда везли большие деньги. Именно с этих-то денег и начал Рубин свое дело. В Одессу перебрался и, конечно, Козлова перетянул, умные люди сделали его приставом, благо, Козлов отличился в пятом году. А там уже стал он помощником Одесского полицмейстера. А потом в столицу. Рубин и Усов не жалели денег, дотасили Козлова до генеральского чина, а в четырнадцатом, через всесильного Симановича, сделали еще вице-директором Департамента полиции.

Козлов служил Рубину верно. Многих неприятностей избежал Григорий Львович с его помощью.

Рубин первую рюмку выпил, закусывать начал, а тут и Козлов появился в полном сиянии генеральского мундира.

Рубин с удовольствием оглядел его. Две звезды на мундире, Владимир на шее. Генерал! Сановник. Григорий Львович разглядывал его, словно скульптор, гордящийся удачной работой. Он встал, пошел навстречу действительному статскому советнику Козлову, крепко пожал руку.

– Миша, когда я на тебя смотрю, то понимаю, что империя незыблема. Козлов засмеялся.

– А я, Гриша, тебя в форме-то впервой вижу. Хорош земгусар, хорош. Мундир, он мужика украшает. И смотри, Станислав и медаль. Скоро меня перегонишь.

– Садись, Михаил Иванович, дорогое мое превосходительство. Вот видишь, твои любимые настойки на столе.

– Ну, что ж... – Козлов налил себе большую рюмку зеленоватой настойки, намазал корочку хлеба икрой, выпил, зажмурился от удовольствия, поводил пальцами в воздухе.

– Хорошо, – выдохнул он. – Вот теперь и поесть можно. Господи, Гриша, как ты эту гадость пьешь. Налей листовочки или смородиновой, нет у тебя подлинного вкуса к жизни.

– Миша, вот телеграмма, а вот циркуляр по военному министерству. Сын твой Коля направлен в распоряжение московского воинского начальника. Хватит ему в окопах гнить. Ордены мы ему и здесь повесим. – Спасибо, Гриша...

– Рано благодарить. Олега, младшего твоего, Усов берет к себе, в Союз городов, так что передай Ангелине Федоровне,

чтобы она душой за детей не болела.

– Спасибо, ох спасибо, Гриша, – Козлов налил вторую, – за такое и выпить не грех. Выпили, помолчали, занялись закусками.

– Миша. – Рубин снял пояс с пистолетом, расстегнул китель. – Вот тебе десять тысяч, это Коле на квартиру, мебель, на всякое устройство.

Козлов взял деньги спокойно, без восторга и благодарности, как должное.

Рубин встал из-за стола, подошел к буфету, вынул из ящика сверток.

– А это тебе и супруге твоей. Впрочем, можешь подарить и мадам Власовой.

– Все ты, Гриша, знаешь. – Козлов развернул плотную бумагу и залюбовался, на столе лежал золотой портсигар с его монограммой и прекрасной работы браслет.

– Да, Гриша, – сказал он, помолчав, – тебя мне действительно Бог послал.

– Миша, то же самое, не далее как вчера, я в Москве Усову говорил, – засмеялся Рубин.

– Спасибо тебе, ох, какое спасибо. Люблю я эти цацки. «Зажрался ты, Миша, – зло подумал Рубин, – в одном портсигаре десять золотников, а ему цацки». И весело предложил: – Давай еще по одной.

– Погоди. – Козлов щелкнул замком портфеля, достал бумаги. – Сначала делами нашими скорбными займемся. – Как

скажешь.

– Значит, слушай, наводчик твой прав. Этот Немировский из Варшавы действительно вывез весь свой магазин. Пока дело не открыл, драгоценности держит дома, но, по нашим данным, уже арендует на Невском помещение под ювелирный салон. Градоначальник разрешение дал. Начал ремонт. – Миша, голубчик, я это знаю.

– Ценности у него спрятаны надежно, квартира в старом доме на Мойке, рядом с обществом Охранения народного здоровья, там нынче санитарный-полевыми поездами занимаются, посему народу много и днем, и вечером.

– Знаю, Миша, потому у меня план есть. Твое дело городского убрать и дознаться, где лабазы его каменные...

– Городового убрать не вопрос, а где лабазы... Правда, есть ход. У Немировского родственник проживает в Свечном переулке, в доме 10, телефон его квартиры 26-36. Родственник этот Леонид Петрович Немировский капитан Добровольного флота. – Постой, постой, – Рубин вскочил из-за стола, – он же игрок, в Купеческом клубе в прошлом году крупно проигрался, я его в опере видел, весь в каких-то звездах.

– Он не только в прошлом году проигрался, его три дня назад разнесли в пух. Играл на запись. Через день старшина клуба его в книгу занесет, а плюс к этому вот. – Козлов положил на стол пачку векселей.

– Хорош капитан, – Рубин засмеялся, потер руки. – На

сколько здесь?

– На восемнадцать тысяч триста рублей и пять тысяч проигрыш. – Широко живет. Что о нем известно?

– Родился в Москве. Отец инженер-путеец. Проиграл казенные деньги и застрелился.

– Наследственность к игре, – зло сказал Рубин. Сам он никогда не брал в руки карты, кроме тех случаев, когда надо было проиграть нужному человеку.

– Окончил реальное училище, – продолжал Козлов, – поступил в Мореходные классы в Феодосии, закончил по первому разряду. Отплавал два года матросом на заграничных судах. Уехал в четвертом году штурманом в Порт-Артур. Там мимо японцев вывез важные документы, знамена, ценности во Владивосток, получил Станислава с мечами. После этого стал жить весьма широко и исчез из России. По агентурным источникам Особого отдела известно, что служил капитаном на некоем корабле «Надежда»: возил оружие в Марокко, опий, контрабанду, оказал какие-то услуги персидскому двору. Кажется, что-то связано с похищением женщин для гаремов. Потом вернулся в Либаву, работал в Северо-Западном пароходстве у Мясоедова и Альтшулера. В контрразведке у Батюшева на него целое дело. – Шпион, что ли?

– Как сказать. Шпион на страну работает. А этот на любого, кто платит. Одним словом, ландскнехт. – Такты считаешь, Миша?.. – Именно. Надо к нему Зоммера послать.

– Ладно. «Вот прапорщик юный, с отрядом пехоты...» –

Ты это чего, Гриша? – Да стишки привязались. – А ты журналы не читай, не забивай голову. – Что-нибудь еще на этого Немировского есть?

– Конечно, если покопаться, найдем, но думаю, и этого хватит. Мой агент сообщил, что сей мореплаватель за деньги маму родную продаст.

– Значит, быть посему. – Рубин налил наливки в рюмку. До чего же сегодня поганое утро. Леонид Немировский брился перед высоким трюмо. Бритва шла с раздражающим скрипом. Надо подточить, да вот оселок куда-то подевался.

Квартира у него была небольшая, две комнаты. Спальня и гостиная. Обстановка хозяйская, неплохая. Впрочем, капитан Немировский никого у себя не принимал, а женщинам говорил, что привык жить в строгом порядке каюты и на суше не обращает внимания на такие мелочи, как обстановка. Слуг он не держал. Приходила к нему убирать жена дворника, так что утренний чай готовил себе сам. Да и куда завтракать пойдешь, если в кармане последняя десятка, как раз на трубочный табак. Дернула его нелегкая сесть играть с теми двумя. Явные шулера, но как докажешь.

Ну, Впрочем, карточный долг он отдаст. Жаль, конечно, вынимать камни из орденской звезды, пожалованной марокканским беем, но что делать. Дошел до края. У него была точная копия этой звезды, так что орден сей, полученный за доставку шхуны с оружием каким-то неведомым племенам, он продаст нынче своему родственничку.

А может, лучше заложить? Да черт с ним, как получится.

Больше продавать нечего. Работы не было, да и не особенно тянуло на море. Правда, можно было подать прошение в Адмиралтейство, получить чин и болтаться на тральщике в Ирбенском проливе. Но это он берег на крайний случай. Немировский пил чай, жевал несвежую булку со старым сыром. Впрочем, это его не угнетало, за свою жизнь он и не в таких переделках бывал.

В дверь позвонили. Аккуратно так, вкрадчиво. Явно не кредиторы, те жали на звонок со злостью, длинно и нагло. Немировский открыл. На пороге стоял прекрасно одетый господин. – Могу я видеть капитана Немировского?

– Можете, – усмехнулся Леонид, – вам повезло, это я. Что вам угодно? – Может быть, вы позволите мне войти?

– Конечно. Прошу. Заходите. Я сейчас. – Когда Немировский вернулся в гостиную, он увидел на столе рюмки, бутылку «Наполеона», аккуратно нарезанный лимон на тарелочке. – Да вы волшебник, – засмеялся он.

– Вы зря себя утруждали, – вкрадчиво сказал Зоммер, – халат вам весьма к лицу. – Морской закон, гостей принимаем в форме. Немировский не удивился ни коньяку, ни лимону. Тертый он был, битый. Это сразу же заметил Зоммер. Перед ним сидел человек лет тридцати с небольшим, в морском кителе с нашивками нарукаве. Курил трубку и молчал. После первой выпитой рюмки Немировский спросил: – А как мне вас величать, милейший?

– Имя мое вам ничего не скажет, зовите Павлом Ивановичем. – А фамилия ваша не Чичиков, случайно?

– А зачем вам моя фамилия, она к нашим делам отношения иметь не будет. – Тогда начинайте. Зоммер расстегнул саквояж, вынул пачку векселей. – Ваши? – Мои. Зоммер достал деньги.

– Здесь шесть тысяч. Пять – долг в Купеческом клубе, тысяча ваша.

– Вы хотите сказать, дорогой Чичиков, что векселя мои вы оплатите. – Уже. – Но у меня нет мертвых душ. – Что вы изволили сказать? – Вы Гоголя читали? – Не приходилось. – Тогда к делу.

– Вы получаете деньги и векселя, плюс капитанскую вакансию...

– Последнее не к спеху. Я могу в любое время наняться на пароход, но пока мне милее суша. – Хорошо... – Поэтому вместо вакансии добавьте мне денег. – Но вы не знаете, что я попрошу. – Какая мне разница, вы же даете деньги. – Ну, капитан...

– Да, милейший Чичиков, такова жестокая проза. Так что вам надо?

– Я хочу знать, где ваш родственник прячет драгоценности. Вы пойдете к нему... – Не надо. – Вы отказываетесь? – Нет, я просто знаю. Вам нужен план квартиры? – Да. – Кладите еще десять тысяч. – Нет. К концу бутылки они столковались на пяти.

Зоммер достал деньги, а Немировский вышел и через десять минут вернулся с планом. Зоммер хотел положить его в карман, но капитан придавил листок бумаги рукой.

– Нет, господин Чичиков, перерисуйте, я не хочу оставлять вам сей документ.

Зоммер посмотрел на него с уважением. Совсем не фраер был этот капитан. Прощаясь, Немировский сказал:

– Милый, Павел Иванович, – он словно клещами сдавил плечо Зоммера, – я в ваши жиганские дела не лезу, но учтите, скрывать вас не собираюсь, ну а если вы что-нибудь скажете, то я вас найду и застрелю. – А как вы меня разыщете?

– Вы, конечно, о Боре Корейце слышали?

Конечно Зоммер слышал о нем, да и кто в уголовном мире империи не знал одного из крупнейших бандитов, чья шайка кроваво и удачливо грабила золотоискателей.

– Можете не отвечать. По вашим глазам я понял, что человек этот вам знаком. Когда-то я оказал ему некую услугу. Думаю, что и он не откажет мне в пустячной просьбе. Честь имею.

Колька Сафронов по кличке Сабан был больше похож на провинциального трагика, чем на налетчика, и одет был соответственно, с деловым театральным шиком. Он сидел против Рубина, пил ликер. Рюмку держал аккуратно, оттопырив мизинец правой руки, на котором поблескивало кольцо с дешевым камешком.

– Гриша, – Сабан отхлебнул ликера, – я тебе верю. Как

отцу родному, верю. Но ты мне скажи, в чем мой навар.

– А вот в чем, Коля. Давай по порядку. Дело мое. Так? – Так. – Подвод мой. Так? – Так. – Обеспечение и разработка моя. Так? – Ну, так. Что ты заладил, честное слово...

– А я к тому говорю, Коля, что всего страха у вас полчаса. Потому драгоценности все мои, валюта тоже, деньги твои. – А много денег-то? – Больше полумиллиона. – Ассигнации... – И ассигнации, и империалы. Они твои. – Щедро, Гриша. – Мое дело. Сколько у тебя людей? – А сколько надо?

– Ты и еще двое, но чтобы морды были не уголовные. Работать будете в форме прапорщиков.

– Прапорщик! – Сабан захохотал. – Ты, Гриш, песню слышал? – Какую? – Да ее нынче вся Москва поет:

Раньше был извозчик я,
Звали все Володею,
А теперь я прапорщик,
Ваше благородие.

– Так эти «Володи», в окопах сидят. А вы из контрразведки. – Вот как, – присвистнул Сабан, – и ксива? – Самая натуральная.

– Так. – Сабан налил себе еще ликера из витой бутылки. – Понимаешь, Гриша, разгон обычный залепить дело плевое. Но тут, понимаешь, контрразведка, туда-сюда. Знать надо.

– Пусть тебя это не волнует. Есть человек, который с вами пойдет. – Наш? – Нет. Офицер натуральный. – Да ты что? –

Сабан вскочил.

– Сиди, Коля, этому офицеру в Полковое собрание больше пути нет. На нем такое висит. – Рубин покрутил рукой. – А где он? Рубин встал, подошел к двери: – Евгений Алексеевич, прошу.

В комнату вошел офицер. Был он высок, ладно перетянут ремнями.

Сабан посмотрел на его мрачноватое лицо со шрамом на щеке и ему стало неуютно.

– Знакомьтесь, – сказал Рубин. – Евгений Александрович Копытин, бывший поручик.

Днем Копытин с Сабаном осмотрели двор. Место было удачным. Проходняк. Если что, вполне дворами можно уйти.

Позже Копытин подогнал военную форму на Сабане и его ребятах. Вроде нормально, прапорщики, как прапорщики.

– У проходного двора поставьте вторую машину, – коротко сказал он Рубину, – механик пусть мотор не выключает. Если что... – Хорошо.

В девять часов уже стемнело. Фонари на Мойке светили тускло, на город туман с моря надвигался, по вечернему времени улица была пустоватой. Одинокое прохожие, кутаясь в воротники, спешили по домам.

К дому восемьдесят семь подъехало зеленое военное авто. За рулем прапорщик в коже. Все как надо.

Борис Сергеевич Немировский пил чай, когда раздался звонок в дверь. Горничная пошла открывать. В коридоре по-

слышались мужские голоса и звон шпор. В гостиную вошел высокий поручик. – Господин Немировский?

– Да, это я. – Ювелир встал, запахивая на груди домашнюю бархатную куртку.

– Поручик Семин из отделения контрразведки штаба округа.

Офицер достал удостоверение протянул Немировскому. – Чем могу? – спросил хозяин.

– Со мной прапорщики Алексеев и Галкин, мы имеем предписание на изъятие документов и ценностей, а также денежных сумм, вывезенных вами из Варшавы.

– Позвольте, господин поручик, здесь явное недоразумение. Я...

– Борис Сергеевич, неужели вы думаете, что мне, офицеру, в военное время приятно беспокоить почтенного человека, у которого в Варшаве я покупал кольца для свадьбы. – Вы?..

– Представьте, Борис Сергеевич, покупал у вас. На Маршалковской, 12. – Так в чем же дело? – Вы позволите присесть? – Сделайте милость.

– Вот предписание, ознакомьтесь. Но, ради Бога, между нами, к нам пришло письмо. Время военное. Шпионство стало вещью обыденной... Так что не обессудьте.

– Погодите, господин поручик, я честный коммерсант, получил у градоначальника разрешение на открытие дела...

– Милый Борис Сергеевич, мне самому чрезвычайно

неприятно беспокоить вас, но служба. – А что это за письмо, о котором вы говорили?

– Мы не имеем права раскрывать наши источники, но кое-какие выдержки я могу вам показать. – Сделайте милость.

Поручик вынул из кармана кителя сложенную бумагу. – Прошу. Немировский дрожащими руками надел очки.

– Да вы не волнуйтесь, – почти дружески сказал контрразведчик, – позвольте курить? – Сделайте милость.

Буквы прыгали перед глазами Немировского, но все же он одолел текст и вернул его поручику.

– Какая мерзость. Ну конкуренция, ну дело, но донос...

И тут Немировский увидел серебряный портсигар, лежащий на столе. Именно такие, с видом Варшавы на крышке, продавались в его магазине. – А портсигар...

– Тоже куплен у вас. Вы просто меня запомнили, любезный Борис Сергеевич, а мы долго беседовали с вами о знаменитом изумруде «Потемкин».

И Немировский начал припоминать Варшаву, магазин, яркий летний день и любезного офицера в белом кители. И почему-то именно это воспоминание вернуло ему утраченную уверенность и даже некий покой в душу поселило.

– Господин офицер, я законопослушный гражданин империи. Безусловно, я вспомню все, но позвольте мне телефонировать вашему начальству.

– Я вас понимаю, – поручик наклонил безукоризненный пробор, – извольте. Где у вас аппарат? – В кабинете. – Про-

водите меня.

Они вышли в коридор, и Немировский увидел двух рослых прапорщиков, вежливо подбросивших руки к козырьку.

Кабинет у него был огромный, обставленный дорогой английской кожаной мебелью, правда, шкафы еще пустовали, книги пачками лежали на полу. – Никак не наведу порядка, – вздохнул Немировский, – все руки не дойдут. Книги моя слабость. Так какой номер вашего департамента, господин поручик? – Попросите 406-94. Немировский поднял трубку: – Барышня, 406-94, пожалуйста.

В трубке что-то щелкнуло и казенный баритон раскатисто ответил:

– Дежурный по отделению контрразведки, штабскапитан Калинин.

– Господин штабс-капитан, моя фамилия Немировский... – Минутку. А потом после паузы: Мойка, 68? – Да. – У вас наш поручик Семин? – Да. – Передайте ему трубку.

Немировский пожал плечами, протянул трубку офицеру. – Алексей Петрович, – улыбнулся Семин, – моя половина не объявлялась? Если телефонирует, скажите, что я задержусь. Его превосходительство на месте?.. Уехал... А господин полковник?.. Да, господин Немировский хочет с ним поговорить... Можно это устроить? Передаю. – Семин вновь передал трубку Немировскому.

– Господин полковник... Да... Да... Конечно... Конечно... Но... Понимаю... Хорошо. Немировский положил

трубку.

– Мы договорились, поручик, все документы вы положите в отдельный мешок. Деньги русские в другой, валюту в третий, а ценности в четвертый. Мешки я опечатаю личной печатью. Там же будет стоять и ваша. И конечно акт. У вас есть мешки? – Галкин. На пороге вытянулся прапорщик. – Четыре мешка и печать. – Слушаюсь.

Потом писали акт. Потом закладывали в мешки документы, опечатывали печатями сначала ящики с деньгами, потом с ценностями, потом клали в мешки и снова ставили сургучные оттиски. Наконец все закончилось.

– Борис Сергеевич, – Семин приложил руку к козырьку, – жду вас в девять под аркой Главного штаба. – Буду. – Честь имею.

И только когда дверь захлопнулась, Копытин снял фуражку и вытер вспотевший лоб.

– Ну ты и орел, – с почтением сказал Сабан, – а если бы не отдал сам, тогда... – Тогда застрелил бы.

Сабан посмотрел на Копытина и понял, что этот человек может все:

Они вышли из подъезда. Туман почти рассеялся, огонь фонарей стал ярче, но Мойка была такой же безлюдной. Видимо, никому особенно не хотелось шляться по улицам в это время.

Сабан с напарником, нагруженные мешками, ушли на несколько шагов вперед. Копытин закурил, оглянулся на дом

и усмехнулся.

Все, теперь он уедет в Швецию, купит домик у моря и тихо дождетя конца этого бардака, который Почему-то называют войной.

– В чем дело, прапорщик! – раздался у ворот властный голос.

И Копытин различил два офицерских силуэта. Вот же нанесла нелегкая. Он переложил наган из кобуры в карман шинели и зашагал к воротам.

– В чем дело, господа? Мы из... – Он не договорил. Прямо перед ним стоял его бывший командир батальона подполковник Львов. – Поручик Копытин? – Львов лапнул крышку кобуры. – Вы арестованы! Копытин выдернул из кармана наган.

– В машину! – крикнул он Сабану и дважды выстрелил в подполковника.

Но тут что-то горячее ударило его в грудь и запрокинулись фонари, дома, улица. Штабс-капитан Климов дважды выстрелил вслед убежавшим прапорщикам. Один словно споткнулся, но продолжал бежать. Второй выхватил автоматический пистолет и расстрелял всю обойму в сторону Климова. Тяжелые пули зацокали по стене, обдав лицо секущей каменной крошкой. Климов вскинул наган, но машина уже сорвалась с места, и он выпустил оставшиеся четыре пули вслед авто.

Говорить Немировский не мог, он сидел в кабинете, уста-

вившись в одну точку и что-то мычал. Судебный врач Брыкин отпаивал его какими-то каплями из своего бездонного саквояжа.

– Никак, его удар хватил, Иван Иванович? – спросил Литвин.

– Да нет, Бог миловал, это у него нервное, взяли у него мазурики много. – Понял. – Литвин оглядел кабинет.

Ничего. Просто ничего, за что зацепиться, в комнате не было. На письменном столе две использованные сургучные палочки, окурок папиросы. Литвин взял его, достал лупу. Папиросы-то были заказные, на гильзах монограмма «КЛ» золотом нарисована. Если эти папиросы курил преступник, значит, маленькая зацепочка есть.

– Ты, Орест, иди с Богом, посмотри в других комнатах, как он в себя придет, я позову.

В гостиной сидел штабс-капитан Климов. Он курил и неохотно отвечал на вопросы Бахтина, всем своим видом показывая, как ему, фронтовому офицеру с орденом Владимира с мечами и бантом и георгиевским золотым оружием неприятен разговор с полицейским чиновником.

– Господин штабс-капитан, – Бахтин зло прищурился, – мне кажется странным, что вы вроде бы покрываете убийцу своего командира.

– Это дело военное, мы должны его решать промеж собой, а здесь целое полицейское разбирательство. – Простите, а вы какое училище кончали? – Александровское.

– Странно, что вы обо мне не слышали, – усмехнулся Бахтин.

– О вас? – С нескрываемым презрением спросил офицер. – А собственно, почему я должен был о вас слышать, милостивый государь. Александровское военное училище не готовит полицейских чинов.

– Моя фамилия Бахтин, на мне чин надворного советника, что по табели о рангах соответствует подполковнику... – Простите, как ваша фамилия? – Бахтин. Я закончил Александровское...

– Дуэль, – лицо Климова изменилось, – конечно, я слышал о вас, господин надворный советник...

– Называйте меня Александром Петровичем и помните, что нынче вы говорите с однокашником.

– Ну конечно! Мы с подполковником Львовым были в соседнем доме, я не знаю, как точно называется данное медицинское учреждение, наводили справки о его сестре, работающей в полевом санитарном поезде. Я ждал подполковника, потом он появился, веселый очень, и мы вышли на улицу У соседнего дома стоял военный автомобиль «Руссо-Балт». – Вы точно уверены?

– Абсолютно, авто моя слабость. Хочу добавить, что вожу авто, знаю двигатель, поэтому откомандирован на краткосрочные курсы при Политехническом институте и буду переведен в бронедивизион Западного фронта. – Вопрос снимаю, – улыбнулся Бахтин.

– В доме 68, у подполковника Львова проживал однокашник, и мы решили зайти, у ворот встретили двух прапорщиков, нагруженных казенными мешками, они не уступили дорогу подполковнику, и он сделал им замечание. Тут и появился поручик Копытин. – Убитый вами... – Но он...

– Мы не имеем к вам никаких претензий. Только прошу мне рассказать о нем.

– Я мало его знал. Павлон. Вышел в лейб-гвардии Литовский полк, мне говорили, что за растрату приварочных денег, был списан в Навогинский полк. Говорили, что нечестно играл. Но офицер был храбрый и дельный, правда, солдаты его не любили. Не могу сказать точно, у него дядя крупная фигура в столице, не то сенатор, не то... Впрочем, боюсь соврать. – Почему он дезертировал?

– Дело в Галиции было, мы захватили у австрийцев ящик с ценностями. И командир полка поручил Копытину и подпрапорщику Хохлову отвезти ценности в дивизию. – А что за ценности?

– Золото из музея. Старинные кубки, блюда, кресты. Я не знаю, но список наверняка есть в контрразведке. Было циркулярное письмо. Короче, через два дня нашли убитого Хохлова и взломанный ящик, а Копытин исчез. И вдруг...

– Виктор Петрович, позвольте я вас буду так называть. – Бахтин достал папиросу. – Не желаете? Расскажите об этих прапорщиках.

– Одного я не разглядел, а у второго такое неприятное

крупное актерское лицо. – Почему актерское?

– Бритое и мятое какое-то. Одного я, видимо, ранил. И конечно четыре дырки ищите в машине. – Вы так уверены. – Абсолютно. – Климов засмеялся.

Звеня шпорами, вошел подполковник Тыщинский, пристав первого участка Казанской части.

– Голубчик, Александр Петрович, хорошо, что вы это дело-то взяли, значит, не зря мне ночью жареный гусь снился. Здравия желаю, штабс-капитан, терпите, влипли в полицейскую историю. Как пострадавший-то наш? – Вы садитесь, Павел Альфредович, – засмеялся Бахтин, – а то от ваших шпор да шашки грохоту, как от всего полицейского резерва.

– А мы у полковника Григорьева знатный банчок сообразили, а тут телефон. Ну кто эту гадость изобрел? – А что, и полицмейстер приехал? – Конечно. – Значит, работать спокойно не дадите.

А в прихожей густой начальственный голос разносил городских, что-то гремело, звенело, падало.

– Александр Петрович. – В дверь гостиной заглянул Брыкин. – Прошу простить, господа. Бахтин вышел в коридор. – Можете говорить с хозяином.

Немировский лежал на диване, в углу горело маленькое бра, поэтому лицо его белело почти неразличимым пятном, на черном фоне кожаной обивки.

– Борис Сергеевич, я надворный советник Бахтин, чиновник для поручений сысской полиции, вы могли бы ответить

на мои вопросы?

– Они сказали, что из контрразведки, документы показали. – А вы проверили? – Я звонил в контрразведку... – Номер? – 406 – 94.

– Литвин, – не оборачиваясь, сказал Бахтин. – Что они взяли?

– Драгоценности, бумаги, десять тысяч франков, четыреста тысяч ассигнациями. – Вы можете описать мне прапорщиков?

– Я видел одного, неприятный такой... бритый, как актер.

– Александр Петрович, – наклонился к нему Литвин, – телефон этот летнего театра «Аквариум». – Едем.

В прихожей Бахтин подозвал надзирателя Свиридова.

– Мы уезжаем, а ты все запротоколируй вместе с помощником пристава. И выясни, где швейцар и городской. Почему их не было. – Сделаю, Александр Петрович.

За Свиридова Бахтин был спокоен. Сыщик он неважнецкий, зато мастер писать протоколы. Умел он это делать и, главное, любил. На лестнице Бахтин спросил: – Гильзы собрали?

– Да, – Литвин вынул одну из кармана, – из кольта стрелял, жиганское отродье.

Давненько на памяти Бахтина такого не было. Правда, несколько лет назад начальник Московской сыскной полиции Кошко разоблачил группу мошенников. Они, переодевшись в форму жандармских офицеров, вымогали деньги у

купцов и мелких фабрикантов. Но чтоб так нагло. Но военное время предлагало особые условия. Преступность стала более дерзкой и жестокой. Слишком много оружия ходило по рукам. Слишком много беженцев перебралось из западных губерний. Вполне естественно, что столицу наводнили уголовники из Варшавы, Вильно, Риги.

Но главное было даже не в этом. Война выплеснула на поверхность огромное количество темных дельцов. Они занимались поставками на армию, спекулировали продуктами, несмотря на строжайший приказ министра внутренних дел Маклакова о невывозе продовольствия за пределы губернии. Среди чиновников процветало фантастическое взяточничество. Брели десятки, сотни тысяч. Гигантский чиновничий аппарат империи был повязан словно уголовная малина. По стране шли слухи о финансовых махинациях окружения Распутина. Его квартира на Гороховой, 64, стала центром, где решались дела империи. Слава Богу, что общее разложение пока не коснулось сыскной полиции, во всяком случае, в Петрограде и Москве. Филиппов и Кошко твердой рукой выжигали скверну в своих департаментах. Подделка купонов, банковские аферы, столь редкие до войны, стали обычным делом. Аферисты, боявшиеся раньше одного слова «полиция», открывали туфтовые посреднические конторы. Три больших дела по банкам, которыми занимался сам Филиппов, так и не удалось довести до конца. Материалы забирались в департамент полиции, а виновных выпускали из аре-

стантских домов. Поэтому сегодняшняя афера с использованием документов контрразведки не очень удивила Бахтина. Впрочем, его уже трудно было чем-либо удивить. Если бы не перестрелка, убийство двух человек, возможно, департамент забрал бы к себе и это дело. С тех пор как вице-директором назначили действительного статского советника Козлова, работать сыскной полиции стало весьма сложно.

– Александр Петрович, – дотронулся до его плеча Литвин, – приехали.

Действительно авто стояло на Каменноостровском проспекте. За своими невеселыми думами Бахтин и не заметил, как добрались до места.

В саду фонари не горели, и здание театра скорее угадывалось. Ворота были закрыты, и поэтому они пошли вдоль забора.

– Здесь где-то есть калитка. Черный ход для артистов, – сказал всезнающий Литвин, – я, бывало, раньше через нее проникал. – Любите дев из варьете? – А почему нет, Александр Петрович. – Вы бы женились, Орест. – А вы?..

– Справедливо, видимо, придется нам умирать холостяками. – Вот она.

Бахтин, подивился, как в такой темноте Литвин разглядел дверь в заборе. Впрочем, как выяснилось, место это было ему весьма знакомо. Литвин толкнул калитку. Она не поддавалась. – Заперли черти, пойду Степанова позову.

– Неужели сами не сдюжим, – засмеялся Бахтин, – два

здоровых мужика.

Они навалились плечами, и дверь начала медленно поддаваться. Еще немного. Еще. Со звоном вылетела задвижка. Дверь распахнулась.

– Ну вот, – Бахтин отряхнул пальто, – теперь куда? – Найдем, – легкомысленно ответил Литвин. – А вы взяли фонарь, Орест? – Конечно.

Слабый желтый свет вырвал из темноты какие-то камни, палки, запрыгал по лужам. Бахтин хоть и старался ступать аккуратно, но все же влез в какую-то яму с водой. Проклиная службу, Немировского, бандитов, он шел вслед за Литвиным.

Здание театра смотрело в ночь мертвыми глазами окон. Тишина. Ни огонька, ни света, только с проспекта доносился скрежет трамвая.

– Что же дальше, господин Сусанин? Не знаю, как чувствовали себя поляки в те славные дни, а у меня, по вашей милости, Орест, ноги мокрые.

– Есть мысль, Александр Петрович. – Литвин достал свисток и дал две длинные трели, так обычно городовые вызывают дворников. Они прислушались.

Внезапно совсем рядом в темноту выплеснулся теплый свет. – Кто здесь? – Сторож, – рявкнул Литвин, – спишь?

Они пошли на свет. В квадрате дверей стоял крепкий старик в накинутом на плечи нагольном тулупе. – Вы кто будете?

– Мы из сыскной, – ответил Литвин, – скажи-ка, дед, кто, кроме тебя, еще есть? – Да никого. Были два господина и ушли. – Что за господа?

– Да Бог их знает, мне помощник управляющего велел пустить их в комнату, где аппарат висит. – Телефон. – Точно. – Долго они здесь были?

– Да почитай часа два, потом ушли, а мне четвертак за беспокойство пожаловали. – Какие они из себя?

– Господа как господа, в пальто богатых, котелках, у одного тросточка с серебряной ручкой, вроде как рыба изображена. – А кто у вас помощник управляющего? – Так Илья Семенович. – Знаешь, где живет?

– Да, на третьем трамвае вторая остановка. Сенная площадь. Там дом Романова, знаете? Так они во втором этаже проживают, номер шесть.

– Вот что, борода, завтра, как сменишься, приезжай на Офицерскую, в здание Казанской части, там сыскная полиция, спросишь господина Литвина. Понял? – Бахтин ощутил в ботинке отвратительную мокроту. – Вы, Орест, берите машину и за этим Ильей Семеновичем, а я на извозчике доберусь.

Извозчик ехал медленно, но Бахтин не торопил его. Не хотелось ему спешить в «присутствие», последнее время он стал чувствовать, что внутри его словно все выгорело. Куда-то ушел азарт, желание поймать преступника как можно быстрее. Так, наверное, бывает у стареющей охотничьей со-

баки, – невесело шутил он.

Последние три года он вдруг стал ощущать свою ненужность. Сыскное дело изменилось так же, как изменился контингент жулья. Все чаще преступления начали совершать вполне почтенные граждане. Ну вот хотя бы сегодня. Поручик Копытин, павлон, вышедший в лейб-гвардию, убивает подпрапорщика, крадет ценности, дезертирует, совершает разгон, а потом убийство. Ну как понимать это. Он же не Сережка Послушник и не Федька Грек.

Офицер, в обществе принимаемый господин. Господи, что это с людьми случилось? Какая же странная наступила жизнь. Вот и сегодня он с мокрыми ногами тащится на извозчике на Офицерскую. Служба. Одна лишь служба. За два дня до войны уехал в Москву работать его единственный друг, литератор Женья Кузьмин. Ныне он на фронте. Статьи его из Галиции даже «Нива» печатает, а ведь когда-то Женья Кузьмин об этом только мечтал. И Ирина уехала. А Лену Глебову он в прошлом году случайно увидел на Финляндском вокзале. Как же был далек тот предвоенный день! И вот уже скоро сорок, из них пятнадцать лет гоняется по городам и весям за всякой сволочью, подставляя себя под пули и ножи.

А что взамен? Три креста на шею, пара иностранных орденов, да четыре медали. Не ахти какое жалованье, да чин, равный подполковнику, уже шесть лет. Хотел его Филиппов сделать помощником начальника, кто-то помешал. Неужели на роду ему написано ловить до смерти воров да с лживыми

агентами по гостиницам встречаться. Уехала Ирина, вышла замуж за богатого француза и упорхнула в Лион.

До войны он получал от нее письма. Ирина жаловалась на скуку, искренне переживала свой уход со сцены. Только теперь Бахтин понял, как ему не хватает суматошного Иринино дома, всех этих веселых и легких людей, которые почти ежедневно собирались у нее. Почему же случилось, что внезапно он стал совсем одинок? Поглядишь на сослуживцев, у всех компании, обеды, ужины, пикники, винт. А у него одинокие походы в кинематограф, да беседа с хозяином ресторана «Тироль» Францем Игнатьевичем Рихтарским, благо кабачок сей совсем рядом со службой и с домом.

Они с Литвиным сидели в «Тироле», было это дней десять назад, и Орест спросил:

– Александр Петрович, а вы о Рубине совсем забыли?

Нет, не забыл Бахтин ни о Рубине, ни об Усове. Помнил он их, ох как крепко помнил, тем более памятью на боку остался у него ножевой шрам, еще немного и лежал бы он в холодной, на Фонтанке, 132, в Александровской больнице. Нет, он помнил Рубина. Правда, пока не встречался с ним, но в его сейфе-лежала папка с надписью «Лимон», такую кличку имел господин предприниматель Рубин в далекой Одессе. Но кличка кличкой, агентурные донесения в Судебную не понесешь.

Однако папка на Рубина пополнялась. Много интересного прислал Миша Рогинский, чиновник для поручений Одес-

ской сыскной, жаль, убили его в прошлом году, в ресторане Лондонской гостиницы. Помог полковник Веденяпин, перешедший с началом войны в контрразведку. Московские коллеги тоже постарались. И, конечно, Женя Кузьмин прислал газетные вырезки и просто записи разговоров.

Филиппов, которому Бахтин показал документы, сказал, подумав:

– Александр Петрович, не как к подчиненному, а как к другу обращаюсь, пусть об этой папке заветной никто не знает. Для прокурора здесь данных считай что нет, а для газетного скандала... – Он покрутил рукой в воздухе и продолжил: – Да и фамилии, смотри, какие громкие. Большие деньги сможешь заработать, продав, к примеру, Василевскому, который Не-Буква, или Дорошевичу. – Если уж отдавать, то Жене Кузьмину.

– Ты, братец, никому не отдавай, так для тебя спокойнее будет, а то видишь, у Рубина в дружках сам Козлов, его одесское превосходительство. Теперь-то мне кое-что ясно, но как докажешь. За Козлова горой сам Фредерике. Министр двора. Это не шутки. – А если пойти в Думу?

– К Родзянко? А что он сделает? Очередной запрос Маклакову? Помнишь, что статья I Свода основных законов Российской империи гласит: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный...» Вот так. А ты – Дума.

Помнишь, как в двенадцатом году они разбирались? Если

бы ты смог доказать, что Семена того Рубин послал, тогда все. Упекли бы его в арестантские роты, и никто бы не помог.

Да если бы он мог доказать. А дело-то ясным было, простым, как помидор. Но... В ту далекую ночь, когда ему позвонили и сказали, чтобы он искал Шохина в Обводном канале, труп его нашли перед рассветом.

– Как у него еще голова держится, – вздохнул судебный медик Брыкин.

– Крепкий человек это сделал, к ножу привычный, – сказал Литвин, – горло разворотил до позвонков.

Метрах в трехстах обнаружили следы авто. Ясно, что Шохина увезли сюда и убили у канала. Кто же знал о том, что он дал показания? Бахтин, Литвин, Филиппов, Иников и следователь Акулов.

За служащих сыскной полиции Бахтин был спокоен. Никто из них никогда бы не назвал свидетеля. А вот этот идиот Акулов!

Болтливый, истинно «светский человек». Наверное, ляпнул где-то, ну и...

Сильные люди стояли за этим делом. И присяжный Усов не зря приходил. Предупреждал он. Предостерегал. Тогда и Бахтина самого чуть не убили, спасибо, надежный агент успел предупредить.

Ночью кто-то осторожно позвонил в дверь. Коротко и тревожно. Бахтин проснулся сразу. Накинул халат, наган на всякий случай сунул в карман и пошел в прихожую. На площад-

ке стоял извозчик Ферапонтов. – Ты чего, Егор? Не знаешь, куда приходиться?

– Так знаю, ваше высокоблагородие, Александр Петрович, только дело уж больно паршивое. – Ну заходи.

Они прошли на кухню, Бахтин достал из поставца бутылку водки, налил в стакан. – Закусишь?

– Зачем добро переводить да вкус портить. – Ферапонтов одним глотком выпил стакан и не поморщился даже. – Дело вот какое, подвозил я двоих в трактир «Золотой бережок», не в тот, что на Фонтанке, а на Калашниковскую набережную. Так они говорили тихо, а я ухо наострил. Про вас разговор был. – Что за разговор? – Бахтин закурил. – Обыкновенный. Замочить вас хотят. – Что за люди? Где сели?

– Взял я их на Фонтанке. Одного, здорового, Семеном называли, так я его признал: он у Рубина из Одессы швейцаром служит.

– Почему ты, Егор, решил, что они меня мочить решили? – Так слышал. В трактире их чистодел дожидался. – Как узнал?

– У полового Степки спросил, он мне и сказал, что человек тот Мишка Бык из Москвы, убивец. – А где его найти?

Ферапонтов сделал долгую паузу, достал папиросы, закурил. На кухне запахло дегтем. Егор Ферапонтов сам набивал папиросы, из нескольких сортов самосада. Даже городовые, охочие на чужбинку, не могли курить его папирос, задыхались.

– Так вот, – многозначительно изрек Ферапонтов, – мне в зале крутиться не с руки было, так я Степку попросил за ними приглядеть. Степка мне стакашку вынес и шепнул, что тот Семен Быку деньги передал, пачку. А вскоре Бык сам вышел. Одет богато: поддевка синяя, рубашка шелковая голубая, сапоги лак! Нанял меня до номеров, на Колокольной, 12... – Во «Владимирскую», что ли? – Как есть, туда.

– Спасибо тебе, Егор, подожди меня, если хочешь, выпей. – Бахтин встал.

– Да нет, я норму взял ночную, – серьезно ответил Ферапонтов.

Бахтин вышел в кабинет, достал из ящика стола сто рублей. Информация касалась лично его, и он считал себя не вправе рассчитывать на агентурными деньгами. С сотенной бумажкой в руке он вошел на кухню. Ферапонтов зыркнул глазами, словно облизал сотню, раздавил в пепельнице свою чудовищную папиросу, и, тяжело вздохнув, сказал:

– «Катю» эту я от тебя, ваше высокоблагородие Александр Петрович, не возьму, не по службе я к тебе пришел, а по душе, как православный пришел, чтоб остеречь тебя. За это денег не уберут.

– Спасибо. – Бахтин крепко пожал руку извозчику.

Ферапонтов ушел, а Бахтин оделся быстро и отправился на службу.

В сыскном все было тихо. Дремал дежурный надзиратель, агенты из летучего отряда ожидали вызова. Бахтин прика-

зал вызвать Литвина, прошел в свою комнату. На столе лежали размноженные на стеклографе сообщения о розыске, присланные из сыскных отделений разных городов империи.

Он отобрал несколько сводок Московской сыскной полиции, подписанных статским советником Кошко. Бахтин обычно внимательно читал каждое сообщение, считая это одной из неотъемлемых задач подлинного криминалиста. Когда Ферапонтов, он же агент Селезнев, назвал ему имя Мишки Быка, Бахтин тогда еще вспомнил, что оно ему знакомо.

Вот она. Циркулярный номер 348 от 1 марта 1914 г. «Настоящим сообщаем вам, что из арестантского дома Тверской части бежал задержанный за убийство артельщика Среденского ломбарда мещанина Прохорова Ивана Степановича опасный уголовник Михаил Кочетков, отчество не известно, кличка Мишка Бык...»

Далее следовали приметы и список грабежей, в которых принимал участие данный персонаж. Уголовная биография Быка была почтенной. Не сявку мелкую нанял господин Рубин, зверя. Циркуляр развязывал Бахтину руки. Теперь он должен арестовать Быка по ориентировке московских коллег, а не за «сговор, направленный против должностного лица полиции...». Так именовалось сие деяние в Уголовном уложении. Дело уже к утру шло, а Литвина не было. Зазвонил телефон. – Сыскная полиция, надворный советник Бахтин.

– Александр Петрович, – телефонировал Литвин, – что стряслось?

– Срочно езжай на Колокольную, 12, жди меня у входа во «Владимирскую».

Бахтин положил трубку. Проверил наган и спустился к дежурному.

– Я на Колокольную, брать Мишку Быка, телефонируй в участок, пусть пришлют трех городовых, со мной два агента из летучего отряда. Авто на месте? – Авто-то на месте, да механика нет. – А где он? – Зуб рвать час назад ушел. – Вот черт. Хорошо, я сам поведу.

– Как прикажете, – вздохнул надзиратель, – только вы, господин надворный советник, в журнал сами запишите.

Не доезжая квартала до гостиницы, Бахтин остановил авто. – Пошли. У дверей стоял Литвин. – В чем дело, Александр Петрович?

– Рубин нанял Мишку Быка, чтобы меня кончить. – Бахтин достал портсигар. – Где городовые? – Не видел.

– Ладно, сами справимся. Пошли, господа.

Дверь им открыл сонный швейцар. Бывший городской, он сразу все понял.

– В каком номере у вас остановился человек в синей суконной поддевке, лакированных сапогах и голубой шелковой рубашке?

– Так это купец из Сызрани Павлов Авериан Силыч, в двадцать шестом он. Я к нему ночью Люську послал и, конеч-

но, закуску с выпивкой они брали. – Где запасной ключ? – Сейчас сделаем, ваше высокоблагородие. Минут через пять швейцар принес ключ с биркой «двадцать шесть». – Окна номера куда выходят?

– Во двор, ваше высокоблагородие, из окна спокойно можно на крышу попасть, а там по лестнице...

– Литвин на крышу, мы – пошли. Ты, братец, тоже с нами, – сказал он швейцару.

А номера просыпались. Плескалась где-то вода, бежал по коридору заспанный половой с дымящимся самоваром, скрипели двери, шаги слышались.

Коридор на втором этаже, длинный, словно кишка, по обе стороны белые двери с номерами. У двадцать шестого остановились. Швейцар осторожно вставил ключ и сразу вынул.

– Изнутри заперся, ключ в замке, – прошептал он. – Ломать надо, – приказал Бахтин, – лом неси.

– Да зачем лом-то, ваше высокоблагородие я и так выбью. Двери-то на соплях держатся...

Швейцар отошел к стене, чтобы разбег взять, но за дверью ахнул выстрел, зазвенело выбитое окно, страшно закричала женщина. – Давай.

Швейцар плечом ударил в дверь, и она без натуги распахнулась. Бахтин ворвался в номер и увидел Литвина с нагапом в руке и сидящего в углу здорового полуголого парня с поднятыми руками, на полу валялся «смит-и-вессон» полицейского образца, на кровати, закрывши голову одеялом,

лежала голая баба.

Надзиратели проворно нацепили на Мишку наручники. Захлопали двери, народ в коридор начал выскакивать. Зашумели, особенно любопытные норовили прямо в номер влезть. Но тут и городовые подошли. Они ловко оттеснили постояльцев. Швейцар двери налаживал. Сыщики из летучего отряда обыскивали номер.

– Этот хитрован, – сказал, закуривая, Литвин, – прямо у окна лестницу приспособил. Я, как на крышу поднялся, смотрю, у него лампа горит. Я к окну. Видно, он шаги за дверью услышал и сидел в одном белье со «Смитом» в руках. Тут я и выстрелил.

Мишку Быка допрашивал Филиппов в арестантском доме Казанской части.

Бык раскололся быстро, не понадобилось даже приглашать околоточного.

– Ну-с, любезный Александр Петрович, – сказал Филиппов, войдя в сыскную. – Бык-то денежки эти должен был передать некоему студенту из эсеров Конюхову, а тот в бомбовой мастерской заряд приготовит и рванут они вашу квартиру вместе с Марией Сергеевной и кошкой вашей. Так что у нас дело-то разваливается. Бык деньги не передал, следовательно, сговора нет. А бомбисты дело не наше, мы их полковнику Глобачеву передадим.

А вот про швейцара-то Семена Бык мне на ушко нашептал.

Он из Нерчинска, подорвал четыре года назад, отдыхал там за грабеж вооруженный и покалеченного городского. Сейчас Кунцевич на него все принесет.

Николай Иванович Кунцевич, заведующий столом приводов, появился действительно через полчаса. Он положил на стол несколько листков и фотографию.

– Вот, Владимир Гаврилович, извольте поглядеть. Опасный тип этот Семен. Кличка Кувалда, зовут Максим Егорович Семенов. Бывший матрос. Судился за зверское избиение товарища по службе, потом за грабеж, ну и за разбой с членовредительством. – Значит, надо ехать, брать его.

Поехали вчетвером: Бахтин, Литвин и два крепких сыщика. Авто оставили, не доезжая до шестьдесят второго номера. Бахтин позвонил. Затейливая дверь, сработанная из редкого дерева, отворилась неохотно.

На пороге, закрывая вход, стоял плотный высокий мужик в швейцарской ливрее. – Ты Семен? – спросил Бахтин.

– Никак нет. Я Андрей. А вам чего угодно, господин?

– Мы из сысской полиции, – Бахтин достал значок. – Ты давно здесь работаешь? – Пятый день, ваше высокоблагородие. – А где Семен? – Не могу знать. – Хозяин дома? – Никак нет. Сейчас управляющего позову. Бахтин с сыщиками вошли в прихожую. Аляповата она была, цветаста весьма. Словно кричала о роскоши и богатстве.

Прихожая напомнила Бахтину браслет из «американского золота» со стразами вместо подлинных камней. Через

несколько минут по лестнице спустился элегантный господин с безукоризненным пробором.

– Зоммер, Анатолий Арнольдович. Я управляющий господина Рубина. С кем имею честь?

– Надворный советник Бахтин, чиновник для поручений сысской полиции.

На лице Зоммера не дрогнул ни один мускул. Словно фамилию эту он впервые слышал. Голову наклонил почтительно:

– Весьма рад знакомству, господин Бахтин, чем могу?

– У вас служил швейцаром Семенов Максим, Егоров сын. – Не припомню. – До Андрея кто у вас служил?

– Семен Николаев. Отвратительный тип. Мы его неделю, как рассчитали. Грубый и на руку нечист. – Где он нынче?

– Откуда же мне знать, господин Бахтин, помилуйте. Он свой мешок собрал и подался куда-то. Еще грозился дом поджечь. Так я об этом околоточному Звонареву сообщил.

– Ну что ж. Простите за беспокойство. Пошли, – скомандовал Бахтин. На улице он сказал Литвину: – За домом наблюдать круглосуточно. – Сделаем, Александр Петрович.

И не знал Бахтин, что Зоммер перешел через потайную дверь в соседний дом, купленный, кстати, на фамилию потомственного почетного гражданина Аникина, где в одной из комнат лежал на диване Кувалда.

– Вот что, голубь, – зло сказал Анатолий Арнольдович, – ты эту кашу заварил, тебе ее и доедать. Чтоб нынче Бахтин

этот...

– Сделаю. Сам сделаю. – Кувалда встал, потянулся. – Я его, Анатолий Арнольдович, нынче ночью достану.

– Он по вечерам или дома, или на Екатерининском, у своей мадам.

– А я его дома дождусь. Вернется. Погуляет и вернется.

Когда ночью Бахтин возвращался на Офицерскую из ресторана театра «Буфф», он не знал, что наружка уже повела Кувалду. Что старший группы наблюдения, сыщик Стариков, сообщил, что громила затаился в подъезде дома Бахтина.

Александр Петрович не знал, что дом его уже был оцеплен, а Литвин с тремя надзирателями из летучего отряда через крышу и чердак проникли на пятый этаж, перекрыв Кувалде путь к отступлению. Но бывает, что даже в четкой, продуманной операции невозможно всего учесть.

Сыщик Фраков сидел в доме напротив. Он должен был потайным фонарем дать сигнал, когда Бахтин подъедет. Все бы хорошо, но горящий табак папиросы упал на его второй раз надеванное пальто. Запахло паленым, и пока Фраков снимал пальто, пока искал прожженную дырку...

Когда он выглянул в окно, то увидел отъезжающего извозчика и тут же дал сигнал.

Бахтин открыл дверь, пропуская Ирину, и она внезапно закричала сдавленно и страшно.

Он оттолкнул женщину и в темноте подъезда скорее уга-

дал, чем увидел фигуру человека. Метнулся вправо, бок обожгло и он резко ударил в белеющее в полумраке лицо. Человек отшатнулся, давясь матерщиной, Бахтин успел достать его ногой...

Вспыхнули фонари, и сверху налетел Литвин с ямщиками.

Месяц казенный врач лечил рану. Каждый раз приговаривая: – Чуть правее, дорогой мой, и...

Что было бы после этого «и», Бахтин догадывался. Когда суд вынес приговор, Кувалда, обернувшись, крикнул: – Жди, сыскарь, я тебя замочу...

Бахтин не боялся угроз. Он их наслышался за службу предостаточно. Тогда он не знал еще, как странно повернется жизнь. Бахтин потер лицо руками, словно смывая воспоминания. Извозчик ехал уже по Офицерской. Мокрые ноги застыли, его немного познабливало и впервые он решил не ехать на службу, а остаться дома. Под причитания Марии Сергеевны, он выпил две большие рюмки водки, закусил с удовольствием и пошел спать. Да, именно спать. Как обычный человек, поздно вечером вернувшийся домой. Хватит. Он устал.

Проснулся Бахтин рано. Здоровый и свежий. Открыл окно, взял гантели. Тридцать минут он делал гимнастику. Тело стало жарким и потным, он чувствовал, как бодрость и сила заново появляются в нем. За завтраком Мария Сергеевна сказал:

– Ты бы, батюшка Александр Петрович, в приставы попросился. Не дело такому господину по ночам разбойников ловить. А у пристава жизнь тихая. Потом купцы к нему всегда с благодарностью. . . – Попрошусь, Сергеевна, чуть позже попрошусь. – Вот и хорошо. Тогда хоть заживем. Противно и длинно зазвонил телефон. – Меня уже нет. Бахтин натянул пальто, надел галоши и вышел.

– Вас господин начальник разыскивает, – сказал дежурный надзиратель. – Скажите, сейчас буду.

Бахтин разделся и пошел к Филиппову. Начальник сидел за столом в полном сиянии полугенеральской формы.

К трехсотлетию дома Романовых в тринадцатом году его произвели в статские советники. Чин промежуточный. Уже не полковник, но еще не генерал. У стены на стульях два офицера, капитан и поручик.

– Знакомьтесь, господа, – сказал Филиппов, – это наш лучший криминалист Бахтин Александр Петрович. Офицеры вскочили, звякнув шпорами.

– А это, Александр Петрович, скажем так, наши коллеги из контрразведки, капитан Устимович и поручик Грачев.

– Господин Бахтин, – капитан взял бумаги на столе, – кажется, вы занимаетесь этим неприятным делом? – К сожалению.

– Мы принесли вам все документы, касаемые бывшего поручика Копытина. Между нами, бежал он с позиций не просто так. Дело в том, что кто-то дал ему сигнал. В 1913 году

в Варшаве Копытина завербовала германская контрразведка. Он проигрался, был весь в долгах, этим воспользовались. Бежал он с позиций, узнав, что мы должны его арестовать. Отец его погиб в Порт-Артуре, мать умерла. Его воспитывал дядя. Сенатор Лодкин, брат матери.

– Пойдите, это какой Лодкин? Не тот, что упоминался в связи с аферой в Дворянском земельном банке.

– Да, но, скажем так, Сенатская комиссия решила не выносить сор из избы. Сейчас он член правления Волжско-Камского банка и имеет акции нескольких железных дорог. В общем, господин весьма богатый и с разветвленными связями. – У вас есть список похищенного?

– Мы принесли. Дело Копытина в связи со смертью нами прекращено. Факт кражи, юрисдикция ваша. Так что, позвольте, господин статский советник, откланяться.

– Спасибо, господа, что вы так любезно откликнулись на нашу просьбу. Истинный пример сотрудничества военных и гражданских властей. Но так вас отпустить не могу. Потому прошу в соседнюю комнату, откусать, чем Бог послал. – Филиппов гостеприимно указал офицерам на дверь. – А вы, Александр Петрович, к должности немедленно приступайте, а то вас, батенька, свидетели заждались.

Бахтин усмехнулся. Любил их начальник всевозможные застолья и устраивал их по любой причине, словно собирался перед отставкой наесться за казенный счет. В Департаменте полиции уже поговаривали, что на место Филиппова

метят коллежского советника Кирпичникова. У дверей своего кабинета Бахтин увидел давешнего сторожа. Он сидел на стуле, положив руки на колени, опасливо поглядывая на проходящих людей. – Тебя господин Литвин вызывал? – Так точно, ваше высокоблагородие. – Чего же ты сидишь? – Не могу знать.

Бахтин приоткрыл дверь, в кабинете Литвин допрашивал солидного господина в дорогом пальто с шалевым меховым воротником. – Орест, вам нужен сторож? – Нет, Александр Петрович. – Иди, братец, спасибо тебе.

Старик радостно вскочил и зашагал к выходу. Бахтин вошел в кабинет. Литвин встал. – Так вы и есть Илья Семенович?

– Да, – ответил господин в пальто, – я Илья Семенович Малкин. – Моя фамилия Бахтин...

– Как же. – Малкин вскочил, улыбнулся не без приятности. – Читал о вас в газетах. Я, господин Бахтин, весьма люблю криминальные сюжеты. Я видите ли, драматург.

– Ах вот как, – Бахтин достал портсигар, – угощайтесь. Они закурили. – Каких пьес автором изволите быть?

– Я пишу-с под псевдонимом Илья Осенин, все больше сценки из народного быта, да уголовные драмы.

И Бахтин вспомнил Тверь, театр и спектакль «Ожерелье графини», чудовищную белиберду, написанную в духе плохого французского романа, но театр работал на аншлаге. – Я видел вашу пьесу в театре в Твери. – «Ожерелье графини»?

– Именно. Нам очень приятно сделать с вами знакомство, господин драматург, но суровая реальность полицейской службы предписывает допросить вас по всей строгости.

– Так сделайте одолжение, позвольте, я только пальто сниму.

– Располагайтесь, как вам удобно. Я сейчас чаю прикажу. Распорядитесь, Орест. Литвин вышел.

Илья Семенович снял пальто, оказался в английском пиджаке, дорогом галстуке «павлиний глаз» и пестром жилете. – Слушаю вас. – Видимо, суть дела вам мой помощник разъяснил.

– Да, так мне скрывать нечего. – Пальцы Малкина нервно пробежали по брелокам цепочки часов. – Вот и хорошо. Что за люди были в театре?

– Так вот какое дело, господин Бахтин, я, видите ли, игрок... – Карты, бега, рулетка?

– Избави Бог, на бегах никогда не был, карты дома, с гостями, по маленькой, а рулетку лишь в синематографе видел. Я люблю бильярд. Играю в гостинице «Стрелка»... – Каменноостровский, 2?

– Именно. Играю там давно, уж больно столы хорошие, да публика все больше наша, театральная. Но, конечно, бывают и чиновники, и иные господа. Давеча играл с одним гостем. Он часто там бывает с приятелем... – Кто такие?

– Фамилии не знаю. Зовут одного Николай Ильич, а друга его Василий Карпович. Оба они игроки хорошие. Но у нас

закон. Больших ставок не делать. А тут, как назло, начал играть с Николаем Ильичом и просадил «кату»». Жаль. Я за бу-
мажником полез, а он и говорит, выручи, мол, Илья Семено-
вич, дело торговое срывается, телефон нужен. Пусти на пару
часов в театр и мы в расчете. Мне не жалко, я их пустил.

– Илья Семенович, а эти господа часто бывают в бильярд-
ной?

– Да каждый день, считай, после обеда. Они, как я понял,
«зайцы» биржевые. С утра накрутятся, потом обедают и ша-
ры покатать идут.

– Илья Семенович, скажу вам откровенно, – Бахтин улыб-
нулся, – влипли вы в историю поганую. Невольно стали со-
участником двойного убийства и крупного ограбления...

– Господин Бахтин. – Малкин вскочил. – Бога побой-
тесь...

– Да вы садитесь, садитесь. Из положения сего трудного
есть выход.

– Так уж не темните, господин Бахтин. – Малкин достал
платок и вытер сразу вспотевшее лицо. – Выход-то какой?

– Все просто, вы немедленно с господином Литвиным еде-
те в «Стрелку» и начинаете шарики катать, а как появятся
ваши знакомцы, дадите знак. Ну как?

– С моим удовольствием. Не вижу здесь ничего, что могло
бы запятнать мое звание интеллигентного человека. – Тем
более.

– Александр Петрович, – в кабинет заглянул Кунцевич, –

вас Свиридов ищет. – Иду.

– Так вы ко мне поднимитесь, – попросил Кунцевич.

В столе приводов было, как всегда, тихо. Только писцы, заполняя формуляры, перекидывались отдельными фразами.

Надзиратель Свиридов поднялся навстречу Бахтину. – Что у тебя? – Да есть кое-что, господин надворный советник. – Выкладывай.

– У Немировского родственник имеется, Леонид Петрович Немировский, капитан Добровольного флота. – Ну и что?

– Так вот, перед самым ограблением он проиграл в Купеческом клубе пять тысяч рублей, а вчера деньги отдал. – Так, вот это уже интересно.

– Да более того, Александр Петрович, он за квартиру долг заплатил. В магазине рассчитался и, как я выяснил, погасил вексель. Но не сам, а оплатил его какой-то господин, назвавшийся его сослуживцем. – Сумма? – Две тысячи двести. – Молодец Свиридов.

Бахтин подивился непомерному усердию надзирателя. Свиридов долго служил писцом в столе приводов, потом стал надзирателем. Он прекрасно писал протоколы и обладал феноменальной памятью. Целыми днями он ездил в трамвае, в пригородных поездах, крутился на рынках, точно срисовывая беглых и разыскиваемых. А тут внезапно сыскную инициативу проявил.

– Это не все. При обыске убитого Копытина мы обнаружили вот этот план. – Что за план?

– Квартиры ювелира с пометками. Я господина Немировского спросил, что за знаки такие. Так он чуть в обморок не упал. – Вот за это, Свиридов, тебе большое спасибо. Наводка, причем навели люди близкие. Знающие, где лежат алмазы пламенные.

Бахтин закурил. В общем-то, все складывается достаточно ясно.

– Дай мне, Свиридов, протокол допроса Немировского. Так. Так. Пока ничего. Стоп. Вот, что он говорит о человеке, которого Копытин называл прапорщиком Галкиным. Вот оно.

«...Было еще два человека. Одного я не запомнил. Лицо у прапорщика Галкина неприятное, мясистое, актерское лицо...»

Актерское лицо. И тут Бахтин вспомнил Петра Ивановича, его информацию о московских Иванях. Сабан и Метелица.

Сабан. Ну конечно. Он же везде выдает себя за актера. Вжился в образ, сволочь. – Дай мне, Свиридов, карточку Сабана. – Сафонова Николая Михайловича? – Память у тебя... – На том стоим.

Через час Бахтин звонил в дверь к Немировскому. Ему открыла горничная. Видимо, испуг на ее лице теперь уж не пройдет никогда. – Я могу видеть Бориса Сергеевича? – А

вы кто будете, как доложить? – Вы меня не помните? – Ой, конечно из сыскного вы, барин.

– Правильно. Так и доложи, барин из сыскного.

Горничная помогла Бахтину снять пальто, проводила в гостиную.

Бахтин сел в кресло, огляделся. В этой дорого, со вкусом обставленной комнате ничего не напоминало о недавнем несчастье. Бахтин даже закурить не успел, как появился хозяин.

Немировский был в визитке, полосатых брюках, красивом галстуке. – Господин Бахтин, слушаю вас.

– Борис Сергеевич, вы запомнили лицо прапорщика Галкина? – Да. Бахтин достал из кармана фотографию Сабана. – Он, – уверенно сказал ювелир. – Он. – Ну вот, полдела мы и сделали. – А мои ценности?

– Это вторая половина дела. Борис Сергеевич, у убитого бандита нами найден план квартиры с непонятными отметками. Поглядите еще раз.

Немировский взял в руки листок, и Бахтин увидел, как побледнело его лицо.

– Откуда это... Впрочем, вы сказали, найдено у убитого. – Я могу узнать, что это за пометки? – А это важно? – Очень.

Ювелир поднялся, нервно зашагал по гостиной. Английские часы на темно-красной, дорогого дерева колонне словно отсчитывали его шаги. Так. Так. Так.

– Как же мы дальше-то будем, Борис Сергеевич? – пре-

рвал молчание Бахтин.

– Я в замешательстве, в некоем испуге даже. Видите ли, крестиками отмечены места, где находятся скрытые сейфы с основными драгоценностями. – Поясните, пожалуйста.

– Понимаете, господин Бахтин, наше ювелирное дело само по себе опасное. Ежедневно можно ожидать разбоя, кражи. Поэтому еще дед учил отца, а он меня, прятать самое ценное в надежных местах. – Значит, вы не все отдали грабителям?

– Конечно. Я отдал им только те наличные деньги, которые снял со счета в банке, чтобы завтра передать их строительному подрядчику. – А валюта?

– К сожалению, была приготовлена для расчета со стокгольмским поставщиком. – А ценности?

– Я отдал золотые изделия с белыми сапфирами, гранатами и полудрагоценными камнями. Алмазы, бриллианты, цветные сапфиры, рубины, изумруды, то есть главное мое богатство, остались. Слава Богу, что эти господа ничего не понимали в камнях. – Ну и выдержка у вас, – изумился Бахтин.

– Учтите, Александр Петрович, что я был твердо уверен, что это происшествие – ошибка, которая дня через два прояснится. – Борис Сергеевич, у вас есть племянник? – Да. Морской капитан Леонид Немировский. – Он мог знать о ваших секретах?

– Нет. Стенные сейфы делал мой мастер, проработавший

много лет в моей фирме. – А где он сейчас?

– К великому сожалению, умер. Но за него, если бы Станислав был жив, я готов поручиться всем своим состоянием. – Может быть, прислуга? – Исключено.

– Но кто-то видел ваши лабазы. – Бахтин закурил. Немировский молчал. – Борис Сергеевич, – улыбнулся Бахтин, – ну не вы же начертили этот план?

– Александр Петрович, возьмите его и попробуйте найти хоть один сейф.

Бахтин встал, взял бумажку. Что за черт, почему-то дверь в гостиную была расположена в другой стороне. – Подождите, Борис Сергеевич...

– Александр Петрович, это план моей варшавской квартиры, она очень похожа на нынешнюю. Впрочем, я и искал такую. – Значит?.. – Именно.

– Но вы испугались, когда я вам показал план. Почему?

– Потому что его знал всего один человек. Но я не хочу об этом говорить. – Увы, придется, Борис Сергеевич. – Это женщина. – Я понимаю, но мы должны знать. – Людмила Павловна Белоусова. – Она бывала в этой квартире?

– Нет. Мы расстались с ней перед войной. Подождите, Леонид помогал мне складывать ценности. – Значит, все-таки ваш племянник?

– Знаете, Александр Петрович, о Лёне говорят много плохого. Но он, как бы вам сказать, человек, начитавшийся Жюль Верна. У него необыкновенная страсть к приключе-

ниям. Ну сами подумайте: дрался с морскими пиратами, помогал марокканскому бею воевать с французами, оказывал услуги персидскому двору и бухарскому эмиру. А то, что он мимо японцев тайно вывез из Порт-Артура деньги, знамена и документы. Весьма отважный человек. Правда, игрок. Но не болезненно азартный. – Вы ему помогаете деньгами? – Никогда. Я сейчас принесу вам его фотографию. Немировский вышел, а Бахтин вдруг почувствовал неосознанную тревогу, он пока не мог никак понять, в чем дело. Внезапно раздался звонок в дверь.

Бахтин выскочил в прихожую, схватил за руку горничную. – Откроете по моему сигналу.

Он спрятался за портьеру и достал наган. Горничная открыла дверь, на пороге стоял человек с точильным станком. – Ножи точим, барышня, ножницы, мясорубки. – Да нам не надо, иди себе.

– Что ж ты, такая молодая и в гости меня не позовешь. Хозяев боишься? – Спит хозяин, иди себе с Богом. – Эх, барышня, не дала заработать. – Иди себе, иди.

Дверь захлопнулась. Бахтин прислушался. Точильщик уходил вниз. Бахтин подбежал к окну. Точильщик вышел на улицу и, видимо, попросил прикурить у человека в студенческой шинели. Что-то сказал ему и ушел.

– Скажите, – спросил Бахтин у горничной, – кто еще приходил сегодня. – Рассыльный из магазина... – Зачем?

– А он квартирой ошибся. Ему надо было ниже этажом спуститься. – Кто там живет? – Какой-то господин.

Бахтин спустился ниже этажом, позвонил в дверь. Она приоткрылась осторожно, на ширину цепочки. – Вам кого надо? – Хозяин дома? – Нет. – А хозяйка? – Барыня уехала в портнихе. – А вы горничная? – Да.

– Скажите, милая, ваши хозяева нынче ждали посыльного из магазина? – Нет. – Спасибо. Дверь захлопнулась.

Вот тебе и Сабан. Ну орел. Знает точно, что никто не ждет его здесь. Как рассчитал точно-то. Полиция все отработала и ушла ловить налетчиков, а они снова в гости к ювелиру. Молодец. Значит, или Сабан, или тот, кто навел, знают о дорогих камнях, спрятанных в стенных сейфах. Сабан – налетчик опытный. Человек рискованный. В прошлый раз он взял деньги, валюту, золото. Ему этого вполне бы хватило. Но он идет снова, значит, кто-то заставляет его. И этого человека Сабан боится. Бахтин поднялся в квартиру Немировского.

– Что случилось, Александр Петрович? – взволнованно спросил ювелир.

– Борис Сергеевич, мне кажется, что вас вновь собираются посетить ваши друзья.

– Не может быть!.. – Немировский вскочил, нервно забежал по комнате. – Не может быть.

– Может, – жестко сказал Бахтин, – мне нужно telefonировать на службу. – Пойдемте в кабинет.

– Скажите вашей горничной, чтобы дверь не открывала

никому. – Хорошо.

В кабинете все было так же, как вчера. Впрочем, нет, один книжный шкаф уже заполнили книги. Бахтин поднял трубку.

– Барышня, 43 – 880. Владимир Гаврилович, это Бахтин.

– Узнал тебя, Александр Петрович, что скажешь хорошего? – Голос Филиппова был благодушно домашний. Видимо, неплохо посидел он с офицерами из контрразведки.

– Да что сказать-то, кажется мне, что вчерашние гости не допили. – Как это понимать? – Хозяин их не тем вином угощал.

Филиппов был сыскарь догадливый, он сразу сообразил, в чем дело.

– Ты хочешь сказать, что у хозяина очень дорогие вина припрятаны. – Точно. – Значит, ребята их допить решили.

– А почему не допить, если это делу не помеха. Надо гостей встретить как следует, хорошо бы пяток официантов прислать. – Так... так... – Только не хотелось бы, чтобы люди знали... – Любопытные есть? – Именно.

– Ну ничего, официанты к Сергею Макаровичу зайдут. – Нуда, дело военное. – Понял тебя. Они к тебе через соседей доберутся. – Вот и славно. – Литвин нужен? – Пусть шары катать едет.

– Для тебя сообщение. Телефонировал твой друг с Вяземского подворья, сказал, что в четыре пополудни в знакомом месте будет. Просил передать, что дело срочное.

– Тогда попрошу быстрее прислать официантов, а то гости могут в любой момент пожаловать.

Филиппов повесил трубку на рычаг, подошел к столу, потряхнул колокольчик. В кабинет вошел писец. – Звали, ваше высокородие? – Ко мне заведующего летучим отрядом. Начальник сыскной полиции решил сам потряхнуть стариной.

Как время тянется. Кажется, что часы в гостиной тикают слишком медленно. Шмыгает по коридору испуганная горничная, затих в кабинете хозяин.

А вдруг Сабан сейчас заявится. Значит, стрелять придется. До чего же не хочется. Да потом придет-то он не один, а у налетчиков наверняка оружие есть.

Бахтин поймал себя на этой трусливой мысли. Раньше такого с ним никогда не было. Начиная любое дело, он думал только о его конечном результате – аресте громил. А теперь?

Вчера ему не захотелось ехать на службу, сегодня... Одиночество его стало особенно ощутимым на людях. Дома было легче, хлопотливая Мария Сергеевна, ласковая кошка Луша, любимые книги, тишина кабинета казались Бахтину сегодня недоступным счастьем. Видимо, он начал стареть, что вполне естественно, и, конечно, усталость. Но было и нечто такое, чего сам Бахтин объяснить не мог. Если сформулировать его внутреннее состояние одним словом, то звучало бы оно как неудовлетворенность. Последнее время у него появилась странная привычка, он постоянно вспоминал прожитую жизнь, оценивал ее, стараясь уловить затаенный

смысл в прошедших днях, но не мог никак найти его. И еще его угнетал Петербург. От парадного ранжира проспектов и набережных веяло на него чопорным холодом.

Он скучал по Москве. По Патриаршим прудам, подернутым зеленой ряской, по горбатому деревянному Замоскворечью, весной утопающему в зелени, по утреннему перезвону церковей, несущемуся над просыпающимся городом. Както, перед самой войной, Бахтин решил записать одну уголовную историю. Как ни странно, писалось легко и быстро. Сочинение свое он показал Жене Кузьмину. Тот прочел, похвалил и отправил в московский журнал «Луч». А через месяц Кузьмин принес двести рублей и письмо, полное комплиментов. Бахтин отнесся к этому как к приятной случайности и больше сочинительством не баловался. Но иногда доставал с полки журнал и с чувством некоего тщеславия проглядывал свой рассказ.

В марте, в Москве, он, уставший, охрипший от ругани на допросах сказал московскому полицмейстеру генералу Золотареву:

– Возьмите меня преподавателем криминалистики в школу полицейского резерва.

Как ни странно, Золотарев отнесся к этому серьезно и ответил:

– Вас, милый мой, усталость настигла. Это бывает. Что ж, могу похлопотать. Передохните немного.

И, сидя в гостиной Немировского, весь отдавшийся сво-

им невеселым мыслям, Бахтин понимал, что воспоминания могут засосать его, как болото. А тогда остается одно, медленно спиваться, чем и занимается большинство его коллег.

Кстати, о пьянстве. На столе стояла бутылка дорогого шустовского коньяка.

Бахтин налил себе полфужера и в два глотка выпил. Не успел он почувствовать, как золотистая влага ломает горькую запруду в груди. Не успел. Звонок в дверь помешал. Вкрадчивый. Тревожный. Ну, сыщик, твой выход. И сразу отлетело прошлое, как и не было его вовсе. Остался дом этот, холодок опасности и рубчатая рукоятка нагана. Тихо выскокил он в прихожую, стал за портьеру. – Открывай, – прошептал.

И горничная, перекрестившись, повернула головку замка. – Позвольте, – прожурчал знакомый голос.

Мелькнули красные отвороты шинели, заискрилось золото погон.

Ах, Филиппов, Филиппов. Слаб человек. Облачился начальник в генеральскую форму, а за ним четверо переодетых офицерами сыщиков.

– А ты в нас, никак, палить собрался, Александр Петрович, – засмеялся Филиппов, – смотри, хват какой, да спрячь ты револьвер, а то, не дай Бог, стрельнешь.

– Решили стариной потряхнуть, Владимир Гаврилович? – засмеялся Бахтин. – Один генеральский наряд в костюмерной и тот ваш.

– А ты как думал. Хочу разбойников повязать сам. Ну давай, знакомь с хозяином.

К гостинице «Виктория» на Казанской Бахтин подъехал минут за десять до назначенного срока. Ключ от номера у него был свой. Сколько всяких людей прошло через эту комнату. Шулера, так называемые светские молодые люди, громилы, скупщики краденого, артисты, проститутки, роскошные дамы, банковские служащие. Ох и сложная это штука, работа с агентом. Расположить его к себе надо, стать ему необходимым, а главное, разбудить в нем азарт. Чтобы стал он как охотничья собака. Чтобы предательство не угнетало его, а становилось сущностью.

Ровно в четыре в дверь постучали. Бахтин повернул ключ, и в комнате появился сам Петр Емельянович Фролов, в разбойном мире Петербурга известный как Каин, агентурный псевдоним «Макаров».

– Что-то на вас лица нет, Александр Петрович, – сказал Фролов вместо приветствия, – видать, служба-то не мед?

– Ваша правда, Петр Емельянович, служба наша точно не мед.

– Ну коль я к такому видному сыщику в подручные попал, выручу вас. Был у меня Сабан. Они налет слепили на Мойке. – С кем?

– С ним был Метелица, вечная ему память, и Витька Прохор, воры все авторитетные – Иваны.

– Ну про налет мне, Петр Емельянович, известно, а вот

что далее произошло.

– Знаю одно. Дело ставил человек местный, он же и нанял Сабана с товарищами. У Немировского того весьма редкие камни водились, но он им деньги да мелочевку всякую всучил. А наниматель, господин весьма серьезный, он на мелочи не работает. Поэтому Сабан завтра опять к ювелиру пойдет. – Значит, Сабан боится этого человека? – Еще как! – Может, коньячка, Петр Емельянович? – Не по моему вкусу, Александр Петрович.

– А если вашей любимой клюквенной фабрики Митина.

– Ох, Александр Петрович, все вы про нас, грешных, знаете.

Бахтин достал бокалы, налил клюковки и себе коньяку. Они чокнулись, выпили. – А где Метелица?

– Схоронили его вместе с погибшими солдатами. – Кто еще пойдет с Сабаном?

– Прохор, да из Москвы сегодня прибыл Евстафьев Степка по кличке Сека. Пойдут «с добрым утром». – Петр Емельянович, а на кого же они работают?

– Александр Петрович, загвоздочка у меня одна образовалась. Солидная публика сговорилась у меня поиграть, да винца покушать... – С девками?

– Бога побойтесь, Александр Петрович, я же этим дерьмом не балуюсь. Защити, будь отцом родным. – Так кто же навел?

– Я о чем и говорю, Александр Петрович, народ очень со-

лидный будет и прибыль моя не малая.

По выражению лица Фролова, по глазкам его, щелочкам хитрым, Бахтин понимал, что знает Каин, все знает, но торгуется крепко, насмерть.

– Для старого друга все сделаю. – Бахтин налил еще по рюмке. Выпили, помолчали.

– Спасибо, Александр Петрович, – усмехнулся Каин, – я за тобой, как за стеной каменной, пора тебе долю с дела выделять.

Сказал и замер. А вдруг согласится, тогда не он будет в этот номер бегать, а Бахтин к нему. На секунду искорка надежды мелькнула.

– Да нет уж, милый Петр Емельянович, не быть мне твоим компаньоном. А имя скажи.

– Лимон ему кличка. Да ты его знаешь. Голыми руками не возьмешь.

Значит, опять Рубин. Господин респектабельный. Общественный деятель из Союза городов. Конечно не возьмешь, но попробовать можно. Ой можно, если, конечно, начальство не забоится.

– Спасибо тебе, Петр Емельянович. За ценную информацию. Ты мне все это на бумажке нарисуй, а внизу расписочку на пятьсот рэ.

– Не люблю я этого писательского дела, – вздохнул Фролов, – да, видно, судьба моя такая, а за «петрушу» благодарствуем.

Если бы петербуржец, утомленный войной, оглушенный страшными газетными сенсациями, замученный дороговизной, напуганный налетчиками, расплодившимися в городе, знал, что есть такое славное место, как гостиница «Стрелка», с ее биллиардной, вкусным ресторанчиком, приветливым буфетчиком Николаем Ильичом, он наверняка бы прибежал сюда.

Чудный, веселый мир открылся Оресту Литвину, когда они с Ильей Семеновичем вошли в невзрачные, застекленные двери гостиницы.

– А вас, Илья Семенович, Александр Иванович искал, – сказал швейцар на входе. Потом полез в карман и передал ему два четвертных. – Давно он ушел, Тихон? – Да минут десять тому. – Жаль, что разминулись. – Он тоже очень печалился.

– Кто это Александр Иванович? – спросил, раздеваясь, Литвин. – Саша Куприн – беллетрист, читали, наверное? – Не только читал, но и люблю очень. – Тогда действительно жаль, – Илья Семенович аккуратно причесался перед зеркалом, – могли бы интересное знакомство составить. До чего же здесь было весело. Весело и спокойно.

В биллиардной были все равны и артист, у которого на визитной карточке в углу вытиснена корона и надпись солидная «Артист императорских театров», и бедолага «про-стак» или «благородный отец», который, топя из «Вологды в Керчь», заглянул в северную столицу. Здесь играли на

бильярде два талантливейших комика. Старики Варламов и Давыдов, негласные председатели этого актерско-литературного кружка. Нового человека здесь встречали с добром, но равнодушно. Много случайного народа прошло через этот своеобразный актерский клуб.

Так же и к Литвину отнеслись. Пришел человек с Илюхой сгонять пирамидку – играй себе на здоровье. И никто из этого веселого народа не заметил, что засели в буфете два сыщика побаловаться добрым пивком, а у дверей почему-то пролетка казенная остановилась.

Веселый здесь был народ, доверчивый, не социалисты какие-то.

Литвин разбивал первым. Любил он бильярд страстно. Поигрывал на денежки и никогда внакладе не был.

Мягко пустил он первый шар. Тот ударился об угол пирамиды и медленно покотил к лузе. Застыл на секунду и упал в сеточку.

– Неплохо, – закрутил головой Илья Семенович, – совсем неплохо.

А Литвин уже, держа кий на весу, сильно ударил по шару, и вошел он в лузу с победным треском. Хорошо партия начиналась, только доиграть ее не пришлось.

Два господина появились веселых и модных. Видно, часто они сюда ходили, потому что приняли их как своих. С кем-то Василий Карпович облобызался троекратно, кому-то крепко руку пожал, с кем-то обнялся дружески.

А Николай Ильич у входа тискал за плечи провинциального трагика, обещал ему нынче хороший обед.

– Вот они, – осипшим голосом проговорил Малкин. – Спокойно, Илья Семенович, – засмеялся Литвин, – естественным будьте, не бледнейте. А веселая парочка шла к ним. – Господину драматургу! Шутливо кланялись они, подходя.

– Рад, душевно рад, – Илья Семенович даже руки распахнул, словно обнять обоих собирался, – знакомьтесь, мой друг, репортер, знаток кулис. – Рады знакомство сделать.

– Господа, – Илья Семенович окончательно пришел в себя, сказался многолетний опыт лицедейства, – Орест Дмитриевич проиграл мне пару бутылок шампанского, посему прошу в буфет составить компанию, а потом к столам.

– Роскошно, – обрадовался Николай Ильич, – только я вместо шампанского пару рюмок английской горькой. Не возражаете?

– Что делать, – вздохнул Литвин, – пусть проигравший платит.

– Ну уж, если вспомнили Пушкина, – засмеялся Василий Карпович, – вперед и горе репортеру.

Шутя и пересмеиваясь, они вышли из бильярдной. Сыщики уже были в коридоре и о чем-то индифферентно разговаривали.

– Ну вот и пришли, – спокойно сказал Литвин, – вы, господа, арестованы. Сыщики немедленно оказались рядом. –

Как... – начал было Василий Карпович.

– Спокойно, мы из сыскной полиции, поедете с нами.

Николай Ильич попытался оттолкнуть сыщика, но тот стремительно завернул ему руку за спину.

– Не делайте скандал, господа, – тихо, но твердо сказал Литвин, – не пугайте господ актеров и вины своей не усугубляйте сопротивлением чинам полиции.

Они прошли в вестибюль, оделись, даже на чай швейцару оставили и вышли к пролетке.

Нет, не два веселых, гулявых господина сидели перед Бахтиным. Трусили, сильно трусили и Василий Карпович, и Николай Ильич.

– Согласно паспортам, ваши фамилии Снесарев и Коломин? – лениво спросил Бахтин.

– Да, – начал Василий Карпович, по паспорту Снесарев, мещанин из города Санкт-Петербурга, – но мы не понимаем...

– Отлично, господа мазурики, сейчас поймете. Орест, пригласите сторожа.

– Здравия желаю, – нейтрально, ни к кому не обращаясь, кашлянул старик. – Скажите, любезный, вам знакомы эти господа? – Так точно, они мне четвертную пожаловали. – За что?

– Чтобы я им дверь комнаты открыл, где аппарат стоит. – Свободны. Старик ушел.

– Это ничего не значит, господин полицейский, – усмех-

нулся Николай Ильич, – мало ли кому мы телефонировали. – Он, безусловно, был покрепче, поупорнее своего приятеля.

– Господин Коломин, вы думаете, что попали в участок. Ошибаетесь, здесь сыскная полиция. Неужели вы думаете, что мы не уточнили время звонка из квартиры ювелира Немировского...

– Постойте, – Василий Карпович вскочил, – это какого Немировского, это того, о ком в «Биржевых ведомостях»...

– И не только в них. Того не зная сами, вы стали соучастниками ограбления и тройного убийства.

– Можете мне поверить, господин Бахтин, – твердо сказал Коломин, – человек, попросивший нас это сделать, сказал, что это розыгрыш.

– Охотно верю, господа, но кто этот человек, и почему вы согласились участвовать в столь неприглядном деле.

– Да уж говори все, как было, Коля, – уныло сказал Снесарев. – Мы игроки, – сказал Коломин.

– Понимаю, но почему вы не в армии. Кажется, идет война.

– Имею освобождение по здоровью, можете проверить. – Где вы служите? – Мы владельцы биржевой конторы. – Ясно. Что же дальше? – Несколько дней назад мы сильно проигрались. – Кому? – Зоммеру Анатолию. – Это тот, что управляющим у Рубина служит? – Да. – Значит, он и попросил вас? – Сказал: сделаете, спишу долг. – А проигрыш велик, если не секрет? – Полторы тысячи. Бахтин присвистнул.

– Солидно. Теперь давайте для порядка все это запишем. И, как ни прискорбно, господа, вам придется поскучать у нас пару деньков.

Ну вот, господин Рубин, деятель наш общественный, украшение Союза городов, вышли мы все-таки на тебя. Сначала Терлецкий, потом швейцар твой Кувалда, а теперь и красавчик Зоммер.

Если бы удалось потянуть нитку и соединить все последние дела по бриллиантам, да тебе Лимона предъявить. Надо попробовать.

А в это время другой Бахтин, уставший скептик, иронически ответил ему: «Давай пробуй, вылетишь в уездную полицию и будешь дожидаться пенсии где-нибудь в Урюпинске или Клину».

Но он не хотел слушать себя другого, который уже стал раздражать его своей усталостью, скептицизмом, неверием. Поэтому поднял телефонную трубку и назвал номер Немировского.

– У аппарата, – услышал он испуганный голос ювелира. – Это Бахтин, Борис Сергеевич.

– Где вы, голубчик Александр Петрович, мне без вас беспокойно очень.

– Скоро появлюсь, а пока не попросите ли вы к аппарату генерала? – Конечно, конечно.

– Ну, что тебе, Бахтин? – через минуту раздался в трубке сочный баритон Филиппова.

– Такое дело, Владимир Гаврилович, мы людей из «Стрелки» привезли, они на Зоммера показывают. – Интересно. А что тебе твой друг поведал? – Придут завтра в гости, завтра утром.

– Вот что, Саша, я здесь сам управляюсь. Как гостей встретим, я тебе телефонирую, ты сразу к красавцу поезжай, а то, не дай Бог, спугнем. – Я понял вас.

– Вот и хорошо, а пока за домом Рубина посмотрим.

Усов и Рубин обедали в «Эрмитаже». В знаменитом Лотошном кабинете, прислуживали два официанта, отец и сын, одетые на старомосковский манер: белоснежные рубашки и такие же штаны, подпоясанные кушаком.

– А все-таки Москва не Питер. Лучше здесь, уютнее, спокойней. А как кормят, – Рубин мелкими глотками выпил рюмку наливки. – Разве можно «Эрмитаж», «Славянский базар», «Тестова» сравнить со всякими там «Сиу» да «Медведем»?

– Не скажи, Гриша, – Усов орлино окинул стол, выбирая закуску, – здесь, конечно, и сытно, и вкусно, но там веселее.

– Хочешь веселья, поезжай в «Яр» или «Метрополь». – Рубин встал, подошел к зеркалу в дорогой раме, на амальгаме виднелись написанные алмазом автографы великих людей, гулявших в Лотошном.

– Вот станешь, Гриша, большим общественным деятелем, – усмехнулся Усов, – и распишешься на зеркале рядом с Родзянко и Шаляпиным. – А ты думаешь, Петя, не стану? –

Думаю, нет. – Почему? – Да потому, что ты опять за старое взялся.

– Не взялся, Петя, а не бросал. Хорошие камни – мировая валюта. Доллар упадет, франк лопнет, а бриллиант и изумруд вечны. Ты, Петя, человек ученый, социализмом по молодости баловавшийся, неужели ты не видишь, что все к концу идет. Фронт трещит, мы на поставках гнилья миллионы наживаем. Только кому эти миллионы нужны? – В дело вкладывай.

– В дело! Недвижимость, ценные бумаги. Умные вы все больно! Когда все лопнет – бумаги в сортир, дело станет, а недвижимость сожгут. – Так уж и сожгут.

– Поверь. Мне ребята мои рассказывают, о чем солдатня да мастеровые говорят. Они пока затаились, ждут. Война же, сколько оружия на руках. – Гриша, тебе не подходит роль оракула.

– Правильно, говорильня – это ваша работа, только я не из купцов и университетских дипломов не получал. Я сам с самого дна... – Ты хочешь сказать, что ты народный герой.

– Да куда нам-то в герои. Просто вырос я среди нищеты, а образование на улицах получил.

– Вот и губит тебя твое образование. Почему ты деньги в «Лионский кредит» не кладешь?

– Да кладу, кладу и с потерей в Стокгольмский банк перевожу. – А камни свои? – И камни.

– Гриша, неужели при своих барышах ты эти вещи купить

не можешь? – Не все, что мне нужно, продают. Поэтому беру. – Я боюсь, Гриша.

– Чего? Ты мой поверенный, занимаешься делом вполне легальным, кинофабрика, дома, дела в Союзе городов, так что сиди, Петя, и будь спокоен. Меня в этой стране никто не тронет.

– Слушай, Гриша, – Усов вскочил, взволнованно зашагал по ковру кабинета, – ты правда думаешь, что потрясения будут?

– Я, Петя, из Стокгольма ехал, так в Гельсингфорсе в соседнее купе сел некий господин. Между прочим, генерал. Умница, доложу тебе, необычайная.

– Умный генерал – это все равно что тифлисец трезвенник.

– А ты не смейся, генерал этот был некогда начальником охраны самого царя... – Спиридович? – Он самый. – Толковый мужик.

– Так он мне всю ночь рассказывал о господине Ульянове и его жизненном направлении и книжонку свою дал почитать о большевистской опасности...

– Его за эту книжонку, – усмехнулся Усов, – в ялтинские градоначальники перевели. – Значит, прав он был, – топнул ногой Рубин.

– Ну, какое тебе, Гриша, дело до этой книжки, до генерала Спиридовича и народного бунта? – Петя, я пятый год в Одессе хорошо помню.

– Конечно, – Усов положил себе в тарелку лососину, налил рюмку, – режим нынешний гнилой, он рухнет скоро и будет у нас конституционная монархия либо демократическая республика. А в том и другом случае собственность свята.

– Посмотрим, – Рубин сел к столу, – я больше на камни надеюсь, которые в Стокгольмском банке в сейфе лежат.

– Гриша, – тихо спросил Усов, – с Немировским твоя работа? – А какая тебе разница, Петя? – Большая, Гриша. Страшно мне.

– Опять ты об этом. Что случись, до тебя не доберутся. – Но имя! Имя, Гриша!

– С твоими деньгами с любым именем прожить можно.

Усов достал золотой, весь усыпанный мелкими алмазами портсигар, вынул папиросу, закурил.

– Гриша, а ты не боишься, что с тобой солидные люди перестанут дело иметь.

– А кого ты, Петя, солидными людьми называешь? Митьку Рубинштейна или Мануса? Да они такие же, как я. – По жадности, возможно, но по размаху...

– Да положил я на их размах, – перебил его Рубин. – Ты что думаешь, я здесь всю жизнь сидеть буду? Нет, брат. Кончится война, и мы с тобой в Америку... – Почему в Америку, а не в Париж?

– В Париже твоим размах не тот. Америка, там не спрашивают, откуда у тебя деньги. Нажил – значит прав. Да что мы все о грустном да о грустном, смотри, стол какой. Давай по-

обедаем в охотку. Ночью Бахтин пришел в Казанскую часть.

Помощник дежурного околоточный Мордвинов, спросонья вскочив, опрокинул на пол здоровенную медную чернильницу.

– Ты что это, братец, – засмеялся Бахтин, – во сне нечистого увидел? – Вроде того, господин надворный советник.

– Значит, съел ты, Мордвинов, что-то нехорошее.

– Да нет, господин надворный советник, – серьезно ответил околоточный, – я дома ужинаю. Война эта проклятая, везде гнильем торгуют.

– Тяжело, братец, но мирись с тяготами тыловой службы. – Вы все смеетесь. – Какой тут смех. В какой камере Снесарев? – Этот тип, что за вами числится? – Именно. – В шестой. – Я к нему пройду. – Сейчас городского позову.

Заспанный городской, гремя ключами, открыл замок шестой камеры. В лицо ударил смрадный дух параша, пота, кислятины.

– Может, наверх его поднять, ваше благородие, – деликатно осведомился городской.

– Не надо. – Бахтин шагнул в камеру.

Снесарев сидел на нарах. Это был уже не тот щеголеватый господин, любивший застолье и бильярд. За день на помятом лице появилась черная тень намечающейся щетины, куда-то исчез безукоризненный английский пробор, платье измято, рубашка несвежа. – Я вас не разбудил? – осведомился Бахтин. – Какой тут сон, господин Бахтин. – Тогда перейдем к

делу. – А который час? – Два ночи. – Какое же у вас ко мне дело?

– Как говорят наши чиновники – казенная надобность. Пока вы привыкаете к вашей будущей судьбе, я и мои люди собрали о вас справки. Неутешительно, доложу вам, неутешительно. – На что вы намекаете?

– Да какие здесь намеки, сударь мой. Извольте по порядку. Освобождение ваше от службы воинской липа, контора биржевая тоже, у вас даже счета в банке нет, в клубе вас знают как нечистых игроков, а пристав вашей части нашептал мне кое-что о туфтовых векселях, которые вы учли. Вот видите, сколько мы интересного узнали о ваших делах всего за несколько часов. А за неделю, другую мы полностью составим ваше жизнеописание фармазона и мазурика. – Что вы хотите, господин Бахтин?

– Правды, неужели вы думаете, что я поверил в вашу сказку о проигрыше? Чем вы связаны с Зоммером?

– Он сделал нам освобождение от армии, ну и взял на крючок. – Что вы для него делали? – Мелочь, сбывали кое-какие вещи. – Какие?

– Иногда золотые изделия, иногда кокаин. Сведения о разных людях собирали. – О ком? – Дайте закурить.

– Извольте, – Бахтин протянул портсигар, – берите с запасом, оставьте мне парочку. – Благодарю. – Так о ком же сведения?

– В основном, о людях, имеющих редкие драгоценности. –

Значит, вы в свете вращались?

– Да куда нам. Кое-что есть у актрис, кокоток, скупщиков краденого, у разных людей. – Что еще? – Да все, пожалуй.

– А каким боком, кроме телефона, вы к этому делу причастны?

– Он приказал нам обыграть племянника Немировского, морского капитана. – Вы обыграли? – Конечно. – Он рассчитался сразу? – Нет, мы ему дали срок. – Он принес деньги? – Все до копейки. – Сколько? – Пять тысяч. – Зачем ему это было нужно? – Не знаю. – Вы не все мне говорите. Что вы еще знаете? – Мы свели его с бежавшим с фронта поручиком. – Копытиным. – Да. – При нем были ценности?

– Я их не видел. Но слышал, что их приобрел Зоммер. – Откуда вы знаете Копытина?

– Он друг Коломина, когда-то на две руки они играли в карты. – Проще – были шулерами? – Да. – Где прятался Копытин? – У Коломина.

– Ну вот видите, как много интересного вы мне рассказали. Вы, видимо, вообще много знаете? Снесарев молчал.

– У вас есть три пути. Первый – суд. Второй – фронт. Третий – стать моим агентом. – А вы будете платить мне? – Конечно, за стоящую информацию. – А воинский начальник?

– С ним я договарюсь. Только помните, никаких исчезновений и иных штук. Найду из-под земли и по плечи в нее вобью, – жестко сказал Бахтин. – Да куда мне.

– Утром вас выпустят. Завтра в гостинице «Виктория» на

Казанской, номер семь в два пополудни.

Ну вот и сладилось дело. Не рассказал Бахтин Снесареву, что его дружок Коломин просто отказался говорить с ним. Курил, молчал, зло поглядывал на Бахтина, а в конце разговора сказал:

– Вы меня не пугайте. Я вас не боюсь. К суду меня привлечь вам же дороже, адвокат в две минуты развалит ваши доказательства, а фронт... Ну, что ж, попаду в школу прапорщиков, а там посмотрим.

Бахтин шел домой и думал о том, как завтра утром они будут брать Зоммера.

И впервые за многолетнюю службу в сыске у него проявилось злорадное чувство некой непонятной радости. У подъезда дома его дождался сыщик из летучего отряда. – Что тебе, Фирин?

– Старший просил передать вам, что объект приехал домой. – Вы хорошо там все обложили?

– Так точно, Александр Петрович, не беспокойтесь. Господин Литвин с дворником поговорил, и тот раскололся. Оказывается, у них два дома, потайной дверью соединенных. Там мы все ходы закупорили. – Передай Литвину, без меня не начинать. – Передам.

Бахтин открыл дверь и услышал осуждающее мяуканье. На пороге сидела Луша и недовольно смотрела на него глазами-пуговицами. В коридор вышла заспанная Мария Сергеевна.

– Полдня бедная кошка у дверей просидела, а хозяина нет, как нет. Если меня не жалеете, так хоть тварь несмышленную...

– Сергеевна, надоело, – весело сказал Бахтин, – сообрази поужинать.

– Хорошие люди скоро завтракать начнут. Сейчас подам. Мария Сергеевна накрывала на стол, бубня о том, как спокойно служить приставом. Бахтин выпил рюмку коньяка, закусил немного. – Теперь спать.

– Письмо вам принесли, – вдруг вспомнила Мария Сергеевна и вынула из кармана фартука продолговатый, изящный конверт. – Кто принес? – Посыльный.

Бахтин вилокй вскрыл конверт. И остановилось на секунду дыхание, горячо и сильно забилося сердце. Он узнал почерк Лены Глебовой.

А буквы прыгали перед глазами, никак не могли построиться в шеренгу.

Он положил письмо, выпил еще рюмку, закурил. Потом взял голубоватый листок.

«Саша, милый! Тебе грозит опасность. Телефонируй мне по номеру 86-24. Лена».

Последний раз он видел ее в Москве. Случайно. Он зашел со своим московским коллегой в кафе «Сиу» на Кузнецком. В самое людное и элегантное место. Вошел и застрял в дверях. В углу за столиком сидела Лена с отцом.

Бахтин сдержанно поклонился и сел спиной к ним. Но

встреча с коллегой была испорчена. Он никак не мог сосредоточиться, отвечал невпопад, ел и пил, не ощущая вкуса. И сделал все возможное, чтобы поскорее уйти. Как-то Кузьмин сказал ему: «В незаконченности – вечность».

Видимо, прав был его единственный друг. Возможно, женись он на Лене, и все пошло бы своим чередом. Сначала бы ушла страсть, потом любовь сменилась бы нежностью и уважением. А может быть, и не сменилась?

«Саша, милый...» – перечитал он еще раз начало письма. Эта строчка была ему значительно важнее, чем предупреждение о какой-то опасности.

Эти два слова говорили ему о главном. Лена помнит его и, может быть, еще любит.

Бахтин закурил, постоял у темного окна, разглядывая одинокий фонарь, бессмысленно пытавшийся справиться с темнотой, и пошел в спальню.

Слово «милый», написанное знакомой рукой, вернуло ему утраченное спокойствие. Завтра он протелефонирует Лене, услышит ее голос, а может быть, даже увидит ее. Все может быть.

Он разделся и лег. Луша устроилась рядом с подушкой и заурчала тихо. И он заснул сразу же, как в детстве после счастливого дня.

Осень в Петрограде – пора паршивая. Тучи наползают на город и клочковатая мгла, как вата, закрывает улицы. А еще дождь. Он начинает моросить занудно и долго. Мелкий, хо-

лодный, бесконечный.

Филиппов сидел на кухне и пил чай. Горничная с опаской подавала ветчину и буженину строгому генералу.

Если бы она знала, что форма сия взята из костюмерной сысской полиции и получена в свое время по личному распоряжению начальника, подогнанная точно по его размеру. Любил Владимир Гаврилович генеральский мундир. И конечно, думал о том, что, как и покойный Путилин, станет «превосходительством», но время шло, днями ему в отставку, а носил он чин статского советника.

Если переводить на военный язык, то соответствовал сей чин давно упраздненному воинскому званию бригадира.

То есть был он между полковником и генералом. Особа пятого класса по табели о рангах. Но кому же не хочется стать «превосходительством», поэтому и надевал иногда Филиппов генеральский мундир, радуясь солдатам и юнкерам, застывшим «во фронт». Те, кто хорошо знали Владимира Гавриловича, прощали ему эту маленькую слабость. Хорошим и добрым человеком был статский советник Филиппов.

– Господин начальник, – в кухню вошел надзиратель Попов, – Кац сигналил.

В подъезде напротив сидели сыщики, один из них должен был дать сигнал фонарем, если появится Сабан. Филиппов встал, достал из кармана револьвер.

– Двоим стать у дверей, одного за портьеру. Если что – стрелять. Ну, барышня, иди к двери, как откроешь, сразу

уходи в гостиную.

Полумертвая от страха горничная пошла к дверям. Через несколько минут вкрадчиво звякнул дверной колоколец. – Кто? – спросила горничная. – Телеграмма господину Немировскому.

– Сейчас отворю. – Горничная бросилась в гостиную.

Филиппов распахнул дверь, и в квартиру ворвались трое.

– Давай, – крикнул начальник и с маху врезал Сабану в ухо. Тот отлетел к стене, сыщики бросились на остальных. Валили на пол, закручивали руки. По лестнице бежали надзиратели в штатском и городовые.

– Не балуй, Сафронов, – повел Филиппов стволом револьвера, – не дай на душу грех взять.

– Ручка у вас, ваше превосходительство... На городских научились?

– Отгуляли, голубки, теперь долго в клетке сидеть придется, – отдуваясь, сказал Филиппов. Такая жизнь, – Сабан бросил на ковер маузер – мы ворует, вы ловите. А мы потом бежим.

– Это уж как Бог даст. – Филиппов сам замкнул на его запястьях наручники.

Бахтин ждал звонка Филиппова во втором участке Невской части. Наконец начальник объявился. – У нас все сладалось. Займись своим.

Бахтин последний раз проинструктировал сыщиков и городовых. На улице его остановил пристав.

– Александр Петрович, вот дело какое, вице-директор Департамента полиции Козлов приказал мне немедленно сообщить, если кто из наших собирается побеспокоить квартиру господина Рубина...

– Петр Павлович, вы же знаете, для чего мы идем туда.

– Знаю, голубчик, но и вы в мое положение войдите. – Хорошо, телефонируйте ему через сорок минут. – Спасибо, Александр Петрович. – Только не раньше. Договорились? – Будет сделано. Ну, с Богом!

Бахтин глубоко засунул руки в карманы шинели. Форму он одел специально. Уж больно дело складывалось необычно.

У дома 62 все было спокойно. Никаких внешних признаков оцепления.

Ну, что ж. Пора начинать. А то, не дай Бог, действительный статский советник Козлов пожалует.

Предупреждение пристава не удивило его. Он, Бахтин, прекрасно знал о связях Козлова. Рубин был одним из многих, кому вице-директор оказывал свое покровительство.

Но за Козловым стояло окружение Распутина. Все эти Симановичи, Андронниковы, Манасевичи-Мануйловы. С этим можно было бы потягаться, но Козлова почему-то поддерживал всесильный жандармский генерал Курлов. Вот с этим-то не поспоришь. Литвин, тоже в форме, появился из ниоткуда.

– Вы, Орест, возникаете, словно Мефистофель на оперной сцене. – Стараемся. – Как дела? – Все в порядке. Зоммер из

дома не выходил. – Тогда начинаем. Где околоточный?

– Я здесь, господин Бахтин, – подошел солидный полицейский чин.

Бахтин оглядел его: живот, распирающий шинель, отвислые щеки, в прожилках нос.

– Ты, братец, похудел бы. Война все-таки. А то в тылу раскормился, как боров.

– Виноват, господин надворный советник, конституция у меня такая.

– Меньше жрать на шермака надо. Знаешь, что делать? – Так точно. Позвонить в дверь и войти в дом. – Еще что? – Не дать швейцару дверь затворить.

– Вот и хорошо. Начинай, благословясь.

Околоточный приподнял фуражку, перекрестился и опасно зашагал к подъезду рубинского дома. Его походка, неуверенная и робкая, словно говорила: «Ну зачем вы меня посылаете в этот богатый и прибыльный дом. Прощайте наградные к праздникам, прощай ежедневная стопка водки. Прощай, спокойная жизнь».

Околоточный подошел к дверям, и сразу исчезли с улицы разносчики и трое рабочих, ковырявшихся в канализационном коллекторе, а из соседних подъездов, по стене дома, подтягивались сыщики из летучего отряда. Околоточный позвонил. Швейцар открыл.

Бахтин с Литвиным вошли в открытую дверь. Околоточный что-то втолковывал Зоммеру. Тот смотрел на него с

изумлением... И вдруг он увидел Бахтина и сыщиков, отскочил в сторону и выдернул из кармана браунинг. Околоточный в тяжелой шинели, с ненужной шашкой, попытался схватить его.

Зоммер выстрелил, и толстяк-полицейский, застыв на секунду, рухнул на ковер.

Зоммер отодвинул портьеру и исчез, как злодей в романах Дюма. Литвин сорвал портьеру и увидел дверь. – Где лом?! – крикнул он.

Бахтин достал наган и несколько раз выстрелил в замок.

Полетели щепки, что-то зазвенело. Один из сыщиков ударил ногой по двери, она чуть поддалась, тогда двое полицейских, переодетые рабочими, вставили в щель лом и нажали. Дверь распахнулась.

Бахтин первым вошел в темный коридор, открыл еще одну дверь. Где-то на улице раздался выстрел и крики. Бахтин с сыщиками миновали прихожую.

– Осмотреть комнаты, – приказал он и пошел к лестнице, ведущей на второй этаж.

Зоммер увидел Бахтина и дважды выстрелил в него. Но рука от волнения была нетвердой и пули ушли в стену.

Тогда он вбежал в гостиную, где любил сживать покойный Жорж Терлецкий, подскочил к окну и увидел сыщиков и городских.

Бахтин вошел в комнату. Зоммер стоял у стены, в опущенной руке матово поблескивал браунинг. – Брось оружие.

Слышишь?

Зоммер попытался сказать что-то, но не смог и начал медленно поднимать руку с оружием.

– Не балуй, сволочь, – зло крикнул Бахтин, – брось браунинг.

Зоммер выдавил из себя непонятные слова, быстро вскинул руку и выстрелил себе в висок.

– Ушел, – мрачно за спиной Бахтина сказал Литвин. – Где врач?

– Здесь. – В комнату вошел вездесущий Брыкин.

Он наклонился к сидевшему у стены Зоммеру и покачал головой. – Готов. Пустил в себя последний патрон.

Бахтин поднял с пола браунинг с взведенным затвором-кожухом, вынул обойму, и затвор со звоном стал на место.

– Не налетчик, а гвардейский ротмистр. Впервые за мою практику мазурики стреляются.

– Видать, было с чего, – глубокомысленно изрек Брыкин.

– Начинайте обыск. – Бахтин расстегнул шинель, уселся за стол и закурил.

Видимо, крепко верили хозяева этого дома, что сюда полиции вход навсегда заказан. Только этой наглой уверенностью можно было оправдать то безумное легкомыслие, с которым они относились к вещам, представляющим интерес для сыщиков.

Стопка бланков паспортов, целая куча всевозможных до-

кументов, начиная от удостоверений об освобождении от воинской повинности, кончая грамотами о присуждении звания почетных граждан всевозможных городов.

В подвале нашли ювелирную мастерскую и несколько пуансонов для изготовления золотых импералов. В одном из шкафов лежали письма и документы покойного Жоржа Терлецкого.

– Александр Петрович, – крикнул Литвин, – попрошу вас зайти.

В комнате, в которой почти не было мебели, за обоями нашли сейф. – Что делать будем? – Зовите специалистов.

Многовато всякого добра собралось в этом доме. Даже крапленые карточные колоды нашли. Но, главное, было оружие, в ящике, блестя смазкой, стояли в креплениях новенькие браунинги.

Бахтин рассматривал цинки с патронами, когда за его спиной раздался сановный баритон.

– Что здесь происходит, надворный советник Бахтин?

Бахтин обернулся, в дверях стоял в полной форме Козлов. – Обыск, ваше превосходительство. – Кто разрешил? – Начальник сысской полиции. – Основание?

– Показание задержанных по делу об ограблении ювелира Немировского. – Откуда оружие?

– Найдено здесь, изъято из тайника в присутствии понятых. – Кто хозяин дома?

– По документам владелец потомственный гражданин го-

рода Орла Аникин Фрол Арсентьевич. О лице этом полиции и городским властям ничего не известно. По агентурным данным фактическим хозяином является Григорий Львович Рубин.

– Ты своими агентурными данными можешь задницу подтереть...

– Я бы попросил вас, господин действительный статский советник, разговаривать со мной подобающим образом.

– Ишь ты, нежные какие, – рявкнул Козлов, – в отсутствие хозяина дома врываетесь, обыскиваете...

– Господин вице-директор департамента, – холодно ответил Бахтин, – я вторично напоминаю вам, что не позволю со мной так разговаривать. В доме скрылся преступник, тяжело ранивший чина полиции и несколько раз стрелявший в меня, кроме того, швейцар показал, что покойный Зоммер проживал именно на этой половине. Здесь нами обнаружено оружие и предметы преступного промысла... – Хватит, заканчивайте и уводите людей. – Попрошу письменное распоряжение. – Вам надоело носить чин седьмого класса?

– Признаюсь вам, нет. И хочу напомнить, что чином данным меня пожаловал государь император, а не вы. – Он пожаловал, а я сниму.

– Думаю, вы на себя слишком много берете, господин вице-директор.

Бахтин специально больше не именовал Козлова «превосходительством». Не хотел. Уж больно презирал он этого че-

ловека.

Козлов за всю свою службу в полиции впервые столкнулся со столь явным неповиновением. Бахтин не боялся его. Более того, сыщик был уверен, что скандал этот обернется в его пользу. Следовательно, у него есть поддержка. Но кто? История в Москве пошла ему только на пользу. Джунковский, хлопотавший за него, вылетел из министерства на фронт, а этот... Но уступить!..

– Я вам приказываю, надворный советник, немедленно прекратить...

Козлов не успел договорить, как в комнату вошел Литвин, за ним два сыщика несли золотые кубки, тарелки, бляхи, браслеты.

– Ваше превосходительство, надо в контрразведку сообщить. – Куда? – растерянно спросил Козлов.

– В контрразведку, – продолжал Литвин, – вещи эти похищены убитым поручиком Копытиным и являются армейским имуществом. – Откуда вам известно?

– Контрразведывательное отделение передало нам список, я сверил, все сходится.

Козлов замолчал, разглядывая золотые предметы, которые расставляли на столе сыщики.

Да, дружок Гриша, решил один проглотить. Ан подавился. Денежки-то громадные мимо проехали. А все жидовская жадность. Гребет к себе, что под руку попадет. Начальник контрразведки генерал Батюшев – человек не простой. Его

офицеры из любого выбьют, что нужно, тем более время военное.

И коли он, Козлов, здесь очутился, так надо этому делу придать окраску соответствующую.

– Александр Петрович, – повернулся вице-директор к Бахтину, – погорячился я. Пристав, подлец, неправильно осведомил. Теперь я вижу, что мы попали в воровское гнездо. Действуйте, как служба велит. Я лично возглавлю данный розыск. Ни один мазурик не должен избежать наказания, – продекламировал Козлов и пошел в комнату, где был спрятан сейф.

Потом вице-директор спустился к аппарату и куда-то телефонировал.

Минут через двадцать приехал Филиппов. В штатском сюртуке он выглядел менее внушительно, чем в генеральской форме. – Ну как? – спросил Владимир Гаврилович.

– Если не будут мешать, мы Рубина крепко прихватим, – сказал Бахтин. – То-то и оно, если не будут мешать, а то... Он не успел договорить, в комнату вошел Козлов.

– Рад видеть, Владимир Гаврилович, и хочу похвалить вас и ваших чиновников за проявленное рвение. И надо же, до чего эта сволочь додумалась, присоседиться к дому крупного коммерсанта и общественного деятеля. Хорошая защита. – Вы имеете в виду Рубина? – усмехнулся Бахтин. – Именно, Александр Петрович.

– Но мы располагаем агентурными данными, что именно

Рубин является фактическим владельцем квартиры.

– Фактически или является? – Козлов со вкусом закурил.

– Является, – твердо сказал Филиппов.

– Владимир Гаврилович, вы, голубчик, даже не понимаете, какое осиное гнездо мы накрыли. Отсюда действовала банда Терлецкого, сюда свозились краденые ценности, отсюда Копытин пошел грабить Немировского. Это подлинный успех. Я уже не говорю о пуансонах и документах липовых. Запомните, это наша большая удача. – Но... – начал Бахтин.

– Никаких «но». Зоммер организовал эту преступную шайку. Господа, я еду в департамент докладывать. Вас, Владимир Гаврилович, прошу следовать за мной, а Бахтин все до ума доведет.

Директор Департамента полиции, действительный статский советник Васильев, находился в Ревеле, поэтому докладывать надо было товарищу министра Белецкому, которого Козлов побаивался. Степан Петрович, еще будучи директором Департамента полиции, не очень жаловал Козлова и всячески препятствовал его назначению на должность вице-директора.

Белецкий их принял сразу. С Филипповым он был необычайно приветлив, что весьма смутило начальника сыскной полиции. Такое внимание – первый признак отставки.

С Козловым товарищ министра был холоден и официален. – Что у вас? – небрежно спросил он.

– Силами сыскной службы нашего департамента обнару-

жено место, где преступники, совершившие в столице ряд дерзких налетов, скрывались от правосудия. – И где же оно?

– В двух шагах от нашего департамента на Фонтанке, 62.

– Забавно. Чей дом? – Белецкий что-то черкнул в блокноте.

– По документам дом принадлежит потомственному почетному гражданину города Орла Аникину Фролу Арсентьевичу, но ни полиция, ни градоначальство никакими сведениями о таком человеке не располагают. – Запросите Орел. – Я уже распорядился. – Так кто же атаман у этой шайки?

– Некто Зоммер Анатолий Арнольдович, при задержании он тяжело ранил околоточного, пытался убить надворного советника Бахтина и сам учинил самострел. – Застрелился? – удивился Белецкий. – Так точно, ваше превосходительство.

– Ну прямо не жиган, а влюбленный лицеист. Что обнаружено при обыске? Козлов достал из кармана листок бумаги.

– Первое неопровержимое доказательство, что именно там пряталась банда Терлецкого.

– Терлецкий, Терлецкий... Помню, его застрелил Бахтин не то в двенадцатом, не то...

– В двенадцатом, ваше превосходительство, – вмешался Филиппов.

– Дальше, -уже заинтересованно спросил Белецкий.

– Нам стало известно, что некто поручик Копытин организовал шайку налетчиков...

– Владимир Гаврилович, что касается дела Немировского, мне доложили, но как-то не ясно. Я вижу, дело имеет продолжение, так что расскажите мне подробно.

Филиппов коротко, но не упуская деталей, доложил Белецкому о том, что произошло, не забыв отметить роль Бахтина.

– Вот видите, – усмехнулся Белецкий, – вы, Михаил Иванович, совсем недавно аттестовали Бахтина совсем с другой стороны. – Но...

– Никаких «но». Я немедленно иду докладывать министру. Кстати, кто этот Зоммер?

– Управляющий известного коммерсанта и общественно-го деятеля господина Рубина, – сказал Козлов.

– Рубин. Общественный деятель. Надо же, – Белецкий поднялся из-за стола, – придется и с него строго спросить, как это получается! В соседнем доме бандиты, швейцар пытается убить полицейского чиновника, управляющий – главарь банды, а Рубин...

– Он проживает в Москве, ваше превосходительство, вполне естественно...

– Бросьте, – резко бросил Белецкий, – слишком уж много совпадений, как вы считаете, Владимир Гаврилович?

– Полностью с вами согласен, ваше превосходительство. – Свободны, господа.

В приемной Козлова дожидался чиновник с полицейского телеграфа.

– Ответ из Орла, ваше превосходительство, – протянул он Козлову бумагу. Козлов прочел, досадливо крякнул:

– Нет такого Аникина в Орле. И звание почетное его лица. – Это и следовало ожидать, – сказал Филиппов.

– Давайте-ка, Владимир Гаврилович, делами нашими займемся, – резко оборвал его Козлов. – Вы поезжайте в должность, ну, а я распоряжусь о назначении тщательного следствия.

Но Козлов не пошел в департамент. Он вызвал автомобиль и поехал на Большую Морскую, 22, где помещалась станция телефонного сообщения Петербург – Тверь – Москва – Нарва. На станции техником работал его агент Шмель.

Козлов с его помощью получил на станции отдельную комнату для прямых переговоров с Москвой. Он прошел в служебную часть станции, поднялся на второй этаж и открыл своим ключом дверь. В маленькой комнате стоял крохотный столик, на котором лежал справочник «Вся Москва» и стоял аппарат. Козлов поднял трубку, попросил Москву и назвал номер Усова.

Тайный советник Белецкий не пошел к министру. Он точно знал, что Протопопову, погруженному в самый омут дворцовых интриг, нет никакого дела до уголовной преступности.

Конечно. Белецкий понимал, что Рубин сволочь, тем более имелся в архивах департамента некий материал на коммерсанта и общественного деятеля. Но, благодаря мощной

поддержке секретаря Распутина Арона Симановича, Рубину удалось найти нужных людей и организовать мощное прикрытие.

Белецкий точно знал, что борьба с окружением Распутина сегодня практически невозможна. Тем более что парижская история Бахтина всплыла самым неожиданным образом.

Несколько дней назад к нему пришел начальник особого отдела полковник Васильев, которого Белецкий протасил на это место, сожрав Еремина.

– Дело одно каверзное есть, ваше превосходительство.

– Садитесь, Иван Петрович, – радушно пригласил Белецкий, – давайте за чайком его обговорим. – Дело-то вас касается, – вздохнул Васильев. – Меня? – искренне удивился Белецкий. – Вас, Степан Петрович. – В чем же провинился я, – засмеялся Белецкий.

– Начальник Московского Охранного отделения полковник Мартынов завербовал некоего Заварзина Дмитрия Степановича, партийные клички «Гоголь» и «Петр Петрович» – в наблюдении «Дунайский».

– Постойте, постойте, – Белецкий задумался на секунду, – как же, помню, донесение Алексева из Парижа, что-то связанное с Бахтиным.

– Именно. Заварзин, агентурная кличка Сибиряк, в ознакомительном донесении написал, что в 1912 году, в Париже, в кафе на улице Венеции, Бахтин предупредил его об операции, которую готовит заграничная агентура против социалистов в

библиотеке на улице Брона. При этом присутствовал один из партийных функционеров – Литвинов Борис Николаевич, в настоящее время отбывающий ссылку под Омском.

Для проверки донесения, так как дело касалось чина полиции, полковник Мартынов направил в Омск агента Блондинку, который как сотрудник газеты «Русское слово» имел доступ в общественные и революционные крути. Блондинке удалось войти в доверие к Литвинову и установить дружеские отношения, а после публикации в «Русском слове» статьи Литвинова, под псевдонимом Наблюдатель, Литвинов стал особенно откровенным.

Когда Блондинка завел разговор о случае в Париже, сообщив, что об этом ему якобы рассказал Заварзин, Литвинов расхохотался и сказал, что Заварзину нужно меньше пить. – А что, он пьет? – поинтересовался Белецкий. – На этом и завербован.

– Ну, каким боком, Иван Петрович, эта история касается меня? – хитро прищурился Белецкий.

– В деле есть рапорт полковника Еремина на имя командира Отдельного корпуса жандармов о том, что вы воспрепятствовали должному расследованию против Бахтина.

«Вот же скотина», – подумал Белецкий. Вовремя он убрал Еремина, а то бы копал он и копал под него.

– Да, история неприятная, а ваше какое мнение, Иван Петрович?

– Ваше превосходительство, вы же наши порядки знаете.

Подобную историю как угодно повернуть можно. Тем более Мартынов планирует начать разработку Бахтина через агента Сибиряка.

Когда полковник ушел, Белецкий приказал секретарю ни с кем его не соединять и никого не принимать. Из сейфа он достал папку, на обложке которой было написано: «Бахтин».

Он читал документы, донесения, записи разговоров. И внезапно вспомнил недавний разговор с присяжным поверенным Глебовым.

Петр Петрович выпил чуть больше нормы, размяк и пожаловался Белецкому, что у его дочери Лены не сложилась жизнь.

– Она же замужем за тайным советником Кручининым? – удивился Белецкий.

– Вы не поняли, Степан Петрович, – вздохнул Глебов, – мой зять человек, состоящий исключительно из достоинств. – Так в чем же дело?

– Романтическая история, сродни Маргарите Готье. – Не понял.

– Она влюблена. И любит этого человека много лет. Только не подумайте ничего плохого, чувства сии исключительно платонические.

– А нельзя ли узнать предмет? – поинтересовался Белецкий. – Ваш подчиненный Бахтин.

– Что я могу сказать, Петр Петрович, – Белецкий посмотрел на расстроенного Глебова даже с неким сожалением, –

умен, красив, честен. Но...

– Вот именно «но», Степан Петрович. Не нашего круга человек.

– Скажу вам более, Петр Петрович, к сожалению, Бахтин никогда не сможет войти в этот круг. – Почему?

– Его потолок – начальник сыскной полиции. И дай Бог, чтобы он получил должность в столице или Москве. Но боюсь, этого не случится. Слишком он не гибок. Врагов много.

Потом дома жена поведала Белецкому о тайных перипетиях романа Лены и Бахтина.

И Степан Петрович пожалел сыщика. По-человечески. Тем более что испытывал некую слабость к таким людям, как он. С молодости приучив себя к компромиссам, угодничеству, интригам, то есть живя в постоянной тревоге и ожидании неприятностей, он уважал людей типа Бахтина. Правда, он ненамного старше сыщика, а уже товарищ министра, сенатор и тайный советник.

Прекрасное раскрытие дела об убийстве не радовало Белецкого. У Рубина слишком сильные связи. Возможно, он и победит эту одесскую выскочку, но победа станет пирровой.

Протопопов явно разваливал министерство и уже поговаривали, что его могут скоро заменить. И две кандидатуры выплывали, его, сенатора Белецкого, и генерала Курлова.

Но, как он слышал, в Царском Селе и Ставке к нему относились значительно серьезнее, чем к Курлову, запятнавшему себя интригами.

Но вместе с тем, если начнется борьба, то выплывет многое, и история с Бахтиным станет решающей. Тем более, что Мартынов начинает агентурную разработку сыщика.

Правда, этого уже Белецкий не опасался, три дня назад, на обеде у Кручинина, Степан Петрович рассказал Лене о неприятностях, ожидающих ее ами. Он видел, как побледнела она, и понял, что завтра же Бахтин будет об этом знать.

Но все же надо историю с Рубиным прикрывать хитро. Белецкий вызвал столоначальника Никонова.

– Скажите, Виктор Георгиевич, что сделано по распоряжению генерала Джунковского. Как я помню, государь пожаловал надворному советнику Бахтину следующий чин?

– Именно так, ваше превосходительство. Чин пожалован, но необходимо подобрать должность.

– А что у Маршалка в Москве, уже есть помощник? – Пока нет.

– Вот и подготовьте приказ о переводе надворного советника Бахтина...

– Прошу прощения, ваше превосходительство, коллежского советника.

– Именно, так подготовьте приказ о переводе в Москву. Что с Филипповым?

– Указ подписан, он выходит в отставку с чином и пенсией действительно статского советника.

– Прекрасно. Бахтина завтра к шести вечера ко мне. – Слушаюсь.

Бахтин ушел с работы и дома закурил, не раздеваясь поднял трубку «Эриксона», услышал голос телефонистки и сказал: – Барышня, пожалуйста 86-24.

– Повторите, – пропел мелодичный голос в трубке.

– 86-24, – уже спокойным, служебным даже тоном произнес он. – Соединяю.

Сколько длилась эта операция на телефонной станции? Секунду, две, десять?

Да нет, пять лет с хвостиком соединялись упругие провода и медные клеммы. Бесконечное количество дней и ночей тоски и одиночества. – Слушаю вас.

Ленин голос не изменился, он был таким же, как в день их последнего свидания. – Слушаю вас. – Это я, Лена, – выдал Бахтин. – Саша, милый, ты где? – Дома. – Я сейчас приеду.

Все. Сначала время остановилось. Потом помчалось вспять через несчастливо прожитые годы, через неудачи и разочарования, обратно к зыбкому его счастью.

И звонил телефон, и скреблась в дверь комнаты кошка Луша, и ушла, аккуратно прикрыв дверь, Мария Сергеевна.

Все. Не было сегодня. Было только далекое вчера. И они любили друг друга. Ненасытно и жадно. Так как точно знали, что у них не будет завтра.

Бахтин курил, сидя на кровати, и глядел, как Лена, не стесняясь своей наготы, причесывалась перед большим зеркалом. Его когда-то Бахтин купил специально для нее.

Обнаженное тело женщины было необыкновенно прекрасным, и Бахтину казалось, что от него исходит и наполняет комнату теплый и яркий свет.

– Саша, милый. – Лена опустила руку с гребнем. – Я уезжаю. – Куда?

– В Москву. Мужа переводят начальником Московского удельного округа. – Чем же он провинился?

– Не знаю. Но мы уезжаем завтра. Саша, два дня назад у нас был Белецкий... – Вот как.

– Саша, как я понимаю, он к тебе очень хорошо относится. – Почему ты решила? – Саша, он мне сказал, что у тебя неприятности. – У меня?

– Да. В двенадцатом году ты был в Париже и там в кабачке предупредил социалистов о каком-то полицейском деле. Так один из них донес на тебя в московскую охранку, он стал, как это у вас называется... – Агентом.

– Да. Саша, он хочет еще что-то у тебя выпытать. Ты правда предупредил их?

Вот оно что! Значит, или Митя, или его дружок начали дуть Мартынову. И вдруг словно холодом залило сердце. Лена и Белецкий. Лена, а может быть? Нет, невозможно. Но внутри его вновь проснулся кто-то другой. Злой и осторожный.

И тот другой сказал: «Как невозможно? Политохрана вербует самых разных людей». Неужели Лена? – Нет, милая, это ложь.

– Я так и думала. Но знай, что такой донос есть.

Они простились, и расставание их было не таким, как встреча. Бахтин не мог переломить себя. Слишком огрубел он за годы работы в полиции. Слишком осторожным стал.

И оставшись один, он думал о том, что невозможно войти дважды в одну реку. Он вспоминал Ленино платье, ее драгоценности, манеры, даже пришедшую за эти годы опытность в постели, опытность женщины, имевшей любовников; и понимал, что к нему пришла другая, совсем другая женщина.

Это не расстроило его. Воспоминания о первой любви остались в щемящем прошлом. А женщина, только что закрывшая дверь его квартиры, была похожа на Лену Глебову, но все-таки не она.

Рубин и Усов ждали Козлова на Фуршадской, в квартире Усова.

Когда-то Дмитрий Львович Рубинштейн в застолье пошутил:

– Ты, Гриша, живешь на одной улице с Департаментом полиции, а поверенный твой напротив Отдельного корпуса жандармов.

На Фонтанку Рубин не заезжал. Остерегся. Кто его знает, Бахтина этого, может, он там засаду оставил.

Лимон был всегда налетчиком удачливым. И все потому, что осторожность никогда не покидала его.

В отличие от многих своих коллег в Одессе, он после хорошего дела не начинал безумствовать по кабакам, а уезжал

из города куда-нибудь в тихую Керчь или Скадовск, где и отлеживался несколько месяцев. А деньги тратил не на баб и костюмы, а вкладывал в дело.

Вот и сегодня захотелось ему уехать в тихую Керчь. Погонять шары в бильярдной, попить сладкого вина, поговорить в кафе с рыботорговцами и коммивояжерами о ценах на улов и видах на торговлю конфекцией.

Никогда еще опасность не была столь реальной и осязаемой.

Рубин в своей любимой позе – руки глубоко в карманах бриджей – бегал по пушистому ковру гостиной.

– Да не мельтеши, ты, Гриша! – Усов, отдуваясь,пил зельтерскую воду. – У меня после поезда в голове мерцание.

– Не после поезда, а после коньяка, который ты жрал с этим полковником. Похмелись. – И то дело.

Усов достал из резного шкафчика бутылку, налил в фужер и со стоном выпил.

Рубин брезгливо смотрел, как его поверенный пьет, и сказал зло:

– Вот из-за вашей пьянки и жадности у меня неприятности.

– Что-что? – Усов поставил фужер, прищурившись, посмотрел на Рубина. – Что-что? – повторил он. – Из-за моей жадности у тебя неприятности? Да ты, Григорий Львович, совсем сбрендил. Это какое же беспокойство я тебе доставил? Постановки сапог на армию? Или подряд на овчинные по-

лушубки? А может быть, продовольствие для беженцев? Ты, Григорий Львович, говори, да не заговаривайся, Я тебя от твоих одесских штук в солидную коммерцию тяну, а ты все к уголовщине прислоняешься. Не получится так у нас, Гриша. Не бросишь разбойничать, ищи другого поверенного.

– Ты меня, Петя, не пугай. За свои деньги я двоих, как ты, найму. – Найми, Гриша.

Он не успел закончить, как в комнату вошел Козлов. Вице-директор мрачно посмотрел на Рубина, молча сел к столу и закурил.

– Ну, что, голубок, дружок наш Гришенька, – зло сказал Козлов, – всех нас разом пожелал завалить? Только шалишь, со мной такие штуки не пройдут.

– Ты о чем, Миша? – Рубин подошел вплотную к Козлову. – О чем ты, превосходительство дерьмовое?

– А вот о чем, господин коммерсант и общественный деятель. Засыпался твой Сабан распрекрасный да Зоммер. – Он застрелился.

– Это ты своему иудейскому Богу свечку поставь, что он язык не развязал. Хочешь, я зачту, что при обыске в хитром домике нашли? – Давай.

– Пуансоны для производства фальшивых червонцев, сорок браунингов, мастерская для изготовления фальшивых документов и двести отпечатанных бланков различных ведомств, старинные золотые изделия, похищенные из Львов-

ского музея. Список вещей читать? – Не надо. – Ну и что же, Гриша, ты делать будешь?

– Я? – Рубин рассмеялся. – Ничего. Все ты, дорогой вице-директор, будешь крутиться. Я завтра брошу все и в Одессу, а ты? Твоя карьера закончится враз. И вышибут тебя, Миша, со службы, чин снимут да еще под суд упекут.

– Дурачок ты, Гриша, – Козлов рассмеялся, – конечно, если ты на следствии язык развяжешь, то у меня неприятности возникнуть могут, но доказательств у тебя никаких. Оговор, Гриша, оговор полицейского, ведущего сыскное разбирательство.

– Погоди, Михаил Иванович, – вскочил Усов, – ты по этому делу ведешь полицейское разбирательство? – Именно – А Бахтин? – Бахтин и Филиппов от дела мною устранены. – Каким образом? – удивился Усов.

– Простым. Филиппову чин и пенсия. А Бахтин в Москву переведен с повышением.

– Ну ты и жох, Миша, – засмеялся Рубин. – Тебе цены нет.

– Только это сделано не просто. Больших денег мне это стоило, Гриша.

– Да разве в деньгах счастье? – Рубин хлопнул Козлова по спине.

– Счастье, конечно, не в деньгах, но с ними. Прикажи, друг любезный Петр Федорович, закусить и выпить. Усов сам пошел на кухню распорядиться.

А потом огни столицы скрылись в темноте, и поезд оку- нулся в осеннюю ночь. Осталась за спиной столица. За чер- ным вагонным окном угадывались прозябшие осенние леса, маленькие домики дистанционных пикетов, белый дым па- ровоза, низко стелющийся во влажной осенней мгле. Быва- ло утром, глядя на прозябший под дождем Петербург, Бах- тин с острой нежностью вспоминал Москву, особенно осен- нюю. Начиная со Знаменки, от здания Александровского училища, октябрьский пожар уходил в Замоскворечье. Лом- кая прохлада, синева висела над крышами уютных домов. А остался вдали Петербург, поезд еще до Бологого не доехал, а по сердцу хлестнула щемящая грусть разлуки.

Все получилось стремительно и суматошно как-то. Еще вчера они с Филипповым думали о том, как прихватить Ру- бина, а утром следующего дня в кабинете начальника собра- ли всех чиновников и служащих.

Директор Департамента полиции Васильев объявил о по- лучении Филипповым чина действительного статского со- ветника и о его уходе в отставку. Когда Васильев зачитывал царский указ, Бахтин неотрывно следил за лицом Владими- ра Гавриловича, и вдруг прочитал на нем выражение некоего облегчения. Немедленно был представлен сыщикам и новый начальник, статский советник Кирпичников. А потом Васи- льев сказал:

– Господа, для меня расставание с дорогим Владимиром Гавриловичем печаль немалая. Думаю, и все вы загрустите.

Но такой уж день нынче. Как в сказке детской, печали и радости.

Позвольте сообщить вам, господа, что милостью монаршей вашему коллеге Александру Петровичу Бахтину пожалован чин коллежского советника и он назначен на должность помощника начальника Московской сыскной полиции.

Кроме того, за безупречную и беспорочную службу помощнику заведующего летучим отрядом Литвину пожалован чин титулярного советника и он назначен заведующим летучим отрядом.

Когда церемония «раздачи чинов» закончилась, Литвин подошел к Бахтину.

– Как же так, Александр Петрович, на место помощника назначен Фролов, а вас в Москву?

– А вы не поняли, Орест? Как только мы уцепили Рубина, сразу же Владимира Гавриловича с почетом на пенсион, меня с повышением в Москву, а вас на летучий отряд карманников ловить. Но без обиды, каждому чин новый. – А кто же будет делом Рубина заниматься? В коридор вышел Кирпичников.

– Обсуждаете, господа, как праздник сей отметить? – весело спросил он.

– Аркадий Аркадьевич, – спросил его Бахтин, – а как же с Рубиным?

– Дело передано в департамент, будет им заниматься лич-

но Козлов. Мне, видите, не доверили, сюда перевели. Но я не жалею, надоело мне наше министерство. Думаю, что мы с Орестом Дмитриевичем потихоньку будем этого общественного деятеля крутить. Вы, Литвин, не печальтесь, вакансия чиновника для поручений свободна. Я уже говорил с Кошко и Белецким, ждите нового приказа.

А вечером того же дня Бахтин был приглашен в министерство к Белецкому. Степан Петрович был в красном, с темно-зеленым бархатным воротничком и обшлагами, шитом золотом, сенаторском мундире, но встретил Бахтина вполне демократично.

– Представляюсь по случаю получения новой должности, – начал Бахтин, но Белецкий прервал его.

– Бросьте, Александр Петрович, садитесь, давайте коньяка выпьем. Вы как? – Как вы, Степан Петрович. – Значит, выпьем.

Белецкий позвонил. В кабинет неслышно вошел секретарь.

– Распорядитесь, голубчик, нам коньячишку и закусить чего-нибудь. – Слушаюсь, ваше превосходительство. После первой рюмки Бахтин сказал:

– Я очень благодарен вам, Степан Петрович, за все, что вы сделали для меня.

– Александр Петрович, – Белецкий тяжело поднялся с дивана, зашагал по кабинету, – да вы сидите, закусывайте и пейте. Нынче у меня приятный вечер: с милым человеком

поговорить о разностях всяких. Жаль, что за суетой да интригами я не выбрал время и не озаботился вплотную вашей карьерой. Давно, давно вам нужно было возглавить розыскное дело империи в нашем департаменте, но, думая об этом, я понимал, что опускать такого талантливое человека в пучину министерских склок просто невозможно. И есть у меня мысль. Отозвать Филиппова через полгода с пенсии, пусть при мне возглавит группу чиновников по особым поручениям. Не много, человек пять лучших криминалистов, но и дела они будут раскрывать самые сложные. – Я благодарен вам за заботу, Степан Петрович.

– Забота всегда предполагает корысть, милый мой. У меня к вам небольшая просьба. – Прикажете.

– У меня есть друг, мы вместе кончали Катковский лицей, прекрасный человек. Добрый и весьма обеспеченный. Поэтому ему, как нам грешным, не нужно было поступать в службу. Он стал общественным деятелем. Но началась война, и как истинный патриот он пошел во Всероссийский Земский союз. Там ему как человеку кристально честному поручили возглавить Заготовительный отдел. Через его руки практически идут все поставки на армию. Короче, его начали шантажировать. – Есть на чем? – спросил Бахтин.

– За его честность я ручаюсь. Но у него трагическое положение. И вы должны помочь ему разобраться. Зовут его Коншин Иван Алексеевич. Проживает он в Мерзляковском переулке, собственный дом, телефон 546-51, номер служеб-

ного аппарата 277-66. Я надеюсь на вас, Александр Петрович. Прощаясь, Белецкий сказал, усмехнувшись:

– Будьте осторожны, не верьте старым друзьям. Надеюсь, что мы еще увидимся с вами. Правда, времена наступают весьма тяжелые.

Бахтин больше никогда не видел Белецкого. Думая о нем, он никак не мог понять, чем же вызвал расположение могущественного товарища министра, руководящего всем политическим и уголовным сыском империи. До конца дней он так и не узнает, чем было оно вызвано.

И если бы он спросил об этом Белецкого, тот тоже не ответил бы. Видимо, даже у самых черных душой людей находится где-то в глубине нечто светлое, оставшееся от далекой молодости.

И сидя в вагоне поезда, несущего его в Москву, Бахтин, вспоминая последние столичные дни, думал о том, что все самое лучшее осталось в этом мокром и холодном городе.

Именно там к нему пришла любовь, там он узнал радостный вкус победы и горькие минуты поражений. В столице сложилась его карьера от губернского секретаря до коллежского советника.

Бахтин еще раз посмотрел на форменный сюртук, висевший на вешалке. В ярком вагонном свете узенькие погоны с двумя полковничьими просветами радостно отливали серебром.

Начав в сыскной полиции с должности полицейского над-

зрителя, он поднялся практически до конца служебной лестницы.

Ну, что осталось ему. Чин статского советника и должность начальника сыска в каком-нибудь губернском городе. Еще один шаг и он достигнет своей вершины. Дорога пройдена. Но как же он устал за эти годы. Словно Сизиф волок он свой груз, не зная о бесполезности усилий.

Москва, воспоминания о которой так щемили сердце в холодном Петербурге, становилась для него городом абсолютно новым. Там не было у него надежной агентуры, он плохо знал криминальное дно города, да и с начальством придется находить линию поведения. А с подчиненными? Трудно на пятом десятке начинать новую жизнь. Тем более, что со всемогущим начальником Московского Охранного отделения полковником Мартыновым у него сложатся явно непростые отношения.

Бахтин от мыслей этих грустных решил выпить немного, достал из саквояжа бутылку коньяка, налил в стакан и выпил.

Через несколько минут стало ему хорошо и спокойно. Нет, все-таки здорово, что он едет в Москву. Родина, она и есть родина. Там живет его самый близкий друг Женя Кузьмин, а яркая московская осень просто обязана исцелить от петербургского сплина.

Разбудило Бахтина солнце, прилипшее к вагонному стеклу.

Он выглянул в окно и увидел залитый ярким утренним светом, еще не сбросивший листву лес, размытый дождями проселок, потом голое поле, несколько избышек на взгорье, и ему стало хорошо и радостно. А поезд, победно трубя, приближался к Москве, и побежали мимо окон домики с заколоченными окнами, пустые утренние платформы дачных станций, пролетели перекошенные дома уездных городков и, наконец, в солнечном мареве открылось перед ним облезлое золото церковных куполов, дома окраин, а потом пошли мрачные кирпичные пакгаузы, покрытые копотью здания депо, санитарные вагоны, отдыхающие на запасных путях.

И наконец поезд медленно вполз под стеклянный колпак Николаевского вокзала...

Бахтин вышел на балкон. Воздух был горьковат и резок. Под ним лежала Москва, залитая неярким осенним светом. Вот крыша его училища на Знаменке, вот любимый им Арбат, прямо здесь, под ногами, а дальше угадывалась Остоженка, видны были деревья бульваров.

– Ну что, любишься? – спросил за спиной Кузьмин. – Привыкаю, Женя.

– А все-таки здорово, что тебя в Москву перевели, а то скучал я очень. – Я тоже. – Ну, пошли к гостям.

Когда с вокзала Кузьмин привез его на Малую Молчановку и экипаж остановился у дома 8, Бахтин спросил: – Неужели здесь?

– Конечно, – засмеялся Кузьмин, – ты же просил найти

хорошую квартиру. – А не дорого?

– Домовладелец Иван Митрофанович Аксенов быстро сообразил, что иметь жильцом столь важного полицейского чина и выгодно, и безопасно, поэтому и сдал квартиру по цене казенного найма.

Москва встречала его сюрпризами. Дом с двумя каменными львами по бокам ступенек, пушистый ковер в подъезде, зеркальный, красного дерева лифт.

Огромная трехкомнатная квартира с казенными коврами и мебелью.

Причитающая, радостная Мария Сергеевна накрывала на стол, а соскучившаяся Луша залезла на плечо и пела нежную песню.

В гостиной его ждал коллежский асессор Косоверьев Иван Ксаверьевич, чиновник для поручений, московский сыскной, добрый его знакомец.

Потом пришли актеры Художественного театра Вася Лужский и Володя Грибунин, потом появился капитан Шумович, пристав Первого участка Арбатской части. Он пришел представиться полицейскому начальству и тут же был посажен за стол.

Началась шумная, беспорядочная московская пирушка. Выпито было много, зато повеселились от души.

Ночью он проснулся от жажды. Во рту было сухо и противно.

Бахтин осторожно встал, стараясь не разбудить свернув-

шуюся в ногах Лушу, накинул халат и вышел в гостиную. В свете луны комната казалась еще более огромной. Конечно, Мария Сергеевна все уже убрала и вычистила.

Бахтин прошел на кухню, добыл из ледника под подоконником бутылку кваса, повертел ее в руке и поставил на место. На столе кухни переливались в лунном свете разнообразные бутылки.

Он налил в большую кружку шампанского из початой бутылки и в два глотка выпил. Сухость во рту прошла, по телу разлилась приятная теплота, и сразу захотелось спать.

И Бахтин уснул в ожидании нового дня. Не зная еще, каким он для него будет.

А был он обычным. Сидение в парадном мундире в приемной Московского градоначальника свиты его величества генерал-майора Климовича. Короткий разговор. Обычное напутствие, непонятные намеки и опять на извозчика. Обычно вновь заступавший на должность такого ранга чиновник обязан был объехать с десятков адресов, но Бахтин приказал везти его в Гнездниковский, в Московскую сыскную полицию. Начальника Карла Петровича Маршалка Бахтин знал по Петербургу, отношения у них были прекрасные, поэтому и встретились они душевно.

В тот же день он познакомился и с сотрудниками. Московская сыскная полиция, благодаря стараниям ее бывшего начальника Александра Францевича Кошко, перед войной на конгрессе криминалистов в Швейцарии была признана луч-

шей.

Московские сыщики очень гордились этим, и Маршалк из всех сил старался вести дела так же, как Кошко. Но тринадцатый год был совсем не похож на нынешний. Иная оперативная обстановка, вызванная потоком беженцев из Западных губерний, особенно из Варшавы и Риги. Эти города всегда отличались дерзкими преступлениями, и хотя Варшавская сыскная полиция нынче располагалась в Москве, Маршалку от этого легче не было.

– Знаешь, Саша, – Маршалк налил в рюмки шустовский коньяк, – я когда узнал, что тебя к нам назначили, обрадовался страшно. Думаю, возьмешься ты за кобурщиков. – А что, сильно шалят?

– Да. Банк и ссудную кассу взяли. Но давай выпьем. Они выпили, закурили, помолчали.

– А тут указание Белецкого, чтобы ты срочно занялся делом Коншина. – А что это за дело?

– Понимаешь, богатейший барин. Полжизни в рулетку играл во Франции. У него дом в Париже, особняк на Французской Ривьере, недвижимость в Крыму, несколько имений в Заволжье, роскошный дом в дачных Сокольниках. – Так чего его понесло заниматься снабжением?

– Патриотический порыв... А я так думаю – блажь. Напялил на себя форму Земского союза, погоня чуть ли не генеральские нацепил и гуляет в московских кабаках, а снабжением занимается весьма жуликоватый народ.

– Мне Белецкий поручил разобраться, но веришь мне, Карл, никакого желания влезать в это дело у меня нет.

– Конечно верю, дело паскудное, а главное, Саша, весьма грязное. Ну, вот смотри. – Маршалк встал, открыл стоявший в углу сейф, достал пачку бумаг. – Познакомься, это работа наших патриотов. Читай наименование товара. – Папахи смушковые.

– Именно, а теперь посмотри. – Маршалк достал из ящика стола и протянул Бахтину нечто, похожее на серую тряпку. – Что это? – Как ты видишь, «папаха смушковая». – Но это же не мех.

– Нет, Саша, когда-то это было мехом. Потом умелые люди скупили за копейки у скорняков это нечто, пошили из него папахи и пытались отправить солдатикам в действующую армию. Но интендантский подполковник Княжин оказался человеком честным, взятки не взял и товар не принял, более того, он обратился в отделение контрразведки округа, а они переправили это чудо нам. Ты думаешь, там только папахи? Маршалк позвонил. В дверях появился секретарь Севостьянов. – Слушаю, Карл Петрович.

– А ну-ка, Володя, принеси нам из камеры вещдоков шинель и сапоги.

Минут через пять Севостьянов принес солдатскую шинель с зелеными полевыми погонами и юфтевые сапоги. Бахтин взял шинель, сшитую из какой-то дерюги, развернул и увидел, что она, как сито, пропускает свет лампы. Он поло-

жил ее на кресло и начал мять конец сапог.

– Да ты не мни их, – засмеялся Маршалк, – подошву смотри. – Что это?

– Не видел никогда картон, пропитанный какой-то гадостью? Вот так-то, Саша.

– Скажи, Карл, эти сапоги случайно не Рубин поставляют? – Ты Григория Львовича имеешь в виду? – Его.

– Нет, он коммерсант солидный, его поверенный Усов поставляет для армии только высококачественный товар. Со всем недавно, по ходатайству «Земгора», ему пожалован орден Анны третьей степени. – Вот это да, – искренне удивился Бахтин.

– А чему здесь удивляться, Саша, я, да и многие, знают, что за сволочь Рубин, но ведь уходит, как угорь из рук. А к его коммерции претензий нет. – Карл, так что же наш господин Коншин? – Сейчас.

Маршалк позвонил и приказал пригласить чиновника для поручений Кулика.

Через несколько минут в кабинет вошел благообразный господин лет шестидесяти.

– Валентин Яковлевич, поведайте нашему новому помощнику о делах на складах господина Коншина.

– А что, собственно, говорить. Извольте посмотреть документы, везде подпись господина Коншина. Я с чиновником из градоначальства, титулярным советником Беловым, создал комиссию по ревизии склада на Пресне, все опеча-

тали, вместо сторожа посажен городской, так что, господин начальник, все, как нужно.

– Валентин Яковлевич, – Маршалк достал из шкафа третью рюмку, налил коньяка, – угощайтесь. – Благодарствую, Карл Петрович.

– Товарищ министра тайный советник Белецкий поручил Александру Петровичу заняться делом Коншина.

– Помочь ему, естественно. – Кулик со вкусом выпил коньяк. – Именно так, – сказал Бахтин.

– Александр Петрович. – Кулик поставил рюмку с таким расчетом, чтобы Маршалк вновь наполнил ее. – А почему вам, именитому криминалисту, в тринадцатом году пожалованному медалью международного конгресса, нужно защищать господина Коншина? Какая опасность ему грозит?

– Тайный советник Белецкий в беседе со мной сказал, что господин Коншин подвергается шантажу.

– Не по чину мне, Александр Петрович, обсуждать мнение столь вельможного господина, как сенатор Степан Петрович, но осмелюсь донести вам как моему прямому начальнику, никто господина Коншина не шантажирует. А жалуется Белецкому его супруга Александра Андреевна, урожденная Щербатова, которую господин Коншин, ссылаясь на трудности военного времени, отправил с детьми в Петербург. – Как так? – изумился Бахтин.

– А очень просто. Будучи весьма расположенным к женскому полу, он определил сына в Царскосельский лицей, и

жену отправил за ним надзирать. Что касается шантажа, то факт такой истинно был. Певица из варьете Евдокия Соколова, сценическое имя Нора Оленина, действительно грозилась рассказать о кутежах Коншина репортерам, но он от нее откупился ожерельем.

– Валентин Яковлевич, – Бахтин сам взял бутылку и разлил коньяк по рюмкам, – у вас есть надежная агентура в кругах, близких к «Земгору»?

– А как же-с. Кое-какие надежные людишки имеются.

– Господа, – Маршалк поднял рюмку. – Давайте выпьем, и Валентин Яковлевич введет тебя, Саша, в курс дела. Выйдя из кабинета, Кулик сказал Бахтину: – Не знаю, как и начать, Александр Петрович...

– С самого начала, милейший Валентин Яковлевич.

– Время по нашей московской жизни обеденное, не заглянуть ли нам в трактир, там за зеленым вином и потолкуем всласть.

Кулик испытующе, прищурившись, глядел на Бахтина. И Бахтин понял, что это не просто приглашение, а своеобразная проверка, как поведет себя новый начальник. От его решения зависело многое. Он был уже не чиновником для поручений, а заметной фигурой в полицейской иерархии Москвы. Даже при этой должности он мог стать статским советником и получить генеральское шитье.

Бахтин понимал, что от того, как у него сложатся взаимоотношения, в первую очередь, с чиновниками для поруче-

ний, зависит его будущая работа. А самое главное, что ему не надо было переламывать себя. Бахтин весьма скептически относился к чинам, видя в них только улучшение личного благополучия. Новые погоны и должность увеличили его бюджет почти вполнину, и это его радовало несказанно.

– А что, Валентин Яковлевич, у вас, наверное, на примете что-то есть? – Обижаете, Александр Петрович. – Тогда в путь. Куда следуем?

– Два шага. В трактир Волкова Алексея Григорьевича, Никитская, 25.

Внезапно Бахтин словно увидел себя со стороны: сюртук с погонами, ордена, медали. – В таком виде-то?

– Сидеть будем в отдельной комнате, – успокоил его Кулик. – Ну тогда, ладно.

Они вышли на улицу. Ветер тащил по тротуару осенние листья. Воздух был сыровато-свежим. Пахло дымком и хлебом.

Из соседнего дома вышел полковник Мартынов, начальник Московского Охранного отделения.

– Здравия желаю, коллежский советник. – Мартынов приложил пальцы к козырьку.

– Мое почтение, полковник. – Бахтин бросил руку к фуражке.

И пока Мартынов оглядывал его, подумал о том, что есть своя прелесть у его чина, равном полковничьему.

– Я-то думал, дорогой коллега, что вы к нам заглянете, –

Мартынов усмехнулся, – все-таки соседи. – Всенепременно. Я же в Москве второй день. – Жду, жду.

Мартынов перешел улицу и сел в защитного цвета мотор.

– Завидую вам, – вздохнул Кулик, – что значит чин. Самого Мартынова послали куда подальше.

– Не завидуйте, Валентин Яковлевич, жандармы – господа памятливые, мне еще этот разговор аукнется.

– Истинно, что памятливые. В 1908 году, когда надворный советник Кошко стал нашим начальником, он крепко поругался с охранкой. Они у нас людей требовали для каких-то своих дел. Александр Францевич им ответил, берите, только мне дайте десяток ваших филеров.

– Ну, и чем кончилось? – До Бахтина в свое время доходили отголоски ведомственной битвы.

– А ничем, генерал Андрианов сказал: «Богу Богово, кесарю – кесарево». На том и разошлись.

Под их ногами выгнули спины тихие московские переулки, кончался короткий осенний день, но было еще малоллюдно.

В Москве почему-то далекая война казалась заметнее. Видимо, от обилия патриотических плакатов на стенах, да прапорщиков побольше таскалось по улицам, у входов во многие особняки висели белые полотнища с красными крестами, здесь развернули госпитали.

По Никитской в сторону бульваров прошел белоснежный с красным крестом на боку трамвай.

– Раненых повезли, – вздохнул Кулик, – днем их редко возят, а ночью...

– В Петербурге этого нет. – Задумчиво сказал Бахтин.

– Столица. Высшие чины империи проживают. А мы город губернский, тихий. Ну вот и пришли. Встречал их сам хозяин.

– Знакомься, Алексей Григорьевич, – похлопал его по плечу Кулик, – это наш новый начальник, знаменитый Александр Петрович Бахтин.

– Как же-с. Наслышаны, господин полковник. – Алексей Григорьевич почтительно потряс протянутую руку.

– Алексей Григорьевич, – улыбнулся Бахтин. Он знал, что улыбка делает его лицо значительно добрее, поэтому улыбался тем, кому хотелось понравиться. – Сегодня у вас возвращение блудного сына происходит, так уж покормите по-московски.

– Знаем, Александр Петрович, наслышаны, что вы наш коренной, александровец бывший. Все приготовлено в лучшем виде. Прошу-с за мной!

У раздевалки они свернули в маленький коридорчик, пол которого покрывал ковер, а стены были обиты неярким штофом.

– Прошу-с. – Волков открыл дверь в уютный кабинетик, стены которого были расписаны видами Москвы. – Располагайтесь.

Он помог гостям раздеться. С нескрываемым одобрением

посмотрел на сюртук Бахтина, завешанный крестами и медалями, и сам разлил по рюмкам настойку.

– Не сочтите за нахальство, Александр Петрович, я позволю одну рюмку с вами выпить. Так как для нас, торговых людей, ваш приезд радость большая. Мы про вас все газеты прочитали, торговые люди говорят, что теперь жиганью конец пришел. Они выпили, и Волков деликатно удалился.

– Большая это сила – газеты. Господа литераторы если уж распишут, то знать вас будет весь город, – усмехнулся Кулик. – Про меня, когда я еще простым сыщиком был, несколько раз господин Гиляровский писал. Я тогда собачками занимался, так уж получилось, что почти все кражи животных поднимал. – А вы давно в полиции?

– Давно. Сначала собачьих воров ловил, потом в надзиратели выбился, в театрах работал по краже шуб, ну, а потом начальник наш, господин Кошко, заставил меня на классный чин сдать, тут, конечно, я другим занялся: банкротствами фальшивыми, мошенничеством с векселями, да ценными бумагами.

В тринадцатом году в отставку вышел, но Александр Францевич меня не отпустил, жалованье положил, заведовать музеем поставил и помогал, конечно, по старому своему профилю. А как война началась, мне очередной чин и в чиновники для поручений сверх штата. Уж больно много мошенников развелось. Вот и занимаюсь аферами всякими. Кулик разлил настойку. – Вы угощайтесь. У Волкова готовят

знатно. – Семья у вас большая, Валентин Яковлевич?

– Да как сказать, я вдовец. Сын Сережа помощником пристава в Сущевской части, а дочь Машенька замужем за хорошим человеком, ветеринарным врачом. Живу с котом и вороной. – Как так?

– Подобрал на улице больного вороненка, выходил и выпустил, а он вернулся. Так и живем: кот по имени Пристав, да ворона по кличке Купчиха. Я сосед ваш. На Арбате проживаю, будет время, загляните, я редкую коллекцию собрал газетных вырезок о делах криминальных.

– Спасибо, непременно, а кормят здесь действительно отменно. Так что вы хотели мне сказать?

– Позвольте доложить, прежде чем вы пойдете к господину Коншину, я бы хотел все о его делах рассказать. Коншин в присутствии бывает крайне редко. Раза два-три в месяц, по понедельникам. Всеми делами заправляет его помощник Юрий Александрович Дергаусов. Человек весьма темный. Дергаусов его вторая фамилия, по жене. А настоящая – Титов. Служа по военно-интендантскому ведомству, привлекался к суду за растрату, но присяжными был оправдан. Из военных чиновников в чине титулярного уволен, дальше занимался делами самыми неказистыми, на бирже играл, туптовый вексель учитывал, посредником был.

Он и вершил все дела по снабжению. У него четверо служащих, все как на подбор. Лидин Сергей Семенович, бывший театральный антрепренер; Пресняков Михаила Ивано-

вич, служил управляющим именем у Коншина; Губер Борис Маркович, ранее подвизался как коммивояжер, и Серегин Игорь Петрович, студент. Пошел добровольцем в вольноопределяющиеся. Был ранен, заработал солдатский Георгий, но с фронта не ушел, а поступил в полевой санитарный отряд Союза городов, опять ранение. Лично генералом Брусиловым награжден Анной четвертой степени на шашку. – Но это же военная награда.

– В том-то и дело. А генерал Брусилов счел, что Серегин ее заслужил. – Но он, видимо, вне подозрений?

– Если бы, – Кулик вздохнул, – мой агент сообщает, что Серегин ведет образ жизни весьма широкий, кабаки, пьянки, дама одна в Москве, известная Наталья Вылетаева, часто с ним бывает на людях. – Что за дама?

– Одна из самых дорогих содержанок московских. Сколько из-за нее скандалов по первопрестольной было. Не сосчитать.

Они обедали не торопясь, больше часу. Заглядывал в двери озабоченный хозяин.

Попивая чай, обсудили план завтрашних действий. Когда Бахтин полез за бумажником, Кулик закурил собственной набивки большую папиросу, сказал, усмехнувшись: – Не возьмет. – Чего не возьмет?

– Да денег, так что не старайтесь, Александр Петрович, у нас, не в столице живем, по-семейному.

Бахтин догадывался, что денег с них не возьмут или при-

несут смешной счет рублей в пять. Это не смущало его и не отягощало совесть. Издержки профессии. Надо сказать прямо, приятные издержки. Иногда он задумывался, можно ли считать себя порядочным человеком, принимая подобные подношения. Об этом он рассуждал и сегодня, шагая по бульвару к дому. Бахтин внутренне гордился, что никогда не брал взятки. Но между тем продукты присылали ему приставы за копейки, в некоторых ресторанах он вообще не платил. Просто не мог, хозяева наотрез отказывались брать деньги. Часы свои серебряные «Мозер» он купил за полцены.

Конечно это была скрытая форма взятки. Но именно так жила вся полиция от Варшавы до Сахалина. И не ему менять этот порядок.

Главное заключалось в другом: он никогда не обирал агентов, никому не помогал в темных делах и, если бы хозяин магазина, продавший ему часы, загремел по Уголовному уложению, то от Бахтина ему пощады бы не было. Но вместе с тем кабатчик Волков теперь имел полное право на внимательное к себе отношение, случись что с ним.

Нет, это был не подкуп, это были знаки взаимного внимания.

У самого дома перед Бахтиным вырос околоточный, поинтересовавшийся, не будет ли каких распоряжений.

Распоряжений не было, и околоточный с миром отбыл.

Чуть левее подъезда стоял городской. При виде Бахтина он вытянулся во фронт и гаркнул: – Здравия желаю, ваше

высокоблагородие. – Здравствуй, братец. Ты чего здесь? – Пост, ваше высокоблагородие. – Ну, служи.

Бахтин вошел в подъезд мимо вытянувшегося швейцара и подумал, вот почему хозяин сдал ему квартиру по казенной цене.

За городского у входа он по-нынешним непростым временам сорвет с проживающих лишние деньжата.

Дома его встретили Луша и Мария Сергеевна. Подавая чай, старуха радостно поведала Бахтину, как хорошо ее встретили бакалейщик и зеленщик, а городской, Игнат Петрович, помог донести покупки домой.

– Дождались, батюшка Александр Петрович, вышел ты в люди, совсем как пристав стал.

Должность пристава казалась Марии Сергеевне несбыточным человеческим счастьем.

Бахтин выпил чаю и пошел в кабинет. Убирая в шкаф парадный сюртук, висящий на спинке стула, он с тоской подумал, что ему теперь придется часто надевать форму. И порадовался, что уезжая в командировку в занятый армией Львов для налаживания там сыскной службы, получил полевое офицерское обмундирование, в котором нынче ходили почти все полицейские офицеры, имевшие армейские чины.

Бахтин попросил Марию Сергеевну достать все это из сундука, отгладить и пришить новые погоны. Вот на этом и закончился его второй день в Москве. Накинув серую офицерскую шинель, он вышел на балкон и закурил.

К ночи заметно похолодало. Под ним лежали золотистые огоньки Москвы.

Угадывались бульвары и Знаменка, его сердцу милая, световой полосочкой утыкалась в мост через Москву-реку. Прошел по бульварам трамвай, заискрился голубыми яркими вспышками.

Сколько лет минуло с той поры, когда, побывав на могиле у матушки, он с тощим чемоданом-портпледом сел в третий класс поезда Москва – Санкт-Петербург. И вот опять он здесь. За спиной Петербург, Париж, Варшава, Львов, Ковно, Женева. Это только крупные, значимые в его понимании города. А сколько небольших городков осталось в прежней жизни. Он вернулся в Москву победителем. Он сделал все, что мог, чтобы уехавший в третьем классе юноша приехал в международном вагоне. Так почему же он не чувствует острого счастья победы? Да потому, что никакой виктории не было. И погоны на шинели не любимые военные, а чиновничьи, полицейские.

Вот эти-то погоны и стали замком, навсегда запершим для него дверь в общество. О нем много писали газеты. Репортеры относились к Бахтину с симпатией, прежде всего за то, что он понимал их каторжную работу. О его успехах судачили в модных гостиных, рассказы об убийствах, крупных мошенничествах становились своеобразным острым соусом, приправой повседневным, надоевшим сплетням.

О нем говорили, но никогда не приглашали. Пробриться в

общество была одна возможность – перейти в министерство. Но туда его никто не звал. Для общества он был полицейским, чем-то вроде дворника, метущего двор, или ассенизатора.

Он был сыщиком, а общество мало волновали нюансы. Для них что политический, что уголовный сыск считался делом неприличным.

Видимо, оставшись в вакууме, он так и не обзавелся теплой компанией. С сослуживцами как-то не получалось. Скучно ему было. Любовь к Лене Глебовой ушла. Вернее, не любовь, а жгучая память о ней. Видимо, действительно вечность в незаконченности, а ее последний визит к нему словно точку поставил в их отношениях.

Теперь только он начал понимать, что Ирина Нечволодова была единственной женщиной, необходимой ему. Она безропотно ждала его одного слова. А он, внутренне погруженный в воспоминания, воспринимал Иренино чувство без должного внимания.

Вот она и уехала в Лион. А он остался один. Разве все те, короткие, иногда даже яркие, связи, так свойственные одиноким мужчинам; могли заменить ему любовь и внимание Ирины.

Пришло время и остался он с кошкой Лушей и старухой Марией Сергеевной. Дометался, дочитался книжек.

А все-таки он замерз. Бахтин ушел в кабинет, сбросил шинель и начал раздеваться.

Луша уже лежала на диване в ожидании хозяина. Как смеялись все, когда он отправлял в Москву этот старый с истертой кожей диван. А он все равно притащил его за собой, потому что тело его знало каждый бугорок, каждый провал в этом старом чудовище.

Бахтин разделся и лег на прогудевшие радостно пружины.

Луша недовольно уркнула. Часы в гостиной отбили двенадцать раз. Ему показалось, что он и не спал совсем.

– Батюшка, Александр Петрович, проснись же ты, – трясла его за плечо Мария Сергеевна. – Страсти-то какие, горит Москва.

Бахтин вскочил, накинул халат и вышел на балкон. Правее, в районе Пресни плясали языки огня. Звенели где-то вдалеке пожарные повозки, трубили рожки. Пожар был сильным, значит, жди звонка.

Бахтин начал быстро одеваться в форменную полевую одежду.

Привыкшая ко всему Мария Сергеевна уже несла в кабинет кофе и бутерброды.

На столе грянул телефон. Он не зазвонил, а именно грянул, потому что глуховатому прошлому владельцу умельцы-телефонисты поставили какой-то чудо-звонок, который звучал, как колокола громкого боя на миноносце. – Бахтин.

– Господин начальник, докладывает дежурный надзиратель Комаров. Пожар первой категории на пресненских складах «Земгора». – Чьи склады?

– Я же докладывал. Земского союза, на Брестской части, авто за вами выехало, господин начальник.

– Смотрите, господин начальник, как горит-то, – сказал шофер, когда они поворачивали в сторону Пресни, – словно весь город занялся.

В отблесках пожара жила какая-то мрачная красота. Казалось, что пылает весь город от Арбата до Камер-Коллежского вала.

Окна в домах стали темно-рубиновыми, желтый свет фонарей смыли яростные краски стихии, даже фартуки дворников, выскочивших на улицу, были, как у мясников, в жирных красных пятнах.

Чем ближе они подъезжали, тем отчетливее доносился шум беды: яростный треск огня, звон пожарных колоколов, бешеный стук колес по булыгам и человеческие голоса.

– Сюда нельзя... – начал было худой околоточный, командовавший оцеплением, но, признав машину сыскной полиции, отскочил почтительно.

В воротах метались пожарные и городовые. Они складывали у забора тюки, ящики, бочки.

Треск, шипенье, грохот пожарных насосов слились в одну чудовищную ноту.

Бахтин вышел из авто и, заслонив ладонью лицо, пошел к пожару.

– Я здесь, Александр Петрович, – сказал появившийся из дыма Кулик. – Где городской? – Убит. – Как убит? – Видимо,

из револьвера. – Значит, поджог? – Думаю, да. – Где труп? –
Прошу со мной.

От гаснущих складских стен шел тошнотворный запах гари.

Городовой лежал на спине, чуть поодаль стоял на треноге фотоаппарат и два человека, один в форме полицейского врача, второй – с петлицами судебного следователя, что-то внимательно осматривали.

– Помощник начальника сыскной полиции, коллежский советник Бахтин. – Он приложил руку к козырьку.

– Рад знакомству, судебный следователь Брестского участка коллежский советник Шабальский Ананий Николаевич. Следователь протянул руку.

– Полицейский врач, надворный советник Лямис Генрих Францевич, – представился доктор.

– А это наш чудо-фотограф, господин Тарасов, – сказал Кулик.

– Рад составить знакомство. – Бахтин всем пожал руки. – Что скажете, доктор? – Стреляли в затылок. Думаю, из браунинга. – Почему так думаете?

– Выходного отверстия нет, дырочка аккуратная. Найду пулю, решим. Бахтин наклонился к убитому, осмотрел труп. – Сыщики здесь? – Так точно, – ответил кто-то за его спиной. – Ищите шпору. – Не понял, господин начальник.

– Вторую шпору ищите. Господин Тарасов, сфотографируйте его сапоги. – Слушаюсь. – Посадите его, – скомандо-

вал Бахтин. – Это как? – Обычно, на задницу. Два сыщика посадили труп.

Бахтин наклонился, внимательно рассмотрел мундир. – Валентин Яковлевич, где здесь был цемент? – У входа в караулку. – Она сторела? – Да нет, караулку построили недавно из кирпича.

– Попрошу Тарасова сфотографировать крупно спину мундира и брюки покойного. – Бахтин снял шинель, протянул доктору. – Подержите-ка, будьте так добры.

Он присел на корточки и начал разглядывать землю. – Где шпора, сыщики? Никто не ответил. Бахтин поднялся и медленно пошел к караулке.

– Вот она, господин начальник. – Сыщик протянул Бахтину шпору с разорванным ремешком-креплением. – Нашли у порога караулки? – Так точно. – Где? – Пойдемте.

Сыщики светили потайными фонарями, у приступка караулки во вмятине лежал еще один обрывок ремешка. – Я специально оставил, – сказал сыщик. – Фамилия? – Полицейский надзиратель Баулин.

– Молодец. Зови фотографа и прикажи городовым стать от трупа до сторожки коридором, сажень в десять ширины, и никого не пускать. – Слушаюсь.

– Да, и свет мне нужен, много света в сторожке. Достаньте лампы, свечи.

– У нас, Александр Петрович, переносное освещение есть, как при съемке фильма, его Кошко завел. Вы же не успели

познакомиться с нашей криминалистической частью. А вот и они подоспели.

К Бахтину подошли Маршалк и два чиновника в форме.

– Наши криминалисты, – сказал начальник, – командуйте, Александр Петрович.

– Господа. – Бахтин видел этих людей вчера, когда ему представили служащих управления, но именно сегодня он собирался вплотную знакомиться со всеми. – Мне нужен свет в караулке, и видите следы?

– Так точно. – Один из чиновников наклонился, зажег фонарик, рассматривая след. – Сейчас загипсуем.

Через несколько минут в сторожке зажегся свет. Удивительно, но помещение почти не пострадало от огня. Видимо, поджигатели не приняли во внимание ветер.

– Что еще делать? – спросил юркий, как мышь, надзиратель Баулин, – Гильзу ищите от браунинга.

– А если, к примеру, убийца стрелял из «велодога» или «лефоше»? – Значит, потянем пустышку.

– А вы, господин начальник, бегами интересуетесь?

– Нет, Баулин, просто когда я, как вы, был надзирателем, я ипподром по службе частенько навещал.

Так, сторожка: шкаф, диван у стены, ходики и портрет царя на стене, стол, два стула, один упавший, на столе початая бутылка коньяка, два стакана, круг колбасы, нож, – Бахтин поднял стул. – Валентин Яковлевич, присядьте. Баулин. – Слушаю, господин начальник. – Смотри!

Бахтин достал наган, приблизил ствол к голове Кулика.

– А почему вы, господин начальник, думаете, что он стрелял в упор? – Что это лежит? – Где? – На полу. – Фуражка городского. – Посмотри на тулью. Видишь? – Так точно, обожжено сильно. – Отсекатель у браунинга с какой стороны? – С правой. – Тогда ищи. Спасибо, Валентин Яковлевич.

– Александр Петрович, – на пороге появился следователь, – что думаете?

– А что здесь думать-то, Ананий Николаевич. Думаю, дело было так. Пришли двое. Городовой Полуянов их знал. Эти двое были не просто хивинцы, а люди состоятельные. – Почему так считаете?

– Они наследили очень. У порога след мужской туфли, весьма изящной, и следы офицерского сапога со шпорами. Потом глядите, коньяк дорогой, от Елисеева, колбаса языковая тоже из хорошей гастрономии.

Один сел пить с Полуяновым коньяк, а второй зашел со спины и выстрелил в него из браунинга. – Почему из браунинга? – Следователь закурил. – Пока отрабатываем версию доктора.

– Господин начальник, на полу ничего, щелей много! – крикнул Баулин. – Вскрывай половицы.

– Подождите, подождите, – удивленно вмешался следователь, – выдумаете...

– Ананий Николаевич, они, как видите, даже стаканы и бутылку не убрали, думали, что сторожка-то сгорит, ан нет,

ветер в другую сторону повел. – А почему же они труп вытащили?

– Да все потому же. Если бы труп сгорел, сгорела бы какая-то часть их плана. Так что будем ждать неожиданный поворот. – Вы думаете, что нас пустят по ложному следу? – Обязательно.

– Есть! Есть! Господин начальник, гильза. – В руке Баулина поблескивал закопченный бочонок гильзы.

– Так. – Бахтин взял гильзу. – Молодец. Господа криминалисты, попрошу ко мне. Оба чиновника подошли к Бахтину. – Вот гильза, что скажете?

– В трупе выходного отверстия нет, потому что стреляли из дамского браунинга, – ответил один из чиновников.

– Верно. Это дамский браунинг, калибр четыре и пять. Пожалуйста, господа, отпечатки пальцев на стаканах, бутылке, ноже. – Это понятно.

– Что думаете, Александр Петрович? – спросил Маршалк.

– У меня бы похожий случай в Петербурге. Думаю, что ничего нового они не придумают, схема одна и та же. Вот увидите, виновный найдется быстро.

– Сколько имущества сгорело, – огорченно вздохнул Маршалк, – сотни тысяч рублей.

– Так здесь же, Карл Петрович, – вмешался Кулик, – эти папахи и шинели лежали, да сапоги. Нет товара, нет дела, а то, что подполковник интендантской рапорт написал, они еще его в лихоимстве обвинят. – Но у нас накладные, все

документы на товар.

– Так они, Карл Петрович, заявят, что товар-то качественный был. – И то, твоя правда, Валентин Яковлевич. Только когда рассвело, Бахтин увидел, что натворил огонь. К нему подошел Женья Кузьмин. – Ну как, Саша? – Потом расскажу.

– Пойдем, я тебя с главным пожарным познакомлю.

В нескольких шагах от них стояли двое: один в помятой пожарной каске, а второй – крепкий человек в поддевке и картузе, с вислыми седыми усами.

– Знакомьтесь, господа, – сказал Кузьмин, – это Александр Петрович Бахтин, известный наш криминалист.

– Очень приятно, – устало бросил руку в каске офицер, – ротмистр Андреев Николай Альфредович, городской бригадмайор.

– Наслышан о вас, голубчик, – прогудел седоусый. – Да и рассказец ваш читал. Неплохо. Гиляровский. Он сильно сжал руку Бахтина. Бахтин ответил. Гиляровский усмехнулся и сдавил сильнее. Бахтин опять ответил.

– Неплохо, совсем неплохо для полицейского чина. – Засмеялся репортер, – правда, я слышал, что вы гимнаст, английским боксом балуетесь.

– Баловался. Уж года два, как не участвовал в матчах.

– Напрасно, приходите к нам в Гимнастическое общество, есть занятные ребята. – Много сгорело, Николай Альфредович? – Весьма. – Пострадавшие есть?

– Мои пожарные грудью, можно сказать, отстояли склад

медикаментов. Иначе взрыв был бы знатный. Как вы считаете, Александр Петрович, поджог? – Чистой воды.

– Ну мы сделали, что могли, теперь ваша работа. Если какие вопросы возникнут, телефонируйте, милости прошу ко мне на Пречистенку, а пока, господа, извините, служба.

Брандмайор пошел к пожарным, ступая тяжело, как очень усталый человек.

– Досталось им, – прогудел Гиляровский, – давно на Москве такого пожара не было. Так что же, Александр Петрович? – Что я вам могу сказать, Владимир Алексеевич... – А вы, значит, мое имя и отчество знаете?

– Не кокетничай, Володя, – засмеялся Кузьмин, – тебя вся читающая Россия знает. Гиляровский довольно усмехнулся: – Так как, Александр Петрович?

– Милые мои литераторы, дело о поджоге, думаю, примет самый неожиданный оборот.

Раздался бешеный стук копыт, и на двор влетела пролетка, в которой восседал, как монумент, полицмейстер второго отделения, статский советник Севенард. Он лихо выскочил из пролетки. Не полицмейстер, а картинка. Сияли серебряные с генеральским шитьем погоны, ослепительно горели пуговицы, блестели лакированные сапоги. Звеня шпорами, он подошли к Бахтину. – Желаю здравствовать, Александр Петрович. – Мое почтение, Александр Николаевич. – А где следователь? – У сторожки.

– Позвать, – рявкнул полицмейстер околоточному. И, об-

ращаясь к Бахтину, спросил: – Ну что, следы есть?

Голос его бы лукав и насмешлив. Веселая улыбка пряталась в закрученных гвардейских усах. – Есть новости по делу? – спросил Бахтин.

– Сейчас, батенька, сейчас, – полицмейстер разгладил лайковой перчаткой усы, – все узнаете.

Он выдержал паузу, как хороший театральный актер, дожидаясь, пока не подошли Шабальский, Маршалк и сыщики.

– Милые мои Шерлоки Холмсы, я сам люблю эту литературу почитать, но полицейская служба – дело, от ваших научных теорий не зависящее.

– Так в чем дело, Александр Николаевич? – удивился Маршалк.

– А дело в том, батенька мой, что поджигатель сидит в арестантском помещении первого участка пресненской части. – Кто? – обрадованно спросил Шабальский. – Некто Серегин Игорь, сын Петрова. – Как же вы его нашли?

– Э, батенька мой, – громогласно объявил Севенард, – уметь надо. А если по порядку, так дело так было. Мы с приставом первого участка, ротмистром Бойковым, здесь вместе с пожарными оказались. Ну, конечно, огонь, треск, вопли – одним словом, страх Божий. Пока оцепление устанавливали, смотрим, человек крутится. Кто такой? А он мне, мол, при складах служу. Я его за грудки, кого, мол, каналья, видел. А он мне в ответ: Серегина из Земсоюза, он к складам большой бидон тащил.

– А кто этот человек? – перебил полицмейстера Бахтин.

– Нефедов, служитель здешний, – продолжал Севенард. – Где Серегин живет, знаешь? На Пречистенке, в Лебязьем переулке, в доме два. Мы, конечно, туда с Бойковым.

Приезжаем. Квартира весьма приличная, матушка, вдова статского советника, сестра, милая барышня.

А в прихожей шинель висит, вся от керосина мокрая, я в карман-то руку сунул и вынул.

Полицмейстер достал дамский браунинг, с перламутровой рукояткой:

– Понюхал ствол, кислый! И в магазине одного патрона нет. – Так прямо и взяли? – спросил Бахтин.

– Прямо и взял. Вы об отпечатках, что ли, печетесь, батенька, я же вам живого преступника достал.

– Ну, а дальше? – с профессиональной заинтересованностью обратился к Севенарду Гиляровский.

– Адалее так, любезный Владимир Алексеевич, мы вдову, где сын, Мол? А она в ответ нам, спит.

Мы в комнату, а там этот Серегин пьяный, как зюзя. Ну, конечно, растолкали, дворника вызвали, понятых, обыск по всем правилам – нашил запрятанные в прихожей десять тысяч. – Чьи деньги? – спрашиваю. А он мне: «Не мои».

Ну мы, конечно, его в узилище. По дороге он мне и ротмистру Бойкову показания дал. В них все изложено, как городского убил, да склад поджег. Так что едем, господа, в участок, там его и найдете.

Полицмейстер широким жестом показал на свой выезд.

– Спасибо, – поблагодарил Бахтин, – у нас авто, я...

Он так и не успел договорить, трубя серебряными клаксонами, во двор въехало авто «нэпир» с кузовом красного дерева, с двумя хрустальными фонарями на крыльях.

– Ну вот, – усмехнулся Маршалк, – наконец, и хозяева прибыли.

Из машины выскочил шофер в кожаной куртке с узкими серебряными погонами, распахнул дверь и выдернул сверкающую лаком лесенку.

И появился человек в сизой, дорогого сукна шинели, с зелеными генеральскими отворотами и непонятными серебряными погонами.

Позванивая шпорами, он подошел к полицейским.

– Я Коншин, член комитета Земского союза, – небрежно, с некой долей высокомерия представился он. – С кем имею честь?

– Господин Коншин, я Маршалк, начальник сыскной полиции. Сгорело ваше имущество, убит городской Полуянов, охранявший склады, нанесен большой ущерб фронтовому снабжению. Мои люди всю ночь разыскивали вас и нашли в ресторане «Мавритания». Как это понимать, господин Коншин?

– А как хотите, так и понимайте. И оставьте ваши полицейские штучки, вы должны были охранять склады.

– Позвольте заметить, господин член комитета, – вмешал-

ся Севенард, – мы ничего вам не обязаны. Следить за складами ваша забота, наша – жуликов ловить. – Я слышал, что поджигатель пойман.

Никто не заметил, как к ним подошел еще один человек в форме Земсоюза.

– А вы кто будете, милостивый государь, – рявкнул полицеймейстер, – и откуда вам ведомо, кто арестован и когда?

– Моя фамилия Дергаусов. По пути на склады мы заехали на Пречистенку за нашим сотрудником господином Серегиным и выяснили, что вы его арестовали по подозрению.

– Это дело полицейских служб, – опять рявкнул Севенард. – Господин Коншин, – поинтересовался Бахтин, – а на какую сумму убыток? Коншин вздохнул, пытаясь вспомнить.

И Бахтин по выражению его лица понял, что этот господин, так хорошо погулявший всю ночь в «Мавритании», даже не знал, что находилось и сейчас находится на подведомственном ему складе.

– Убыток крупный, – выручил своего патрона Дергаусов. – Пока не знаю, что спасли на складах, но...

– А вон посмотрите, у забора тюки лежат, – перебил его Кулик, – это с первого и второго складов. Так что, господин Дергаусов, не все сгорело, кое-что и осталось.

– Нужно срочно ревизию произвести, – распорядился Коншин, – вы уж, Юрий Александрович, распорядитесь.

– Не извольте беспокоиться, – Кулик подошел к Конши-

ну, – комиссия уже создана. Через час из городской Думы, от господина Челнокова и от князя Львова придут представители.

– От сыскной полиции в комиссию войдет и титулярный советник Кулик, – подытожил разговор Маршалк. – А нам пора, господа.

Следователь уселся в коляску полицмейстера и уехал. Бахтин подозвал сыщиков.

– Баулин! Кровь из носа, к обеду чтобы служитель при складах Нефедов у меня был. – Слушаюсь, господин начальник.

– Поедьте, Александр Петрович, – Маршалк открыл дверцу авто, – я вас у участка высажу, в должность поеду.

Авто, погромыхивая на выбоинах, вырулило на бульги улиц.

– Господи, трясет-то как, – пожаловался Маршалк. – Все. Буду ездить в экипаже, а авто вам передам, Александр Петрович.

– Пресня, район поганый, – мрачно сказал шофер, – одни бульги. – Это техника твоя поганая, – зло ответил Маршалк, – вот «Руссо-Балт» ставит рессоры на свои авто, так едешь, как в пролетке. – Так давайте заменим, – предложил Бахтин.

– Этот «рено» нам в четырнадцатом году городская дума пожаловала. Так что кататься нам на нем до скончания века. Что-то быстро нашли злоумышленника, как думаешь ты,

Саша?

– Слишком быстро. Его нам наверняка подставили. А вот кто? – Думаешь, Коншин? – Не исключено. Больно широко живет. – Нет, Саша, это не довод.

Внезапно трясги перестало, авто вырулило на Нижне-Пресненскую улицу.

– Пристав Бойков хозяин, вот как улицу-то в порядок привел. Мостовая получше, чем на Тверской, – вздохнул шофер.

Авто сбавило ход, у дома 8, где размещался участок, стояла двуконная карета скорой помощи. Усталые лошади низко опустили головы, и казалось, что они дремлют после тяжелой ночи.

Громовой мат полицмейстера Бахтин услышал еще на пороге. Из дверей выскочил испуганный околоточный, снял фуражку и стал мелко креститься.

Он был в таком ужасе, что даже не заметил Бахтина. В дежурной комнате стояли вытянувшиеся городовые и полицейский служитель с разбитым в кровь лицом. В углу рыдал околоточный, под глазом у него, как слива, вырастал синяк,

– Двадцать лет... Ваше высочордие... Двадцать лет беспорочной службы...

– Я тебе, твою мать, покажу службу! Завтра из участка вон!

На скамейке в углу сидел Шабальский, о чем-то разговаривал с человеком в форме врача «Скорой помощи».

– Что здесь такое, Ананий Николаевич? – подошел к ним

Бахтин.

– Дрянное дело, Александр Петрович, Серегина отравили. – Совсем? – Бахтин даже не удивился. – Да.

– Что скажете, доктор, – повернулся Бахтин к врачу.

– Циан, полковник, пока могу сказать только это. Вскрытие покажет. – Где труп?

– В камере, – вздохнул следователь, – мы вас ждали. – Пристав, – крикнул Бахтин.

– Слушаю вас, Александр Петрович, – подошел Бойков. – Как вас зовут, извините? – Михаил Андреевич. – Проводите меня в камеру. – Слушаюсь.

Ротмистр, звякнув шпорами, пригласил Бахтина следовать за ним. Арестантское помещение было на редкость светлым и чистым. Чувствовалась хозяйская рука человека, служившего старшим офицером в эскадроне. У входа в камеру стоял еще один ротмистр.

– Мой старший помощник, ротмистр Гейде Степан Николаевич. Бахтин пожал протянутую руку. – Пойдемте, господа.

На полу в камере лежал молодой человек в военном кителе, с солдатским Георгием. – Дайте свету, – попросил Бахтин. Гейде зажег фонарь.

Лицо покойного исказила боль, на губах еще оставались следы пены.

– Михаил Андреевич, вы обыскивали арестованного? – Никак нет. Не успели. – Напрасно, возможно, яд был у него

в кармане.

– Позвольте вмешаться, господин коллежский советник, – звякнул шпорами Гейде, – его отравили. Яд был в передаче. – В какой передаче?

– Пришла дама, назвалась его сестрой, попросила передать продукты. Дежурный околоточный принял и передал арестованному. – Вы уверены, что яд был в пище?

– Дело-то в том, Александр Петрович, что у нас два трупа-то. – Это как?

– Городовой Синицын позарился, сукин сын, на колбасу и отхватил кусок. – Умер. – Так точно.

– Но передачу подозреваемому в уголовно наказуемых деяниях обязан был проверить чин сыскной полиции, прикомандированный к участку. Где он?

– Я, Александр Петрович, надзирателя Громова по большим праздникам вижу. У нас всю сыскную работу Степан Николаевич ведет, и, скажу вам, весьма удачно.

– Так, дилетантствую по малости, – смутился Гейде, – жизнь заставляет. – А где сейчас Громов? – Тайна сия велика есть. – Пристав закурил.

– Хорошо. А где вы были, ротмистр, когда привезли арестованного.

– Я только что вернулся из Салтыковки, забирал там квартирного вора Вахоню.

– Ясно, господа, пригласите понятых, давайте обыщем труп.

Сколько Бахтину приходилось обыскивать многочисленных покойников, а все равно не мог он привыкнуть к этому.

У него постоянно возникало чувство, что ему приходилось вмешиваться в великое Божье таинство. Потому что рождение и смерть ниспосланы нам свыше. Вот и сейчас, глядя на то, что еще несколько часов назад было молодым сильным человеком, который любил и ненавидел, страдал и радовался, Бахтин чувствовал какую-то свою неосознанную вину.

Протокол осмотра писал ротмистр Гейде, Бахтин обыскивал карманы и диктовал.

– Портсигар серебряный, с пятью папиросами фабрики Асмолова, на крышке портсигара выдавлен вид Москвы. Так, далее. Удостоверение Союза городов на имя Серегина Игоря Петровича. Номер документа 663. Теперь. Лист бумаги, исписанный наполовину. Так. Наручные часы фирмы «Павел Буре», серебряные с черной металлической сеткой, предохраняющей циферблат. В карманах бриджей... Носовой платок, зажигалка из винтовочной гильзы. Кошелек кожаный потертый. В нем тридцать четыре рубля сорок две копейки и бесплатный билет на трамвай. С карманами все. Бахтин расстегнул китель покойника. – Ну-ка, посветите мне. Так. Где доктор? – Я здесь. – Взгляните, что у него на шее. – Крест. – Да нет, вот. Смотрите. – Царапина сильная или слабый порез.

– Думаю, что, кроме креста, – Бахтин наклонился ближе, –

у него был медальон или ладанка, которую он сорвал.

– И точно, – вздохнул Бойков, – он дома все под кителем рукой шарил.

– Значит, не хотел, чтобы мы видели это, или у него кто-то сорвал, а он искал. Вы же говорите, он пьяный был. – Даже весьма. – Где его бумаги, изъятые при обыске? – В дежурной комнате.

– Ну, с этим покончено. Доктор, проведите вскрытие и обследование продуктов. А мне, господа, принесите его бумаги.

Уже доехав до редакции, Кузьмин вспомнил, что ничего не ел. За беготней, бесконечными разговорами, поисками свидетелей он забыл, что утром не успел даже выпить чаю.

Чувство голода он ощутил только на Тверской, когда на некоторое время отключился от утренних событий. Он приказал извозчику ехать в кофейню Филиппова. Конечно, лучше бы поехать в «Метрополь», но это все же далековато от редакции.

В кофейне народу, как всегда, было много. Сюда любили заглянуть после уроков гимназисты-старшеклассники. По военному времени никто уже не обращал внимания на распоряжение попечителя учебных заведений, запрещавшее ученикам посещать кофейные заведения без родителей.

Кузьмин спросил коньяка, выпил две чашки черного кофе и съел несколько пирожков. Он вышел из кофейни и закурил.

Тверская, как всегда, была нарядной и чистой. И народ по ней шел торопливо. У Елисеева стояли авто и экипажи, в которые загружали берестяные коробки со снедью.

Если бы не плакаты, не курсистки с кружками общества «Ромашка», не обилие военных шинелей, то казалось бы, что Тверская не изменилась.

Грянул где-то на Дмитровке военный оркестр, донеслись неразборчивые выкрики команд.

Нет, война все же ощущалась. И прежде всего в настроениях людей. Третий год она бушевала на Западе и Кавказе.

Первые страницы газет заполняли телеграммы с фронта о бесконечных атаках, победах и потерях. Давно уже прошел патриотический угар первых дней.

После гибели армии Самсонова московское общество поняло, что война будет затяжной и что необходимо помочь фронту.

Одни честно работали, другие находили в газетах, в списках погибших родные имена, а третьи наживали на войне огромные состояния, а где-то медленно, но страшно росло недовольство.

Царь, царица, Распутин. Царица, Распутин и германские шпионы.

Кузьмин предчувствовал надвигающиеся события и, как мог, приближал их. Его статьи с фронта калечила военная цензура, но ему все-таки удавалось кое-что сказать. Свирепствовал Цензурный комитет, вымарывая из его фельетонов

целые абзацы, но он продолжал писать так же остро и зло.

Редакция «Русского слова», помещалась рядом со Страстной площадью, на Тверской, в доме Сытина.

Кузьмин поднялся на второй этаж и в коридоре столкнулся с редактором Благовым.

– На ловца, – усмехнулся редактор, – а я вас искал, Женя. – Что случилось? – Обычные газетные дела. Пойдемте ко мне.

Они вошли в просторный кабинет Благова, уселись на диван. – Хотите выпить? – спросил редактор. – Федор Иванович, а когда я отказывался? – Что правда, то правда. Такого не помню. – Есть водка неплохая и коньяк, но неважный. – Давайте водку, коньяк я уже пил.

Благов достал из шкафа начатую бутылку «Смирновской», разлил по стаканам.

– Закусим окорочком тамбовским, сегодня принесли. Запах, доложу вам. – Редактор мечтательно покрутил пальцами. Они выпили. Водка была неплоха, а окорок просто дивный.

– Федор Иванович, – Кузьмин закурил со вкусом, – а ведь вы меня не на выпивку пригласили.

– Точно, милый Женя. Есть дело. Надо ехать на фронт.

– Федор Иванович, я понимаю, что в газете в качестве военного корреспондента аттестован я один, но есть материал. Думаю, сенсационный.

– Этот пожар. Там же Гиляровский был, репортеров ку-

ча. – Пожар-то не простой. И Кузьмин пересказал Благову утренние события.

Редактор закурил, уселся за стол. Он был прекрасным газетчиком, больше всего на свете любившим свою каторжную работу, литературу и театр.

И как газетчик понял, что можно сделать из этой истории. – Значит, ударим по Коншину. – Ударим.

– Да, господинчик, прямо скажем, поганый. Ни стыда, ни совести. По крупному играет в Английском клубе, постоянно торчит в кабаках, истории с бабами. Но тылы у него защищенные. Связи у него и в Петербурге мощные. А сейчас еще Удельное ведомство возглавил его друг тайный советник Кручинин, родственник Фредерикса. – Бойтесь? – засмеялся Кузьмин. – Вам не стыдно, Женя? – Стыдно.

– Тогда начинайте, благословясь. Сколько вам понадобится времени?

– Пока не знаю, но еженедельный фельетон буду сдавать аккуратно.

– Прекрасно. Это меня может примирить с вашим начинанием. Кстати, я слышал, что полицейское разбирательство возглавил Бахтин. – Да. – Ну, тогда материал из первых рук.

– Понимаете, Федор Иванович, меня очень интересует фигура Коншина как некий социальный тип. Вдумайтесь, человек получил прекрасное образование, но служить не пошел. Уехал во Францию покупать квартиру в Париже, роскошную виллу в Ницце. Игрные дома, дорогие женщины,

кутежи. Но в имениях своих сумел организовать дело так, что они приносили ему огромные барыши.

– Не он организовывал, – перебил его Благов, – а Шатило. Есть у него такой главный управляющий, министерская голова у мужика. Он же вложил деньги в акции всевозможные, в банк «Лионский кредит». А Коншин наш только купоны стриг.

– Да разве в том дело. Гоняет по Москве в дорогом авто из красного дерева, содержанке своей тысячные подношения делает. Без всякого стеснения. Ведь война.

– Кому война, а кому и мать родна. Вы думаете, он ворует?

– Вот это я и хочу выяснить. Вы, Федор Иванович, Мишу Павлова наблюдали сегодня?

– В репортерской отчет о вчерашних скачках пишет. – Он-то мне и нужен.

В репортерской, несмотря на открытую форточку, плавали облака табачного дыма.

Это была самая шумная и веселая комната в редакции. Бесперывно звонил телефон, сюда стекались все последние новости.

Репортеры, забубённая компания, знавшие подноготную всей Москвы, курили, смеялись, писали что-то на длинных листах бумаги.

Кузьмина встретили радостно. Его здесь любили и уважали. Любили за талант, добрый характер и желание всегда помочь товарищу.

Уважали за то, что, став известным газетным писателем, не зазнался, а был прост и весел. Помнил, что сам когда-то начинал в этой комнате репортером. Миша Павлов только что закончил писать. – Миша, ты мне нужен, – позвал его Кузьмин. – Сейчас, Женя, только гранки сдам секретарю. – Тогда приходи ко мне.

Кузьмин с большой теплотой относился к репортеру. Ему нравились пробивной Мишин характер, веселый добрый нрав.

Отец его Николай Павлов держал в Москве суконную торговлю, но Миша, окончив коммерческое училище, сбежал из скучного отцовского дома с провинциальной труппой. Отец проклял его и лишил наследства.

Несколько сезонов Миша проработал в провинции, играл любые роли, а однажды написал театральный фельетон «Провинциальные кулисы».

Его заметили, позвали в «Воронежскую газету», оттуда он и перебрался в Москву и стал репортером «Русского слова». У него было хорошее перо, острый глаз и необыкновенное умение добывать сенсации.

Жил он недалеко, на Страстном бульваре. Двери его дома были открыты для всех в любое время. Ежедневно в квартире веселились. Жена его Маша, прелестная провинциальная актриса, ныне работающая у Корша, обожала пряную, ночную жизнь.

В его доме можно было встретить актеров, писателей,

журналистов, антрепренеров, фронтовых офицеров. Одним словом, открытый дом.

В начале войны Миша окончил школу прапорщиков и несколько месяцев воевал, заработал анненский темляк на шашку и Станислава с мечами.

Но Сытин через Скобелевский комитет добился его возвращения в редакцию.

И вновь стал Миша репортерить. Он писал о бегах и театре, обслуживал для редакции московские рестораны. Был своим человеком в тайных домах свиданий, на подпольных «мельницах», знал всех грязных букмекеров.

Его веселый нрав, а главное – недюжинная физическая сила не раз выручали его в непростых ситуациях на московском «дне».

– Ну вот, – засмеялся Миша, входя в кабинет Кузьмина, – на сегодня отмотался. Ты чего, Женя? – Миша, у тебя в «Мавритании» связи есть? – Конечно. А что надо? – Надо поговорить там кое с кем. – О чем, Женя?

– Вчера там Коншин гулял с компанией, так я хочу узнать, что за люди были, когда за стол сели и когда ушли.

– Владеет рестораном мадам Матрусина, но она там не бывает. А вот управляющий Семен Семенович знает все. – Как ты с ним? – Он мне кое-чем обязан. – Давай съездим. – Телефонирuem сначала. Миша снял трубку.

– Алло... Барышня... 21-15 попрошу... Спасибо... Алло... «Мавритания»... Попросите Семен Семеновича...

Спасибо, жду... – Миша закрыл ладонью микрофон, подмигнул Кузьмину. – На месте. Алло... Семен Семенович. Павлов... Я тоже рад слышать... Слушай, Семен, мне бы с тобой по одному делу перетолковать надобно... Прямо сейчас... Жди, еду. Павлов положил трубку и сказал: – Ну что, едем, Женя, нас ждут. Лихача взяли на Страстной, сторговались быстро. – Петроградский проспект, 58.

– В «Мавританию», что ли? – спросил здоровенный возница. – Туда.

– Так и говорите. Эх! Голуби, быстрее, барин на водку даст.

Понесся рысак. Двинулась мимо Тверская в желтизне фонарей, треске трамваев, выкриках извозчиков и простуженных клаксонах авто.

Миновали Триумфальную арку, остался слева светящийся, праздничный Александровский вокзал, и лихач вылетел на Петроградское шоссе.

Через несколько минут они подъехали к «Мавритании». Швейцар, узнав Мишу, с поклоном распахнул дверь. – Пожалуйста, Михаил Степанович.

Павлов весело подмигнул Кузьмину. Мол, смотри, как людей уважают. – Семен Семенович... – Приказали проводить в фонтанный.

У них приняли пальто, и человек без лица, одна почти-тельно согнутая спина, повел их по мрачноватому коридору, освещенному странными, похожими на кальяны фонаря-

ми. – Сюда-с. Человек-спина распахнул дверь.

В красноватом полумраке журчал фонтан, подсвеченный разноцветными лампочками.

Видимо, по задумке художника, здесь все должно было напоминать восточный дворик.

Из-за инкрустированного перламутром стола поднялся высокий человек с лицом «благородного отца» из провинциального театра и поспешил навстречу гостям.

– Порадовал, Миша, порадовал, – поздоровался он хорошо поставленным актерским голосом, – может, закусим, чем Бог послал, время-то к ужину? Сели за стол, выпили по первой.

– Какое дело ко мне, Миша? – поинтересовался Семен Семенович.

– Семен, голуба, нас интересуешь, как у вас вчера Коншин гулял? – Миша, ты же знаешь... – Знаю, Сеня, но нам это знать непременно надо. – Они сначала в общем зале гуляли. – Кто?

– Господин Дергаусов, мадам Вылетаева и молодой человек. – Какой молодой человек? – вмешался Кузьмин.

– Я его второй раз вижу. В форме, на погонах три звездочки, крестик солдатский на кителе.

Гуляли широко. Только молодой человек, чин-то я его не разобрал, кто их поймет, земгусаров-то, напился быстро и сильно.

И Дергаусов официанту велел перенакрыть стол в садовом

кабинете, мол, отвезут бедолагу домой и вернутся. Официанты молодца вывели и в авто к Дергаусову. – А шофер?

– Шофера не было. Господин Дергаусов сам машиной управлял. Он еще швейцара попросил заводную ручку крутануть.

– Ну а дальше? – Мише не терпелось узнать финал.

– Часа через два вернулись, потом господин Коншин с мадам Вылетаевой подъехали, начали гулять. А под утро их к аппарату вызвали. Тут-то они и засобирались.

Да что вы все о деле и о деле. Евгений Иванович, закусывайте, я ваши корреспонденции с фронта от строчки до строчки читал, да и по московским делам вы пишете здорово, одна история с Распутиным дорогого стоит. Они посидели еще полчаса и начали прощаться. У самых дверей Семен Семенович сказал:

– Господин Коншин у нас бывает часто и гуляет широко, но...

– Я понимаю, Семен Семенович, – успокоил его Кузьмин, – тайна вкладов. – Именно.

Когда журналисты ушли, Семен Семенович надел пальто и шляпу.

– Я на часок отъеду, – сказал он помощнику, – так что ты смотри.

У дверей ресторана стояли уже постоянные лихачи, ожидавшие веселые компании.

Семен Семенович сел в коляску и приказал ехать на Ма-

люю Грузинскую. У небольшой темной арки он вышел, кинув лихачу: – Жди.

Пройдя темной аркой, он вошел во внутренний двор и мимо палисадника прошел к дверям подъезда, поднялся на второй этаж.

На площадке было темно, и Семену Двигубскому даже не по себе стало, казалось, что кто-то стоит за его спиной.

Он похлопал по двери, нащупал язычок звонка, повернул. – Кто? – спросил мужской голос. – Я, Семен, открывай, Андрей.

Дверь открылась, желтый свет из прихожей осветил замусоренную лестничную площадку, и Двигубский обернулся. За спиной никого не было. – Ты что, Семен? – спросил хозяин. – Да так, ничего, нервы. – Валерьянку пей. Ну заходи, чего стал? – Ты один? – Да.

Квартирка была небольшой. В две комнаты. Обстановка старая, от деда, почтового чиновника, осталась.

На ее фоне современные дорогие вещи, пепельница серебряная, английские часы «Нортон», изящные безделушки казались забытыми здесь случайно.

– Заменял бы ты это старье, Андрюша. – Семен Семенович сел на жесткий диван. – А зачем? – Смог бы людей принимать, женился бы.

– Ты все об этом, Семен, у тебя дело или так просто?

– Были у меня сегодня писаки, интересовались Коншиным. – Значит, пожар не просто так был? – Видать, да.

– Сеня, купца Масленникова мы вытряхнули, так ему деваться было некуда. Он больше всего на свете боялся, что полиция узнает о тухлых консервах, которые он армии поставил, а Коншин...

– А на него никто и не лезет! Дергаусов и его мадам.

Хозяин дома закурил дорогую папиросу, помолчал.

– Что мы знаем об их делах? Поставляют для армии гнилье! Дергаусов человек битый, у него связишки есть. Пойдем на фу-фу, вполне прирезать могут. – Неужели боишься?

– Да нет, мы с тобой сами кого хочешь замочим, но надо наверняка. Твой человек в сыскной поможет? – А куда ему деваться. Сколько он от нас поимел.

– Тогда я к нему поеду прямо сейчас. Пусть узнает, да нам ниточку даст.

– А нам много и не надо. Дергаусов сегодня опять кабинет заказал, может, его под утро-то и прижать? – Рано, Семен, рано. – А если его мадам дернуть? – Уж больно продувная баба. Подумаем. – Думай, а я поехал.

Больше всего на свете полицейский надзиратель Кузьма Баулин любил свою работу. Любил за то, что она давала ему власть над людьми. Пусть не большую, но пьянящую.

В своем мирке, в котором он постоянно вращался, профессия его была покрыта ореолом тайны и некоего могущества. Приказчики, хозяева трактиров, владельцы публичных домов, бильярдные жучки и уголовники относились к нему с почтением и страхом.

Среди московского жулья ходили легенды о его физической силе и ловкости.

А ведь когда-то в городском училище любой мог отлупить его.

Но в их доме жил цирковой борец Антощенко, выступавший под звучным псевдонимом Черная Молния; он-то и пристрастил мальчонку к гилям, и ко дню окончания училища Кузьма спокойно крестился трехпудовиком. Потом он работал в цирке. Борец из него не вышел, он был нижним в группе акробатов.

В полицию его определил крестный, околоточный надзиратель. Он окончил школу полицейского резерва и попал в сыщики. Нынче он был полицейским надзирателем первого разряда, но экзамен на первый гражданский чин сдавать не хотел. Его устраивала нынешняя веселая жизнь.

Служил Кузьма хорошо и уже готовил почву для перехода на хлебную должность сыскным надзирателем при Пресненской части.

Служитель Нефедов Никодим Лукич, из крестьян Сергиевопосадского уезда проживал в Малом Тишинском переулке в доме Скорятина, в первом этаже.

Когда Баулин подошел к дому, то увидел крепкого мужика, затаскивающего в квартиру мешки с картошкой.

– Ты, братец, Нефедов будешь? – спросил его Баулин. – Мы. – Я из сыскной. – Кузьма показал значок.

– Из полиции, значит? – без тени испуга и почтения пере-

спросил Нефедов.

– Из нее, сердешный. Ты мешочки-то свои брось, со мной пойдешь. – Это еще зачем?

– А затем, дядя, чтобы поговорить с тобой о том, кто складь на Пресне поджег. – Как поджег? – Атак, взял да запалил.

– Мы этого не делали и нам ехать никуда не надобно.

– Ишь ты, – разозлился Баулин, – значит, для тебя приказ полицейского офицера ничего не значит?

Он специально для солидности назвал себя офицером. Но даже этот громкий титул не произвел на Нефедова впечатления.

– Офицер он и есть офицер, а вы, господин, больше на приказчика смахиваете.

Вот этого Кузьма пережить не мог.

Он схватил Нефедова за грудки и ударил спиной о стену.

– Ты что же, рвань, сопротивляешься чину сыскной полиции?

На шум из дома выбежал мрачный мужчина с ломом в руках. Тут Баулин и достал браунинг. – Брось лом, пристрелю.

Но мужик, видимо, не очень испугался и продолжал наступать на Кузьму, сбоку заходил оправившийся Нефедов. Кузьма сделал шаг назад и дважды выстрелил в воздух.

Мужик выронил лом, присел и смешно, как краб, заполз в подъезд. Нефедов испуганно остановился.

В окнах дома замелькали встревоженные лица. Пронзительная трель полицейского свистка раздалась при входе во

двор. Гремя сапогами, вбежали двое городских.

Они знали Кузьму, поэтому начали действовать проворно и споро.

Нефедову скрутили руки ремнем, мрачного мужика извлекли из дома, кликнули извозчика и повезли задержанных в Гнездиновский.

Бахтин пережил неприятные минуты, когда поехал в Лебяжий переулочек, к матери Серегина.

Вместе с помощником пристава Гейде они позвонили в дверь. Открыла молоденькая горничная. – Нам госпожу Серегину.

Горничная не успела еще ничего ответить, как в коридоре появилась высокая дама в сером домашнем платье. – Я вас слушаю, господа.

Бахтин и Гейде сняли фуражки, не зная, как начать этот разговор. – Так я слушаю вас.

– Госпожа Серегина, – сказал Бахтин, – я должен сообщить вам... – Он застрелился? – Нет, его отравили.

Гейде шагнул к Серегинной, пытаясь взять ее под локоть. – Не надо, господа, – тихо сказала она, – прошу вас в комнату.

Серегина оперлась о большой круглый стол, Бахтин и Гейде так и остались стоять в дверях гостиной. – Значит, мой сын невиновен? – Наверняка ничего сказать не могу, мадам.

– Меня зовут Елена Ильинична. Вы, господа офицеры, занимаетесь этим расследованием? – Так точно.

– Конечно, мои слова мало что изменят, но я повторяю, мой сын невиновен. – Рад буду доказать это. – Бахтин наклонил голову. – Так что вам угодно нынче?

– Госпожа Серегина, преступница, передавшая отравленные продукты вашему сыну, назвалась его сестрой. – Моя дочь не выходила из дома.

– Госпожа Серегина, есть правила, которые мы, чины полиции, обязаны неукоснительно соблюдать. В пролетке находится околоточный, принявший передачу у женщины, назвавшейся вашей дочерью, мы обязаны провести опознание. – Поступайте, как велит закон. Ольга!

В гостиную вошла хорошенькая блондинка с огромными синими глазами. – Игорь умер, Оля, – сказала мать.

Она произнесла это настолько буднично, словно говорила о ценах в бакалее. Девушка вскрикнула и села на диван. – Приступайте, господа. Гейде спустился вниз и привел околоточного. Тот опасливо вошел в гостиную. – Она? – спросил Бахтин. – Никак нет, та фигуристая была, больше в соку. – Старше, что ли? – Так точно.

– Ротмистр, составьте протокол опознания. Мадемуазель, я вас больше не задерживаю. Мадам, у вашего покойного сына нет двоюродных сестер или родственниц? – Нет.

– Мадам, я понимаю, что наношу вам рану, горе слишком свежо, но я просто вынужден задать несколько вопросов вам и Ольге. – Выполняйте свой долг, господин полковник.

И вот он впервые сидит в своем новом кабинете. Вернее,

впервые у него собственный кабинет с табличкой на дверях, где обозначены его фамилия и чин. А у входа, за маленьким столом, канцелярский служащий расположился – личный секретарь.

Нынче у него есть казенное авто, начальник предпочитает выезд. В общем, новая жизнь. Только работа старая.

Бахтин вместе с ротмистром Гейде изучал бумаги, изъятые у Серегина при аресте.

Ничего особенного. Два письма с фронта от бывших сослуживцев, рабочие записи, поздравительная открытка, счет от портного, накладные старые.

Ничего, что могло бы дать хоть какую-нибудь зацепку. В кабинет заглянул секретарь.

– Александр Петрович, Баулин свидетеля привез.

– Степан Николаевич, – Бахтин протянул Гейде бумаги, – телефонируйте Бойкову.

Через несколько минут Баулин ввел в комнату Нефедова.

– Господин начальник, задержанный Нефедов вместе со своим братом напали на меня. – Это как же?

– Пришлось стрелять, иначе они бы меня ломом оглушили.

– Ты что это, братец, – Бахтин подошел к Нефедову, – на полицейского чина руку поднял? – Никак нет, ваше высокоблагородие, мы к полицейским чинам с нашим уважением, а этот господин навроде приказчика. – Он тебе значок показывал?

– Мы, ваше высокоблагородие, в этом не понимаем. Вот вы – полицейский, а они не ведомо кто. – Давно из деревни? – Второй год. – Где ты был вчера?

– Потому как господина городского у склада поставили, мы в деревню у управляющего Борис Андреевича отпросились, за картошкой. – Деревня далеко? – Под Сергеевым Посадам. – Ехал на поезде? – Так точно. – А билет сохранил? – А как же.

Нефедов достал из кармана поддевки огромный темно-вишневый бумажник, порылся в нем, вынул два прямоугольника. – Вот они, туда и в Москву. Бахтин взял билеты. Все правильно.

За дверью малиново запели шпоры, в комнату без стука вошел пристав Бойков.

Он от дверей посмотрел на задержанного и отрицательно покачал головой.

– Скажи, Нефедов, – Бахтин встал из-за стола, – а кто, кроме тебя и городского Полуянова был на складе? – При мне никого не было.

– А ты, братец, – вмешался Бойков, – не встречал такого человека: росту среднего, лицо узкое, усики, одет в пальто синее и кепку серую.

– Нет, ваше высокоблагородие, по складам много всякого народа шастает.

– Ладно, иди, – распорядился Бахтин. – Баулин, составь протокол. – А нападение? – Разберись сам.

Баулин увел Нефедова, а пристав достал из кармана бутылку коньяку.

– Замерз что-то. Натуральный «Финь-Шампань», может, оскоромимся с чайком? Пока пили чай, Бахтин спросил пристава:

– Михаил Андреевич, вы больше ничего не заметили?

– Ну усы, ну вид жуликоватый. Постоите, он закуривал при нас. Портсигар у него серебряный с портретом Скобелева.

Они выпили чай с коньяком, и Бахтин немного взбодрился. В дверь опять заглянул секретарь. – К вам коллежский советник Шабальский. Следователь вошел в кабинет, повел носом: – Коньячишко пьете? – Сейчас и вам чаю спросим.

– Александр Петрович, я же живу здесь рядом, вот и зашел, новенькое что-нибудь есть?

– Ананий Николаевич, картина преступления ясная. – Бахтин закурил. – Нашелся честный интендантский офицер и забраковал большую партию шинелей, сапог и папах. Более того, он написал рапорт и передал его по команде в контрразведывательное отделение Штаба округа. Те переслали его нам. Чиновник для поручений Кулик вместе с представителем городона начальства Беловым, сей склад опечатали и поставили полицейский пост.

И склад горит. Злоумышленники не знали, что сторожка недавно заново из кирпича сложена, поэтому и вытащили

труп городского.

Городовому стреляли в затылок в тот момент, когда он пил коньяк.

Преступников было двое. Один носит военные сапоги большого размера, у второго нога небольшая и был он в остроносых ботинках.

Полюянов знал или обоих, или одного из преступников. Судя по отзывам пристава Бойкова, покойный служил хорошо.

Теперь о Серегине. Характеризуют его сослуживцы самым плохим образом. Мол, пил, шляется по кабакам, имел любовницу, дарил ей дорогие подарки.

Это говорит Дергаусов и его сотрудники. Господин Кулик встретился нынче с людьми, знавшими покойного. – С кем? – спросил следователь.

– С канцелярскими служащими, с двумя поставщиками. Они говорят о нем, как о скромном и весьма честном человеке.

Дергаусов сообщил, что Серегин постоянно играл в Купеческом клубе и на бегах.

Надзиратель Кац, обслуживающий бега, не опознал его по фотографии. Мать и сестра Серегина показали, что тот отдавал в дом жалованье, не пил, а карты вообще в руки не брал.

На шее покойного мы нашли глубокую царапину или легкий порез. Мать Серегина показала, что когда раздевала пьяного сына, то обратила на нее внимание. Сестра покойного

пояснила, что брат носил на шее золотой медальон с женским портретом.

По ее словам, Серегин был влюблен в какую-то женщину по имени Наталья.

Кулик установил, что у Дергаусова есть содержанка, актриса, снимающаяся в фильмах кинокомпании «Рубин, Талдыкин и КО», Наталья Вылетаева.

Серегин был арестован в час ночи. Пожар возник в одиннадцать, мать показала, что Серегин приехал домой в десять минут первого.

В своих показаниях он нарисовал несколько странную картину. Смотрите. «В половину одиннадцатого я приехал на склад, застрелил городского, где не помню...»; дальше: «...стрелял в него из нагана». Прошу обратить внимание. Бахтин достал из стола наган.

– Это оружие Серегина. Из него не стреляли несколько месяцев. Городовой убит из браунинга «Клемент», калибр 4,5. Бахтин положил оружие на стол.

– Браунинг отделан серебром, ручка перламутровая. Оружие дорогое. Думаю, что его не следует искать у торговцев-оружейников. Он куплен не в Москве.

– Почему вы так думаете? – живо заинтересовался Гейде.

– Больно заметное оружие и дорогое. По моему заданию сыщики объехали московских оружейников, никто пистолетик не признал.

Теперь о слугителе Нефедове. Господа Севенард и Бой-

ков увидели человека, который заявил, что он Нефедов. А подлинного служителя на месте не было. О его отъезде знал управляющий.

– Александр Петрович, – Гейде встал, – я сейчас поеду к нему домой, доставлю в участок. – Там он у нас заговорит, – хохотнул Бойков.

– Не надо, господа, подождите до утра, надо выяснить – кто слышал разговор Нефедова с управляющим. – Где Нефедов? – спросил Бойков. – В соседней комнате. Бойков скинул наброшенную на плечи шинель. – Сейчас он у меня все расскажет. Пристав вышел.

– Господа, – продолжал Бахтин, – здесь явная шайка. Один из нее лже-Нефедов, некая красивая дама, назвавшаяся сестрой Серегина, и человек, носящий офицерские сапоги.

Теперь о махинациях отдела снабжения. Они все валят на Серегина, но подполковник Княжин даже не упомянул его в своем рапорте. Надо его срочно разыскать.

– Не найдете вы его, господа, – сказал вошедший Маршалк, – убит подполковник. Сегодня вечером. Зарезан ножом и ограблен. – Как так? – Шабальский вскочил.

– А очень просто. У него при себе было двадцать тысяч ремонтных денег, о чем прознали разбойники. В подворотне в Армянском переулке его ножом и пырнули. Забрали портфель, часы, наган, портсигар золотой. – Что еще было в портфеле? – Бахтин вскочил. – Только деньги. – А докумен-

ты какие-нибудь? – Не было.

– Ананий Николаевич, надо срочно обыскать квартиру Княжина. Но сделать это тайно. – Зачем? – Они искали документы.

– Кстати, – Маршалк взял стакан чаю, – дворник показал, что во дворе болтался человек, очень похожий на того, кто подвод к Серегину дал. – Карл Петрович, я беру Косоверьева, Баулина. – Позвольте мне с вами, – попросил Гейде.

– Конечно. Только пойдите к гримеру, возьмите пальто штатское, кепку или шляпу да шпоры отцепите.

Подполковник Княжин, находясь в Москве, жил у сестры в Армянском переулке. Ее муж, капитан, воевал на Кавказском фронте.

Смерть брата она переживала тяжело и разговаривать с ней было трудно.

Но помог племянник Княжина, гимназист, он показал комнату дяди.

Документов никаких не оказалось. Правда, в столе Бахтин нашел недописанное письмо:

«Милый Серж! Сообщаю тебе, что я плотно застрял в Москве. Здесь творится такое, что не поддается описанию. В отделе заготовок Земсоюза окопались истинные разбойники, они поставили мне гниль, сулили деньги огромные, но я категорически отказался. Очень помог мне бывший прапорщик Серегин. Он единственный честный человек в этом воровском болоте. Конечно, я подал рапорт по начальству,

нашел нового поставщика, присяжного поверенного Усова, у которого пока храню все документы.

Чем дело закончится, не знаю, на меня жмут и даже угрожают. Но не беда. Ты же знаешь, Серж, что я человек не трусливый...» На этих строчках письмо обрывалось.

– Степан Николаевич, – Бахтин подошел к Гейде, – снимайте пальто, маскарад отменяется. Господин гимназист, найдите, будьте любезны, старые ненужные бумаги. – Любые? – радостно спросил гимназист. – Какие не жалко. Мальчик принес несколько старых тетрадей.

– Отлично. Косоверьев, сделайте пакет и опечатайте его. – Зачем? – с недоумением спросил чиновник.

– Делайте, как я сказал. Баулин, дворника немедленно.

Потом они составили опись, запечатали пакет в присутствии дворника, заставив его расписаться в протоколе.

– Иван, – Бахтин вывел Косоверьева в коридор, – ты с Баулиным пока останешься здесь, в дворницкой, я пришлю срочно двух наружников. К дворнику должны подойти, я это чувствую.

Бахтин приехал в сыскную, срочно послал людей к Косоверьеву и выяснил адрес Усова. Проживал он в Богословском переулке, угол Большой Дмитровки, в доме Кабановых. Квартира номер двадцать в бельэтаже.

Бахтин пошел пешком. Да чего здесь идти было. Перешел Тверскую, прошагал Козицким, вот и Большая Дмитровка, а там Богословский.

Седой швейцар распахнул дверь, но, увидев полицейского в высоком чине, даже не спросил ничего.

Бахтин поднялся в бельэтаж и увидел обитую красной кожей дверь с сияющей медной дощечкой «Присяжный поверенный Усов П. Ф.». Бахтин усмехнулся и позвонил. Дверь открыла прехорошенькая горничная. – Петр Федорович дома? – Как доложить прикажете? – Скажите, из полиции.

Горничная исчезла в комнате, а Бахтин оглядел прихожую. Ничего лишнего, все дорого, но со вкусом. В прихожую, надевая сюртук, вышел Усов. – Вы? – изумился он. – Как видите. – В чем дело? – Вы будете держать меня в прихожей? – Простите, прошу в кабинет. Кабинет Усова был строг и элегантен. – Как у вас красиво, – не сдержался Бахтин. – Нравится? – обрадовался Усов.

Он понял, что раз криминальный говорит о стиле, значит, серьезного дела нет. – Извольте садиться. – Благодарю. – Бахтин сел и закурил. – Кофе, чай, коньяк, закусить.

Бахтин хотел отказаться, но вспомнил, что с ночи ничего не ел, а главное, сегодня к Усову он претензий не имеет. Более того, у него был один маленький план, родившийся прямо в этом элегантном кабинете. – Пожалуй, закусить. Усов позвонил. Появилась горничная.

– Даша, нам закусить и коньяка. Не откажитесь, Александр Петрович. – Думаю, у вас коньяк хороший. – Правильно думаете.

И пока горничная сервировала маленький стол, Бахтин

разглядывал прекрасные картины Левитана и Коровина. –
Прошу. – Усов налил по первой.

Бахтин выпил, и голод стал еще острее. Несколько минут он ел, не думая ни о чем.

Усов еле успевал ему подкладывать закуски в тарелку.

– Ох, не мед сыскная служба, оголодали вы, видать. Не обедали? – Я даже не завтракал. Они выпили по второй, и Бахтин перешел к делу.

– Петр Федорович, несколько часов назад убит подполковник Княжин.

Усов выронил вилку, и она со звоном упала на серебряный поднос. – Не может быть!

– К сожалению, правда. У него похитили портфель с крупной суммой денег, часы, портсигар, оружие. Но я точно знаю, что шли они за бумагами, отданными вам на сохранение. – Откуда вы знаете?

– Такая уж профессия. Думаю вам их держать просто небезопасно, потому... – Их нужно отдать вам? – усмехнулся Усов. – Именно. И не только отдать, но и объяснить смысл каждой. – Нечто вроде бесплатной консультации.

– Почему, я могу выдать вам деньги, но боюсь, сумма вам покажется смехотворной. – А если я не отдам?

– Петр Федорович, вы меня знаете давно. Я телефонирую в Гнездниковский, вызову...

– Не меняетесь вы, Александр Петрович, и чин на вас, и должность видная, и Владимир на шее, а все такой же.

– Петр Федорович, о моей карьере потом. Что с бумагами? – Что поделаешь, придется отдать.

Усов подошел к шкафу, открыл створку, под ней размещался массивный сейф с цифровым замком. Набрал число, повернул ручку, запели куранты, наполнив комнату тонкой печальной мелодией.

Хлопнул дверью сейфа. Замолчали куранты. Усов положил на стол пакет. – Здесь все. – Вы обещали растолковать мне их смысл. – Извольте.

В прихожей раздался резкий звонок. Голоса, шаги по коридору, звон шпор. Дверь в кабинет распахнулась, и вошел Рубин.

– Какой гость у тебя, Петя, – белозубо засмеялся Рубин, – его в натуре впервой вижу, ранее все более на дагерротипах наблюдал. Рубин шагнул к Бахтину. – Давайте знакомиться. – А зачем? Я вас, Григорий Львович, знаю распрекрасно. – Бахтин даже не встал. Курил, насмешливо поглядывая на Рубина.

– Напрасно вы так, – огорчился Григорий Львович, – одно дело, когда вы сыщиком были, а совсем другое нынче, когда при вас вполне достойная должность.

– Вы ошибаетесь, – насмешливо ответил Бахтин, – у меня одна должность – ловить. – Но вы же не, – Рубин запнулся, – собака.

– Вы хотели сказать, легавая. Не стесняйтесь, меня это несколько не обижает. Я легавый был, есть и умру им. – Я ви-

жу, вам неприятно мое присутствие.

– Как сказать. Я же вас натурально тоже вижу впервые. Тем более в форме Земсоюза, а знаю вас давненько, лет восемь. Помните историю с ломбардом?

– Что-то читал в газетах. Значит, дружеского чая у нас не получится.

– Думаю, что нет. Смешно пить с человеком, дважды посылавшего к тебе убийц.

Рубин засунул руки в карманы бриджей и начал раскачиваться с носка на пятку. – А вы опасный человек. – Смотря для кого. – Это верно. Вас я не боюсь.

– А меня и не надо бояться. Я представляю Закон империи, вот его вы и опасайтесь.

– Ну что ж. Хоть застолья и не получилось, я все равно уважаю вас.

– Знаете, я вами тоже восхищаюсь. Эдакий современный Рокамболь.

– И на этом спасибо. Только помни, сыскарь, я никому ничего не прощаю.

Бахтин встал, примериваясь, как засадить Рубину по морде. Тот понял и отскочил в сторону.

– Боишься, Лимон. Мне на память твою наплевать. А пугать будешь фраеров. Я таких, как ты, десятка два на каторгу отправил.

– Господа, господа, – вмешался Усов, – ну как же так?

– Ничего, Петя, – Рубин достал портсигар, сверкнув-

ший бриллиантовой монограммой, закурил. – Ничего. Мы с господином коллежским советником душевно поговорили. Выйдем на минуточку, пошептаться надо. Вы уж нас простите, господин Бахтин, коммерческие дела. В столовой Рубин зло надвинулся на Усова. – Ты что, в сексоты подался? – Не мели чушь. Княжина убили. – Когда? – Несколько часов назад.

– Ах, суки, такого человека. А этот, конечно, за бумагами приперся. – Уж я не знаю, как прознал.

– Талант, – восхищенно сказал Рубин, – светлая голова. Он один всей полиции этой недоношенной империи стоит. Думаешь, Дергаусов Княжина подмочил? – Думаю, его людишки.

– Ну что, Петя, сдай их Бахтину. Конкурентов уничтожать надо. А когда сыскарь их заловит, я Коншина этого крепко захомотаю. – Уж план есть?

– Конечно. Коммерция – та же война. Ну иди, Петя, расскажи ему все.

Бахтин проснулся оттого, что кошка Луша залезла на подушку и начала лизать его щеку.

Он нащупал рукой маленький теплый комочек и начал ласково поглаживать шелковистую спинку. За темными окнами простучали колеса извозчика.

В комнате было тепло и тихо, и он опять заснул, чувствуя рядом ласковое, привязанное к нему существо. Проснулся он поздно, за окном уже светало.

Бахтин долго лежал, предаваясь сладкому ощущению покоя, стараясь думать о кошке, мелких домашних делах, гоня от себя мысли о работе. Надо было вставать, пока молчал телефон. Он встал, вызвав тем самым недовольство Луши, вытянул из-за шкафа гири и начал гимнастику.

Постепенно он почувствовал, как начала пульсировать кровь, как мышцы наливались приятной тяжестью, как светлела голова.

Вчера, придя домой, он дал себе зарок не думать о деле. Мозгам необходима была передышка. Уж слишком напряженно он работал прошлую ночь.

Потом Бахтин долго стоял под ледяным душем и вышел к столу свежий и помолодевший лет на десять. Завтракал он неторопливо и после кофе закурил.

Вот тут-то он и спустился из своего Эдема на грешную землю и понял сразу, что весь смысл откровения Усова сводился к простой конкурентной борьбе.

Хотя кое-что он уяснил. Теперь ему было ясно, кто стоял за убийствами и поджогом. Безусловно, Дергаусов.

Княжина убили из-за каких-то документов. Если Усов, в этом Бахтин не сомневался, отдал ему все, то, значит, у кого-то еще находились бумаги, компрометирующие компанию господина Дергаусова. Но у кого?

Убитый подполковник мог передать их только человеку, которому доверяет. Серегину. Но у него ничего не нашли. На шее покойного был медальон. Кто-то сорвал его.

Сестра сказала, что медальон был с женским портретом. Зазвонил аппарат. – Бахтин у телефона. – Это Кулик. – Слушаю вас.

– Сыщики показали фотографию Серегина во всех клубах, где разрешена карточная игра. Его никто не знает.

– Прекрасно, а вам не удалось восстановить его день перед поджогом? – Пока нет. Но я стараюсь. – Хорошо. Бахтин положил трубку. Кулик не сообщил ему ничего нового. Бахтин вновь поднял трубку. – Барышня, 52-26, пожалуйста. – Соединяю. – Алло, – на английский манер ответил Кузьмин. – Женя, здравствуй. – Здравствуй, Саша. Что нового? – Много чего, еще одно убийство.

– Да что ты. У меня для тебя есть новости, приезжай в редакцию.

Бахтин начал собираться. Перед отъездом он основательно обновил свой гардероб. Хороший портной сшил ему три пиджачных костюма. В Английском магазине он приобрел прекрасное двубортное пальто и даже на Невском купил новинку – продолговатые наручные часы. Он надел темно-серый в елочку костюм, завязал галстук, скрепил его серебряной булавкой. Посмотрел на себя в зеркало и остался доволен.

Внезапно кто-то позвонил в дверь. Марии Сергеевны не было, она ушла к ранней обедне, поэтому Бахтин пошел открывать. На пороге стоял человек в кепке и потертом пальто.

– Вы, – начал Бахтин и узнал Митю Заварзина. Господи,

как он изменился с момента их последней встречи. Отечное лицо, мешки под глазами. Такие лица бывают у больных или сильно пьющих людей.

Куда делось его парижское щегольство. Помят и небрежен был его давнишний знакомец. – Пусти меня, Саша. – Заходи. – Ты должен меня спрятать.

– Я тебе ничего не должен, – холодно ответил Бахтин. Аи да Белецкий! Вот спасибо, господин сенатор. – Ты спас нас в Париже...

– Что ты несешь? Кого я спас? При чем здесь Париж? – Саша, за мной гонятся.

– Это твоя судьба, Митя. Ты бежишь, тебя догоняют. А откуда ты узнал мой адрес? Я несколько дней, как из столицы. Только не говори, что прочитал его в книге «Вся Москва». Не надо. – Ты обязан мне помочь.

– Вот это мило. Почему я тебе обязан. Берем самый простой вариант. Ты социалист. Кажется, большевик, я, право, слабо разбираюсь в ваших учениях. Ты желаешь уничтожить строй, которому я служу, а он за это платит мне неплохое жалованье.

Я не политик. Я криминалист. Поэтому крайне глупо тебе приходиться к такому опытному сыщику, как я. Что у тебя было в Париже, я не знаю и знать не хочу. Но хочешь, расскажу тебе притчу. – Ну.

– Жили-были два друга. Один попал в беду, а второй рискнул и предупредил его. Правда, их было трое и один оказал-

ся доносчиком.

– Как ты смеешь, – как-то неестественно, по-актерски выкрикнул Заварзин.

– Смею, милоч. И вот что тебе скажу. Кончай пить, видишь, как у тебя поутру рученьки трясутся. Пошли. – Он привел Заварзина в кухню, достал графин, налил до краев фужер.

– Пей. Это единственное, что я могу сделать для тебя.

И потому, как жадно его дружок схватил фужер, как трудно дергая кадыком, он пил, Бахтин понял, как именно его завербовал Мартынов. Взял по пьянке, как фраера. – А теперь иди.

– Ты, – Заварзин заговорил звучнее, жесты у него стали точными, – гонишь друга. Помни, когда победит революция.

– Любой революции нужны криминалисты. Иначе вас жулье снова в подполье загонит. Иди, Митя, кланяйся от меня Мартынову. – Как ты смеешь, сволочь!

– Смею. Пошел вон, а то городского кликну.

Нет, не лицо бывшего друга сказало Бахтину, что он прав. Спина. Те несколько шагов от кухни до двери рассказали ему всю горькую одиссею человека, ушедшего в революцию и ставшего платным агентом охраны.

Это была спина поверженного, сломленного, потерявшего совесть. Об этом говорила преждевременная сутулость и выцветшие швы когда-то модного парижского реглана.

И стоптанные каблуки говорили о бедности. И бахрома на

брюках кричала о том, что их хозяин чаще заходит в трактир, чем в конфекцию.

После разговора с Семеном Семеновичем Андрей Дранков наметил точный план действий. Он не поехал в «Мавританию».

Сегодня он снимал Наталью Вылетаеву. В их ателье пеклась новая мелодрама «Сердце, успокойся». Главную роль играла Ольга Орг, Вылетаева была развратной искусительницей.

Андрей Дранков начинал как фотограф, потом освоил кинокамеру и стал оператором.

У него была своя камера «Эклер», что придавало ему некую независимость. Снимал он неплохо как кинодрамы, так и видовые фильмы, имел освобождение от воинской службы, работая при Скобелевском комитете.

Его видовые съемки с фронтов часто показывали в электротеатрах, платили ему хорошо. Но всего этого не хватало для приобретения собственного кинопластинного ателье, а впоследствии и парочки кинематографов.

Пару раз, вместе с Семеном, ему удавалось снять неких людей в отдельных кабинетах «Мавритании».

За пластинки они получали неплохие деньги. Но этого было мало, тем более что Андрей не любил ограничивать себя.

Ежедневные посещения кафе «Бом», где собирались актеры, режиссеры, операторы и прочий кинолюди, кафе «Око», где вершили дела кинофабриканты, стоили немало. Тем бо-

лее что Дранков был человек широкий и веселый.

Сегодня он работал в ателье фирмы «Кинотворчество» на Тверской.

Он пришел, когда художник заканчивал монтаж декораций. К нему подошел режиссер Винклер: – Ну что, Андрюша, как декорации?

– Здорово. Этот Томашевский талантливый парень. Какое решение, белые стены и темные костюмы! Здорово! – Посмотри со светом, Андрюша. – Сейчас, Боря. Эй, Леня! Включи свет.

Ярко вспыхнули лампы, Дранков приник к визиру аппарата.

– Тени! Тени! Переставь лампы, Леня! Так! Так! Вот хорошо.

– Здравствуй, Андрюша. – Оля Орг поцеловала его в щеку. – Я сегодня к тебе приеду, – прошептала она на ухо. – Хорошо, милая. ~ Где Вылетаева? – Крикнул Винклер.

– Я здесь, Борис Борисович. – Из-за колонн декорации появилась красавица брюнетка в костюме жокея.

– Конечно, из нее актриса, как из дерьма пуля, – тихо сказал Винклер, – но хороша. И публика ее любит. – Хороша, – согласился Андрей.

Винклер пошел к артистам, а Дранков присел на стул и закурил.

Он смотрел, как режиссер разводит первую сцену, и думал о том, что сделал бы это иначе, более экономично и вы-

разительно.

Одна из маленьких кинофирм, которых развелось на Тверской, как грибов после дождя, предложила ему как режиссеру делать ленту.

Но он не верил мелким киножучкам, тем более что расплачивались они после продажи фильма.

Нет, пожалуй, будет он по-прежнему снимать как оператор. Никакой головной боли. Ассистент режиссера ударил в медный таз. – Приготовились. Андрей припал к аппарату. – Съемка, – рявкнул Винклер. Андрей закрутил ручку камеры.

Трещала камера, гудели лампы прожекторов, кричал Винклер, носились по павильону плотники, меняя декорации. Наконец наступил перерыв.

– На сегодня все, – сказал Винклер. – Опять этот сукин сын Худолеев не явился. – Они в запое, – пояснил ассистент.

– Вычтем из договора за неявку, – сказал появившийся хозяин. – Рублем его вылечим, рублем. Андрей Васильевич, – обратился он к Дранкову. – Ко мне вчера из Скобелевского комитета приходили, просят сделать фильму о посещении государем войск. Уж будьте ласковы, смонтируйте. – Сколько? – Не обижу. – Это не разговор.

– Договор готов, зайдите нынче в пятом часу в «Око», там и подпишете. – Хорошо.

К Дранкову подошла Вылетаева, соблазнительная и порочная. – Андрюша, дай папиросу, мои в гримерной. – Изволь, Наташа, только у меня крепкие. – Ничего.

Они закурили, и Дранков понял, что актриса хочет ему что-то сказать. – Ты насчет крупных планов, Наташа? – Нет, Андрюша, у меня к тебе дело. – На сорок тысяч? – засмеялся Дранков.

– Может, и больше, – таинственно усмехнулась Вылетаева, – ты проводи меня.

Наташа жила рядом в доме, который все москвичи называли по имени построившего его инженера Ни-рензее. Наташа сама отперла дверь. – Я горничную отпустила. Проходи.

Дранков был у нее впервые. Гостиная с большим вкусом обставлена дорогой мебелью из карельской березы. На полу огромный белый пушистый ковер, на стенах фотографии известных актеров, актрис, писателей и художников с теплыми надписями. Под потолком люстра работы Грачева, вазы Фаберже, серебряный телефонный аппарат – все говорило о том, что покровитель Наташи Вылетаевой человек щедрый. – Нравится? – спросила актриса. – Очень, – искренне ответил Андрей. – Что же ты у меня не бывал? – Так не звала же. – Звала, звала, только ты не понял. Подожди. Наташа ушла, а Дранков закурил, обдумывая, с чего начать с ней разговор о Дергаусове. Он прикидывал и так, и эдак, но ничего не складывалось. За его спиной скрипнула дверь, и вошла Наталья. Андрей обернулся.

На ней был тонкий прозрачный пеньюар. Наталья на минуту остановилась, словно в кадре, фиксируя движения. Потом шагнула к Андрею и поцеловала его в губы. – Ну... Чего

же ты... я хочу...

Она отдалась ему прямо на ковре. И они долго любили друг друга.

Только через час Дранков, утомленный, но чувствующий звенящую легкость, сел и потянулся за папиросами. – Ты ведьма, Наташка. Истинный Бог. – Тебе было плохо? – Прекрасно. – Хочешь еще?

– Хочу, но через полчаса меня ждет Липкин в «Око». – Иди. – Неужели ты только за этим позвала меня?

– И за этим тоже. Я давно хочу тебя, Андрюша. И не только как... – Что как?

– Ну, кошка, что ли. Я хочу, чтобы мы были вместе. Не перебивай. Я много о тебе знаю. Знаю, что ты копишь деньги на свое ателье.

– Милая, я слишком люблю жить, чтобы накопить капитал. – У меня есть кое-что, что поможет нам. – Нам?

– Да, Андрюша. Мы получим деньги и будем вместе. Ты будешь снимать ленты и уже не Верка Холодная, не Олька Орг, а я стану героиней. – Ты хочешь, чтобы мы...

– Да. Чтобы обвенчались в церкви, чтобы все эти потные грязные мужики не могли даже близко подойти к жене Дранкова. – Неужели у тебя столько денег? – Пока нет, но будут. И не у меня, а у нас. – Я должен ограбить «Лионский кредит»?

– Нет. – Наташа встала и пошла в другую комнату. Даже в неярком осеннем свете тело ее было прекрасным и волну-

ющим.

Дранков надел белье, носки, брюки. Наконец она вышла. Халат сделал ее почему-то чужой. – Ты лучше ходи голая, – усмехнулся Андрей. – У нас теперь будет время. Смотри. Наталья положила на стол несколько бумажек. – Что это?

– Здесь подлинники актов, накладных и еще каких-то бумаг. Их всего пять. Ради них Дергаусов убил человека. – А для чего он поджег склады?

– Он сделал новые документы о том, что шинели и еще что-то были нормального качества. – Как они попали к тебе?

– Есть мальчик, милый и честный, и он очень любит меня, верит мне, поэтому передал их мне в ресторане. А потом я узнала, что Дергаусов все свалил на него.

– Я все понял. Я пойду к Дергаусову. Сколько просить? – Пятьсот тысяч. – У него есть такие деньги?

– Это для него, конечно, сумма внушительная, но не очень крупная.

Дранков взял документы, вынул бумажник и спрятал.

– Андрюша, он сегодня в девять гуляет в «Мавритании». Только будь осторожен. – В этом кабаке мне нечего бояться. – Тогда пусть он рассчитывается с тобой там. – Скажи, Наталья, почему ты это делаешь? – уже от дверей спросил Дранков. – Этот делец прекрасно тебя содержит. – Ты, наверное, не поймешь, но я его ненавижу. – Есть за что? – Когда-нибудь я расскажу тебе.

Дранков вышел из квартиры и, пока спускался по лестнице, все время думал об этой странной ситуации. Конечно, он мужик вполне ничего и у него было множество амурных историй с актрисами, но одно дело милая Оля Орг, совсем другое такие тигрицы, как Вылетаева или Ларина. Но документы были у него и стоили они, видимо, немало. Конечно, Дергаусов человек сильный, да и они с Семеном не промах.

Венчание с Вылетаевой никак не входило в его планы. А впрочем, кто знает. После сегодняшнего.

В дверях он столкнулся с двумя хорошо одетыми господами, на улице стоял полицейский офицер, который что-то толковывал околоточному с распухшим от побоев лицом.

До встречи с Липкиным оставалось еще несколько минут, и Андрей не торопясь пошел в кафе.

У входа в дом хорошо одетый господин любезно уступил дорогу Бахтину и Косоверьеву.

Они вошли в гулкий подъезд, и швейцар услужливо вызвал лифт.

Нынешним утром Женя Кузьмин рассказал Бахтину о своем визите в «Мавританию». Таким образом, мадам Вылетаева стала не просто содержанкой Дергаусова, а активным участником этого поганого дела.

Вполне возможно, что именно она передала отравленную пищу Серегину. Актриса. Что стоило ей сыграть и такую роль?

Они поднялись на четвертый этаж и позвонили в номер

сорок восьмой.

– Это ты, Андрюша? – Послышалось за дверью. – Ты что-то забыл?

Дверь распахнулась, на пороге стояла красивая женщина с очень знакомым лицом. – Вы ко мне?

– Вы госпожа Вылетаева? – Бахтин приподнял котелок. – Я. А вы...

– Не утруждайтесь. Я помощник начальника Московской сыскальной полиции коллежский советник Бахтин, а это чиновник для поручений коллежский асессор Косоверьев.

Бахтин достал удостоверение и протянул его актрисе. Та раскрыла черную кожаную книжку, быстро прочла и сказала растерянно: – Прошу, господа. – Минутку.

Послышались тяжелые шаги, и в комнату вошли Гейде и околоточный. – Она? – спросил Бахтин. – Никак нет, – рявкнул околоточный. – Свободен.

Околоточный вышел, а полицейский офицер остался.

– Мадам Вылетаева, мне доподлинно известно, что позавчера вы кутили в ресторане в компании с Серегиным. – Да, я была с ним.

– Мадам, вам известно, что по чьей-то злой вине его отравили.

– Нет, – крикнула Вылетаева, – этого не может быть.

– Мадам, я полицейский и обрисовываю вам подлинную ситуацию.

Актриса опустилась в кресло. Испуг и растерянность, по-

хоже, были вполне искренними, а впрочем, кто их разберет, этих актрис. Бахтин решил действовать напористо и быстро.

– Почему вы сорвали с шеи Серегина свой медальон? – Я не срывала, поверьте.

– Верю. Где бумаги, которые он вам передал? Не отпирайтесь, покойный вел дневник, и я могу предъявить вам эту запись, – радостно соврал Бахтин. – Их у меня нет. – Где они? – Я передала их Андрею Дранкову. – Кто это? – Наш оператор. – Зачем? – Я хотела отомстить Дергаусову. – Где он? – Здесь рядом в кафе «Око». – Как я его узнаю?

– Красивый, английские усики, как у вас, светлое пальто, светлый пиджачный костюм. Высокий. – Мы могли его встретить у входа в ваш дом? – Наверное.

– Ротмистр и ты, Иван Ксаверьевич, одним духом в «Око», а я поговорю с мадам подробнее.

Мишка Чиновник, весьма известный карманный вор, получил свою кличку за то, что щипал обязательно в разнообразной чиновничьей форме. Особенно любил он ходить в сюртуке и шинели (по сезону) акцизного управления.

День сегодня выдался неудачный, и он впервые заглянул в кафе «Око», ему говорили, что там собираются весьма жирные караси.

Народу в кафе было много, людишки все денежные, одетые, как надо, и цепочки золотые от часов по жилеткам шли.

Мишка Чиновник сел за столик недалеко от дверей, так, чтоб можно было следить за входящими посетителями, и

спросил чаю и пирожных.

Крепкого во время работы он не пил, алкоголь мешал точности. А работал Чиновник ювелирно.

Он рассчитался сразу. Попивал чай, поглядывая на дверь. В кафе не обязательно было раздеваться, те, кто заходили посидеть подольше, сдавали пальто в гардероб, но многие забегали на минутку: перекинуться парой фраз, передать что-нибудь, выпить на ходу.

Мишка ел эклер, попивая чай, и следил за дверью. Ему не везло, один за другим заходили люди в пальто. Конечно, в переполненном трамвае можно было попробовать, но здесь.

Внезапно он увидел высокого человека, снимающего светлое пальто.

Мишка встал и медленно пошел к выходу, наметанным глазом он определил пухлый бумажник в правом кармане.

А карась, словно сам решил облегчить работу Чиновнику, он пригладил волосы у зеркала и расстегнул пиджак.

Они на секунду столкнулись у ступенек, ведущих в кафе. Бумажник был у Мишки.

– Извините, – сказал Дранков какому-то чиновнику, с которым столкнулся у двери, и оглядел зал. Из-за углового столика ему махал рукой Липкин.

– С вами приятно иметь дело, – улыбнулся он, – вы, Андрей Васильевич, точны. – Стараюсь.

– Садитесь, батенька, сейчас кофеек спроворим, а в чайнике коньячишко недурственный. Дранков налил в чашку

коньяку, выпил, закурил. – Семен Лазаревич, давайте к делу. – Конечно, конечно. Вот договор. Дранков взял бумагу, пробежал ее глазами. – Ну как? – поинтересовался Липкин. – Прямо подарок.

– Скобелевский комитет денег не жалеет. Теперь запишите в договор номер вашего удостоверения, оно при вас. – Конечно. Дранков полез в карман.

– Что с вами? – испугался Липкин, увидев его сразу изменившееся лицо. – Бумажник. – Что, потеряли? – Не знаю, когда я входил, он был у меня.

И внезапно Дранков понял, почему его так сильно толкнул чиновник при входе.

– Господа! – крикнул Липкин. – Только что у Андрюши Дранкова украли бумажник. Зал зашумел. Люди повскакали с мест. На шум появился хозяин. – В чем дело? Он выслушал выкрики и подошел к Дранкову.

– Весьма печально, Андрей Васильевич, много ли денег при вас было. – Двести рублей и мелочь.

– Господа, – крикнул хозяин, – фирма возмещает господину Дранкову пропавшие деньги. Внезапно в дверях появился полицейский офицер.

– Господин ротмистр, – крикнул хозяин, – вы очень вовремя. Только что обворовали господина Дранкова.

К Дранкову подошел высокий человек в черном пальто.

– Господин Дранков, я из сыскной полиции, вы не могли бы сказать, как все это произошло. – Меня на входе толкнул

какой-то чиновник.

– Чиновник, – обрадовался Косоверьев, – чуть рябоватый такой, невысокий. – Да.

– Все ясно, это известный карманник. Давайте пройдем со мною в сыскную полицию.

– Идите, идите, Андрей Васильевич, – засуетился Липкин, – обрисуйте все, как было.

Мишка Чиновник, выйдя из кафе, сразу же забежал в проходной двор и вынул бумажник. Неплохо: две «кати» и восемнадцать рублей мелочью. Сегодня и завтра можно отдохнуть. В бумажнике было удостоверение Скобелевского комитета, визитные карточки. Когда он потрошил «лопатник», из него в лужу выпали какие-то бумажки, похожие на счета от портного. Мишка хотел их поднять, но бумага уже впитала влагу, чернила расплзлись. Ничего, убытка от них хозяину не будет. Мишка прочитал визитную карточку и понял, что щипанул сегодня человека, делающего фильмы. А посещение синематографа было главным и любимым развлечением Мишки Чиновника. Он вышел из подворотни, огляделся и пошел в сторону сыскной полиции, проходя мимо открытых дверей, он метнул туда бумажник быстро заскочил в подъезд дома Нирензее и вдруг с ужасом увидел, как чиновник из сыскной по кличке Оглобля, волочит в подъезд его карася. Мишка бегом бросился на второй этаж.

В дверь позвонили. Вылетаева вопросительно поглядела на Бахтина.

– Открывайте смело, нам прятаться не от кого. Бахтин услышал удивленный голос хозяйки, а в гостиную вошли Косоверьев и Дранков.

– Простите, господа, – развел руками оператор, – это несколько напоминает мне...

– Криминальную фильму? – подстраиваясь под его веселый тон, спросил Бахтин.

– Наверное. – Дранков сел. – Наташа, дай мне попить. – Сейчас. – Вылетаева вышла.

– Александр Петрович, ушли документы, -вздохнул Косоверьев. – Как? – ахнул Бахтин. – Да его Мишка Чиновник щипанул.

– Вы положили документы в бумажник?.. – спросил Дранкова Бахтин. – Да. – Вы их посмотрели, прежде чем спрятать. – Конечно. – Помните их?

– Два акта о покупке по дешевке бракованных шинелей и сапог. Акт приемки, где они уже обозначены как товар высокого качества. Накладные, все документы за подписью Дергаусова.

– Мадам, – Бахтин чуть поклонился Вылетаевой, – позвольте я воспользуюсь вашим аппаратом. – Прошу. Бахтин поднял трубку.

– Барышня, мне одиннадцатый... Дежурный, Бахтин... Так, так... Хорошо. Господин Дранков, – Бахтин повесил трубку на рычаг, – вам бумажник подкинули, но документов там нет. Как это понимать?

– А как хотите, господин Бахтин. – Дранков засмеялся. – Что вам от меня надо? Моя приятельница передала бумаги, чтобы я посоветовался...

– Не надо, Андрей Васильевич, госпожа Вылетаева все рассказала мне, для чего вы брали эти бумаги. Хочу сказать вам, что дело вы затеяли опасное, моральную сторону я опускаю. Дергаусов не просто делец, он связан с уголовным миром. Посудите сами: сгорел склад, убит городской, отравлен Серегин и еще один чин полиции, убит подполковник Княжин. Неужели вам хотелось стать причастным к этому списку?

– Откровенно говоря, нет. – Дранков опять закурил.

– Мадам Вылетаева, расскажите мне о Серегине, о медальоне, и этих бумагах, и о том, что вы хотели с ними сделать. Господа, я опасаюсь за вашу жизнь. А если Дергаусов узнает о ваших планах? Да, бумаги пропали, но мы сейчас составим протокол, и вы автоматически становитесь свидетелями. Я не могу ручаться, что в нашем ведомстве у Дергаусова нет своего человека.

– Что же это! – крикнула Вылетаева. – Я вам рассказала все, как на духу...

– Мадам, – перебил ее Бахтин, – о нашем разговоре знают трое. За этих людей я могу поручиться.

Коншин с раннего утра пребывал в настроении благодушном, конечно, был неприятный разговор с князем Львовым, но это его мало заботило. Председатель Союза городов дру-

жески пожурил Иван Алексеевича и сказал, что его дожидается судебный следователь Шабальский.

Следователь оказался человеком вполне светским, как понял Коншин из разговора, был принят в хороших домах, так что общих знакомых у них оказалось множество.

Коншин пригласил его в ближайшие дни отобедать в «Метрополе», и они расстались довольные друг другом.

Коншин сидел в кабинете, попивал ликер с кофе, находясь в предвкушении приятного вечера. В дверь просунулась голова Дергаусова. – Можно, Иван Алексеевич? – Заходите, Юрий Александрович.

Дергаусов вошел, поскрипывая сапогами, уселся в кресло. – Ликеру? – Не откажусь. – Ну что там, с пожаром этим?

Коншин снял китель и остался в белоснежной рубашке и подтяжках. – Копают полиция.

– Да и у меня судебный следователь был, очень милый человек, мы прекрасно поговорили.

– Иван Алексеевич, надо бы дело замять. Серегина арестовали, потом сообщники его отравили, убытки берет на себя Земсоюз. Все, куда больше? – А чего бояться?

– У нас в конторе чиновник из сыскной, Кулик, сидит, бумаги роет. – Да и пусть. Нечего, значит, делать. – Господин многопытливый и хваткий. – Дайте ему пару тысяч. – Не берет. – Так пусть сидит.

– Иван Алексеевич, а как докопается до денежек, что мы в кабаках тратим, да о покупке авто для вас и о бриллиантах

мадам Волынской. – Думаете, докопается? – Всенепременно.

– Так что же делать, Юрий Александрович? К полицмейстеру съездить?

– Ни в коем случае. Генерал Золотарев в Бахтине души не чаёт. Вы же хорошо знакомы с градоначальником. – Да уж куда лучше. Поеду к нему. Дергаусов вскочил, услужливо подавая китель. – Авто где? – У подъезда. – Ладно.

Московский градоначальник свиты его императорского величества генерал-майор Климович принял Коншина без всяких проволочек, едва вышел в приемную, обнял за плечи, заволок в кабинет.

Они скоро должны были породниться. Сын Коншина считался женихом Веры Климович. – Ты, Ваня, ко мне просто так или по делу? – Миша, к сожалению, по делу. – Ну говори. – Пожар на Пресне помнишь? – Конечно. Там вроде все решилось. – Нашли поджигателя...

– Мне Золотарев докладывал, что какой-то ненормальный из твоего отдела.

– Да нет, этот Серегин просто проворовался, но крал не один, а артельно, его сообщники отравили.

– Прямо беда. – Генерал Климович встал, прошелся по мягкому ковру. – Черт-те чем заниматься приходится. Полиция за поджигателями бегает, а на заводах, в слободах большевики военную агитацию ведут. На фронте сплошные неудачи, поэтому активизировались антиправительственные силы, а тут возиться с рядовым пожаром. Убытки-то вели-

ки? – Нет. Земсоюз их покроем. – Так чего ты хочешь, Ваня?

– Миша, сюда из Петербурга новая метла прибыла, так мне от них покоя нет. Копают и копают. – Кто следовательно? – Шатальский. – Милый человек. Ты с ним разговаривал? – Да. Впечатление наилучшее. – Так кто же тебе мешает? – Да я же говорил, Бахтин.

– Неприятная личность, к нему твой друг Белецкий благоволит.

– Да не хочу я пока Степу беспокоить. Неужели у тебя власти мало?

– На него хватит. Ну ладно, Ваня, без обеда я тебя не отпущу, все же родственники.

Борис Литвинов бежал из ссылки. Надо сказать, что мероприятие это оказалось весьма простым. Умелые люди выправили ему документы и стал он Анниным Виктором Сергеевичем, выпускником Омской школы подготовки прапорщиков, направленным для прохождения службы в четвертый маршевый батальон Московского военного округа.

Так что до Москвы он доехал вполне комфортно, только с непривычки мешала шашка.

На конспиративной квартире он скинул ремни, надешую шашку, переделся в штатское и стал Афанасьевым Анатолием Гавриловичем, освобожденным от воинской службы по состоянию здоровья.

О приезде Литвинова Заварзин узнал днем от связного и решил отправиться на встречу со старым другом. Квартиру

в Колобовском переулке он не назвал Мартынову, скрывал ее тщательно. Эта квартира для него стала соломинкой, за которую он держался из последних сил.

За год работы платным агентом охраны он сдал Мартынову двух челнов комитета, несколько фабричных активистов, провалил подпольную типографию и позволил охране взять под контроль один из каналов связи с ЦК.

Бегство Литвинова создавало угрожающую ситуацию. Случилось самое страшное. Бахтин практически разоблачил его. И вина за это ложилась на одного Заварзина.

Мартынов прекрасно разработал план его подвода к Бахтину, но перед операцией Заварзин напился и похмельный поперся прямо на квартиру к сыщику. Короче, он сам практически себя завалил.

На конспиративной квартире он написал донесение, в котором изложил события соответственно плану, сорванному только из-за нежелания Бахтина идти на контакты с социалистами.

Вроде все было в порядке, но нервы подорваны запоями, а пил Заварзин а-ля нуар, что в вольном переводе с французского значилось «по-черному», потом тяжелая похмелька и дикое, ни с чем не сравнимое состояние страха.

Он не мог спать ночью. Час, другой и просыпался в холодном поту. Огромная, оставшаяся от покойных родителей квартира на Остоженке становилась для него ловушкой. Он вставал, зажигал свет во всех комнатах и мучительно дол-

го искал водку, которую обязательно приносил с собой. Выпив стакан, опять засыпал на короткое время, моля Бога не проснуться на рассвете.

Несколько раз он доставал револьвер, крутил барабан, разглядывал внимательно желтые, тускло поблескивающие в ячейках патроны.

Вот он выход. Но не хватало воли поднять его к виску и надавить на спуск.

Засыпая один, в огромной грязной квартире, он молил Бога, чтобы смерть пришла к нему во сне. А она не приходила.

Начинался новый день, в котором перемешивались хмель и боль. И снова страшная ночь.

Потом он брал себя в руки, мылся в ванной, ел щи в трактире, весь день пил пиво, а утром с опухшим лицом и трясущимися руками выходил на улицу.

На третий день наступало просветление, он приглашал жену дворника, платил ей последние деньги за уборку квартиры.

Вечером уже мог читать и спокойно засыпал с книгой в руках на диване в кабинете.

Это значило, что Заварзин решил начать для себя новую жизнь.

После встречи с Бахтиным, он взял себя в руки, зашел в лавчонку рядом с домом, купил десять бутылок кваса. Всю ночь гасил жажду холодным напитком. Утром Заварзин достал из сейфа, вмонтированного в шкаф, чемоданчик.

В нем лежали драгоценности матери и приличная сумма во франках, ценные бумаги отца.

Он взял ценные бумаги и поехал на Мясницкую, в биржевую контору.

– Вы хотите купить акции? – спросил его одетый на английский манер молодой человек. – Нет, я хочу продать. – Все? – Да.

– Минутку. – Молодой человек подозрительно посмотрел на него и скрылся.

Появился он минут через пять и пригласил Заварзина к управляющему.

Управляющий, шикарный господин лет пятидесяти, внимательно оглядел Заварзина и сказал:

– Я прошу меня простить, но нас обязали интересоваться, откуда у людей такие крупные суммы ценных бумаг. – Их мне оставил отец. – Не соизволите ли назвать свою фамилию. – Заварзин Дмитрий Степанович. – Так вы сын Степана Андреевича? – Да.

– Как прикажете распорядиться бумагами и в какой банк перевести указанную сумму? – Я хочу получить наличными.

– Воля ваша, но бумаги эти по сей день приносят твердый доход.

– Я далек от финансов, я литератор и собираюсь уехать в Финляндию. – Ваша воля. Ваша.

К обеду Дмитрий Заварзин приехал домой, и извозчик помог донести ему бесчисленные коробки и свертки.

А через час в кафе «Метрополь» обедал прекрасно одетый господин. Дома остались лежать сто пятьдесят тысяч рублей.

Заварзин берег, не трогал ни ценные бумаги, ни драгоценности. Берег для того, чтобы, случись что, уехать обратно в Париж.

Закусив, он кликнул извозчика и поехал в Колобовский. Литвинов был на явке, сидел в гостиной и пил чай.

– Дима, – обрадовался он. – Господи, да какой же ты франт, а мне говорили... – Что тебе говорили? – Да ничего. Садись, я тебя рад видеть.

Они пили чай и говорили о своем деле. Дело, которое через год разрушит Россию, унесет миллионы жизней, заставит содрогнуться мир.

Но ни провокатор Заварзин, кстати свято верящий в социалистическую идею, ни романтик Литвинов даже предположить не могли, какие плоды принесет их борьба. Уже собираясь уходить, Заварзин сказал: – Боря. В Москву из Питера перевели Бахтина. – Это того сыщика? – Да.

– Ну и что, в Париже в тринадцатом году я читал, что на конгрессе в Женеве его признали лучшим европейским криминалистом. – Он опасен. – Чем? – Он знает нас в лицо. – Но ведь и в Париже он мог...

– Там не мог, – перебил Литвинова Заварзин, – не мог. Сейчас это другой человек. – Что значит другой? – Повышенный в чине и должности...

– Дима, я по газетам следил за этим человеком, потом у

меня есть друг, который его хорошо знает. Бахтин – честный человек. Ты же в Париже сам говорил мне об этом.

– Его надо ликвидировать. Ты должен поставить этот вопрос на комитете. – Я не буду этого делать. Мы не эсеры, Дима. – Ну как знаешь.

Заварин вышел к Трубной и сел в трамвай. И пока он ехал темными бульварами, у него сложился вполне реальный план. Хорошо, что Литвинов вспомнил эсеров, очень хорошо.

Мишку Чиновника Баулин встретил случайно. Заскочил на минутку в ресторан Пирожникова, на Первой Тверской-Ямской, выпить рюмку у стойки, глядь, сидит голубок.

Мишка угощал даму, на столе стояло вино и закуски, официанты суетились вокруг щедрого клиента.

Но более всего поразило Кузьму, что одет Мишка был в форму Земсоюза.

В голове Баулина немедленно сложился четкий план. Пожар на Пресне, похищение документов и форма Земсоюза.

– Это кто? – указав на Мишку, спросил Кузьма буфетчика.

– Зовут Михаил Петрович. Бывает у нас часто, служит вроде в Земсоюзе. – А ты откуда знаешь?

– Он раньше все в гражданском ходил, а вот пару раз в этой форме. – А что за баба с ним?

– Вдова Абрамова Андрей Андреича, хозяина портновского заведения на нашей улице, в 57-м номере. Там и квартира ее. Говорят, он у нее и проживает.

Кузьма из-за колоны еще раз посмотрел на Мишку Чиновника. Хорошо сидел щипач. Вино дорогое, коньяк, блюда всякие. Кузьма быстро выпил, поблагодарил буфетчика, вышел из ресторана и из подъезда дома напротив начал наблюдение. Конечно, по правилам он обязан был вызвать агентов из летучего отряда, но Кузьма не желал ни с кем делить успех. Он простоял в подъезде чуть больше часу. Начали замерзать ноги, тем более что погода испортилась и пошел мелкий, поганый снежок. Кузьма подпрыгивал, пытался бить чечетку, проклиная Мишку Чиновника, сидящего в тепле и жрущего коньяк. Когда ноги стали практически деревянными, из ресторана вышла пара. Мишка был облачен в зимнюю шинель с меховым воротником, а мадам Абрамова в дорогую шубу. Они медленно пошли по переулку. Кузьма вышел из подъезда и зашагал за ними. Теперь он не чувствовал холода. Снег, замерзшие ноги, ветер, заползший под легкое пальтецо, – все исчезло. Кузьму вел ни с чем не сравнимый охотничий азарт. Вот парочка дошла до дома с номером пятьдесят семь и скрылась в парадном. Вход в портновское заведение был с другой стороны, значит, они пошли домой. Дворницкую Кузьма отыскал быстро, толкнул дверь в полуподвал. И опять ему повезло. За столом дворник и городской пили водку. Кузьма показал значок, радостно посмотрел на испуганное лицо городского и спросил: – Абрамова в какой квартире проживает?

– В четвертой на втором этаже, ваше благородие, – отра-

портовал дворник.

– Значит, так, – наслаждаясь властью, испытывая то щемящее чувство, из-за которого Кузьма так любил свою работу, сказал: – Ты, братец, водку потом допьешь, живой ногой в участок.

Кузьма достал записную книжку, написал карандашом несколько слов.

– Вот это дежурный околоточный пусть передаст в сыскную. Понял? Дело секретное и срочное. – Так точно.

Городовой пулей вылетел из дворницкой. Кузьма оглядел стол, взял чистый стакан, налил из бутылки мутноватую жидкость. – Ханжа? – спросил он дворника.

– Никак нет, ваше благородие, домашняя, сват из деревни привез.

Кузьма выпил, закусил луковицей. Самогонка и впрямь была неплохой. По телу разлилась приятная теплота. – Ты, братец, черный ход запереть сможешь? – Так точно.

– Я прошу запереть так, чтобы никто из жильцов не открыл. – Могу снаружи навесной замок подвесить.

– Действуй. Я, если что, на третьем этаже буду.

Минут через сорок Баулин услышал шаги и мелодичное позвякивание шпор. Он спустился и увидел Бахтина, Косоверева и ротмистра Гейде.

– Молодец, Баулин, – сказал Бахтин, – представлю к награде. – Рад стараться, господин начальник. – Где он? – На квартире своей сожительницы Абрамовой. – Эта дверь? –

Так точно. – Зови дворника.

И пока Баулин бегал за дворником, Бахтин думал о том, как не хватает ему Литвина, Сомова, Воронкова, опытных петербургских сыщиков, к которым он так привык. Он поглядел в окно. Во дворе ветер крутил над землей снежные буранчики. Закончилась затяжная осень, наступила длинная московская зима. Вон как разошлась погода. Прямо буран. Дворник поднялся, залепленный снегом, как дед Мороз. – Звони, – приказал Бахтин. Дворник повернул рукоятку звонка. Тишина. Он еще раз повернул. – Кто? – женский голос из-за двери. – Мария Петровна, это я, дворник Акимыч. – Чего тебе?

– На черный ход пройти надобно, замок в дверях сломался. – Ты один? – Со слесарем мы. – Подожди.

Еще несколько минут ожидания, и дверь отворилась на ширину цепочки. – Да я это, Мария Петровна.

Звякнула цепочка, и дверь открылась. Первым в квартиру ворвался Бахтин, он схватил хозяйку и зажал ей рот.

– Где? – пугающим шепотом спросил он.

Перепуганная женщина кивнула на закрытую дверь комнаты. Бахтин толкнул ее. В спальне на огромной металлической кровати с никелированными шарами лежал мужчина лет тридцати.

– Вставай, Чиновник. – Бахтин сел, закурил папиросу. – По какому праву...

Бахтин вздохнул тяжело, аккуратно положил папиросу в пепельницу у кровати и сдернул с Мишки одеяло. – Вставай. Одевайся. – А вы, господин, кто будете?

– Я помощник начальника сыскной полиции Бахтин. – Это каждый сказать может. В комнату, позвякивая шпорами, вошел Гейде. – Позвольте-ка, Александр Петрович.

Он отстранил Бахтина и врезал Мишке в ухо. Рука у ротмистра была тяжелой. Сбивая тумбочки, Чиновник отлетел к стене.

– Ну, – Бахтин опять взял папиросу и сел, – понял, кто мы?

– Нет на мне ничего, господин начальник, – плаксиво выдавил Мишка.

– Я знаю, только вот видишь, братец, – Бахтин достал из кармана бумажник и положил его на кровать, – мы с понятыми его сейчас на обыске найдем, и загремел ты в арестантские роты.

– Понял, – опытным взглядом Мишка сразу же определил сдернутый в кафе лопатник, – что надо? – Вот это другой разговор. Одевайся. Чиновник быстро оделся и стоял перед Бахтиным, ожидая. – Что еще было в бумажнике?

– Документы какие-то, вроде как счета от портного. Они в лужу упали, а я их поднимать не стал. – Не врешь? – Как можно, господин начальник. – Ладно.

Конечно, можно было повезти Мишку на место и постараться найти обрывки документов. Но время прошло, и раз-

мели дворники лужу. Бахтин почему-то сразу поверил Мишке. – Слушай меня, Лазарев, так твоя фамилия? – Так точно. – Ротмистр, оставьте нас одних. – Слушаюсь. – Гейде звякнул шпорами. Бахтин достал из кармана бумагу и вечную ручку, подарок Кузьмина. – Садись пиши. – Что? – испуганно спросил Мишка.

– Вот сам посуди, что тебе выгодно. Обыск, суд, арестантские роты – одна перспектива. Есть вторая. Ты пишешь мне бумажку и становишься моим агентом. – На своих, значит, стучать.

– А как ты думаешь. Посмотри-ка за окно, по такой погоде в холодном «Столыпине» в Сибирь ехать мало удовольствия.

Мишка взял папиросу, но прикурить никак не мог, дрожали руки. Бахтин поднес ему зажженную спичку. Этот точно станет агентом. Уж больно комфортно устроился он на кровати покойного портного. Уж больно уютная и приятная во всех отношениях была вдова Мария Петровна. Не променяет Михаил Иванович Лазарев теплую квартиру, в которой так вкусно пахнет ванилью и сдобным тестом, на нары в Таганской тюрьме. – Ну, что думаешь, Михаил, садись пиши. – А как с армией быть?

– Об этом забудь, мне хорошие агенты нужны больше, чем генералу Алексееву солдаты. Да успокой ты руки. Пиши. Агентурный псевдоним твой будет Воронеж. Бахтин взял бумажку, спрятал ее в карман. – Теперь пиши расписку. – Ка-

кую? – Что получил сто целковых. Бахтин достал ассигнацию и положил на кровать.

– Даю тебе, Лазарев, деньги вперед, а о деле узнаешь завтра. В два пополудни ждут тебя по адресу Банковский переулок, дом два, седьмая квартира. А пока живи. Бахтин встал, хлопнул Мишку по плечу и вышел.

Помощник градоначальника полковник Назанский пошел в сыскную полицию пешком. Да и чего идти, от Тверского бульвара до Гнездниковского переулка ходьбы-то всего ничего. Вчера была метель, а нынче снежок плотно прилег к земле, скрипел под сапогами, напоминая о близком Рождестве. Не повезло ему – старший помощник, действительный статский советник Тимофеев, заболел, и кляузное дело поручили ему. Все это было тем более неприятным, что он оканчивал курс Александровского училища вместе с Бахтиным и теперь ему предстояло вставлять фитиль своему бывшему взводному портупей-юнкеру. Делами полиции занимался Тимофеев, хотя всячески старался перекинуть их Назанскому. Полковник, в общем-то, был не против, полицейская служба более напоминала ему армейские порядки, но с сыскной полицией случались скандалы. Слишком уж круто затягивал гайки Маршалк, не считаясь ни с чинами, ни с положением в обществе некоторых нынешних скоробогатеев. А вот теперь на помощь ему и Бахтин из столицы прибыл. Назанский точно знал, что на Пасху следующего года ему присвоят генеральский чин, и тогда у него открывался шанс стать на-

чальником Александровского военного училища. А это почетная и спокойная служба. Вполне в отставку можно выйти полным генералом. Приятные мысли о шитых золотом генеральских погонах сопровождали полковника до самых дверей сыскной полиции.

Войдя, Назанский придал своему лицу некоторую начальственную строгость и мимо ошалевших городских и юрких людей в штатском начал подниматься на второй этаж. Видимо, дежурный чиновник успел предупредить Маршалка, и Карл Петрович встретил начальство у лестницы. – Здравия желаю, Александр Николаевич. – Доброго здоровья, Карл Петрович. – Пришли нам сырм фитиль вставлять? – К сожалению. – Тогда прошу ко мне.

Назанский впервые видел Маршалка в форме и подумал, что мундир, даже полицейский, мужчину весьма украшает. Они вошли в кабинет начальника, и с дивана поднялся высокий человек в мундире с погонами коллежского советника. Назанский несколько минут разглядывал Бахтина. Хорош, черт. Мундир с особым александровским шиком сидит, погоны ручной работы, чистым серебром отливают и красив по-прежнему, правда, виски да английские усики поседели малость. Как здороваться с однокашником, у Назанского сомнений не было ни на минуту. Они обнялись.

– Ну ты, тетка, – засмеялся Бахтин, – в чины вышел.

– Ты на себя, Саша, посмотри. И Владимир, и орден французский, звезда «Льва и Солнца», а это что?

– Бухарская звезда – орден «Благородной Бухары», его в столице все дворники получили.

– Не преуменьшай. Кто бы ни получил, а у тебя на груди две звезды. Не у всякого генерала такое есть.

– Александр Николаевич, золотой вы наш, как беседовать будем, официально или с чайком?

– Давайте, Карл Петрович, с чайком, за ним и поговорим. – Тогда прошу.

Маршалк открыл дверь в углу кабинета, и они пошли в небольшую комнату, которую почти полностью занимал сервированный на три персоны стол. Сели. Тихо выпили по первой.

– Господа сыщики, – Назанский со вздохом поставил рюмку. – По невеселому делу я пришел к вам. Климович приказал мне дело против Коншина прикрыть.

– Ты, Саша, – засмеялся Бахтин, – нынче в прикупе взял одни тузы. – Это как же?

– А очень просто, никакого дела против Коншина мы не ведем. Он вообще вне сферы наших интересов. Тем более что тайный советник Белецкий перед моим отъездом в Москву приказал мне оградить Коншина от любых неприятностей.

– Так это меняет дело. Но ваши чиновники больно уж шуруют в его отделе.

– Понимаешь, Саша, там сидят матерые казнокрады. Они поставляют в действующую армию гниль. Подожди.

Бахтин вышел и вернулся через несколько минут с шинелью, папахой и сапогами.

– Вот, смотри сам. Это то, что Дергаусов с компанией пытался спалить на пресненских складах.

Назанский взял шинель, помял руками папаху, внимательно осмотрел сапоги. – Сволочи.

– Все это, Саша, поставили дельцы из отдела снабжения, которым заведует Коншин. Я вообще не понимаю, зачем он вошел в Союз городов. Неужели при его богатстве...

– А погоны генеральские поносить, – усмехнулся Назанский. – Ну что же, друзья, главное я выполнил, отвел карающую руку от будущего родственника градоначальника. – Это как же? – удивился Маршалк.

– Да сынок Коншина, лицеист, помолвлен с дочкой генерала.

– Только этого нам не хватало. – Маршалк зло ткнул папиросу в пепельницу.

– Никак испугался, Карл Петрович? – усмехнулся Бахтин.

– Если бы я их боялся, – Марш ал к разлил водку по рюмкам, – то Москву бы давно всю напрочь заворовали. Выпьем, господа полковники.

До Обираловки поезд тянулся мимо станций с чудовищными названиями – Чухлинка, Кусково, Новогириево... Рубин нахохлившись сидел у окна, закутавшись в шалевый воротник дорогого пальто, раздраженно поглядывал на убогость Подмосковья. Даже тяжелый, по-настоящему зимний

снег не смог украсить мрачноватый уездный пейзаж. То ли дело в Одессе. Сел в трамвай и ездая на 10-ю станцию Фонтана. Даже осенью акации кажутся зелеными, дачные домики веселы и ухожены, море шумит, ветер врывается в двери вагона, даже в непогоду по-черноморски ласковый.

А здесь. На дощатом фасаде станции истерзанная дождями надпись «Салтыковекая». У переезда мужик в рваном армяке, на расхлябанной телеге, лошадь унылая, худая. Сквозь лес дачные дома видны. Да разве сравнишь их с одесскими. Дыра эта Россия. Дыра.

И Салтыковка проплыла, полезли в окно дистрофичные трубы какой-то фабрички.

– Станция Кучино! Следующая – Обираловка. Поезд стоит три минуты. За его спиной сочный басок объяснял кому-то:

– Кучино это потому, что здесь купцы, в Павлов Посад едущие, в кучу сбивались, потому как в лесу разбойники дюже шалили, грабили, с тех пор месту тому гиблому и дали название Обираловка.

На перроне жандарм указывал двум работягам в железнодорожных фуражках, как нужно убирать снег. Он запоминающе мазанул по Рубину глазами. Не каждый день из пригородного поезда выходит человек в седом бобре. Рубин, постукивая тростью, вышел на привокзальную площадь и увидел коляску. Навстречу ему выскочил юркий господин.

– С прибытием, Григорий Львович. – Он услужливо под-

садил Рубина в коляску.

А в этом доме его ждали. Все до мельчайших деталей учел хозяин. На столе стояли только любимые Рубиным блюда и напитки. И сам Адвокат, в миру Андрей Петрович Федулов, один из самых крупных Иванов российской преступности, был не тот англазированный элегантный господин, которого Рубин привык встречать на бегах, в Купеческом клубе, в ресторанах. Сапоги, косоворотка, пояс с кистями. Только пробор был безукоризнен, как всегда. Голова аристократа, низ простолюдина, подумалось Рубину. Он с интересом оглядел обстановку. Тяжелая, купеческая, даже музыкальная машина в углу. – Нравится? – засмеялся Федулов. – Да как-то...

– Такие вещи успокаивают, попробуй, сам поймешь. Ну давай к столу, а то ты небось в вагоне замерзся? – Не особо.

Поначалу разговор крутился вокруг всяких мелочей – бегов, карточных проигрышей, женщин. Когда принесли самовар, Адвокат сказал: – Ну, давай о деле, Гриша. – Ты слышал о драгоценностях Гендрикова? – Приходилось. – Я знаю, где они будут в январе. – Это большое дело, Гриша. – Иначе я к тебе бы не приехал, Андрей. – Так где они будут?

Рубин достал из кармана пиджака бумаги, протянул Федулову. Тот взял:

– Так... Московское общество кредита под залог движимости... Гендриков... Ого, под драгоценности дают одного залога миллион двести. Какая же им цена? – Где-то больше миллиона довоенных франков.

– Дело стоящее. Значит, лежать они будут в их Центральном отделении, на Рождественском бульваре. Там сейфы серьезные.

– А зачем нам нападать на ломбард? Артельщики с оценщиком и бухгалтером повезут деньги на квартиру Гендрикова, так как он просит все деньги наличными. – Почему не через банк? – У него долгов более восьмисот тысяч. – Доигрался.

– Так оно и есть. У меня четкий подвод на квартиру и ключи, возьмем все там: и деньги, и драгоценности.

– Ну что ж, – сказал Федулов, – подвод твой, организация твоя. Из какой доли я работаю? – Тридцать процентов. Справедливо? – Справедливо.

– Ты же понимаешь, твоим людям все это только взять надо.

– Правда, потом от сыскной уходить нам. А нынче они работают, как звери. Там теперь Бахтин. Сыщик классный.

– Кстати, о сыщиках. Ты не слышал, кто зарезал моего клиента подполковника... – Интендантского? – Да. – Доходили слухи. Говорят, кто-то из варшавских. – Значит, Дергаусов с ними работает? – Вроде. – А точнее узнать можно? – Конечно. А тебе зачем? – Бахтину сдать полячишку и Дергаусова заодно. – Конкурентов убираешь, Гриша?

– А что делать, Андрей? Они моего лучшего клиента замочили. – Скажу ребятам, чтобы пошустрили.

– Ну, а теперь главное. Надо перед Новым годом или сразу

после Бахтина убрать. – Как?

– Замочить. Тогда у нас и забот не будет. А вдруг у Гендрикова получится мокрый гранд. Артельщики-то вооружены?

– Твоя правда, тем более ты второй об этом просишь. – А кто первый? – Говорят, социалист один.

– Ему-то что неймется. Бахтин в политику не лезет. – Может быть, они экс готовят?

– Да кто их знает, голодранцев. Видишь, как все хорошо сходится, мы его замочим, а на социалистов свалим. Пусть Мартынов со своей охранкой побегаёт. – И то дело. Но почему в январе? – Он мне должен Дергаусова засадить.

– Ну и ловок ты, Гриша. Теперь скажи, куда мне девать мою долю драгоценностей? – Туда же, куда и мою. – Не понял.

– Я через Финляндию в Стокгольмский банк отправляю. Здесь, Андрюша, дело ненадежное. Видишь, у людей настрой какой. – Бунта боишься? – А ты нет? – Не очень.

– А я боюсь, поэтому и коплю на безбедную жизнь в краях далеких. Война через год-два кончится. Мне один полковник говорил, немцы уже кошек жрать начали. – Кошек не кошек, а конину точно. – Откуда знаешь? – С пленными говорил. – А ты языки знаешь?

– Гриша, я же классическую гимназию закончил, в университете курс юридических наук познавал.

– Вот это да, – искренне удивился Рубин, – значит, вот

почему ты Адвокат? Почему же курс не окончил? – На торгу загремел.

– Понял. Все равно советую, Андрей, ценности в Швеции держать.

– Нет, Гриша. Камни, что на этом гранде возьмем, прячь там, а деньги буду проживать весело. – Молчу. – Рубин развел руками.

Бахтин вышел с конспиративной квартиры и с удовольствием огляделся. Снег плотно прикрыл Москву. Воздух стал чистым. Ему даже показалось, что первый морозец пощипывает уши. Чистопрудный бульвар был весь белый, но Бахтин пошел по нему, приминая подошвами мягкий снежок. Ну что ж. Разговор с Чиновником состоялся. Мишка подписал расписку и стал его агентом. Знаменательное событие. Первый источник в Москве. Они оговорили ту непростую операцию против Дергаусова. На той стороне, словно на том берегу, Бахтин увидел узкую дверь с нарисованной на ней бутылкой и рюмкой. Он остановился. Бульвар, словно река, разъединял их. И ползли по этой заснеженной реке паромы-трамваи. Надо было переходить эту реку вброд. И он пошел, утопая туфлями в снегу, перелез через чугунную ограду, переждал недовольно затрещавший корабль и вышел на другой берег. До чего же уютное место он нашел. Чистенько, опилки свежие на полу восхитительно пахли смолистым деревом. Круглые мраморные столики. И народу никого.

– Чего изволите? – Буфетчик сам вышел из-за прилавка. –

Водочки бы мне, да пивка.

– Сами знаете, господин, как по времени-то военному. – А ты, братец, мне ее в чайничке подай.

– Ну, что делать, такой гость приятный. Держал для себя... – Вот и поделись с ближним. – Так я вам фужерик? – И себе, угощаю. – Мы это с удовольствием. Чем закусите? – На твой вкус, дружок. – Значит, сейчас соображу.

И сообразил. Колбаски по-извозчичьи, огурчиков соленых, пива пару бутылок, а к нему рыбки мелко наструганной, да соленых сухариков. Благодать.

Буфетчик выпил свое, пожелал здоровья и деликатно отошел. Бахтин выпил, закусил огненно-горячей, сочной колбасой. Ему стало тепло и хорошо. За окном на бульваре гимназисты играли в снежки. Дома, деревья, афишные тумбы покрыл чистый плотный снег. Москва шагнула в зиму. Сквозь прорвался солнечный свет. И пейзаж за окном стал веселым и ярким. Господи! До чего же хорошо бездумно сидеть в маленькой закуской, смотреть на снег, деревья, трамваи. Так бы всю жизнь сидел, если бы денег хватило. Внезапно его одолело странное беспокойство. На остановке трамвая стоял вполне приятный господин и читал газету. Поначалу Бахтин не понял, почему именно этот человек внес некое смятение в его праздну текущие мысли. Газета. Вот что ему нужно. Бахтин рассчитался и вышел на улицу. Не получилось бездумного отдыха. Чертова служба заставляла его постоянно думать о ней, не давая возможности от-

ключиться. Он выскочил из трамвая на Страстной площади и поспешил на Тверскую, к издательскому дому Сытина. В прихожей швейцар поинтересовался, кого ищет господин, и сказал, что Кузьмин в редакции и найти его можно на втором этаже, в девятой комнате. Редакция почему-то напомнила Бахтину его собственную контору в день большой операции. По коридору метались какие-то люди. Они галдели, курили, о чем-то спорили. Никто не обратил на Бахтина внимания. В девятой комнате никого не было, и Бахтин остановил несущегося по коридору человека.

– Простите, сударь, где я могу видеть господина Кузьмина?

– Кузьмина? Да он только что был здесь. Зайдите в буфетную. – А где она? – На первом этаже.

В небольшой, на четыре столика, комнате Кузьмина тоже не было. Тогда Бахтин начал заглядывать во все двери. В пятой по счету комнате Кузьмин отыскивался. Он о чем-то спорил с благообразным господином, размахивая длинными полосками бумаги.

– Саша, – обрадовался Кузьмин, – вот не ожидал. Ты в гости или по делу? – И то и другое.

– Замечательно. Тебя, Соломон, спасло появление моего друга, – Кузьмин бросил на стол гранки, – поэтому наш спор переходит в разряд теоретических.

Кузьмин засмеялся, обнял Бахтина за плечи и вывел в коридор.

– Саша, очень славно, что ты меня навестил, пойдем в мою конуру.

Только Бахтин снял пальто, только уселся в кожаное кресло, как в дверь заглянул человек. – К тебе можно, Женя?

– Конечно, конечно. Знакомьтесь. Наш знаменитый криминалист Александр Петрович Бахтин, а это король московских репортеров Миша Павлов.

Бахтин протянул руку. Уж больно приятный и располагающий к себе стоял перед ним человек. Есть люди – увидишь человека и сразу поймешь, каков он. Миша Павлов очень понравился Бахтину.

– Для меня радость с вами познакомиться. Большая радость. Женя так много о вас говорил. Может быть, со знакомством? Миша Павлов лукаво улыбнулся. – Ты как, Саша? – Кузьмин посмотрел на Бахтина. – А когда я отказывался? – И то верно. Неси, Миша.

– Не пожалеете. – Павлов быстро выскочил за дверь. – У тебя дело, Саша?

– И весьма срочное. При этом «короле» можно говорить? – Ручаюсь, наш человек.

– Прекрасно. Одна голова хорошо, а две лучше, а три это уже Госдума.

Миша приволок бутылку натурального рома. Они выпили и пошли к Мише добивать вечер. Еще в кабинете за ромом и бутербродами с сыром Бахтин рассказал Кузьмину и Павлову свой план, который они, хотя и с некоторыми поправ-

ками, приняли с восторгом. Там, в доме Павлова, и началась развеселая московская гулянка. Актеры, журналисты, офицеры, служившие с Павловым в одном полку. Какие-то непонятные, но очень веселые люди. Бахтину все это напомнило Ирину квартиру на Екатерининском канале. Позже, почти ночью, пришла Мишина жена с подругами-актрисами. С одной из них – прелестной Машей, Бахтин ушел. А утром, лежа в чужой кровати, он с интересом разглядывал фотографии на стене маленькой спальни.

– Вставай, сыщик, – вошла в спальню Маша, – хочу тебе сразу сказать, что ты не только красивый мужик, но и великолепный любовник. – Мерси. – Только не зазнавайся. – Ты тоже очень хороша.

– И на том спасибо. Пошли чай пить. Голова болит? – В общем, нет, но похмелье чувствую. – Я тебя вылечу. Иди мойся.

В маленькой ванне на мраморной подставке лежала опасная бритва, помазок, в маленькую плоскую тарелочку было накрошено мыло. Почему-то именно эти мужские атрибуты задели самолюбие Бахтина. Интересно, кто же до него пользовался всем этим? Да какая разница. Маша прелестная молодая женщина, свободная и независимая. Бахтин побрился, принял душ. Потом растер лицо одеколоном и вышел к столу значительно посвежевшим. – Чем будешь похмеляться? – Шампанское есть? – Конечно.

Первый бокал разогнал окончательно мутную тяжесть в

голове, второй взбодрил, а третий выкрасил мир в веселые маскарадные краски.

Маша жила в Козицком, так что ему до службы всего два шага было.

Он попрощался с Машей, дав ей слово непременно встретиться вечером у театра.

Дежурный надзиратель протянул ему записку. Несколько раз телефонировал Кузьмин.

Бахтин поднялся на второй этаж, зашел к Маршалку.

– Ты куда пропал? – засмеялся Маршалк. – Слышал я, в Козицком, дом два, время с красивой дамой проводишь? – Ты что, Карл, пасешь меня?

– Ах, Саша, вся наша жизнь цепь случайностей. Сыщик Бородин из летучего отряда срисовал тебя случайно в Козицком, а по случаю того, что ты был весел, он на всякий случай тебя до подъезда проводил, ну а потом дежурному чиновнику доложил. Мало ли что. – Молодец. Только теперь роман завести нельзя.

– При нынешнем твоём положении – трудно. Ты же четвертое полицейское лицо в первопрестольной. Как дела? – Подожди. Бахтин поднял трубку и назвал номер редакции. – Женя, это я. – Саша, у нас все готово. – Спасибо, Женя, я тебе позже телефонировать буду. Бахтин положил трубку. – У них все готово. – А Дергаусов?

– Сегодня идет в баню. Пятница их законный день. Мой агент там, криминалисты? – Уж поехали. – Теперь будем

ждать.

– Давай чаю с ромом попьем. – Маршалк нажал на кнопку звонка.

Дергаусов был не в настроении, даже в баню не хотел ехать, но потом все-таки собрался. Коншин приструнил сыщиков. Но куда-то делась Наташка Вылетаева. Говорят, закрутила роман с оператором Дранковым. Сука грязная. Мало он ей передавал. Но ничего, он ее еще встретит. Бесследно канули документы Серегина. Было о чем подумать. Дергаусов много лет жил на грани краха, за долгие эти годы у него внутри поселился некий защитный механизм. Вроде как часики. Чуть опасность – они начинали бить тревогу. Нынче часы шли не то что ровно, но особых сбоев не замечалось. Да и вроде все сделано точно. Склад на Серегина списан, подполковника убили из-за денег, полиция напугана. Ну, а Наташка Вылетаева ему еще попадется. Правда, оставался еще один человек. Баба, которая передачу Серегину отдала, но она молчать будет. Ей присяжные за отравление выпишут вояж на Сахалин. А потом, она не знает его. С ней имел дело Стась. А этого они не найдут долго. В кабинет Маршалка постучались. – Заходи. – Господина Бахтина к его аппарату требуют. Бахтин поставил стакан, прошел в свой кабинет. – У аппарата.

– Александр Петрович, – голос в трубке очень знакомый, – не удивляйтесь, это Рубин. – Чем могу, Григорий Львович?
– Да на этот раз я могу вам помочь. Вот адресок, пишите. –

Пишу.

– Большой Афанасьевский, четыре, квартира шесть. Крылова Алла Петровна. – Кто это?

– Я же сказал вам тогда, у Усова, что зла на вас не держу, а убитый подполковник был нашим другом. У этой дамы вы все о смерти Серегина узнаете. – Вот спасибо. Ваш должник.

– Ловлю на слове. Вы поезжайте, она сейчас дома, правда, не одна. – И это вы знаете? – Я многое знаю. Желаю здравствовать.

Бахтин положил трубку. Лихо Рубин топит Дергаусова. Избавляется от конкурента.

Дом четыре был небольшой, но очень симпатичный. На первом этаже пять маленьких квартир, на втором – одна.

– Дверь сможешь открыть? – повернулся Бахтин к Баулину. Надзиратель внимательно осмотрел замки. – Открою. – Давай.

Кузьма вытащил из кармана пару отмычек, которым позавидовал бы любой вор-домушник, и вставил одну из них в английский замок. Раздался легкий щелчок, и дверь раскрылась. Бахтин, сыщики и городовые вошли в коридор.

– Что-то темновато. – Бахтин повернул выключатель, и прихожую залил матово-бледный свет люстры.

– Кто?! Кто?!. – послышался женский голос, и в коридор выскочила красивая пышная дама в почти прозрачном пеньюаре.

– Полиция, мадам, - усмехнулся Бахтин, – извините, что

вытащили вас из-под мужчины. Гейде? – Я здесь. – Где околочный? Околочный подошел к Крыловой. – Она это, ваше высокоблагородие, она, сука.

– Вы арестованы, мадам Крылова. – Бахтин, не глядя на чуть не теряющую сознание женщину, прошел в комнату. – Зовите понятых и начинайте обыск.

Войдя в баню, Дергаусов успокоился окончательно. Запах банный, приглушенные голоса, ожидание блаженного ожога пара – разве не стоило жить и рисковать ради этого.

Простынщик Яков, услужливый ярославец, вот уже пять лет ублажавший его в номере, распахнул дверь. – Все собрались, ваша честь, ожидают.

На диванах расположилась обычная банная компания. Два полковника из интендантства, чиновник для поручений при градоначальнике, текстильный фабрикант Наумов. – А мы тебя, Юрий Александрович, заждались.

– Ну что, выпьем сначала? – спросил полковник Рогов.

– Только пиво, только пиво, – замахал руками Дергаусов, – чтобы пропотеть получше.

Вездесущий Яков появился с пивом. Ловко откупорил высокие бутылки «Трехгорного», разлил по бокалам. – После баньки чем попотчевать?

– Ну, господа? – спросил Дергаусов. – Сегодня мой день угощать. Ну, кто что пьет, Яков, ты знаешь, а закусочку всю рыбную, а горячее... пошли, пожалуй, в «Эрмитаж» за жульенчиками и к Автандилу за шашлыками.

– Сделаю-с. В лучшем виде. Одежду забирать можно? – Забирай. Яков подошел к дверям и крикнул: – Мишка!

Мишка Чиновник, в белой рубаше и портках, с фартуком поверх появился в номере. – Звали, Яков Семенович? – Забирай обувь, вычисти. И всю одежду в гладку. – Будет сделано, Яков Семенович.

– Осторожно, бревно! Новенький он, из пораненных солдат.

Но ни Дергаусов, ни его компаньоны совершенно не обратили внимания на Мишку. Их ждала парилка. Мишка аккуратно сложил в мешки одежду и обувь. Тюк с мундирами и пиджаками отнес в гладильню. Сапоги в маленькую конурку под лестницей, где беспощадно воняло гуталином.

Через несколько минут к нему заглянул надзиратель Соловьев. – Есть? – Бери.

Он вернул сапог Дергаусова через полчаса. А через час вычищенная до блеска обувь стояла в номере.

– Господин Бахтин, – сказала Крылова, – я не знала, что пища отравлена.

– Охотно верю, мадам, – Бахтин встал, прошелся по кабинету. – Охотно верю, но поверят ли присяжные. Только ваша искренность может отвести от вас обвинение в отравлении. – Я готова рассказать все. – Я слушаю.

– Рано утром того дня ко мне пришел Станислав Пашковский... – Кто это?

– Я была знакома с ним по Варшаве. О нем говорили раз-

ное. Потом он появился в Москве. – Как вы попали в зависимость от него?

– Я крупно проигралась, и он за разные услуги списывал часть долга. – У него была ваша расписка? – Да. – Какая сумма? – Пятнадцать тысяч. – Какого рода услуги вы оказывали ему?

– Обычные. По его просьбе знакомилась с мужчинами, приглашала к себе. – Но в этом нет криминала.

– В общем, пока мы были в спальне, Стась осматривал карманы, снимал слепки с ключей.

– Понятно. А не было ли у вас в гостях подполковника Княжина? – Был. – Что делал Пашковский, что-то искал? – Не знаю. – Верю. Вернемся к передаче.

– Он привез продукты и сказал: «Отвези в участок нашему парню, скажи, что ты его сестра». – И вы отвезли. – Да.

Бахтин ей поверил сразу и безоговорочно. Сколько за службу он видел таких красиво-праздных идиотов, которые были готовы на все ради собственного комфорта. Только потом, в полиции или камере судебного следователя, до них начинало доходить, что прятать краденое, опаивать людей снотворным и обирать или воровать драгоценности дело подсудное. – Мадам Крылова, кто такой Пашковский?

– Стась? Я с ним познакомилась в Варшаве, он игрок. Позвольте папиросу? Крылова затянулась. Помолчала. – Он страшный человек. – Ой ли? – засмеялся Бахтин.

– Да, представьте себе. Он несколько лет шантажировал

меня. – Но вы же проигрались недавно. – В мае. – Значит, было что-то другое?

– Господин Бахтин, мало ли что случается с одинокой, свободной женщиной. – Где живет Пашковский? – Я не знаю.

– Мадам, вы находитесь в сыскной полиции, подозреваетесь в умышленном отравлении человека. Думаю, что для вас, мадам Крылова, есть один лишь выход – полная откровенность. Поэтому сейчас чиновник для поручений Валентин Яковлевич Кулик поможет вам оформить показания. Ждите.

Значит, Пашковский. Залетный из Варшавы. Наверняка прибыл в Москву вместе с польскими беженцами. Беженцев из Польши в Москву приехало видимо-невидимо. Но и администрация в Москву прибыла. На Тверской расположилась канцелярия варшавского генерал-губернатора. А на Спиридоньевской, 12 разместилось сыскное отделение, начальником которого был душевный приятель Бахтина, надворный советник Курантовский Людвиг Анатольевич. Бахтин связался с ним по телефону и через пять минут знал о Пашковском все. Но знание это не принесло ему острой радости. Оказывается, у Пашковского была другая фамилия и, в довершение всего, кличка. По учету варшавских сыщиков он проходил, как Казимир Калецкий, кличка Нож, и был он не игроком, а бандитом и убийцей. Курантовский знал, что Нож в Москве, искал его, но пока выйти на него не мог. Кроме налетов и грабежей, за ним числилось несколько заказных

убийств в Австрии и Чехии. Но это были ничем не подтвержденные агентурные данные. Короче, более близкое знакомство с биографией поляка позволяло считать его противником вполне профессиональным и опасным. Бахтин вызвал заведующего летучим отрядом и приказал повесить наружку за Дергаусовым.

– Бога побойтесь, Александр Петрович, он же везде на авто ездит, – развел руками Скоморохов. – Даже если мы найдем авто, то он нас срисует на втором повороте.

– Хорошо, Петр Нилыч, прикройте его квартиру, службу и ресторан «Мавритания». И пусть наружники, если надо, нанимают лихачей и моторы. – Траты большие.

– Это всего дня на четыре. А сейчас пошлите людей, пусть ко мне приведут Андрея Дранкова, оператора из кинофабрики, адрес я им дам.

Почти неделю Андрей Дранков жил вместе с Натальей Вылетаевой. Они утром уходили на съемку, потом возвращались домой. Странное ощущение испытывал Дранков все эти дни. Он словно заново узнавал хорошо знакомого человека. Впрочем, что он раньше знал о Наташе? Только то, что говорили о ней в коридорах киноателье и за столиками кафе «Око». Другой, совсем другой человек был рядом с ним. Заботливая, тихая, добрая женщина, погруженная в их жизнь и отношения. Случилось чудо, Наташа, словно грим с лица, смыла с себя всю прежнюю жизнь, полностью отдавшись своему чувству и тихому женскому счастью. Это радовало

и пугало Андрея. Радовало, что он наконец встретил женщину, о которой думал всегда, а пугало то, что с каждым днем он все больше прикипал к Наташе. Семейную идиллию немного портили сыщики, охранявшие их круглые сутки. Одного из них Андрей даже приспособил таскать аппарат, навинчивать объективы, управляться с пленкой при перезарядке. Все ограничения, которые он оговорил с Бахтиным, почему-то совершенно не угнетали его. Он не боялся встречи с Дергаусовым или его людьми. Был Дранков человеком крепким, кроме того, он постоянно носил с собой браунинг. Как все самоуверенные люди, которым многое легко удается, он считал себя безусловно храбрым человеком. Он был единственным оператором, поставившим камеру на бруствер окопа во время боя и снимавшим под пулями противника. Тогда ему повезло. И разговоры о его необычайной храбрости по сей день ходили в кинокругах. Но это была прилюдная храбрость, свойственная многим нервным натурам. Подлинно мужественным становится человек только тогда, когда встречается с опасностью один на один, без зрителей. Только ты и враг. Только жизнь и смерть. И если человек проходит через это, он может называться храбрым. Дранков не прошел этого испытания. Он всегда был на людях, и в смелости его прочитывалась явная театральщина. С Бахтиным они встречались на явочной квартире у Покровских ворот. Разговор был недолгим, и Дранков согласился сразу. Врожденный авантюризм его натуры требовал постоянного

выхода. Прощаясь, Бахтин сказал:

– Ну вот, Андрей Васильевич, только вы видели эти документы. Значит, только вы сможете рассказать о них Дергаусову. Не продешевите, но и не назначайте немислимых сумм. А главное, помните, что я втравливаю вас в весьма опасное дело. Правда, если вы нам поможете, то мы возьмем эту шайку через два-три дня. Но эти три дня...

– Милый Александр Петрович, еще десять дней назад, сделай вы подобное предложение, я отверг бы его с возмущением. Но нынче у меня появились собственные счета к этому деляге, посему делаю я это не для вас, а для другого человека.

– Ну что ж, Андрей Васильевич, я не хочу выяснять первоистоки вашей неприязни, я прошу только об одном. Будьте предельно осторожны.

Дранков посмотрел на Бахтина, усмехнулся, как-то странно кивнул головой и вышел. Хлопнула дверь. Бахтин подошел к окну и увидел, как Дранков осторожно перескакивает через лужи. В его походке было столько веселой уверенности, что Бахтин поверил – с этим человеком ничего плохого не случится.

Итак, завтра произойдет главное, через несколько минут Дранкову передадут отпечатанную полосу номера газеты, и его дело только описать документы и получить деньги.

Конечно, Дранков может сдать эту сумму в казну и тогда станет свидетелем.

Но Бахтин уже заранее услышал речь защитника, который обвинит перед присяжными полицию в провокации.

Поэтому гори они огнем, эти деньги, главное, чтобы Дранков сделал сегодня это дело, а там выведем его из следствия.

Нынче в полдень Дергаусов говорил с Коншиным. Начальник после завтрака в ресторане «Эрмитаж» был в состоянии некоей приподнятости, посему находился в настроении изумительном.

– Юрий Александрович, – засмеялся Коншин, – читал вашу бумагу, ну зачем вам, право, это нужно? Чем же первопрестольная не угодила?

– Иван Алексеевич, после всех скандалов и неприятностей хочу ближе к фронту.

– Мне жаль вас отпускать, Юрий Александрович. Сработались мы славно, подружились. Но вместе с тем, я вас понимаю, шепоток этот гнусный кого хочешь до исступления доведет. Прощение ваше я князю Львову отнес, он милостиво начертал на нем согласие и направляет вас в Персию, в экспедиционный корпус генерала Баратова, уполномоченным полковых санитарных отрядов. Так что, голубчик, надевайте новые погоны и собирайтесь в путь.

Вот это действительно была удача. Во-первых, Персия, где денежное содержание платилось в золотых рублях, во-вторых, чин, а в-третьих, огромные казенные суммы и полная бесконтрольность. Вот уж привалило, так привалило. Дергаусов, не заходя в отдел, поехал домой, надо было сосре-

доточиться, о делах подумать. Проживал он в Большом Николо-Песковском переулке, в доме Скворцова. Квартиру занимал во втором этаже из трех комнат. Мебель своя. Да и не стал бы он никогда жить с хозяйской мебелью, изъеденной жучками. Элегантная квартира у Дергаусова. Обставленная современно и богато. Картины неплохие висели. Конечно, не из первого ряда, но вполне отвечавшие обстановке. Приходящая горничная уже ушла, в комнатах висела ничем не нарушаемая тишина. Прекрасная тишина начала московской зимы. Она словно снег – невесома и пушиста. На душе у Дергаусова стало спокойно и благостно. Он пошел в кабинет, достал из шкафа бутылку французского коньяка, налил высокий фужер. Ну что же, Юрий Александрович, можно и баланс подбить. Покойный Серегин. Наивный, романтический мальчик. Носил на шее медальон с Наташкиным портретом. Влюблен был. Казимир нашел специалиста, тот написал ему письмо. От Наташкиной руки не отличить. Она просила взять на себя поджог и убийство, всего на один день, пока не восторжествует правда. Просила об этом письме молчать. Дурачок согласился. Вот и все. Ищите, сыщики. Правда, документы куда-то делись. Из-за них пришлось подполковника убрать, а бумаг нет, как нет. Видно, сгнули они с концами. Да что о тех бумагах думать. Целый склад сгорел. Докажи теперь, что там гниль лежала! Попробуй, ну а бумаги те, даже если появятся, всегда можно подлогом назвать. Теперь с Казимиром. Он его, конечно, с собой возьмет. Тем

более, что год уже Нож числится по Союзу городов и щеголяет по Москве в форме с серебряными погонами. Сегодня же напишет Дергаусов ему прогонную и в Персию. Квартиру эту он за собой оставит. Удобная. Арбат в двух шагах. Тем более, что она ему ни копейки не стоила. Привозил Дергаусов в магазин, который держал владелец дома, консервы, галеты, шоколад, коньяк со складов Земсоюза, да еще сам навар имел. Теперь все это будет поставлять Губер. Пока все складывалось неплохо. А мелочи... В неразберихе военного времени практически не важны. Ну что ж, сегодня он будет делать отвальную. Дергаусов поднял телефонную трубку и назвал номер «Мавритании». Ближе к вечеру пошел снег. Закрутил по горбатым переулкам ветер. Раньше времени опустилась на город вязкая мгла. Засветились радостно окна, фонари вступили в бессмысленный поединок с тьмой. Метель загуляла по городу. Первая декабрьская метель. Андрей Дранков вышел из парадного во двор. Здесь было тихо. Ветер даже не намел сугробы, и снег лежал, словно толстое одеяло. Он шел и думал о Дергаусове. За эти дни Наташа рассказала ему много об этом человеке. Конечно, если бы не любовь к помятой жизнью женщине и внезапно возникший инстинкт защитника, он ни за что бы не согласился на предложение Бахтина. Сыщик желал зла Дергаусову, следовательно, их планы на данный момент совпадали. Перед аркой, ведущей на улицу, где его ждал экипаж, на козлах которого восседал сыщик из летучего отряда, Дранков достал браунинг, загнал патрон

в патронник, поставил оружие на предохранитель. Конечно, сыщики, которые неделю как охраняют их с Натальей, хорошо, но он всю жизнь привык надеяться на себя. Ну, а теперь в «Мавританию». Война войной, а народ гулял, как перед страшным судом. Никогда еще рестораторы не получали таких барышей, как в конце шестнадцатого года. Неудачи на фронте. Нестабильность в тылу. Шальные деньги, которые сами плыли в карманы жуликов, оседали в многочисленных московских кабаках. Люди гуляли страшно и откровенно, словно зная, что у них нет завтрашнего дня. Поставщики, сделавшие миллионы на гнилье, чиновники, берущие фантастические взятки, интендантские офицеры, забывшие свой долг, редкие фронтовики, попавшие в Москву на пару-тройку дней, пили, дрались, плакали и даже стрелялись. Конечно в «Эрмитаже» или «Метрополе» все было пристойнее. Там публика все больше солидная. А «Мавритания» – гавань, куда военный ветер загонял побитые страшным временем корабли. Швейцар почтительно принял у Дергаусова пальто.

– Давно не заходили, Семен Семенович ждут.

Дверь в кабинет Семена была приоткрыта. Андрей услышал голос своего дружка, он кому-то втолковывал по аппарату, что омары над подвезти не позже завтрашнего дня. Дранков вошел в пахнущий хорошим табаком полумрак кабинета. Семен увидел его, махнул рукой.

– Значит, так, Самуил Наумович, завтра. У меня все. Се-

мен положил трубку на рычаг.

– Андрюша! Здравствуй, милый. Ты, говорят, женился? –
Вроде того, Сема.

Семен помолчал, достал из стола бутылку французского коньяка. Разлил по стаканам.

– Ну что ж. Дай Бог тебе счастья. Наташа дама видная.

Они выпили. И Андрей был благодарен другу за то, что не приставал он с расспросами, не пересказывал сплетни, которые окружали имя Наташи Вылетаевой. Женился, значит, так надо, – У тебя это серьезно? – Весьма. – Венчаться будете? – Через два дня, ты шафер. – Спасибо. Где свадьбу отгуляем? – В «Мавритании». – Гостей много? – Человек двадцать. – Все будет в лучшем виде. Как у тебя с деньгами? – Дергаусов гуляет? – В третьем кабинете.

– Вот сейчас мы денежки-то и получим. Дай мне пару твоих ребят для страховки. – Сделаем! Моя роль? – Безумно проста. Вызови Дергаусова. – Пошли в фонтанный кабинет, там нынче пусто.

В кабинете – огромной комнате, посередине которой был сооружен фонтан, Дранков уселся на вытертый плюшевый диван и приготовился ждать.

Но Дергаусов появился сразу. Он был в форме, с кобурой на поясе, голенища лакированных сапог нестерпимо блестя.

– Кажется, я имею честь видеть господина Дранкова? – нехорошо усмехнулся он. – Именно. – Вы принесли мне по-

слание от Наташи! – Нет.

– Так чем же я могу быть вам полезен? Дранков полез в карман, достал сложенную газетную полосу.

– Это набор завтрашнего номера «Русского слова», не желаете ознакомиться?

Дергаусов взял газетный лист, присел на диван и начал читать.

Дранков закурил, с интересом разглядывая Дергаусова. В общем, мужик он ничего. Видный и форма сидит, как влитая. Весьма воинственно выглядит Юрий Александрович. Папироса догорела, а Дергаусов продолжал читать.

Закончив, он аккуратно сложил полосу и сунул ее в нагрудный карман френча. – Что вы хотите? – поднял он глаза на Дранкова. – Ну, чего хочу я, нетрудно догадаться. – Денег? – Естественно. – За этот кусочек бумаги? – Нет. – А тогда за что?

– Я укажу вам, где документы, о которых пишет Кузьмин. – Какие документы?

– Акт приемки лежалых шинелей, сапог и папах со складов купца Чернова в Самаре. Два товарных чека оплаты, четыре железнодорожные накладные, две складские с пресненских складов, где это дерьмо принято первым сортом, письмо за вашей подписью... – Сколько? – Десять тысяч немедленно. – Что, за это?

– Место, где лежат документы, ключ от двери и план, как их найти. – Я слушаю. – Сначала деньги. – Но у меня нет с

собой такой суммы.

– Тогда, – Дранков встал, – я вас больше не задерживаю. – Это не деловой разговор. – А я не делец. – Вы, голубчик, шантажист. – Возможно. Но я беру деньги у вора. – Легче...

– Так я пошел. Честь имею. – Дранков шагнул к двери.

– Вам не удастся уйти, за дверью мои люди, – нехорошо усмехнулся Дергаусов. – Думаю, я уйду.

Дергаусов поглядел на Дранкова и понял, что этот человек способен на все.

– Ну зачем же так, господин Дранков? Я коммерсант, предпочитаю дела решать полюбовно. Десять, так десять.

Дергаусов полез в карман брюк и вынул пачку «петруш» – пятисотенных. Усмехнувшись, отсчитал двадцать штук. – Прошу.

Дранков достал из жилетного кармана ключ, положил на стол.

– И это все? – усмехнулся Дергаусов. – А где же таинственная дверь? Андрей извлек листок бумаги, развернул. – Что это?

– Смотрите сами. Третье окно на первом этаже. Видите крестик? – Вижу.

– Оно открыто. Через него человек попадает в коридор. Поднимается на второй этаж. Четвертая дверь от лестницы, ее ваш человек откроет этим ключом. Ключ надобно оставить в замке. – Зачем? – удивился Дергаусов.

– Потому что я его украл. Пусть господа журналисты ду-

мают, что это сделал кто-то свой. В комнате стол, во втором ящике красная сафьяновая папка с золотым тиснением «Е. Кузьмину от коллег», в ней документы. – Стол заперт? – Нет. – Сторож?

– Он уходит в полночь и возвращается минут через сорок. – Куда уходит?

– К воротам типографии, впускает ломовиков с бумагой. – Это стоит десять тысяч? – Да. Дранков взял со стола пачку денег. – Желаю здравствовать. Дергаусов тяжело посмотрел ему вслед.

«Иди пока. Только ключ и папку полиция найдет завтра у тебя в киноателье, а тебя самого, Бог даст, по весне, когда Москва-река вскрыется...» У входа в кабинет его ждал Казимир Нож. – Где Дранков живет, знаешь? – Да.

– Воробья и Леху на моем моторе к нему во двор. Пусть глушат и в реку. А для тебя есть особое дело. Дранков зашел к Семену. – Ну как? Андрей достал пачку денег, положил на стол. – Это на свадьбу. – Сколько здесь? – Десять тысяч. – Неплохо. – Погуляем за счет Дергаусова. – Ну ты, Андрюша, орел.

– Ворон я, Сеня, общипанный ворон, клюющий падаль. Дай мне с собой что-нибудь. – Закуски, выпивки? – Всего.

Дранков ехал через заснеженный город и думал о том, что больше никогда не будет помогать Семену в его делах. Шантаж – не его призвание. У него и Наташи сегодня достаточно денег, чтобы снять фильму. А сценарий для нее напишет он

сам. В новой ленте будут гореть склады, солдатиков он покажет в продутых ветром шинелях, а, главное, снимет всю тыловую сволочь, все жулье, делающее миллионы на солдатской крови.

Пролетка ехала не торопясь, колеса пробуксовывали на снегу. Через пару дней на санках придется ездить. Дранков подумал, что скоро Рождество, а там и Новый год, и ему стало легко и спокойно. Правда, когда пролетка свернула с Тверской и колеса застучали по булыгам Грузин, он вдруг почувствовал беспричинную опасность. Гоня от себя мысли о плохом, он все же вынул браунинг из заднего кармана, снял с предохранителя и сунул его в карман пальто. Держа корзину в левой руке, Андрей вошел под арку и увидел, как от стены на него надвинулись двое в шинелях. Дранков выдернул из кармана браунинг. – Буду стрелять. – Попробуй, сука.

В руке у одного сверкнуло лезвие ножа, и Дранков выстрелил.

– А-а-а, – дико заголосил Воробей. Второй бросился на улицу, но натолкнулся на сыщика. – Целы, Андрей Васильевич? – крикнул сыщик. – Вроде, да.

В нескольких шагах от них, завывая от боли, корчился на снегу человек; второй с поднятыми руками стоял у стены. Из его подъезда на шум выстрела бежали двое агентов из летучего отряда.

– Ну какая же сволочь Дергаусов. – Дранков сунул браунинг в карман и, осторожно неся корзину, пошел к своему

парадному. Фельдшер закончил бинтовать ногу задержанного. – У меня все, господин начальник.

– Тогда иди. – Бахтин подошел к полулежащему на диване налетчику. – Кто послал? – Сами, карася грабануть хотели.

– Значит, сами. – Бахтин взял тяжелую трость, прислоненную к стене, и с оттягом рубанул по забинтованной ноге. Дико закричал задержанный. В комнату вбежали Кулик и Гейде. – Что?!

– А ничего – хамит. – Бахтин присел на стол, закурил. – Так кто послал?

Воробей зло посмотрел на него и процедил с ненавистью: – Да пошел ты...

Договорить он не успел. Гейде ножами шашки изо всех сил ударил его по ноге.

Воробей даже не крикнул, а охнул тихо и потерял сознание.

– Смотри-ка, – удивился Бахтин, – а на вид вполне крепкий мужик.

Он взял графин с водой и вылил на голову налетчика. Тот застонал, задергался на диване. Бахтину не было жаль этого человека, всего час назад пытавшегося отправить на тот свет Дранкова. Да и не был он человеком в представлении сыщика Бахтина. Ежедневно ему приходилось сталкиваться со всей городской мразью. И если человек, попавший в сыскную случайно, укравший от голода, от нужды тяжелой, вызывал в нем сочувствие, то жиганье он ненавидел и был к

ним беспощадным.

«Агент и кулак – вот главное оружие сыщика», – любил говорить Бахтин. Налетчик замычал, открыл глаза.

– Кто тебя послал, сука? – Бахтин подошел к дивану. – Не скажешь, останешься без ноги. – Казимир послал. – Нож? – Он. – А еще кто? Ну телись, сволочь, телись! – Хозяин наш, Дергаусов.

– Ну вот, видишь, как все просто, а ты, дурочка, боялась, – засмеялся Гейде. – Степан Николаевич, – сказал Бахтин, – распорядитесь о враче. В тюремную больницу его. Он присел на диван. – Как зовут тебя?

– Сомов Григорий, – сквозь слезы ответил налетчик. – Кличка? – Воробей. – Плохо? – Да куда хуже, господин полицейский.

Бахтин встал, подошел к шкафу, вынул бутылку водки, налил полный стакан:

– На, – протянул его Воробью, – выпей, полегчает.

К полуночи утихшая было метель опять закрутила. Снег залепил фонари, окна, и город погрузился в вязкую темень. Ветер слизнул с улицы прохожих. Да и кому в голову придет шататься по Москве в такое время. Казимир стоял в подворотне, напротив дверей редакции «Русского слова». Он приехал сюда минут двадцать назад, поэтому еще не успел замерзнуть. Но ветер был какой-то шалый, постоянно меняющий направление. То он нес клочья снега вдоль улицы, то вдруг врывался в подворотню и за секунду продувал ее хо-

лодом. Где же этот чертов сторож? Спит небось старая сволочь. А Дергаусов тоже хорош. Сказал нынче, что надо уезжать в Персию. Да зачем она ему сдалась, Персия эта? Какого дьявола он там забыл? Нет. Бумажки-то эти он возьмет. А потом пусть хозяин выкупает их у него. За хорошие деньги. ИмперIALы. Только они нынче в цене. Казимир знал, где у Дергаусова «лабазы каменные», знал он, где Юрочка хранит свои денежки. Можно было бы вообще сразу поехать в Малый Козихинский, да и грабануть его. Пожалуй, он так и сделает. Сначала возьмет бумажки, а потом – туда. Благо пешком ходу десять минут. Пусть в свою Персию едет. Там край богатый, он себе еще наворует. А документы эти – гарантия. Пока они у него, Юрочка к легавым не пойдет. Ну, наконец-то. Казимир подождал, пока сторож скроется в метельной тьме, и перебежал улицу. Вот оно окно.

Казимир стал на выступ стены, толкнул окно. Оно поддалось. Он подтянулся и бросил свое легкое тело через карниз. Аккуратно спрыгнул в коридор, закрыл окно. Потом прислушался. В доме было тихо. Казимир вынул из кармана шинели потайной фонарь. Желтоватый кружок побежал по полу, осветил стены, вытертый ковер, стулья, диван прожженный. Он прошел в прихожую, поднялся по лестнице. Прислушался. Тихо. Коридор показался Казимиру бесконечным. Правда, ковер на полу глушил шаги, но все же некое чувство дискомфорта Нож ощущал. Он уже подумал о том, чтобы повернуть назад. Но ожидание на холоде, удачный прыжок в окно,

тишина в редакции – все это успокоило его. Вот четвертая дверь. Казимир осветил замочную скважину, вставил ключ. Замок открылся сразу. Он толкнул дверь и вошел в темный кабинет. Полоснул лучом фонаря по плотно занавешенным окнам. Тяжелые портьеры закрывали их от потолка до пола. Подошел к письменному столу. Выдернул второй ящик, сверху лежала папка с золотым тиснением. Казимир достал ее... И тут вспыхнул свет. Из-за портьер выскочили люди с оружием. – Руки!

На него смотрели четыре револьверных ствола, в такой ситуации только обнюхавшийся кокаином человек мог начать сопротивляться. – Обыщите его. В комнату вошел высокий элегантный господин. – Ну что, Нож, отгулял? – Я не понимаю, о чем вы говорите. – Не лепи горбатого.

И тут в кабинет вошел Курантовский из варшавской сыскной. И Казимир понял, что влип. Бахтин подошел к столу.

– Ну, что, Калецкий, сами расскажете, как убили городского, или будем беседовать в сыскной?

Казимир посмотрел на сыщика и понял, что они знают много, а то, чего не знают, выбьют у него на допросе. – А что вы хотите узнать? – Кто убил городского и поджег склад. – Городового убил Дергаусов. – Из чего он стрелял? – Из маленького браунинга. – Чем докажешь?

– А у него в кармане шинели запасная обойма осталась.

И было это чистой правдой, потому что Казимир, уезжая из ресторана, повинувшись какому-то неосознанному чув-

ству, сам положил ее в карман шинели Дергаусова. И именно это спасало его от виселицы, которая по военному времени вполне могла обломиться за убийство чина полиции. – Твоя роль?

– Я, господин начальник, только газолин принес.

Бахтин посмотрел на этого маленького изящного человека, на котором мундир Земсоюза сидел с необыкновенным шиком, и подивился, как в этом субтильном существе живет столько скверны.

– Господин начальник, я хотел бы поговорить с вами и паном Курантовским тет-а-тет.

– Любопытно. Господа, оставьте нас втроем, – усмехнулся Бахтин. Сыщики вышли.

– Ну, что же вы желаете нам поведать, пан Калецкий? – Господин начальник, я вам все расскажу о делах Дергаусова, если пан Курантовский забудет о моих варшавских шалостях.

– Шалостях, – засмеялся Курантовский, – а ломбард, а ювелирная лавка на Крахмальной... – Я сдам подельников.

– Не торгуйся, Казимир, – Бахтин закурил, – есть несколько путей отвести тебя от петли. Возможно, ты нам понадобишься, но пока напиши все, что знаешь о Дергаусове. – Я был слепым орудием, господин начальник.

– Не лепи горбатого, Казимир, ты же не фраер, а авторитетный налетчик. Смешно, ей-богу. Степан Николаевич! В комнату вошел ротмистр Гейде.

– Александр Петрович, обойма действительно в кармане шинели Дерагусова. В гардеробе двое сыщиков.

– Степан Николаевич, берите его и допросите по всей форме. Только о подполковнике Княжине ни слова пока, – понизил голос Бахтин. – А мы в «Мавританию».

Во втором часу ночи Дерагусов почувствовал, что захмелел. Нет. Он пьяным не был. К нему пришло счастливое ощущение публичного одиночества, когда все происходящее в кабинете ресторана отдалилось от него, стало неважным и неинтересным. В углу играл на рояле элегантный худощавый человек в ярком платке вместо галстука. Голос его грустно-надтреснутый, чуть грассирующий, заставлял Дерагусова полностью абстрагироваться от реальности. Про себя он повторял щемящие слова ромansa: «...кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы...» Господи, до чего же хорошо!

И певец этот Саша, которого затащил к ним Сережка Лидин, пел изумительные песенки, так созвучные настроению Дерагусова.

Ему было грустно уезжать из привычного московского мира. От веселых женщин, сытных кабаков, от всей этой бесшабашной компании.

Вошел официант, поклонился.

– Вас, ваше высокоблагородие, господин Пашковский к аппарату просят.

– К аппарату. Куда? – Дерагусов начал застегивать френч. – Здесь, рядом-с. – Пошли.

Он встал и зашагал к дверям. Никто из веселой компании не обратил на него внимания.

Официант услужливо скользил впереди, показывая дорогу. – Здесь. Дергаусов открыл дверь.

Официант толкнул его в спину, и он буквально влетел в кабинет. – Как...

Он не успел договорить, двое ловких молодых людей схватили его за руки. Щелкнули наручники.

И только тогда Дергаусов увидел, что в комнате у стены стояли еще трое.

К нему вплотную подошел высокий, модно одетый человек.

– Я помощник начальника Московской сыскной полиции коллежский советник Бахтин, арестовываю вас как подозреваемого в поджоге пресненского склада и убийстве городского Полуянова.

Дергаусов молчал. Он просто не мог поверить. Не мог вспомнить слова. – Ваша шинель в гардеробе? – спросил Бахтин. Дергаусов кивнул. – Пошли.

В гардеробе перепуганный швейцар накинул шинель на плечи Дергаусова. – Минутку, – подошел Бахтин, – понятия здесь?

– Здесь, господин начальник, – рявкнул радостно Баулин. – Обыщите.

Баулин вынул из кармана шинели инкрустированную серебром обойму от браунинга.

– Нет! – закричал Дергаусов. – Нет! – И забился в руках сыщиков.

Домой Бахтин приехал утром. Прошел в кабинет и сел не раздеваясь у окна. Светало, и город за окном, заваленный снегом, с горящими теплым огнем окнами, казался дивной рождественской открыткой. Многосуточная усталость сразу прошла, как только он сел в привычное кресло, положил руки на зеленое сукно стола. Муркнув, ему на колени прыгнула Луша, залезла на грудь и запела радостно. Бахтин тоже обрадовался ей. Как каждый одинокий человек, он с возрастом все больше привязывался к улицам, домам, животным. Ну и, конечно, к книгам. И было это противоестественно, потому что люди тянулись к нему, многие, особенно сослуживцы, подражали его манере одеваться, говорить. Бахтин тоже был расположен к людям. Он искренне дружил с Женей Кузьминым, скучал по Оресту Литвину и Филиппову. Был сердечно привязан к Ирине, когда-то безмерно любил Лену Глебову.

Чувство одиночества он испытал сразу после исключения из училища. Для него закрылись двери приличных домов. И те юношеские связи, которые с возрастом перерастают в определенные светско-деловые отношения, окончательно оборвались после его ухода в полицию.

На беспокойном поприще своем он заработал некую известность – сродни популярности циркового борца, получил русские и иностранные награды, чин шестого класса, но тем не менее остался полицейским чиновником, то есть челове-

ком, с которым неудобно было иметь короткие отношения.

Но так уж сложилось, что все его друзья и привязанности, приобретенные в молодости, остались словно за стеклянной дверью, – он видел их, голоса слышал, а войти не мог. Потому что дверь та открывалась только с одной стороны.

А он хотел именно туда. Хотя и знал, что общество то больно и порочно. Что многие из этих лощеных, истинно светских людей нечисты на руку, развратны и подлы. Но что делать, людям всегда хочется попасть именно туда, куда их никогда не пустят. И Бахтин часто думал о том, как открыть эту чертову дверь. Как попасть в тот красивый и легкий мир. Сначала он думал, что чины и награды помогут ему. Нет. Шли годы, он становился старше, кажется, пора успокоиться. Женился бы на милой дочке одного из коллег, воспитывал бы детей. Но слаб человек. Живет в нем всепоглощающее тщеславие, и от этой болезни возраст не лечит. Так и остался он человеком за дверью. Но все-таки он сделал свое дело. И человек из общества присядет на скамью подсудимых. И родилось внутри его щемящее чувство победы. Словно запели трубы на юнкерском плацу. Бахтин аккуратно взял Лушу, не раздеваясь лег на диван и немедленно заснул.

– Уж и не знаю, что мне делать, – полицмейстер, московский генерал Золотарев, тяжело вздохнул. – По службе нашей собачьей я искренне благодарю вас. Вот и распоряжение подготовил о поощрении всех, в деле участвовавших. Более того, князь Львов из сумм Земсоюза средства немалые вы-

делил на поощрение. Военное ведомство награждать вас собирается. Но не знаю, что и делать, градоначальник весьма недоволен.

– Позвольте, ваше превосходительство. Как же так, мы такое сложное дело подняли, за месяц буквально...

– Да сидите вы, Карл Петрович, голубчик вы мой, я разве не понимаю, но Коншин ваш должен стать родственником Климовича, а его все московские газеты полощут. Ну, а вы что молчите, Александр Петрович?

– Жду, ваше превосходительство, жду, когда до меня очередь дойдет. – Уже дошла, – Золотарев грузно опустился в кресло, – езжайте домой, переодевайтесь по форме и к градоначальнику. И очень прошу вас, Александр Петрович, сдержитесь. Выслушайте все и плюньте.

– Ваше превосходительство, скажите мне как непосредственный начальник: что я совершил противозаконного. – Ну, разве вы не понимаете? – Никак нет, ваше превосходительство.

– Не так мы говорим, не так. – Золотарев нервно чиркнул спичкой, прикурил. – Я вам враг разве? Да что говорить, собачья у нас служба. Идите, голубчик. И помните, в три вы у генерала Климовича.

В час Климович встретился с начальником Охранного отделения полковником Мартыновым. – Вот, ваше превосходительство...

– Да бросьте вы, Андрей Петрович, не на параде, попрошу

без чинов.

– Слушаюсь, Евгений Константинович, вот разработка на Бахтина. – Сами перескажите.

– К нему весьма благосклонен Белецкий, пользовался покровительством Джунковского. Учился в Александровском училище. За неделю до выпуска отчислен за дуэль.

– Это я что-то слышал, весьма романтическая история.

– Поступил на службу в Санкт-Петербургскую сыскную полицию рядовым сыщиком в летучий отряд, раскрыл несколько сложных дел, упорно занимался криминалистикой, был назначен помощником заведующего летучим отрядом, получил первый классный чин. Далее по службе рос весьма успешно. По именному повелению получил двух Владимиров. За дело братьев Гохман президент Франции пожаловал ему орден Почетного легиона, имеет Персидскую и Бухарскую звезды... – Да они у каждого дворника в столице есть.

– Тем не менее. Достиг успехов в английском боксе и криминалистике, награжден на международном съезде криминалистов в Женеве почетной медалью. Смел, решителен, честен. Живет по средствам. Окружение, в основном, сослуживцы и литератор Кузьмин. С женщинами имел долгие связи.

– Вы мне, Андрей Павлович, нарисовали идеальный портрет, а мне нужно...

– Понимаю, Евгений Константинович. Одна зацепка была.

Мой агент Сибиряк сообщил, что в двенадцатом году в Париже Бахтин предупредил его и некоего социалиста Литвинова о том, что заграничрезидентура готовит против них операцию. Агент Блондинка обработал Литвинова, но тот об этом слухом не слыхивал. Я решил провести оперативную комбинацию, но она не удалась. Бахтин выгнал Сибиряка и пригрозил ему арестом. – А почему не арестовал?

– Они были лучшими друзьями в кадетском корпусе.

– Ну что ж, как человек я его понимаю. Вы сами верите в это?

– Не очень. Сибиряк пьет, у алкоголика всякие видения могут быть. – Неужели ничего на Бахтина, нет? – Ничего, Евгений Константинович.

– Дело с пресненским пожаром он поднял лихо, что и говорить.

Ровно в три Бахтин вошел в кабинет градоначальника.

– Как градоначальник, – сказал Климович, – я благодарю вас за превосходно проведенное полицейское дознание. – Благодарю, ваше превосходительство.

– Но, господин коллежский советник, вы забыли, что карающая рука должна быть приложена к умной голове.

На вашем мундире французская награда, это напомнило мне слова великого Наполеона: «Искусство полиции заключается в том, что она не должна видеть того, чего не нужно видеть».

– Если бы Наполеон служил в сыскной полиции, ваше пре-

восходительство, он думал бы иначе. Климович улыбнулся.

– Ваше превосходительство, вы недовольны работой сыскной полиции? – Доволен, но вдумайтесь в слова Наполеона. – Вы имеете в виду Коншина? – Вы догадливы.

– Я не отвечаю за газеты, но я добросовестно выполнил просьбу сенатора Белецкого оградить господина Коншина от сомнительных сотрудников. – Вы получили такое указание? – Климович встал. – Так точно. В кабинете повисла тишина.

– Ну что ж, вы выполнили его в свойственной вам манере. Я не задерживаю вас больше, господин коллежский советник.

Бахтин по старой юнкерской привычке сделал поворот кругом и вышел. На улице он закурил и засмеялся, вспомнив растерянное лицо генерала. На службу идти не хотелось, и он решил напиться, просто как городской на Пасху. А куда пойти-то? И вдруг он вспомнил, что в двух шагах живет Наталья Вылетаева, а там и милый человек Дранков. Когда он подошел к дверям квартиры Вылетаевой, белым, кокетливым, с легкомысленной ручкой и блестящим рычажком звонка, то на секунду застеснялся. Действительно, кто он этим веселым людям, живущим в легкомысленном, почти карнавальном мире. И все-таки он надавил кнопку звонка. Гостеприимно распахнулась дверь. Потом пришли Женя Кузьмин, Миша Павлов и прелестная Маша. До глубокой ночи они пили, пели, спорили. Когда утром Бахтин выходил от

Маши, то почувствовал странное облегчение, будто не было вовсе всех неприятных разговоров. И сложности ему эти показались мелкими и ненужными в сравнении с легким морозцем, ослепительным снегом и утренним солнцем, витающим над домами.

Москва заново заставила его полюбить жизнь. Переоценить прошедшее, выкинуть из памяти горькое и обидное. И это чувство внесло в его жизнь порядок и смысл. На углу Тверской он купил «Русское слово». Номер пах керосином и краской. На первой странице он увидел свой огромный портрет. С газетного листа на него глядел невеселый человек. Но это была старая фотография человека, не сумевшего победить в себе тоску. Бахтин хотел выкинуть газету в урну, но подумал, сложил ее аккуратно и спрятал в карман шинели.

Перед самыми рождественскими каникулами Маршалка и Бахтина вызвали на Тверскую, в дом московского губернатора. В зале собралось несколько высших чиновников, которым тоже подоспели награды. Бахтину вручили Станислава первой степени, а Маршалку – Владимира третьей. Московский губернатор, егермейстер высочайшего двора, граф Муравьев, удостоил сыщиков похвалой и пожал руки. Награждение это было настолько неожиданным для Бахтина, что он вышел из зала ошарашенный. Маршалк ждал орден, он был ему положен по выслуге, но тем не менее тоже был несколько удивлен. В коридоре он остановил прикомандированного к губернатору коллежского советника Пенки на и пошептался

с ним. На улице Маршалк сказал Бахтину:

– Счастлив твой Бог, Саша, представили тебя военные, а поддержал Кошко. Он представление отволок Белецкому, а тот в царскую канцелярию. Вот такие игры.

Но уже на следующий день в Сокольниках, на даче, Бахтин с сыщиками брал известного налетчика Борьку Кота, ограбившего десяток богатых квартир и проломившего топором голову околоточному надзирателю. Борька отстреливался из «смит-и-вессона», снятого с трупа околоточного. У одного из его подельников был револьвер «лефоше», у другого охотничья двустволка. Они нанюхались кокаина и сдаваться не собирались. Бахтин вместе с Баулиным влезли в дом через кухонное окно, застрелили одного из налетчиков, а Кота и его правую руку – Семена Лошадь, повязали. Здесь же на даче обнаружили большую часть награбленного. А вывел их на Кота новый агент Бахтина Мишка Чиновник. В камере Бахтин сделал из Кота отбивную и выбил фамилии и адреса остальных членов банды и наводчиков. Усталый пришел он в свой кабинет и спросил чаю. На столе задребезжал аппарат. – Бахтин у аппарата.

– Доброго здоровья, Александр Петрович, не признаете?

Да как же Бахтин мог не узнать этот дребезжащий вкрадчивый дискант. – Фролов, Петр Емельянович... – Значит, признали, а у меня к вам дельце. – Чем могу?

– Так я в первопрестольную перебрался, в столице худо: свирепствует господин Кирпичников.

– Чем помочь могу, Петр Емельянович? – Бахтин обрадовался – такой агент, как Каин, может сильно помочь московскому сыску.

– Замолвите словечко в градоначальстве, чтобы без волокочки разрешили открыть антикварный магазин в Колпачном переулке. Домик-то там я давно прикупил.

– Хорошему человеку всегда поможем, приходите завтра. Бахтин назвал адрес явочной квартиры. Того не зная, сделал ему Кирпичников хороший подарок. Правда, он и не знал, что хозяин «мельницы» на Вяземском подворье агент под псевдонимом Макаров. Да и не надо ему было знать об этом. Передача агента на связь другому чиновнику все равно как измена женщине. Из этого ничего путного не выходило. Ты сделал из человека помощника, травмировал его психику, искусственно развил в нем охотничий азарт, узнал о нем самое сокровенное, теперь ты не можешь предать его. Ты вступил с человеком в связь, благословенную дьяволом, а это весьма опасно.

Закончилась рождественская неделя, и Новый год подошел к Москве.

Встречали они его весело, в киноателье в Гнездниковском. Было пьяно и шумно. Женщины казались особенно прекрасными, а запах елки и звон шаров уносил в счастливое детство.

Новый год встречала Россия. 1917. Ах, сколько тостов было поднято за победу, за общественное движение, за благо

народа!

1917. Всем казалось, что именно он станет счастливым для измученной войной России. Рубин встретился с Адвокатом в Купеческом клубе.

Обедали вяло, видимо, сказался новогодний пережор.

– Пора, – сказал Рубин, – через неделю надо брать камушки.

– Пора, так пора. – Адвокат налил себе квасу. Фирменный фруктовый напиток запенился, зашипел, ударил в нос.

– Хорош квасок-то, а вот пирожки не очень. – Адвокат вытер губы салфеткой. – Ну раз пора, то пора.

Ночью в квартиру Заварзина позвонили. Ночные звонки не сулят ничего хорошего. Добрые вести не приходят с темнотой. Заварзин сунул браунинг в карман халата, подошел к двери. – Кто? – От Виктора.

Заварзин опустил предохранитель пистолета, раскрыл дверь.

В квартиру вошел прилично одетый господин в зимнем дорогом пальто с шалевым воротником.

– У нас все готово, – сказал он, – попрошу денежки.

Пойдемте.

Они прошли в комнату, и Заварзин достал из бумажника ассигнации.

– Этого мало, – пересчитав их, сказал ночной гость. – Но это же аванс.

– Так дело не пойдет, уважаемый господин. Мы после опе-

рации не светимся. Попрошу остальное. Заварзин отсчитал еще несколько купюр. – Когда? – Читайте газеты на этих днях.

И у Бахтина в квартире раздался звонок. Кто-то ночью телефонировал ему. Муркнула недовольно Луша, спросонья хозяин столкнул ее с кровати. Шлепая босыми ногами по паркету, Бахтин услышал, как бормочет недовольно Мария Сергеевна. – Ни сна... ни покоя... Господи...

Поднимая трубку, он думал о том, что придется из теплой квартиры выскакивать на ночной мороз, чего ему мучительно не хотелось. – Бахтин.

– Александр Петрович, – в трубке звенел веселый голос Литвина, – Александр Петрович, это я... – Здравствуйте, Орест. – Александр Петрович, я трубку передаю.

И вдруг он услышал до боли знакомый низкий голос. – Саша, Саша, это я. – Ирина? – Я, милый. – Ты откуда? – С переговорной станции. – Ты в Питере?

– Я в Питере, милый мой, единственный, если бы ты знал, как я сюда добиралась. – А твой муж? – Я вдова, Саша, я к тебе приехала.

Ах, этот низкий голос дорогой для него женщины, которую он не очень ценил, выдумав для себя неповторимую любовь. Голос из счастливого прошлого.

– Ты что молчишь? Я завтра в ночь выезжаю в Москву? – Я тебя встречу. Я жду тебя. – Я люблю тебя, Саша, жди. – Жду.

Бахтин положил трубку на рычаг и долго сидел в растерянности. Он еще не мог понять, счастлив ли он или нет. Три года назад он попрощался с Ириной, и она была как прекрасное воспоминание. Заняла свое место на полке памяти рядом со счастливыми детскими елками, рядом с первой кадетской любовью, рядом с теплыми ласковыми руками покойной матери. Когда ему становилось грустно, он снимал с этой полки воспоминания, словно книгу в дорогой обложке. И вот прошлое стало осязаемой реальностью. А в одну реку лучше не заходить дважды. Но этот низкий счастливый голос. Ее приезд через бушующую войной Европу. Она ехала к нему, а это нынче значило очень много.

Весь следующий день прошел в суматошном ожидании. А в полночь позвонил Каин и сообщил адрес фальшивомонетчика Коркина, которого вот уже два года тщетно искала вся полиция империи. Бахтин телефонировал Кузьмину, попросил встретить Ирину, а сам с Косоверьевым и сыщиками из летучего отряда поехал в село Алексеевское, где развернул «монетный двор» Коркин. Взяли его тихо, без шума и выстрелов, в самый сладкий момент, когда Коркин и два его сообщника забандероливали пачки пятисотенных – «петруш». Увидев сыщиков, Коркин зло сплюнул и спросил: – Вы, наверное, Бахтин? – Наверное, – усмехнулся Бахтин.

– Ну хоть лучший сыщик России повязал, и на том спасибо. – Вы обо мне слышали, Коркин? Тот кивнул.

– Значит, разговор будет не длинный. Где пуансоны и

сплав для импералов? – А если я не скажу? – Уйдешь на каторгу калекой. – А если покажу?

– Даю тебе слово, а ты знаешь, что моему слову верят, что ты, добровольно раскаявшись, как истинный патриот, в тяжелое для страны время порвал с преступным промыслом и сдал чинам полиции свою фабрику со всеми причиндалами. Тогда обещаю тебе или два года Таганки, или фронт. – Лучше Таганка. – Как хочешь.

– Надо в Москву ехать, все остальное на Дорогомиловке. – Собирайся.

В сыскную они приехали к одиннадцати, и сразу позвонил Кузьмин, сказал, что Ирина дома и стол накрыт.

Бахтин зашел к гримеру, тот побрил его, и они с Косоверьевым отправились на Молчановку. Шли пешком, механик Лодыгин не сумел завести их мотор. Мороз ослабел. День был солнечный, и город казался специально украшенным искристым снегом. У дома им навстречу попался человек в каракулевом «пирожке» и студенческой шинели. Он почти столкнулся с ними и отскочил на мостовую. Но Бахтин не придал этому значения. Косоверьев поскользнулся, замахал руками, и Бахтин схватил его и прижал к себе. Это его и спасло. Он увидел, как человек в шинели взмахнул рукой. Увидел пламя. Услышал грохот и наступила темнота...

... А страшный лодочник Харон подогнал уже лодку к его берегу, и вода в реке мертвых была не грязно-свинцовой, а черно-злой, словно в нее вылили кровь. И руки он протянул

к Бахтину.

Но что-то сверкнуло, и исчез Харон. Исчез, чтобы снова плыть за ним. Но он не хотел, пытался бежать с берега Стикса. Пытался, но не мог.

Но, видимо, у Харона тоже кончались силы, и теперь он доплывал только до середины реки.

А потом исчез совсем, и река исчезла, и каменные страшные берега. И появился свет, и звуки появились.

Бахтин открыл глаза и увидел бородатого, веселого человека, склонившегося над ним.

– Ну, слава Богу, вернулся дружок из царства мертвых, – засмеялся бородач. – Где я?

– Да уж не на Хароновой лодке, в больнице вы, батенька. И Ирину Бахтин увидел, и Ореста Литвина.

– Саша, – засмеялась Ирина, – ты правда вернулся?

– Орест, – Бахтин приподнялся на руках, – дайте папиросу.

– Сначала поешьте, – скомандовал бородач, – а потом все остальные радости. – Я долго здесь лежу? – Два месяца, милый, – Ирина заплакала. – Того, в «пирожке», взяли? – Его застрелил городской.

– Начались полицейские дела, – усмехнулся врач, – правда, батенька, вам нынче многому придется удивиться. – Чему же?

– Свобода, милый мой Александр Петрович, революция произошла, пока вы с Хароном боролись. – Откуда вы знаете

про Харона? – Ты, Саша, все время бредил.

– Что, кстати, и спало вас. Контузия-то сильная была, да и осколками вас задело. – А Косоверьев? – Он все осколки-то и принял.

– Бахтин устало откинулся и закрыл глаза. Потом открыл из снова и опять увидел врача, Ирину, Ореста.

– И только тогда понял, что будет жить.

Часть третья.
МОСКВА – ПЕТРОГРАД
ФИНЛЯНДИЯ.
1918-1919 годы.

Господи! Что же с Москвой случилось! Ее когда-то Третьим Римом называли. Куда делся гостеприимный, широкий русский город, издревле славящийся добротой и лаской? Исчез! Растворился, как некогда ушел под воды Ильмень-озера град Китеж.

И люди в Москве стали недоверчивыми, испуганными, озлобленными.

Городом завладела энергия зла. Сразу, как по команде, облупились нарядные особняки, практически перестали гореть фонари, даже время остановилось. Неподвижным стало.

На Спасской башне снарядом разбило циферблат старинных курантов. Вечерами на улицах стрельба. Налетчики безнаказанно квартиры грабят. Ночью ревут моторы авто. Суровые чекисты забирают людей.

Ежедневно в Бутырке расстреливали десятки заложников. Мрачный список казненных печатали в газетах. Белый террор! Красный террор! Уголовный террор!

В ужасе застыл некогда добродушно-веселый московский

обыватель. Страшное время пришло.

Кровавое, разбойное. Не было такого на Москве со времен опричнины. Погрузилась во мрак и ужас новая столица государства большевиков. Пришли на Москву, как в стародавние времена, голод, эпидемия и мор.

В Бутырской тюрьме расстреливали обычно после полуночи. Время в камере определяла зажигающаяся под потолком тусклая, желтая лампочка и треск трамваев, доносившийся с Брестской улицы.

К полуночи переставали ходить трамваи. Значит, надо было прислушиваться к шагам в коридоре. Бахтин был в камере старожилом. Он сидела Бутырке уже три месяца.

Два раза в неделю, лязгнув запором, распахивались двери и человек в коже зачитывал фамилии тех, кого уводили на расстрел.

Тяжело и страшно прощались с жизнью люди. Одни теряли силы, и матерящаяся охрана вытягивала их из камеры, другие плакали, умоляли, а один молодой офицер даже спрятался под нары. Но были и такие, которые уходили спокойно и гордо. Унося к месту казни свою ненависть, презрение и несломленный дух. И каждый раз, когда открывалась дверь, Бахтин ждал, что выкрикнут его фамилию.

Тогда сердце начинало бешено биться и ожидание становилось невыносимым.

Но Бахтин знал, как поведет себя, если его вызовут на расстрел.

После диких побоев он через месяц пришел в себя, и каждое утро отжимался «до десятого пота» от грязного пола. Сокамерники шутили мрачно:

– Хотите предстать перед Всевышним вполне здоровым?

Нет, не перед Всевышним собирался он представлять. Сила нужна была ему. Эта мразь привыкла, что из камеры выходят покорные, сломленные люди. План его был прост. Нокаутировать двоих, завладеть оружием и попробовать бежать, а если не удастся, то отдать свою жизнь как можно дороже.

Вот и сбылось обещание Кувалды. Тогда, шесть лет назад, он не обратил внимания на вопль бандита, которого конвойные выводили из зала суда. А вот как вышло.

Оправившись после ранения, Бахтин вышел из больницы совсем в иной мир. Иногда ему казалось, что все, что происходит, пригрезилось ему в горячечном больничном бреде.

Он не был монархистом и не испытывал никаких привязанностей к царствующему дому. Как человек, постоянно сталкивающийся с дном общества, он прекрасно видел, насколько коррумпирован и продажен тот строй, который он защищал.

Бахтин, как, впрочем, многие служащие сыскной полиции, был необыкновенно далек от политики, считая ее делом грязным и недостойным. Как человек умный, он прекрасно понимал, что стране просто необходимы перемены, правда, какие, он определить не мог. Но то, что произошло, ошеломило и испугало его.

На второй день после больницы он поехал на службу. Взял извозчика и поехал, так как на его моторе уже ездил комиссар Временного правительства.

Литвин, которого перевели в Москву вместо убитого Ко-соверьева, рассказал о разгроме сыскной полиции, похищении архива, о знаменитой амнистии, которую Керенский объявил всем уголовникам, заявляя, что заблудшие дети новой России, все, как один, пойдут добывать правительству Дарданеллы. С каторги и из тюрем выпустили армию уголовников, немедленно приступивших к своим любимым занятиям: налетам и грабежам.

Новый мир, в котором теперь предстояло жить Бахтину, был незнаком и опасен.

На службе его встретил Маршал к, который сидел в его кабинете.

– В моем комиссар Временного правительства расположился, некто господин Сапрыкин, – сказал он угрюмо.

– Кто таков?

– Из студентов-правоведов, недоучка. Тебе, Саша, к нему надобно.

Бахтин без стука открыл дверь. За столом сидел человек с мучнисто-белым лицом, чахлой бородачкой и маленькими злобными глазами.

– Вы кто? – резко спросил он.

– Я помощник начальника сыскной полиции, коллежский советник Бахтин. А вы кто?

– Я полномочный комиссар Временного правительства Сапрыкин. Вы, кажется, из больницы? – Да. – Бахтин сел без приглашения и закурил. – В моем кабинете не курят.

– Потерпишь. – Гражданин Бахтин...

– Я тебе не гражданин, а его высокоблагородие коллежский советник.

– Временное правительство отменило указом от 1 марта данный вид обращения. Если вы хотите приступить к службе, то обязаны явиться в комиссию по проверке бывших чинов полиции при Городской Думе. И запомните, наш министр, председатель Александр Федорович Керенский, требует работать по-новому. Никаких агентов...

– Это не в духе нынешней свободной России? – перебил его Бахтин. – Именно.

– Вот, – Бахтин достал из кармана заранее написанное прошение, – я выхожу в отставку. Встал и вышел из кабинета.

Как ни странно старый аппарат еще работал, и пенсию Бахтину установили. А потом произошли два самых важных события в его жизни. Он обвенчался с Ириной и стал сотрудником «Русского слова».

Самое неожиданное, что у него получилось. Раз в неделю, по пятницам, в газете появлялся его фельетон, которому отводили нижний подвал на третьей полосе, о криминальной жизни Москвы. Первый материал под названием «Лимон» помог написать ему Женя Кузьмин. Этот подвал сразу же

сделал Бахтину некое скандальное имя.

Похождения Рубина, который и при новой власти прима- зался к коммерческим делам, стали подлинной сенсацией. И опять в московских салонах заговорили о Бахтине.

Его наперебой приглашали на банкеты, рауты, домашние вечера. Он приобрел другое социальное качество. Литератор это уже не полицейский чиновник. Ему даже удалось в изда- тельстве Сытина выпустить две небольшие книжки. А потом подкатил ноябрь. Большевистский переворот, стрельба.

Ирина с Марией Сергеевной и кошкой Лушей уехали в Финляндию. Бахтин должен был закончить дела и следовать за ними, да вот задержала газетная горячка, новая книга.

Шикарную квартиру на Малой Молчановке пришлось оставить, Бахтин переехал на жительство в Камергерский пе- реулок к Литвину.

Орест снимал квартиру рядом с Кузьминым. Небольшую, в две комнаты, но им этого хватало.

Литвин работал в уголовно-розыскной милиции и практи- чески не бывал дома, и Бахтин почти все время проводил за письменным столом. В восемнадцатом большевики практи- чески закрыли все так называемые буржуазные газеты, но изда- тельства остались, и он продолжал писать свои незатейли- вые криминальные книги. А в городе становилось все страш- нее и опаснее. Однажды на улице он встретил Мишку Чи- новника.

– Александр Петрович, где моя расписочка? – Искательно

спросил он. – В надежном месте. А что?

– Да вот в семнадцатом какие-то люди архив-то ваш разгромили, теперь слушок идет, что кто-то сексотов ваших пугает и заставляет за большие деньги их дела выкупать.

– А ты, Миша, не бойся, – улыбнулся Бахтин, – ты со мной работал, и дело твое в надежном месте до времени лежит. – До какого времени?

– Вдруг понадобится, а не станет в тебе нужды, я его сам уничтожу.

– Я вам верю, – с надеждой сказал Миша и поведал Бахтину забавную жиганскую историю о нравах Хитровки.

Вернувшись домой, Бахтин еще раз проверил тайник. В нем лежали тетради с его служебными записями и три агентурных дела. На Каина, Мишку Чиновника и агентурное дело охраны на Митеньку Заварзина, нежного дружка, и, конечно, наган.

Как-то в марте прошлого года в дверь к Бахтину позвонили. По новым временам он сам открыл ее, и в квартиру скользнул человек в синем пальто с поднятым воротником. С трудом узнал в нем Бахтин всесильного начальника Московского Охранного отделения полковника Мартынова. – Не прогоните? – Прошу.

До утра они просидели за столом, говорили, говорили. На рассвете, уходя, Мартынов отдал Бахтину папку.

– Это вам, специально сберег. Прощайте, Александр Петрович, советую вам не засиживаться в Москве. – Вы куда? –

Пока в Киев, там у меня брат.

Они простились, и Мартынов навечно исчез из жизни Бахтина.

О Мите Заварзине Бахтин слышал, что тот стал заметной фигурой в ЧК, но документики охранки до поры лежали в тайнике. Именно за них Бахтин предполагал получить три пропуска в Финляндию: себе, Литвину и Кузьмину.

В тот день Литвин как всегда рано убежал в Гнездниковский, где в бывшей сысской располагалась уголовно-розыскная милиция, Женя Кузьмин поехал в редакцию журнала «Луч», который продолжал выходить, а Бахтин дописывал для бывшего издательства Сытина очередную книжонку о банде Корейца.

Писалось легко, стол его стоял вплотную к окну, и был виден запорошенный первым снегом Камергерский. У входа в Художественный театр разгружали с телеги какие-то мешки, видно, опять актерам за спектакль привезли картошку.

В доме было тихо, только пощелкивали поленья в голландке.

Над переулком стелились дымки, по-зимнему времени топили печки и «буржуйки». Внезапно в дверь позвонили.

Бахтин открыл, и в квартиру вошли четверо в холодной коже.

– Гражданин Бахтин? – спросил совсем молодой человек, похожий на гимназиста. – Да, это я. – Мы из ЧК.

– А я и не подумал, что из страхового общества «Россия».

– Ирония здесь неуместна. Вы полковник полиции?

– Я бывший коллежский советник сыскной полиции.

– Вы арестованы как явный враг революционного народа. – Я могу одеться?

– Безусловно. Прошу добровольно выдать ценности и оружие.

– Ценностей у него сроду не было, – заржал из темноты прихожей один из чекистов.

Он шагнул к Бахтину, и тот узнал бывшего швейцара Рубина Кувалду. Но нынче он был в матросской бескозырке, из-под куртки выглядывал тельник.

– Помнишь, дракон, на суде в Питере я тебе встречу обещал? Бахтин молча смотрел на его самодовольное лицо.

– Вот и встретились. Это он меня, товарищ Травкин, на каторгу отправил за революционную деятельность.

– Я тебя, Семенов, на каторгу отправил за грабежи и убийства. – Ты! – Кувалда шагнул к Бахтину.

– Спокойно, – скомандовал Травкин, – значит, ценностей у вас нет. – Только часы и портсигар. – Попрошу сдать оружие. – Я его сдал при увольнении из полиции. – А если мы найдем? – Ищите. Я могу переодеться? – Конечно.

Пока чекисты громили квартиру, Бахтин надел полевую офицерскую форму без погон, натянул шинель, взял фуражку. Слава Богу, что Ирина увезла с собой его мундиры и ордена. Не по делу были бы они нынче. – Ничего нет, – сказал один из чекистов Травкину.

– Да он всю жизнь на жалованье жил, – зло ответил Кувалда и положил в карман портсигар Бахтина. – Увести, – скомандовал Травкин. Вот тут-то все и началось.

Его били на лестнице, били в машине. А потом в пустой камере Бутырки. Правда, Бахтин, прежде чем ему надели наручники, уложил двоих, но потом его били так, что он трижды терял сознание. Когда его облили водой и он очухался, Кувалда сказал ему, сплевывая кровь:

– Ты думаешь, я тебя расстреляю? Нет, сука, ты у меня каждый день умирать будешь. Смерти ждать своей. Я тебе сгною сначала, а потом убью.

Так он стал старожилом семнадцатой камеры. Почти ежедневно сюда приводили людей. Разных. Офицеров, священников, журналистов, чиновников, уголовников. Приводили для того, чтобы увести ночью. Бахтин существовал среди этого страшного конвейера смерти и с каждым днем замечал в себе невидимые перемены. Даже пугающий сон с мрачным лодочником Хароном перестал приходить к нему. Ему по ночам грезились чистые и простые видения, и именно от этого он укреплялся внутренне, и неведомое доселе чувство ненависти ко всем, кто бил его, запихнул в эту вонючую камеру, нарождалось в нем тяжело и страшно.

Он знал, что, когда выкрикнут его фамилию, он упадет и заставит конвойных тащить его. Главное чтобы не надели наручники. Ну а там... Он так укрепился в мысли, что вырвется отсюда, что практически перестал вздрагивать во время

смертельных переключек.

В духоте и смраде камеры родился иной человек. Жестокый, расчетливый, ненавидящий.

Три дня, укрывшись одной шинелью, они спали вместе с ротмистром Гейде. Потом его увели, как уводили и других, с кем сближала короткая предсмертная жизнь.

Пожилой священник, прощаясь перед расстрелом, сказал Бахтину необыкновенные слова:

– Помните, Александр Петрович, отчаяние – обратная сторона счастья. Как пастырь ваш я обязан призвать к смирению, но как человек я завещаю вам это счастье, которое вы добудете, победив отчаяние.

Однажды, после очередного вызова на расстрел, к Бахтину подсел сильно избитый господин в некогда щеголеватой визитке. – Господин Бахтин? – Да. – Я Федулов Андрей Петрович. – Адвокат. – Именно. Значит, вы обо мне знаете?

– Я даже знал, когда вы наметили взять у Тендрякова камушки и деньги.

– Вот это да, – Адвокат достал папиросы, – закурите. – Спасибо, как вам удалось их пронести? – Школа. – Молчу.

Они закурили. Сладковатый дым с непривычки затуманил голову.

– Меня завтра уведут к стенке, я перед смертью вам кое-что рассказать хочу. – Что именно? – Знаете, кто организовал на вас покушение? – Нет.

– Было два человека. Один большевик по имени Митя, а второй Рубин.

– Он меня хотел убрать, чтобы грохнуть Гендрикова? – Да. – Видимо, покушение организовывали вы?

– Был грех. Наняли эсеры, сказали, что вы – тайный сотрудник охраны. – Но Гендрикова вы не взяли? – Не смогли. – А знаете почему? – Расскажите.

– Мне об этой акции надежные люди сообщили. Я приказал всю операцию с деньгами и бриллиантами в сысской полиции провести, так что зря вы меня замочить хотели.

– Не зря, – засмеялся Федулов, – за вас Митя десять тысяч империялами отвалил. – Не может быть! – Вот так-то. Хотите поесть? – Очень. – У меня хлеб и рыба. – Откуда? – За деньги охрана все сделает.

Они ели хлеб и жареную рыбу, запивая мутной водой из камерного бачка. – Вы боитесь умереть? – спросил Адвокат.

– Уже не знаю. Слишком долго они маринуют меня.

– А я боюсь. Жить хочется очень. Знаете, кто меня заложил? – Знаю. – Откуда? – Догадываюсь. Рубин? – Он. – У вас были камни и валюта?

– Валюта. Мы с Сабаном взяли банковскую контору на Мясницкой. – Видно, приличный куш отвалился. – Весьма. – А Рубин опять работает с Сабаном?

– Пока да. Совсем рехнулся от жадности. У него в Стокгольме в банке целое состояние лежит, а ему все мало. – Просто время его настало. Пока.

– Почему пока, – Адвокат достал еще папиросы, – надеетесь, что вернуться прежние времена?

– Не знаю. Может, придут сюда наши генералы, а может, новая власть укрепится.

– Эх, дорогой вы мой сыщик. Ну как эта власть нас может победить, когда она лучших криминалистов расстреливает.

– Мне трудно судить о том, что случится, тем более после моей смерти, но я знаю одно, как только укрепляется власть, так сразу же кончается преступность.

С шумом распахнулись двери камеры, и хриплый голос начал выкликать фамилии. – ...Федулов! Адвокат вскочил, потом снова сел. – Федулов, – рявкнул чекист. Адвокат поднялся медленно, медленно. – Федулов, твою мать! – Не ори, легавый, иду. Он протянул Бахтину сверток. – Здесь папиросы и еда. Прощайте. – Прощайте.

Адвокат скинул рваную визитку и шел к дверям мимо расступившихся людей. Бахтин смотрел ему вслед и ему казалось, что под светлым пятном рубашки вздрагивает до предела напряженная спина.

Ветер завывал в Сокольнических рошах. За окном клочковатая метельная темень. Прямо рядом трещал на ветру прогнивший здоровый дуб и поэтому казалось, что кто-то ходит вокруг дома.

– Скажи ребятам. – Рубин с раздражением кинул вилку на стол, и она зазвенела, ударившись о пустой стакан. – Что ты психуешь, Гриша? – заржал Сабан. – Пусть этот дуб спилят.

– Да мои ребята, кроме шпаллера да ножа, отродясь никакого инструмента в руках не держали.

Сабан сидел за столом вальяжно в прекрасном костюме-тройке, на лацкане пиджака был приколот неведомый театральный значок в виде лиры и маски. Значок этот поднесли когда-то на бенефисе Мамонту Дальскому, а он, забыв сцену и бросившись в анархию, проиграл его в банчок Сабану.

По нынешним временам стол был богатым. Три дня назад банда взяла продовольственный склад на Москве-Товарной, где хранили продукты для многочисленных московских комиссариатов.

– Гриша, друг ты мой, чем тебе плохо, живем, как раньше, денег куча, выпивки и жратвы навалом. Сыщиков, считай, нет. Наше время пришло, наша власть.

– Дурак ты, Коля, – Рубин встал и зашагал по комнате, – ничему тебя жизнь не учит. Ну погуляем еще годок, это от силы, чекисты тоже не дураки, сыскной науке обучатся и прихватят тебя. Раньше поехал бы ты на каторгу в Нерчинск или Сахалин, а по сегодняшним дням одна дорога – к стенке.

– Они год не продержатся, – махнул рукой Сабан, в огне лампы засверкали бриллиантовые высверки.

Теперь Колька Сабан не носил, как в былые времена, дешевые перстеньки. Врезались в короткие пальцы бриллиантовые многокаратники.

– И опять ты дурак, друг Коля. – Рубин остановился на-

против него, покачиваясь с пятки на носок. – Кто придет? Власть старая, а с ней матерые контрразведчики, да сыщики умные и опять тебе конец. – Нам. – Сабан вскочил. – Тебе. Меня найти надо будет. – Что ты предлагаешь? – Пошли-ка наверх, поговорим.

По скрипучей лестнице они поднялись на второй этаж. Сабан чиркнул спичкой, зажег лампу-трехлинейку. В ее желтом свете их тени необыкновенно удлиннились, уродливо и пугающе легли на стены.

– Коля, – Рубин наклонился к лампе, прикурил папиросу, – ты с каторги голый пришел, кто тебя поднял, вооружил, ребят фартовых собрат? – Ну, ты.

– Ты мне не нукай, не запряг. Это ты с бомбой комиссариат легавых разогнал. Да кто там сидел! Работяги несчастные, которые винтовку второй раз в жизни держали. А я паханом был, когда ты еще сопли на кулак мотал. Ты подо мной ходишь. Я пока еще Лимон. – Гриша, я разве...

– Кто тебе моторы дает? Подводы? Опять я. Ты думаешь, мне легко комиссарить? – Да кто что говорит, Гриша...

– Тогда слушай. Деньги все эти – дерьмо. Я за них через Красный Крест паспорта получу и махнем мы с тобой, Коля, через Финляндию в Париж. – Ишь ты, – изумился Сабан.

– Да, Коля, только нам валюты той не хватит для хорошей жизни. – Так у нас камни и золото есть.

– Золото через кордон не потянешь. Первая задача тебе – все рыжевьё на камни у марвихеров сменять или продать за

валюту. Потом мы с тобой сами, без людей, одну хату возьмем, бывшего тайного советника Кручинина. У него редкие полотна голландских мастеров и целая коллекция знаменитых пасхальных яиц работы Фаберже. В Париже это очень ценится.

Сабан достал из маленького шкафчика бутылку ликера, налил в щербатую чашку, выпил. – Дело, Гриша, дело.

– Потом, есть некто ординарный профессор Васильев, у него редчайшая коллекция изумрудов, ее еще при Екатерине его предок собирать начал. И полковник один есть, он перед самым большевистским переворотом восемьсот тысяч франков получил для контрразведывательных нужд. Знаю от верного человека, что они у него дома и ждет он курьера от Деникина, чтобы с теми деньгами на юг смыться. Это наше третье дело, и мы его тихо возьмем. А потом сваливаем. – А ребята? – Сабан снова налил себе ликера.

– А что ребята? У них на три жизни награблено, пусть себе налеты чинят, жизнь у них такая. – Ты был в Париже, Гриша? – Нет. Но слышал, какая там жизнь.

– Я в книжке одной читал, что там лучшие бабы в мире, – мечтательно сказал Сабан.

– Ты к своей ездешь? – Так, между делом задал вопрос Рубин. – Иногда. – Ну и правильно, смотри только не присохни. – Я что, фраер?

– Это я для страховки, – засмеялся Рубин, – ночь-то какая нынче тревожная. – Оставайся ночевать.

– Не могу. Утром ко мне человек придет. Прикажи, чтобы мой мотор разогрели.

Сабан спустился вниз, Рубин сел на скрипучий венский стул у окна, курил и глядел в темноту.

Пора. Наступило время. Нужно срочно слепить эти три дела, потом продать сыскной архив за хорошие деньги офицеру из контрразведки и все. Он мог уехать из России и при Керенском, и при Ленине, но бежать, не сделав нужного дела, он никак не мог.

Жадность. Нет. Денег у него в Стокгольме хватало. Но он был бы полным дураком, если бы не воспользовался нынешней ситуацией. Пока все складывалось в его пользу. Он добровольно передал новой власти свое киноателье, всю аппаратуру и запасы пленки.

Его лично благодарил Луначарский и назначил полномочным комиссаром киноотдела наркомата просвещения. В его руках был весь автотранспорт и, конечно, продовольственное и вещевое снабжение. Работал он хорошо. Так же, как в Союзе городов.

С этой стороны претензий к нему не было. Только благодарности. Он уже договорился с наркомом о поездке в Швецию для закупки пленки и аппаратуры. Так что из страны он уедет вполне легально, тем более, что повезет с собой некоторые ценности, для продажи на аукционе. Правда, в пару ему дают сопровождающего, но подобные мелочи Рубина никогда не волновали.

Свой славный особнячок на Волхонке он подарил детям рабочих и взамен получил трехкомнатную квартиру на Сивцевом Вражке.

Если бы Усов приехал из Парижа и посмотрел, как честно трудится комиссар Рубин, он, наверное, умер бы от хохота. С тем дофевральским прошлым его больше ничего не связывало. Усов в Париже. Козлова застрелили в семнадцатом. Надо же было дураку баловаться пулеметиками вместе с городскими. Бахтин расстрелян, больше ему некого опасаться. Внизу заревел двигатель его «Руссо–Балта». Рубин встал и пошел одеваться.

Дзержинского знобило, и несмотря на то, что в комнате была раскалена печка-голландка, он сидел в накинутой на плечи шинели и пил горячий чай. На его худом, аскетическом лице горел нездоровый румянец, глаза блестели, как у больного с высокой температурой.

– Так что же происходит, товарищи? – Дзержинский поставил стакан, оглядел собравшихся.

В кабинете сидели член коллегии Московского ЧК Василий Манцев, начальник секции МЧК по борьбе с уголовными преступлениями Федор Мартынов, начальник отдела ВЧК Дмитрий Заварзин и заместитель председателя Моссовета Борис Литвинов.

– Я не слышу ответа и понимаю, что ответ этот однозначно меня не удовлетворит. Бандит Сабан разогнал 27-е отделение милиции, потом его бандиты убили шестнадцать

милиционеров, бандиты в Сокольниках ограбили Ильича. Ежедневно город содрогается от кровавых преступлений. А мы? Помните, что бандитизм явление не только уголовное. Он компрометирует власть рабочих, кое-кто пытается представить это как неспособность большевиков управлять государством. Следовательно, бандитизм есть явление политическое. Что вы скажете, товарищ Мартынов?

– Феликс Эдмундович, – Мартынов вскочил, поправил гимнастерку, – наша секция делает все возможное, но нехватка людей, а главное отсутствие надежной агентуры...

– Что с поисками архива сыскной полиции? – перебил его Дзержинский. – Пока глухо.

– А у нас все глухо. Какой-то умник расстрелял двух старых сыщиков зато, что они в ресторане бесплатно продукты взяли. – Дзержинский встал. – Они брали и деньги, – добавил Заварзин.

– Ну вот вы и расстреляли, и все старые сыщики сбежали из уголовно-розыскной милиции. Так кто же внакладе?

– Феликс Эдмундович, – тихо сказал Заварзин, – разве мы были неправы?

– Абсолютно правы, но кто просил вызывать на допросы и пугать остальных.

– Вместо них мы послали в московскую милицию преданных большевиков.

– Слушайте, Заварзин, мы поручили вам заниматься кадрами, зная, что вы умный и образованный человек. Наши то-

варищи пока не знают дела. А сыск, уж поверьте мне, опытному каторжанину, это наука. Кстати... Дзержинский сел за стол, раскрыл папку.

– Я внимательно прочел вашу записку, товарищ Литвинов, более того, мне привезли из Особого отдела департамента полиции целое дело на Бахтина. Ведь это он спас вас и Заварзина в Париже. Не так ли? – Да, Феликс Эдмундович.

– В двенадцатом году чиновник полиции, с его положением, спасает большевиков от охраны... Это поступок. Что вы скажете, Заварзин?

– Мне трудно судить об этом, я никогда не верил этому человеку. Думаю, его приход был инспирирован...

– А я так не думаю, – оборвал его Дзержинский, – если вы познакомитесь с разработкой Особого отдела на Бахтина, то поймете, что из-за случайной встречи с вами он все время находился под подозрением. – И получал ордена, – съязвил Заварзин.

– Не надо так иронично, Дмитрий Степанович. Одно дело с Распутиным чего стоит. А разоблачение жуликов в Союзе городов, а арест Сабана, которого мы год не можем найти. Прав товарищ Литвинов, Бахтин честный спец и пока такие нам необходимы. Пусть научит наших товарищей, а потом мы с ним разберемся. Борис Николаевич, где Бахтин?

– В ноябре прошлого года его арестовал комиссар Травкин. – Это которого ночью убили бандиты? – Да.

– За что? Ведь Бахтин ушел из полиции. Занялся литера-

турой, я проглядел его книжонку и прочел фельетоны. Забавно. Тем более с некоторыми его героями я сталкивался на каторге.

– Нам стало известно, – откашлялся Заварзин, – что Бахтин прячет большие ценности.

– Дмитрий Степанович, вы чуть порете, – Держинский тяжело посмотрел на Заварзина, – Василий Николаевич Манцев принес мне акт изъятия. Серебряный портсигар, серебряные часы, золотые запонки. Это ценности?

– Мы были уверены, что у Бахтина была валюта и ценности, кроме того, через жену он был связан с французской секретной службой, – упрямо сказал Заварзин. – Поэтому его и расстреляли.

– Я проверил все расстрельные списки, Бахтина там нет, – спокойно сказал Манцев. – Куда его увез Травкин?

– По-моему, в Таганку, – не задумываясь ответил Заварзин.

– Я поручаю вам, товарищи Литвинов и Мартынов, разыскать Бахтина и привезти ко мне. Все, товарищи. В коридоре Мартынов сказал Литвинову:

– Я точно знаю, что он в Бутырке. Чего Заварзин крутит?

– Не знаю, – задумчиво ответил Литвинов, – тайна сия велика есть, но думаю, дознаемся. Откуда, Федор, тебе известно, что он в Бутырке?

– Бывший чиновник для поручений сыскальной полиции Литвин дознался, он и сейчас у меня в кабинете сидит.

– Тогда бери его и поехали в тот дом печали, мой мотор у подъезда стоит.

Заварзин, войдя в кабинет, снял телефонную трубку и позвонил в Бутырку.

– Семенова мне... А где?.. Так разыщите, это начальник отдела ВЧК Заварзин.

И пока искали Кувалду, он подумал о том, что странно все-таки устроен мир. Вот он, умный, образованный человек, кстати имеющий средства, должен прислуживать и бояться таких подонков, как Дзержинский.

В революцию он пошел в университете, его привлекла романтика и неоспоримая возможность стать лидером. И хотя его преследовала охранка и надо было бежать за границу, самоуверенный и жестокий Ленин не хотел продвигать его к руководству партии. Он так и продолжал оставаться рядовым функционером. Партийная работа оказалась на редкость скучной, отношения с соратниками по борьбе не складывались. После революции все эти бездари типа Бухарина, Свердлова, Цюрупы, Дзержинского получили почти министерские посты. Ему же бросили, словно кусок бродячей собаке, должность в ВЧК. Правда, она давала свои, просто упительные возможности – распоряжаться судьбами людей. В феврале семнадцатого он был первым, кто ворвался в архив охранки в Гнездниковском. Но своего дела не нашел. Потом влез в комиссию по расследованию деятельности Охранного отделения. Его дело просто исчезло. Возможно, его уничто-

жил исчезнувший Мартынов, а возможно...

Об этом думать не хотелось... Он твердо решил любимыми путями выбраться на заграничную работу. Тем более, что людей для этого он отбирал сам. Пора за кордон. Уехать и затеряться где-нибудь в Париже или Вене, тем более деньги у него были...

– Семенов слушает, – послышалось в телефонной трубке. – Это Заварзин. Бахтин расстрелян? – Да нет, мариную пока.

– О нем сам спрашивал, велел найти. Завтра к тебе придут. – Значит, сегодня ночью и кончим. – Действуй.

Заварзин, хотя и занимал видное место в ВЧК, не знал, что все переговоры из здания прослушивают специальные люди и докладывают о них лично Дзержинскому.

Председатель ВЧК не доверял никому. Ни вождям, ни соратникам.

Дверь камеры распахнулась, и сразу же лампочка под потолком зажглась нестерпимо ярко. В дверях появился здоровый человек в кожаной куртке, прозванный арестованными Ангелом Смерти. – Ну, сволочи, кто сегодня?

От его голоса по душевной камере пронесся ледяной холод смерти.

Ангел Смерти молча разглядывал людей. Он наслаждался властью, был упоен своим черным правом решать человеческие судьбы.

– Не знаете? – радостно заржал чекист. – Так слушайте:

Глебов, Рувинский, фон Бекк, Пахомов, Либерзон, Бахтин... Ну вот он и дождался.

Бахтин встал, скинул шинель. Все, кто уходили, оставляли пальто, полушубки, шинели, чтобы те, кто ждет расстрела, поспали бы нормально свои несколько дней.

Бахтин решил, что выйдет последним, так сподручнее будет привести в исполнение план.

– Фамилия? – спросил его на выходе губастый конвоир. – Бахтин. – Иди, дракон.

Партия на этот раз была небольшая, всего человек пятнадцать. Их вели по коридору мимо дверей с волчками и кормушками, мимо облупленных стен и ярко горевших ламп.

Зазвенели двери решетки – и новый коридор такой же уныло-тусклый и обшарпанный.

Бахтин шел и ему казалось, что мышцы его наливаются невиданной силой. И пришло к нему драгоценное спокойствие, которое он утратил много лет назад. Спокойствие молодости, не верящей в смерть.

Осклизлые ступени вниз. Дверь. Комната. В углу пятеро пили водку и ели сало.

– Привел, – буднично и просто сказал один из пятерки. Все встали и ушли в другую комнату.

– Первые пять раздевайтесь, – сказал губастый парень. Он ел сало и лук. И вывернутые губы блестели, как у вурдалака, опившегося кровью. За поясом у него торчал наган. И еще один сидел у дверей. Совсем молодой, лет восем-

надцати. Наган у него тоже был за поясом. Парнишка сидел, равнодушно поглядывая на людей, которые через минуту примут смерть. – Быстреей, – рявкнул губастый. Первые пять разделись догола.

– Пошли. – Губастый начал их заталкивать в другую комнату.

Звонко и резко разорвались пять выстрелов. Молодой парнишка встал, подошел к вещам, взял офицерские сапоги, начал мять кожу. Вторая пятерка скрылась за дверью.

Бахтин шагнул к губастому, начал расстегивать китель. Ну, Господи, благослови...

– Бахтин! – в комнату влетел человек в синей, видимо сшитой из обивочного сукна гимнастерке. – Бахтин! Есть такой? – Я Бахтин.

– Ну, слава Богу, успел, – заржал чекист, – а то бы ехал ты, браток, малой скоростью к папе с мамой. В комендатуру тебя.

– Иди, – толкнул Бахтина в спину губастый, – видать, завтра встретимся.

И опять коридоры, а потом двор и сладкий, пьянящий зимний воздух.

Бахтин пил его воспаленным ртом и не мог напиться.

Это хорошо, что его ведут в комендатуру. Из нее дверь прямо на улицу. Значит, полпути он уже прошел. Человек в синей гимнастерке шел рядом, потягивая сигарку.

Он не конвоировал, а просто вел, сопровождал вроде.

Дверь. Коридор, бачок с водой. В конце коридора солдат с трехлинейкой. Там выход. Распахнулась дверь. Кабинет. И крик Литвина. – Александр Петрович!

В комнате стоял человек с удивительно знакомым лицом, рядом с ним черноволосый красивый парень.

– Гражданин Бахтин, моя фамилия Литвинов, я зампред Московского Совета, со мной в тюрьму прибыл начальник уголовной секции МЧК Мартынов. Мы считаем ваш арест ошибкой. Вы свободны.

У него от радости не помутилось сознание. Нет. Мысли были свежи и четки. В углу он увидел Кувалду, старавшегося не попасть на свет лампы. Бахтин шагнул к нему, рванул на себя, заломил руку, Кувалда охнул от боли. Бахтин вытащил у него из кармана портсигар. – Покурил, хватит. Часы!

Кувалда испуганно, косясь на Литвинова, снял часы.

– А теперь, – Бахтин посмотрел на него, усмехнулся, – ты, дурак, меня должен был в первый день расстрелять, решил погноить меня, сволочь. Ну и жди пулю.

– Александр Петрович, – подошел к ним на минуту потерявшийся Мартынов, – да бросьте вы его, мы с ним разберемся. – А вы кто такой, милостивый государь?

– Я начальник уголовной секции МЧК, мы с вами вместе работать будем.

И тут Бахтин увидел вошь, ползущую по рукаву кителя.

– Батюшки, – Мартынов захохотал, – да вы весь в рысаках. Срочно, Александр Петрович, в санобработку.

Грязноватая душевая показалась Бахтину верхом роскоши. Он скинул китель и бриджи, практически содрал с себя пропотевшее грязное белье. Вошел человек в синем халате.

– Садись, ваше благородие, сейчас под ноль обстригу. Счастлив твой Бог, господин Бахтин, видно, кто-то крепко молится за тебя, – говорил парикмахер под шелканье машинки. На пол падали волосы, и они шевелились, как живые.

– Обовшивел ты, ваше благородие, но ничего, сейчас помоешься, а вещи твои мы прожарим... – Не надо, – сказал Бахтин, – выкинь их, братец.

– Так я их лучше себе возьму. Больно сукно справное. – Бери. – Теперь я вас побрею.

Бахтин встал под душ и испытал ни с чем не сравнимое наслаждение. Мыло, мочалка, горячая вода.

– Давай я тебе спину потру, – парикмахер взял мочалку, – отощал ты, ваше благородие, одни кости да мускулы. Силен же ты.

Вода лилась, пузырилась у ног, мыльная пена уходила в отлив, словно унося с собой горе и муку четырех месяцев заключения. Бежал грязно-пенистый ручеек, исчезал в полу. Горячая вода расслабляла. Но внутри его все еще жило ни с чем не сравнимое ощущение опасности и ожидания смерти.

– Так отдаешь кителик и бриджи? – спросил парикмахер. – Бери. – Погоди.

Он вышел и вернулся с жестким, но чистым солдатским полотенцем. Скинул его с руки и Бахтин увидел стакан, на-

полненный светлой жидкостью.

– Выпей, ваше благородие, спирт, разведенный чуть-чуть. После баньки ох как хорошо. – Спасибо. А ты что, знаешь меня?

– Не признали вы меня, господин коллежский советник, я же в сыскной помощником примера работал. – Не признал, братец, извини.

Бахтин взял стакан и в два глотка выпил чудовищно-крепкую смесь. – На луковичку.

Заел луком. И почувствовал, как тепло медленно разливается по всему телу.

– Посиди-ка, ваше благородие, на скамеечке, подожди.

До чего же радикальное лекарство – спирт. Выпил, и ушла внутренняя дрожь, исчезло напряжение, покой пришел, если возможно его появление в тюремной бане. Появился парикмахер, поставил рядом с Бахтиным его начищенные до матового блеска сапоги, голенища были обвернуты чистыми портянками. – Не знаю, как благодарить тебя, братец.

– Эх, господин коллежский советник, разве я для другого бы старался... Он не успел договорить, в баню вошел матрос. – Ну, чего расселся, вали...

– Пошел вон, болван, – спокойно, не поднимая головы, ответил Бахтин.

– Виноват, товарищ комиссар. – Матрос закрыл дверь. А тут и Литвин появился, с узлом в руках.

– Я, Александр Петрович, вам форменные суженки при-

нес, да еще один китель. Бахтин одевался медленно.

– Ох и подтянуло вас, – срывающимся голосом сказал Орест.

Они вышли в коридор, где уже ждали Мартынов и Литвинов. – Поехали.

За спиной его лязгнул запор тюрьмы. И он оказался на улице, заснеженной и темной. Ни одного фонаря не горело ни на Лесной, ни на Долгоруковской.

– Значит, так, Александр Петрович, мы сейчас вас домой завезем, а потом я на минутку в ЧК и сразу к вам, – улыбнулся Мартынов.

– А вы меня так и не признали. – Литвинов открыл дверь машины. – Почему же? Париж. Улица Венеции. Кабачок. – Вы тогда нам очень помогли.

– Не надо никаких иллюзий на мой счет, – садясь в авто, ответил Бахтин, – я помогал не социалистам, а своему однокашнику по кадетскому корпусу.

Мотор тронулся, подпрыгивая на снежных ухабах. Мимо плыли темные дома Долгоруковской, промелькнули купола Страстного монастыря, вот и Большая Дмитровка. Авто затормозило в Камергерском.

– Ждите, – крикнул Мартынов, и машина скрылась в темноте. На лестнице Бахтин спросил: – Орест, лишнее оружие есть?

И почувствовал, как в карман опустилось что-то тяжелое. – Наган?

– Нет, кольт, двенадцать патронов в обойме и две запасных.

Бахтин нащупал холодную рубчатую рукоятку, и прежняя уверенность вернулась к нему.

Их встретил Кузьмин. И встреча эта была нежна и прекрасна. Кузьмин посмотрел на друга и ничего не сказал. Но по его лицу Бахтин понял все.

Он подошел к зеркалу и увидел стриженного наголо, как юнкера первогодка, весьма немолодого человека с изможденным лицом и сильно поседевшими усами.

– А ведь мы, Саша, – усмехнулся Кузьмин, – твой побег подготовили. Собрали золотишко. Ваш гример с охранником договорился, он тебя ночью повел бы в больницу, а там фельдшер, агент Ореста, тебя бы и выпустил.

– А где золото взяли? – Бахтин глубоко затянулся папиросой. – Литвин принес.

На всю квартиру разносился упоительный запах жареной картошки.

– А почему, Женя, ты меня не спрашиваешь о тюрьме? – Сам расскажешь.

Появился Литвин со сковородой, быстро накрыл на стол. Только выпили по первой, как в прихожей раздался звонок. Приехал Мартынов. Он положил на кресло два больших пакета.

– Это ваш паек, Александр Петрович, – Мартынов достал из кармана толстую пачку денег, – а это жалованье за ян-

варь. – Так месяц же окончился. – Ничего. – Садитесь с нами, Федор Яковлевич. Мартынов оглядел стол, внимательно посмотрел на Кузьмина и Литвина.

– Спасибо, Александр Петрович, вам есть о чем с друзьями поговорить, завтра в два пополудни вас ждет товарищ Дзержинский. Мотор я за вами пришлю. Счастливо оставаться. Мартынов бросил руку к козырьку и вышел.

Как только увезли Бахтина, Кувалда телефонировал сначала Заварзину: – Не успели.

– Понял. Через час на углу Палихи, напротив бани. – Буду. Звонок Кувалды застал Рубина дома. Он выслушал сообщение и сразу начал собираться. Вот оно, значит, как. Опять сыскарь поганый выкрутился. Ну, теперь жди беды.

Григорий Львович сложил в два чемодана все ценное и необходимое ему. Погасил свет в квартире и вошел. Дверь он запирать не стал. Зачем? Пусть попользуется кто-то его барахлом.

Вышел, спустился на одну площадку вниз, и все-таки поднялся и запер квартиру.

Завтра он телефонирует в комиссариат и скажет, что уехал в Питер за пленкой. К его внезапным исчезновениям привыкли.

Кувалда сказал, что пару дней Бахтин сидел с Адвокатом. Наверняка Гришенька рассказал ему кое-что. Сломался так прекрасно продуманный план. Бахтин нужен был ему живой, чтобы шантажировать Заварзина. Уже складывались камуш-

ки один к одному. Еще чуть-чуть и завел бы он себе нового Козлова. Но ничего. Последние три дела и архив. Все. За месяц его в этом бардаке никто не отыщет.

Рубин, открыв ключом дверь черного хода, спустился во двор. В глубине у самого забора стоял каменный сарай, больше похожий на дом. Григорий Львович подошел, ловко справился с огромным висячим замком, открыл дверь и зажег свет. В сарае стоял новенький «рено». Всего несколько десятков машин успели переправить французы в Россию. Это была машина, специально рассчитанная на суровый климат. Рубин бросил чемодан в кабину, включил зажигание, взял ручку стартера и крутанул. И машина сразу же ответила ему рокотом двигателя. Григорий Львович усмехнулся. Ищи меня, Бахтин, ищи. Это тебе не шестнадцатый год, а пока надо сказать ребятам, чтобы его замочили. Рубин выехал, запер гараж. Закурил и вывел машину со двора. Он ехал в Петровский парк, который называли цыганской слободой. Там, года три назад, он тайно от всех купил дачу.

Когда до одиннадцати осталось минуты четыре, Кувалда нахлобучил кожаный картуз и вышел на Лесную. Он несколько секунд постоял, привыкая к темноте. С Лесной на Палиху ветер гнал снег. Кувалда поднял воротник кожаной куртки, глубже натянул фуражку, переложил в карман кольт. Матерясь, он шел вдоль трамвайных путей, по собственному опыту зная, что в темноте лучше ходить по середине улицы. Арки дворов в такую ночь становились опасными. Он дошел

до угла и стал напротив бани. Темень. Внезапно в снежной круговерти мигнули фары авто.

Приехал. Испугался, значит. По приказу Заварзина Кувалда ликвидировал Травкина. Рубин считал, что надо потопить Бахтина в тюрьме, а там он все расскажет, почему Заварзин хочет отделаться от него.

Кувалда сам сейчас поговорит с этим фраером. Заварзин ждал. Из вязкой метельной темени появилась черная фигура.

Заварзин опустил руку и сжал рукоятку маузера, лежащего на сиденье. – Ну вот и я, – рявкнул Кувалда, открывая дверь. Заварзин выстрелил. Трижды. Кувалда рухнул на тротуар.

Заварзин вышел из авто, подошел к лежащему и еще раз выстрелил в голову. Где-то вдалеке послышалась трель милицейского свистка.

Заварзин сел в авто, мотор он не глушил, и поехал на Суцевскую.

Через два часа милицейский патруль Суцевского комисариата обнаружил на улице труп человека.

– Включи фонарь, – скомандовал старший, – и полез в карман куртки.

– Так, наш товарищ. Семенов, помощник коменданта Бутырки.

– Ты, Егоров, здесь останешься, а мы в Бутырку сообщим. Совсем бандиты распоясались.

Бахтина разбудила музыка. Грустная и щемлящая, она доносилась с улицы. Мелодия была удивительно знакома. Он слышал ее в той, прошедшей жизни. Это была музыка утрат и воспоминаний. Невозвратная и нежная. Он встал с постели, подошел к окну. Перед Художественным театром играл оркестр, видимо провожая актеров, закутанных в шубы, в какую-то поездку. Они садились в сани, тесно прижимаясь друг к другу. На здоровые дроги грузили ящики с декорациями. И внезапно Бахтин вспомнил мелодию. Она звучала в финале «Трех сестер». Господи! Как это давно было. Театр. Три милых женщины, рвущиеся в Москву... А может, этого не было вовсе?

– Доброе утро, – сказал вошедший Кузьмин. – Музыка играет так весело, бодро и хочется жить... Помнишь, Саша?

– Помню. Я там, Женя, часто вспоминал господина Чехова. – Там? – Именно. – Но почему? – Да потому, что он талантлив. А талантливые заблуждения для нашей интеллигенции становятся религией.

Бахтин подошел к книжному шкафу, покопался, достал томик, полистал:

– Слушай, что излагает Ольга в финале «Трех сестер». Слушай... «Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле...» – Но, Саша!

– Не перебивай меня. Жили три хорошенькие дамы,

устраивали вечера с выпивкой и картишками, влюблялись и искали постоянно идеалы... – Ты не справедлив, Саша.

– Я? Тогда слушай финал твоего любимого «Дяди Вани»... «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все земное зло, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собой весь мир...» Это как?

– Саша, как ты можешь, – Кузьмин вырвал у него книгу, – это же прекрасные слова, это же возвышение человеческого духа.

– Женя, мы приняли не ту религию. Русский интеллигент рыдал на банкетах и пил за народ страдающий. Вот и встал страдалец! А знаешь, где те, кто так пекся о его духовности? – Где?

– В Бутырке, а потом в расстрельном подвале. Мы все спасали «вишневый сад», а вдруг услышали – топорики стучат. Что такое? А это, господа либералы, мужички ваш садик вырубают. – Но ты же сам, Саша, любил все это.

– Да, ходил на спектакль, чтобы пожалеть трех сестер. А их не жалеть, а пороть надо было. Идеал либерализма! Вот мы и увидели «небо в алмазах». Заложники. Расстрелы. Разруха. Война.

– Знаешь, Саша, – Кузьмин устало опустил на стул, закурил, – ты потом поймешь, что был неправ сегодня. Не перебивай. Ты говоришь – народ! Да, он страдает еще больше, чем раньше. Все те, кого ты нынче отрицаешь, как людей,

исповедующих талантливую, но ошибочную религию, думали совсем о другом. И никто не мог предполагать, что кучка тех же самых интеллигентов, недополучивших чего-то в той жизни, захватит власть и установит кровавый средневековый режим. Мне иногда кажется, что некто послал нам эти испытания, которые будут длиться много-много лет. – Значит, в белых не веришь? – А ты? – Я не верю. – Я тоже. Так что же делать?

– Завтракать, Женя. Я так отощал, что все время есть хочу. Ну, а чтобы беседу закончить, скажу: я найду Рубина и посчитаюсь с ним и еще с одним человеком. А потом мы уедем в Финляндию, к Ирине. – Дай Бог! Ты прямо как Эдмон Дантес. – Он тебе ребенком покажется. Пошли есть.

– Ну что ж. – Дзержинский встал, зашагал по кабинету.

Бахтин с интересом рассматривал его. Гимнастерка, простая шинель, накинутая на плечи, нездоровый румянец на щеках. Говорить с ним было нелегко. У этого поляка была железная логика и твердость.

– Я посмотрел ваше дело. Что можно сказать: служили вы не за страх, а за совесть. – А это нынче возбраняется? – усмехнулся Бахтин.

– Нет, отчего же. Посмотрев ваше дело, я вспомнил истории о вас, которые рассказывали на каторге. – Где?

– Не удивляйтесь, я старый каторжанин. Иваны говорили, что вы суровый, но справедливый и неподкупный человек. – Не знаю, как воспринимать их похвалу. – Правда, они гово-

рили, что у вас тяжелая рука. – Кулак и агент – основное оружие сыщика.

– Вот кстати, – Дзержинский сел за стол, – об агентах. Я поручаю вам найти похищенный архив сыскной полиции. – Господин... простите, гражданин председатель...

– Не утруждайте себя, зовите меня Феликс Эдмундович.

– Феликс Эдмундович, сыскную полицию разгромили в марте семнадцатого. Прошло много времени.

– Поэтому мы и пригласили лучшего сыщика России. Кошко сбежал на юг, Маршалк в Финляндию, а вот вы здесь. Кстати, ваша супруга подданная Франции?

– Да. Она актриса, в свое время была замужем за французом. – Где она сейчас?

– В Париже, – спокойно соврал Бахтин. Зачем этому новому начальнику полиции знать, где Ирина. – Она уехала, а вы остались. Почему?

– Трудно сказать. Я родился и вырос в Москве. Потом я дал слово комиссии, что до конца расследования останусь в их распоряжении.

– Октябрьская революция отменила ваши обязательства.

– Я не успел. Да и не стремился особенно. Потом тюрьма.

– Похвальное откровение. Такие люди, как вы, нужны нашей республике.

– Феликс Эдмундович, со мной в камере сидело много людей, которые могли принести пользу вашему строю.

– Вашему, – Дзержинский усмехнулся нехорошо, внима-

тельно посмотрел на Бахтина. – Вашему, – повторил он. – Ну что ж, я прекрасно понимаю, что коллежский советник и кавалер орденов Бахтин пока еще не может назвать этот строй своим. Пока! Я надеюсь, что через год в этом кабинете вы назовете его нашим. – Е.Б.Ж.

– Толстой. Если будем живы. Вы озлобились в тюрьме? – Естественно.

– Спасибо за откровенность. Вам предстоит еще постичь истину.

– Кто-то из древних сказал: «Истина – дочь истории». – Именно. Нас всех рассудит время. – А как же быть с расстрелянными? – Это тоже дело времени. Мы защищаемся.

– Мне трудно спорить с вами, свободу я обрел в расстрельном подвале.

– История с вами, Александр Петрович, произошла странная. Кстати, у вас были какие-то счеты с помощником коменданта Семеновым?

– Были. Он пытался убить меня в двенадцатом году. Я его повязал и отправил на каторжные работы. Среди воря он известен по кличке Кувалда. Весьма опасный был уркаган. – Его убили вчера.

– Надеюсь, вы не думаете, что это сделал я! Но представься мне такая возможность, рука бы не дрогнула.

– Вы интересный человек. Неужели вы нас не боитесь?

– Устал бояться. А впрочем, это состояние души мне вообще несвойственно.

– Александр Петрович, вы знаете о разгуле бандитизма?

– Перед беседой с вами мне дали посмотреть сводки. Кое-что я узнал в тюрьме. – Ваше мнение.

– Как я понял, в городе сегодня орудуют несколько крупных банд: Сабана, Айдати, Кошелькова. Адвоката вы ликвидировали, я с ним сидел в Бутырке. Как я понял, Кошельков ограбил господина Ленина, поэтому все силы брошены на его поимку. Я предлагаю начать с Сабана. – Почему?

– Потому что я уже его брал и мне легче будет работать. – Итак... В кабинет постучали. – Войдите.

Вошел Мартынов и положил перед Дзержинским бумагу. Председатель ВЧК внимательно прочел ее и подписал.

– Итак, – продолжал Дзержинский, – вот вам мандат. Я его подписал. Ваша задача найти агентурный архив и Сабана.

– У меня есть предположение, что эти два дела вполне можно объединить. – Это интуиция?

– Нет. Некоторые факты. Федор Яковлевич, вы узнали о Рубине?

– Да, – Мартынов зло махнул рукой, – он в киноотделе наркомпроса служит, вчера уехал в Питер. Сейчас дал телеграмму нашим товарищам.

– Не надо. Его наверняка предупредил Кувалда, и он лег на дно. – Почему Кувалда? – прищурился Дзержинский.

– Да потому что он, бежав с каторги, служил у Рубина швейцаром.

– Ну что ж, Александр Петрович, я очень доволен нашей

беседой. Идите к товарищу Манцеву, все технические вопросы решите с ним.

Когда Бахтин ушел, председатель ВЧК поднял телефонную трубку. – Товарищ Рослева, зайдите ко мне.

Один из руководителей следственного отдела МЧК Рослева была больше похожа на курсистку, чем на непримиримого борца с контрреволюцией. Дзержинский не знал, что случилось в ее жизни, откуда у этой маленькой женщины появилась твердость и фанатическая непримиримость.

Она упивалась своей властью над людьми, словно мстя кому-то.

Многие сотрудники побаивались этого следователя. В ее светлых холодных глазах каждый мог прочесть свой приговор.

– Садитесь. – Дзержинский протянул руку. – Я хочу поручить вам деликатное задание. Мы привлекли к борьбе с бандитизмом лучшего сыщика прошлого коллежского советника Бахтина. – Полицейского полковника?

– Да. Он нам сегодня необходим. Только такие специалисты, как он, могут научить наших товарищей искать бандитов. Скажу вам прямо, он мне понравился. Я знаю, что Бахтин честен, смел, прекрасный стрелок, знаток английского бокса, умен. Его боится и уважает преступный мир. Я дал ему весьма сложное задание. Но дело в том, что Бахтин три месяца ждал расстрела в Бутырке. – Почему так долго?

– Непонятно, вокруг него сплетена какая-то интрига. Что-

то он знает. И этого боятся, я думаю, люди, сидящие в нашем доме.

– Дайте мне его, Феликс Эдмундович, и он расскажет все.

– Милая товарищ Рослева, я ценю ваши профессиональные способности. Но пока! Я подчеркиваю, пока, Бахтин нам просто необходим. Он красив, чертовски обаятелен, такие люди легко находят друзей. Я, зная вашу преданность и непримиримость, поручаю вам его разработку.

– Феликс Эдмундович, а как долго будет длиться это «пока»?

– Думаю, недолго. Он безусловно станет врагом, и это сделал кто-то из наших сотрудников специально. – Вы кого-нибудь подозреваете? – Как-то не так ведет себя Заварзин. – Я давно обратила на него внимание. – Тогда работайте и помните: Бахтин и Заварзин. – На него «пока» не распространяется? – Нет. – Я могу идти? – Идите и докладывайте лично мне.

В кабинете зампреда МЧК Василия Манцева гудел раскаленный самовар, даже окна, покрытые наледью, запотели.

– Заходите, – Манцев протянул Бахтину руку, – давайте поедим. Вас, Александр Петрович, в Бутырке-то подтянуло. – Ничего, Василий Николаевич, отъемся. – Поможем, поможем. Федор, где мандат?

Мартынов положил на стол Манцеву бумагу. Тот взял ее и начал читать вслух:

– Мандат. Предъявитель сего, тов. Бахтин Александр Пет-

рович, является специальным уполномоченным секции по борьбе с бандитизмом МЧК. Всем партийным, военным и гражданским властям в Москве и на местах предписывается оказывать всяческое содействие предьявителю сего. Председатель МЧК и ВЧК Феликс Дзержинский. – Серьезный документ, – усмехнулся Бахтин.

– Еще бы, – улыбнулся белозубо Мартынов, – теперь вы наш. Товарищ по борьбе.

– Спасибо вам, Федор Яковлевич, а как с оружием? Манцев подошел к шкафу, открыл. – Выбирайте.

Бахтин подошел. Полки были завалены оружием. Он выбрал маленький семизарядный браунинг, карманную модель, десятизарядный маузер и, конечно, наган.

– Вас экипировать надо, – сказал Манцев, – а то вещи-ки-то ваши великоваты нынче. – Спасибо, я больше есть буду. – В этом мы поможем, – засмеялся Мартынов.

Бахтин благодарно посмотрел на него. Этот молодой парень очень нравился ему. Интуиция, выработанная годами сысской работы, подсказывала, что на него можно положиться.

– Давайте поедим, а потом познакомим вас с людьми. – Манцев налил крепчайший чай в стакан Бахтина.

– Я бы просил привлечь Ореста Литвина из сысской милиции.

– Уже сделали, – Мартынов глотнул горячего чая, закрутил головой, – только она уголовно-розысской называется.

В соседней комнате сидели два человека в морской форме. Один в голландке, из-под которой виднелись полосы тельняшки, второй в темном кителе, на пуговицах которого были перекрещены якоря. На рукавах кителя остались следы от споротых нашивок.

– Знакомьтесь, – сказал Мартынов, – это моряки, товарищи Алфимов и Батов, они будут работать с вами.

Первым встал Алфимов, он крепко пожал руку Бахтину.

– Вы были боцманом или шкипером буксира? – спросил Бахтин.

– Так точно. Боцманом знаменитого парохода «Самолет». – Значит, вы речник? – А как вы догадались, что я не военмор? – Китель, споротые нашивки, пуговицы. – Но я мог надеть чужую форму.

– Мне трудно сказать почему, но она ваша. Слишком вы вжились в нее. Как вас зовут? – Михаил Петрович.

– Спасибо. А вы, господин Батов, военный моряк. Видимо, из Кронштадтского полуэкипажа.

– Так точно, – улыбнулся Батов, – а это-то как вы узнали. – По бескозырке. – Я же заменил ленту.

– Да у вас лента минной дивизии, но тулью бескозырки так заламывал только Кронштадтский полуэкипаж.

– Вот, товарищи, – вмешался Манцев, – наглядный урок оперативной работы. Вы поступаете в распоряжение товарища Бахтина. Вы не только должны помогать ему, но и учиться.

– Есть чему, – Алфимов с уважением посмотрел на Бахтина, – прямо как в книжке. Где же вы это постигли?

– На улицах, в малинах, бардаках, тайных «мельницах». Научиться этому просто. Нужно хотеть и, главное, выжить. Налетчиков много, а нас мало. Поэтому мы должны беречь себя и друг друга.

– Очень правильно сказал, Александр Петрович, – Манцев вскочил, – беречь друг друга. Именно беречь. И помните, что товарищ Бахтин после выпавших на его долю испытаний еще слаб...

Бахтин засмеялся, снял пиджак, поставил руку локтем на стол. – Давайте попробуем, Василий Николаевич. – Да я не по этой части, Александр Петрович. – А можно мне? – хищно прищурился Алфимов. – Давайте, – согласился Бахтин.

Алфимов повел плечами, скинул китель. Бугры мышц распирали тельняшку.

– Может, не будем, – он с сочувствием посмотрел на болезненно-худого Бахтина.

– Давайте, давайте, Миша, не надо жалеть классового врага.

Они сцепили ладони. Бахтин чуть нажал и припечатал огромный кулак боцмана к столу.

– Давайте еще, – растерянно сказал Алфимов, – я не успел. – Давайте. И снова рука была припечатана к столу.

– Вот это да! – Алфимов встал, начал натягивать китель. – Ну и ручка у вас, товарищ Бахтин.

– Вот еще один повод поучиться у старых спецов, – серьезно сказал Мартынов, – сила оперативнику так же необходима, как и ум.

– Товарищ Бахтин, я пойду, но мы не договорили. Так что вам надо? – Манцев встал. – Мотор. – Будет. – Комнату с телефоном. – Эта подойдет? – Конечно. Если вы нам диван поставите. – Зачем?

– Кто-то из группы круглые сутки будет находиться здесь. Господа, – Бахтин запнулся.

– Ничего, – прогудел Алфимов, – от старой привычки сразу не избавишься.

– Спасибо, – продолжил Бахтин, – сейчас придет очень опытный сыщик Орест Литвин, он будет работать с нами. Я утром поручил ему кое-что уточнить по поводу пропажи архива.

– А зачем, товарищ Бахтин? Почему мы должны искать списки доносчиков? – удивился Батов.

– Это не доносчики, Батов, а наши секретные сотрудники. Они глаза и уши оперативника, без них мы ноль. Помните, что человек, решивший помогать нам, рискует больше, чем сыщик. Нас защищает закон, а его только мы. Если нам удастся создать свой сильный негласный аппарат, мы победим любую преступность. – Можно? В дверь просунулась голова Литвина. – Входите, Орест, мы вас ждем.

Поздно ночью Мартынова встретила в коридоре Рослева.

– Хорошо, что я вас нашла, товарищ, есть разговор. – Пой-

демте ко мне.

Мартынов не любил эту женщину. О ее коварстве и жестокости ходили разговоры среди чекистов. Они вошли в кабинет Мартынова, и Рослева, усевшись на стул, сразу перешла к делу.

– У вас теперь работает полицейский полковник Бахтин? – Да. – Мне поручено вести его разработку. – Вам? Значит, мне не доверяют! – Не вам, а ему. – Но товарищ Дзержинский...

– Феликс Эдмундович поручил это мне, – перебила его Рослева.

– Интересно у нас получается, – Мартынов в сердцах сломал карандаш, – я человека на смерть посылаю, а ему не верят. – Я никому не верю. – Что вы хотите? – Шофер на авто. Должен быть мой человек.

– Только что Бахтин прочел нам целую лекцию о работе с агентурой...

– Вы теряете революционное сознание, товарищ, нельзя сравнивать агента царской полиции и нашего товарища.

– Хорошо. Решайте с Манцевым.

Мартынов встал, давая понять, что разговор окончен. Утром вся группа собралась в кабинете.

– Так, – Бахтин старался избегать обращений, – сейчас Литвин доложит нам суть дела. Прошу вас, Орест.

– Значит, так, – Литвин достал бумажку, – в день налета на сыскную полицию на входе стоял старший городской, Ники-

тин. Его преступники оглушили, а в помещении был чиновник Кулик. Его тоже ранили. Городовой Никитин нынче проживает в деревне Лужники и занимается огородничеством. Кулик находится по старому адресу и работает бухгалтером в жилтовариществе. – Значит, едем в Лужники. Бахтин встал, начал надевать пальто.

– Вы наш новый механик? – спросил он молодого человека в кожаной куртке на меху. – Да. – Москву хорошо знаете? – Знаю. – Тогда поехали.

Машину им Манцев выделил хорошую. Большой «Руссо-Балт» в прекрасном состоянии. Бахтин молча курил, поглядывая по сторонам. Зимняя Москва словно вымерла. Город, заваленный снегом, походил на иллюстрацию из старых сказок.

– А что, дворники не работают? – поинтересовался Бахтин у механика.

– Теперь буржуазный элемент чистит улицы. Дворник – пролетарий.

– Вам, молодой человек, надо уяснить одно. Дворник должен чистить улицу, сыщик ловить воров, инженер работать на заводе, а учитель учить детей.

– Вот они, буржуи, – радостно засмеялся шофер. Бахтин увидел группу людей в чиновничьих шинелях и зимних пальто, лопатами разгребавших снег на трамвайных путях. – А где же путевые рабочие? – Они – пролетариат.

– Значит, вы, проповедуя бесклассовое общество, призна-

ете право одних возвышаться над другими? – Это же буржуи.

– А кем вы, юноша, были до революции? По вашему лицу и рукам я вижу, что на заводе Михельсона вы не вкалывали? – Я учился в реальном училище. – Похвально. – А ваш папаша кем был? – Я порвал со своим классом. – Порвать письмо можно. Запомните это. Бахтин замолчал, понимая всю бессмысленность этого спора. Авто бывший реалист вел неплохо. И то слава Богу.

А Москва набегала на лобовое стекло машины. Горбатилась заснеженными улочками, петляла переулками, выкидывала машину на прямые элегантные улицы.

Ближе к окраинам потянулись забавные, словно в землю вросшие деревянные домики. Над трубами плыл дым. Деревья огромных рощ были засыпаны снегом и напоминали о Рождестве.

Москва была уютна и прекрасна, как всегда. Даже пестрые плакаты новой власти не могли испортить ее.

Миновали заставу. Поле началось. С Москвы-реки набежал ледяной ветер, потянулись огороды, засыпанные снегом.

У въезда в деревню Бахтин приказал остановить машину. – Почему? – спросил Батов.

– Нам шум не нужен. Здесь авто привлечет внимание. Первым им на улице попался пьяненький мужичок.

– Скажи-ка, братец, где Никитин живет? – спросил Бахтин. – Здесь, – ухмыльнулся мужичок. – А где? – Так вы против его дома стоите. – Спасибо. – Спасибом сыт не будешь, –

засмеялся мужик. – На, – Бахтин протянул ему кредитку. – Премного благодарен, барин. – Ну, Батов, это тоже пролетарий? – Я, Александр Петрович, в эти споры не лезу.

– Пошли. Батов у калитки. Алфимов и Литвин со мной.

В усадьбе Никитина чувствовался железный порядок. Дорожки к дому были аккуратно разметены. Снег убран. Тропинка от крыльца до сарая посыпана песком.

– Хозяйственный мужик. Порядок у него. Посмотрите, дом покрашенный, ставни резные, как надо, на дворе размещено.

Видимо, чистота и порядок вызывали в сердце бывшего боцмана приятные эмоции. Дверь в доме открылась, и на порог выскочил хозяин в нагольном полушубке, накинутом на плечи.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие, – рявкнул он и повернулся к Литвину. – Здравия желаю, ваше благородие.

– Ну ты даешь, друг, – засмеялся Алфимов, – прозвища-то эти новая власть отменила.

– Это для тебя, морячок, а для меня господин коллежский советник по гроб высокоблагородием останется.

– Мы к тебе, Никитин, по делу. – Бахтин протянул городовому руку.

Протянул и подумал: а сделал бы он это два года назад? – Прошу до горницы.

В доме было уютно, тепло и чисто, пахло чем-то жареным. На стенах висели военные литографии, несколько фотогра-

фий хозяина в полном сиянии полицейского мундира.

– Не боишься, Никитин? – Алфимов сел на стул, поправил тяжелый футляр маузера.

– А мне, морячок, бояться нечего. Я всю службу при сыском деле. Мазуриков ловил. А жиганье что при старой власти, что при новой жиганьем останется. Садитесь, ваше высокоблагородие. Какая нужда во мне будет?

– Спасибо, Никитин. Скажи-ка, братец, ты на дверях стоял, когда нашу контору громили?

– Так точно. За день до того у нас оружие отняли. Потому такое безобразие и случилось. – Вспомни, как дело было. – Сначала мотор военный подъехал... – Почему военный?

– Так зеленый весь, со знаком и цифрой семнадцать. Из него четверо вылезли. – Кого-нибудь запомнил?

– Одного. У него погоны подпрапорщика были и на куртке Георгиевская медаль. Шрам у него на подбородке. Он-то меня по голове ударил, дальше не помню. Сомлел. – Ну спасибо, Никитин. – Бахтин встал.

– Нет, ваше высокоблагородие, не по-христиански получается. В какие года такая персона, как вы, ко мне пожаловали. Не отпущу просто так. Не обессудьте. Марья, на стол накрывай! – Там у нас еще один человек, – сказал Алфимов.

– У калитки, что ли, – хитро прищурился Никитин, – так зови его.

Через час они ехали обратно. Алфимов и Батов обсуждали никитинское угощение и сошлись на том, что не все го-

родовые были сволочами.

– Меня оставите на Арбате, – приказал Бахтин, – я к Кулику. Вы все на Лубянку, никуда не отлучаться, ждать приказаний.

– Александр Петрович, – попросил Алфимов, – разрешите с вами. Уж больно хочется в дело вникнуть. – Хорошо, Миша. На Арбате машина остановилась.

– Мне за вами приехать? – спросил бывший реалист. – Я телефонирую.

Как же изменился милый Валентин Яковлевич за последний год. Ссутулился, постарел, даже походка стала старческой. Бахтину он несказанно обрадовался, прослезился даже. – Значит, живы, Александр Петрович? – Жив.

– А наши говорили, что вас расстреляли братишки. Сейчас чайку соображу.

Алфимов с удивлением оглядел комнату. Шкафы с книгами, фотографии в рамках на стене, потертая мебель.

– Неужто он, Александр Петрович, в полиции служил? – Да, Миша. – Живет-то бедно.

– Хорошо в полиции жили только взяточники. Честные люди при любой власти – бедняки. – Вот уж не думал.

Карр! Карр! Со шкафа слетела ворона и уселась на стол. Она доверчиво приковыляла к Алфимову и потерлась головой о руку.

– Ишь ты, – засмеялся Михаил, – прямо как кошка.

Вернулся Кулик с чайником, и ворона запрыгнула к нему

на плечо.

– Как вы живете, Валентин Яковлевич? – Бахтин взял чашку.

– Как все. Работаю бухгалтером. Дочка со мной. Муж ее с конным полком на фронте. – А как сын? – Расстреляли Мишу. – Кулик заплакал. Бахтин и Алфимов молчали, чувствуя, что этому горю слова не помогут. Наконец старик успокоился. – Вы ко мне по делу?

– Валентин Яковлевич, – спросил Бахтин, – вы были дежурным чиновником в тот день? – А вы, Александр Петрович, опять в сыске? – Да. Мне поручено отыскать архив.

– Милый вы мой, конечно вы его найдете, но как выйдете на него, так бегите, а то и вас расстреляют.

– Зачем же вы так, папаша, – Алфимов в сердцах поставил чашку, – Александр Петрович наш товарищ.

– Ошибаетесь, гражданин моряк, гусь свинье не товарищ. – Озлобились вы, папаша, сердцем застыли.

– Может быть. Так по сути дела я, Александр Петрович, следующее могу доложить. Я, кстати сказать, в вашем кабинете некоторые свежие дела в потайной шкаф прятал. Слышу шум, я выскочил в коридор, посмотрел в окно. У входа зеленый военный автомобиль стоит. И еще кое-что заметил, но об этом потом. Тут на этаж ворвались двое в кожаных куртках. Оружия у меня не было, а дубина – шланг, свинцом залитый – осталась. Так я одного, как сейчас помню подпорщика, ею оглушил, а второй меня рукояткой револьвера

отключил. – Валентин Яковлевич, а что же потом?

– Нашу контору громили вместе с Охранным отделением. Так на другой стороне кинооператор ручку крутил. Ваш знакомец Дранков.

– Валентин Яковлевич, цены вам нет. – Бахтин обнял старика.

– Что вы, что вы, батюшка Александр Петрович, цена нынче у меня есть. Продпаек по седьмому разряду. А вы теперь у большевиков на службе.

– Вы позволите от вас телефонировать? – Бахтин из глубин памяти извлек номер телефона Натальи Вылетаевой. – Сделайте одолжение.

– Пока я говорить буду, вы, Валентин Яковлевич, напишите мне ваши показания. – На чье имя писать? – МЧК. Мартынову Ф. Я. – Понял.

Бахтин вышел в коридор, где на стене висел старенький «Эриксон», снял трубку и, пока он называл номер, пока телефонистка соединяла его, молил Бога об одном, чтобы Наталья и Андрей не сбежали на юг. – У аппарата, – раздался знакомый низкий голос.

– Наталья Николаевна, здравствуйте. Это Бахтин. Андрей Васильевич дома? – Господи! – вскрикнула Вылетаева. И Бахтин услышал: – Андрюша!.. Андрюша!.. Скорее!.. – Да, – раздался голос Дранкова. – Андрей Васильевич. Здравствуйте. Бахтин. – Вы где? – На Арбате. – Немедленно к нам и ничего не бойтесь.

И Бахтин понял, что Дранков знает об его аресте и думает, что ему нужно укрыться. Теплая волна подкатила под сердце. И стало радостно от ощущения дружеского участия хороших людей.

Прощаясь, подождав, когда Алфимов выйдет, Кулик сказал:

– Понимаю, почему они вас из узилища выпустили, но послушайте старика, Александр Петрович, бегите.

– Спасибо, Валентин Яковлевич, я к вам на днях загляну.

– Папаша, – крикнул с лестницы Алфимов, – у меня крупы малость есть, я вашей птичке ее пришлю, больно уж ворона забавная.

А через час они сидели в бывшем киноателее «Киноглаз» и смотрели пленку, которую снял Дранков в семнадцатом году. Трещала ручка аппарата, на экране толпа громила охранку, металась какие-то люди, кричали что-то. Странное ощущение видеть разорванные воплем рты и не слышать ничего. И вдруг на мерцающем полотне возник подъезд сысской полиции и автомобиль завода «Дукс». Вот на экране появились какие-то люди, бегущие неведомо куда... Потом снова дверь сысской... Потом крупно человек, несущий грудку папок... Кувалда... Бахтину повезло. Дранков снял всех четверых. Когда по экрану побежали царапины, похожие на светящиеся щели, Бахтин спросил:

– Андрей Васильевич, а можно сделать фотографии с этой пленки. – С этой пленки нельзя, но у меня есть негатив. –

Вы можете это сделать срочно? – Конечно.

– С вами останется Алфимов, он сразу заберет фотографии и отвезет ко мне. Где у вас телефон?

– В соседней комнате, – Дранков потянулся, весело поглядел на Бахтина, – пойдете.

В темном коридоре он крепко взял Бахтина за локоть.

– Александр Петрович, завтра вечером мы сваливаем в Финляндию, – Каким образом?

– Сначала в Питер по командировке киноотдела, а там есть надежный человек, он за деньги переправляет за границу. Поехали с нами.

– Не могу, Андрей Васильевич, я слово дал. А потом кое с кем надо разобраться. А адресок вашего проводника дайте.

– Это бывший капитан Доброфлота Немировский. – Племянник ювелира? – Да. А вы его знаете? – Немного. Он по прежнему адресу проживает?

– Да. Вы придете и скажите ему, что вы от Саломатина. – И все? – Все.

Они вошли в другую комнату. Дранков включил настольную лампу. – У вас есть карандаш? – спросил Бахтин. – Конечно.

– Записывайте адрес Ирины. У нее дача на Черной речке. – Это рядом с границей. Дранков достал карандаш, записал адрес.

– Вот спасибо, есть где прибиться на первое время. От вас что передать?

– Люблю. Скучаю. Пусть через месяц ждет. – Бахтин поднял трубку телефона: – Барышня, 27-15, пожалуйста. Литвин... Мотор в Гнездниковский... Всех берите... Едем на квартиру к Лимону.

– Вот он, дом Терентьева, – сказал шофер.

Машина затормозила. Сивцев Вражек был пуст и темен, как в далекие годы овраг у реки Сивки. Бахтин вылез из машины, посмотрел на застывший на морозе темный дом, в котором не горело ни одного окна, и еще раз подивился, как быстро изменилась жизнь в Москве. Литвин подошел к парадному, дернул дверь. – Заперта.

– Давайте ломать, – спокойно предложил Батов.

– Не надо. Запомните, надо стараться все делать тихо. Шум – это крайняя мера. Литвин на черный ход. Ищите дворника.

Литвин растворился в темноте арки. А они остались стоять в морозной темноте улицы, напоминающей ущелье из книги Луи Буссенара. Время шло, а Литвин не возвращался. – Где он, его мать, – выругался Батов.

– Запомните, – в голосе Бахтина зазвучали привычные командирские нотки, – еще раз матернетесь, отчислю из группы. – Да я же по-простому, товарищ начальник.

– Вы не матрос Батов, вы – оперативник, по вашему поведению будут судить о всех нас. – Значит, совсем нельзя? – изумился матрос. – Иногда можно, когда это делу помогает...

Бахтин не успел договорить, дверь заскрипела, подалась туго, словно кто-то придерживал ее изнутри, и Литвин крикнул: – Заходите. Они зашли в подъезд. – Что темно-то? – спросил Бахтин. Щелкнул выключатель.

Тусклый свет лампочки выдернул из темноты часть большой прихожей с нишами, в которых полуобнаженные мраморные фигуры женщин, фривольно показывая крепкие каменные груди, держали в руках факелы с разбитыми плафонами под хрусталь.

Рядом с Литвиным стоял человек в потертом армяке с ярко блестящей дворницкой бляхой. – Дворник? – спросил Бахтин. – Так точно. – Мы из ЧК – Из сыскной, значит. Мы понимаем. – Где Рубин живет? – В бельэтаже, второй номер. – Он дома? – Никак нет. – Ключи запасные у тебя? – У меня. Кому доверить? – Пошли.

У квартиры с номером два дворник подошел к двери и вставил ключ в скважину. От легкого нажима дверь поддалась.

– Открыта, – изумленно посмотрел дворник на Бахтина.

Бахтин достал из кармана наган, распахнул дверь. В прихожей горел свет, на полу валялась зимняя офицерская шинель с каракулевым воротником. Бахтин вошел в первую комнату, пошарил по стене, нажал рычажок выключателя. Под потолком вспыхнула красивая люстра, стилизованная под китайский фонарь. Здесь у Рубина была гостиная, мебель черная с перламутром, в углу на подставке стоял боль-

шой фарфоровый китайский болванчик. Бахтин подошел к нему, толкнул, и улыбающийся китаец в шляпе приветливо закивал ему головой.

– Александр Петрович, – вошел в комнату Литвин, – в квартире никого нет. – Начинайте обыск.

– Здесь много ценных вещей, – внезапно раздался голос шофера, – они должны быть реквизированы в пользу революционного народа.

Бахтин повернулся, посмотрел насмешливо на борца за пролетарскую идею и сказал:

– Наше дело улики искать, а вы, молодой человек, если желаете, то займитесь этим, благословясь.

Сколько раз Бахтин видел изнанку человеческой жизни, которая предельно ясно вскрывается при обыске. Порой на свет появлялись вещи, которые хозяева искали много лет. Рубин, видимо, не успел обжить эту квартиру. Не было в ней тех мелочей, которые говорили бы о характере и привязанности хозяина. В гостиной ничего не было. Кабинет пуст. Только бювар на столе сохранил следы записей. Страницу Рубин вырвал, на следующей остались достаточно точные следы. Бахтин взял бювар, положил его в портфель. ВЧК он попробует восстановить написанное.

– Ничего, – Литвин сел в кресло, – никаких бумаг. По-едем?

Бахтин встал, пошел по квартире. Конечно, надо было уезжать, но что-то необъяснимое задерживало его в этой квар-

тире. И он снова пошел по комнатам. Спальня. Здесь работал Литвин. Не нашел ничего.

– Александр Петрович, – подошел к нему Батов, – на кухне продукты. Крупа, сало, консервы. – Уложи в мешок и в машину. Нам пригодятся.

– Не нам, – вмешался шофер, – а всем. Продукты, изъятые в буржуазных квартирах, передаются в хозяйственный отдел МЧК. – Значит, передадим. Шофер нырнул в какую-то комнату. – Паскуда, – прошептал ему в спину Батов. – Вы же матрос, Батов, у вас смекалка должна быть.

– Я вас понял, товарищ начальник, – белозубо засмеялся Батов.

А Бахтин опять вошел в гостиную. Стол. Раскрытый буфет. Шкаф с посудой. Ширма. Кресла. Диван. Знакомая уже фигура китайца. Бахтин вновь ударил его по шляпе, и веселый старик опять радостно закивал ему. Бахтин пошел к дверям. И обернулся внезапно. Словно кто-то направил ему в спину револьвер. Голова китайца странно остановилась. Фарфоровый старик, задрал голову, глядел на люстру. А ведь безделушки эти славились именно количеством поклонов. Чем больше фигура, тем крупнее балансир, тем чаще кланяется вам китайский болванчик.

– Литвин, Батов, – рывкнул Бахтин. Сотрудники ворвались в комнату, устрашающе озираясь по сторонам. – Старика этого видите? – Я понял, – засмеялся Литвин. – А я нет, – вздохнул Батов.

– Сейчас поймете. Снимите китайца и поставьте на пол. Только осторожно. Сняли. Отлично. Теперь снимите голову. Голова болванчика вместе с маятником держалась на двух фарфоровых штырях, свободно лежащих в пазах. Литвин и Батов начали медленно приподнимать голову фигурки. Она подавалась с трудом. Наконец они изловчились и вытащили ее. К маятнику был плотно привязан толстый конверт. Бахтин взял из буфета нож, обрезал веревки, вытряхнул из конверта две папки с грифом: «Управление Московской сыскной полиции».

– Ну вот, что и требовалось доказать. – Бахтин закурил.

А Литвин засунул руку в чрево фарфорового человека и извлек толстенную пачку советских денег, перевязанную веревкой.

– Деньги нужно немедленно сдать... – Шофер не успел договорить.

Бахтин схватил его за ворот куртки и как котенка вышвырнул в коридор.

Дзержинский только что вернулся из Кремля, где обсуждался вопрос продовольственного снабжения Москвы. Он был заметно раздражен и шагал по кабинету из угла в угол. Свет настольной лампы ломал его тень на стенах и казалось, что вместе с председателем ВЧК по кабинету ходит еще кто-то страшноватый и опасный. Мартынов и Ганцев ждали, когда председатель задаст им первый вопрос.

– Вот что, товарищи, – отрывисто и зло начал Дзержин-

ский. – Сегодня утром бандитами ограблен и убит инженер Виноградов. Ильич опять говорил со мной весьма резко. Что вы скажете?

– Феликс Эдмундович... – начал Манцев, но Дзержинский перебил его. – Что делает ваш хваленый Бахтин? – Он...

– Не надо, Василий Николаевич, я расскажу сам об этом. Сегодня днем он с сотрудниками устроил пьянку в деревне Лужники у бывшего городского. Потом гонял чай с таким же, как он, сотрудником сыскной Куликом, потом развлекался в компании актрисы Вылетаевой и смотрел какую-то фильму в ателье «Киноглаз». Неплохо, правда?

– Позвольте, Феликс Эдмундович, – Мартынов встал, подошел к столу, положил фотографии. – Вот, смотрите. – Дзержинский схватил одну, взглянул быстро и цепко, потом вторую, третью. – Откуда это?

– Бывший городской Никитин и чиновник Кулик дежурили в день разгрома сыскной полиции. Через них Бахтин вышел на кинооператора, снимавшего в тот день в Гнездиновском переулке. В киноателье Бахтин и Алфимов отсматривали фильму и сделали эти фотографии. Кстати, вот этот человек – бывший помощник коменданта Бутырок, убитый два дня назад. – Остальные?

– Известен еще один, некто Хряк, активный член банд-группы Сабана. Вот он на фото. Остальных и авто устанавливаем. Теперь вот. Мартынов положил на стол два агентур-

ных дела.

– Найдены при обыске в квартире некоего Рубина Григория Львовича, между прочим, правой руки Луначарского. – Арестован?

– Нет, успел скрыться два дня назад. Нам извест но, что Рубин доставал наркому дефицитные продукты и мануфактуру. Кличка его в уголовном мире Лимон, он был одесским налетчиком, позже крупным блатным Иваном. Вот что сделал Бахтин за этот день. – Мартынов сел.

Дзержинский подошел к столу, полистал дело. Потом опять взял фотографии.

– А этот коллежский советник не зря получал свои ордена. Кстати, где они? В протоколе обыска у него награды не значатся.

– Бахтин сказал, что поменял их на продукты, – мрачно пояснил Манцев.

– А что это за история с продуктами и избиением шофера на квартире Рубина?

– Все продукты сданы в хозчасть, а Соловьев усомнился в честности Бахтина, когда были найдены деньги. – Где они? – У меня в сейфе, вместе с актом изъятия.

– А ведь он мог Соловьева застрелить, – засмеялся Дзержинский, – такие господа, как Бахтин, чудовищно щепетильны.

– Не думаю, – бросился на защиту Мартынов. – Вы меня простите, товарищ Дзержинский, но я чувствую, что мне не

верят.

– А вы Бахтину верите. – Дзержинский почти вплотную наклонился к Мартынову. Тот выдержал взгляд и ответил: – Я ему верю, и ребята тоже.

– Чертовского обаяния господин. – В голосе председателя послышалась злая ирония. – А вы, Манцев?

– Присматриваюсь. Но боюсь, если Рослева так нагло будет его пасти, он этого Соловьева шлепнет. – Что предлагаете?

– Другого шофера. Потом Бахтин все время на глазах.

– Хорошо, я распоряжусь. Пусть работает. Пока. Вы свободны, товарищи.

Бахтин занимался делом необычным. В комнате собрались почти все сотрудники уголовного отдела МЧК.

Бахтин разрубил четыре карандаша и растолок грифели. Потом осторожно начал втирать ватой черный порошок в листок бумаги. Потом стряхнул и на листе четко обозначилась надпись: «Сретенский бульвар. Дом страхового общества „Россия“, квартира восемь».

– Ну, вот и все, – Бахтин положил листок на стол. – Принесите мне справочник «Вся Москва». Бахтин полистал его.

– В квартире этой проживает профессор Васильев. Алфимов! – Я, товарищ начальник.

– К полудню мы должны знать все об этом профессоре. Бахтин встал и отправился к Мартынову.

– Федор Яковлевич. Вот адрес, найденный при обыске у

Рубина. Надо бы прикрыть квартиру. – Что вы имеете в виду?

– Людей посадить, пусть смотрят. Пасти хозяев не надо, но наблюдение необходимо. Туда может наведаться Лимон, а возможно, и Сабан. – Сделаем.

– Тогда, если не возражаете, я пойду домой, хочется помыться, да и переодеться надо. – Не возражаю. Вас проводят. – Это охрана или слежка?

– Эх, Александр Петрович. – Мартынов горестно махнул рукой.

И Бахтин понял, что он может не бояться этого высокого, красивого человека. И почему-то сразу поверил ему. И время покажет, что он не ошибся.

Полковник Генерального штаба Чечель попал в обстоятельства весьма и весьма сложные. Перед самым октябрьским переворотом он получил восемьсот тысяч франков наличными и должен был с тремя офицерами отбыть в Стокгольм, где ему предписано было организовать резидентуру. Деньги были получены, а разведслужба России рухнула, и Чечель остался, словно часовой, у денежного ящика. Состояние это безумно угнетало его. Он – кадровый потомственный военный, связавший свою жизнь, сразу после училища, со службой в разведке, вместо того чтобы уехать на юг и драться с большевиками, вынужден охранять казенные суммы. Да и жил он бедно и голодно, продавая вещи. Несколько дней назад он реализовал последнюю ценность – золотой портсигар

и денег, вырученных от этой операции, еле-еле хватит ему на неделю весьма скромной жизни. Господи! Как глупо иметь на руках больше полумиллиона франков и нищенствовать. Но казенные деньги для Чечеля были предметом чисто абстрактным, как, к примеру, военное имущество. Деньги эти были цепью, накрепко приковавшей его к Москве. Пробираться с ними к Деникину через пылающую войной и наспигованную бандами Россию и Малороссию было предприятием крайне рискованным и ненадежным. Конечно, можно было спрятать деньги в тайник и уйти. Потом пусть посылают курьеров. Но он со свойственными ему скрупулезностью и упрямством профессионального разведчика искал любой выход на растворившегося в зареве революции своего бывшего шефа генерала Батюшева. Пока ему это не удавалось. И поэтому Чечель решил поступить на службу, благо бывший однокашник полковник Климов заведовал милицейскими стрелковыми курсами. Правда, в последнее время, он начал замечать, что за ним следят. Несколько раз он замечал одного и того же человека, толкущегося у дома. Пару раз обращал внимание на людей, пытавшихся его пасти на улице. Это были ясно не чекисты, уж больно грубо и непрофессионально действовали эти люди. А потом ЧК не стала бы возиться с ним. Взяли б и дело с концом. Слежка напугала его, возможно, кто-то еще знал о казенных суммах. Получал он их в Союзе городов и ехать в Швецию должен был как представитель земства, отправленный за кордон для закупки про-

довольствия и одеял для беженцев. Об операции этой знали, кроме него, двое. Председатель Союза князь Львов и его помощник присяжный поверенный Усов. Но они оба давно в Париже. В целях конспирации князь Львов выдал Чечелю документ, в котором было обозначено, что полученные им казенные суммы переданы шведскому Красному Кресту. Нынче утром Чечель поехал к Климову и поступил на службу. Назначили его заведовать строевой подготовкой милиционеров. Встретили его хорошо, комиссар курсов, большевик, из бывших унтер-офицеров, даже благодарил полковника за патриотический порыв. Чечель получил мандат, оружие и паек. Домой он возвращался с вещмешком, в котором была крупа, вобла, сахарин и даже цибик чая. Но главное было в другом, полковник Чечель перетянул шинель ремнем с кобурой. Теперь оружие он носил на законном основании. Но у дома он опять срисовал юркого мужичка в офицерской бекеше и котиковой шапке «пирожок». Третий раз он попался на глаза полковнику в самых неожиданных местах. Обостренное чувство опасности, свойственное многим людям его профессии, подсказало ему, что, возможно, этой ночью что-то может случиться. Кто-то наверняка прознал об этих деньгах. Но кто? Да, Господи, какая разница, будут ли это бывшие офицеры или просто бандиты. Чечель достал из тайника саквояж с деньгами, и большой двенадцатизарядный кольт, две гранаты «мильс», собрал необходимые документы, привязал вещмешок с пайком к ручке саквояжа. Те-

перь надобно заняться дверями. Черный ход Чечель заколотил еще в октябре. Не нужен он ему был. Окно туалета выходило на крышу сарая. Прыгать всего ничего. Один этаж, а там проходной двор и ищи его. А нынче вообще снег выпал, и у стены сарая нанесло метровый сугроб, так что уйти он сможет легко.

Вот только от кого? Эта мысль занимала полковника весь сегодняшний вечер. Часы в столовой пробили одиннадцать раз. Чечель подошел к окну. Темнота. Даже снег стал невидимым и черным. Он закурил, и вдруг под аркой вспыхнули лучи огня. Урча моторами, во двор въехало два авто. Все. Это к нему. Чечель достал из стола рубчатую гранату «мильс», подошел к двери, повесил ее на ручку, отогнул усики детонатора, привязал к кольцу шнур и зацепил его за крюк. В дверь уже колотили, что-то кричали и матерились. Гулко раздавались удары и на черном ходу. Чечель надел бекешу, папаху, взял саквояж с притороченным к нему вещевым мешком, оглядел последний раз квартиру. Пора. Он вошел в туалет, запер дверь, распахнул окно. В лицо ударило снежным холодом. Крышу он не видел. Но память услужливо подсказала ему ее размеры. Он прыгнул и мягко приземлился. В квартире грохнул взрыв. Чечель прыгнул в сугроб, провалился почти по пояс в снег, матерясь, выбрался и побежал через проходной двор. Через несколько минут он словно растворился в хитросплетении дворов и переулков на Мясницкой.

Литвин тоже не спал в эту ночь. В Москве было двена-

дцать крупных гаражей и более двадцати мелких, принадлежащих разросшимся, как грибы, новым комиссиям, главкам и комиссариатам. Он решил начать с бывшего гаража Союза городов на Сретенке. На проходной сидел вахтер с наганом и пил чай из медного гнutoго чайника. – Куда? – лениво спросил он. – ЧК, – ответил Батов.

Но страшное это словосочетание не произвело никакого впечатления на вахтера. – Идите. – Он налил чай в блюдце. – Начальство здесь? – спросил Литвин. – А где ему быть, завгар здесь и ночует. – Как его фамилия? – Тимохин Николай Ильич.

Тимохин спал в кабинете на диване. В комнате было жарко, бока буржуйки раскалились до малинового цвета.

– Жалко будить, – вздохнул Литвин, – но что делать, служба у нас собачья. Он подошел к дивану, потряс спящего за плечо. – Тимохин... Тимохин...

– А... Кто... Куда... – Завгар вскочил, со сна не понимая, что случилось. Отсутствующими глазами оглядел комнату и опять лег.

– Тимохин... Да вставай же... – Литвин рывком посадил завгара. Теперь он проснулся, и взгляд стал осмысленным.

– Вы кто? – хриплым, севшим от сна голосом спросил он. – Мы из ЧК.

– Мандат попрошу. Литвин протянул документ. Тимохин прочел его. – Какая нужда во мне? – Вы, Николай

Ильич, давно здесь работаете? – После ранения, в пятнадцатом, сюда перешел. – Значит, многих знаете? – Да почитай всех. Литвин достал фотографию подпрапорщика. Тимохин взглянул мельком, засмеялся.

– Ишь, паршивец, а я-то голову ломал, кто мою куртку украл. Дай закурить, чекист. Литвин протянул портсигар. Тимохин ловко подцепил папиросу, чиркнул зажигалкой, сделанной из винтовочной гильзы. – Так вы его знаете? – нетерпеливо спросил Батов.

– А то. Это Колька Базыкин. Самый поганый человек в гараже был. – А где он живет?

– В Обираловке, в поселке Ивановка, в своем доме.

– Давайте мы все это запишем. – Литвин достал лист бумаги и чернильный карандаш.

– Давай, – охотно согласился Тимохин, – вы, как его прищучите, куртку мою возверните.

Ночью Бахтина разбудил шум за стеной. К Жене кто-то пришел. Видно, подгуляли ребята и решили завернуть на огонек. Он встал, взял со стола портсигар. Закурил. Сделал пару затяжек. Ткнул папиросу в пепельницу и опять заснул. Проснулся он от стука в дверь. В комнате хозяйничало сероватое зимнее утро. Не хотелось вставать, тем более куда-то ехать. Но дверь уже содрогалась от ударов, и Бахтин встал, надел брюки, накинул пальто и пошел открывать.

– Заспались вы, Александр Петрович. – На пороге стояли Литвин и Алфимов. – Малость есть.

– А мы на подпрапорщика вышли, – победно усмехнулся Литвин. – Пошли в квартиру, а то я замерзать стал.

– Вы брейтесь, Александр Петрович, – Литвин снял пальто, – а мы пока вам завтрак сообразим, путь-то неблизкий. – А именно? – В Обираловку. – Как на улице?

– Морозит малость, – сказал Алфимов и с интересом оглядел комнату.

Небогато жил полицейский полковник. Совсем небогато. Это был второй дом чиновников полиции, в котором довелось побывать Алфимову за эти дни. И сидя на диване в комнате Бахтина, он думал о том, что председатель Пресненского Совета, у которого он был на той неделе, жил куда лучше, чем сатрап старого строя. И это не ложилось в привычные рамки навязанного ему мышления. Тем более то, что произошло нынче ночью.

За чаем Литвин рассказал Бахтину о том, как они с Батовым вышли на Кольку Базыкина.

– Мы соединились по прямому проводу с милицейским пикетом в Обираловке, и мне сказали, что Базыкин держит в страхе весь поселок.

– Ну что ж, Орест, поедем посмотрим на этого страшного господина. – У него там хива своя. – Много? – Человек пять. – А нас четверо, думаю, сдюжим. Правда, Михаил? Алфимов кивнул. Он сидел какой-то странный, молчаливый и печальный.

– У вас неприятности, Михаил? – поинтересовался Бах-

тин. – Да нет, Александр Петрович, о жизни задумался.

– Весьма вредное занятие, особенно нынче. Что это вы за куль приволокли?

– Да это Мартынов приказал вам полушубок передать, а то вы в вашем пальтишке померзнете. – Едем.

Милицейский пикет находился прямо на станции, занимал комнату жандармского поста.

Милиционеров на весь поселок и прилегающие деревни было трое.

– Вы, товарищи чекисты, нас поймите, – оправдывался старший. – Что мы с ними сделать можем. Знаем, что они и в Горенках, и в Реутове, и в Купавне промышляют, а поймать их не можем. – Где они сейчас? – Бахтин встал.

– Так, как обычно, у Еремея Силыча, – ответил один из милиционеров.

– Это рядом с вокзалом. Буфетчик трактирное заведение держит с бильярдной комнатой.

– А они там? – Литвин, проверяя, крутанул барабан нагана.

– А где им быть, с обеда спирт жрут, да шары гоняют, – зло ответил старший пикета.

– Стало быть так, – Бахтин усмехнулся нехорошо, – милиционеры на улице, мы идем в кабак.

В зале кабака было темновато. Электричества не было, горели четыре керосиновые люстры. В углу зала двое в железнодорожных фуражках хлебали из высоких мисок суп.

– Вы, господа-граждане, нездешние будете? – налег на стойку жирной грудью буфетчик.

– Из Новогиреево мы, – ответил Батов, – пивка нет?

– Откуда ему взяться-то. А бражки могу спроворить. По какой надобности в наши Палестины? – По торговой, – подошел к стойке Алфимов.

– Понятно-с– Буфетчик оглядел его кожаную куртку, маузер в деревянной кобуре. – Понимаем-с.

Из соседней комнаты доносилось щелканье шаров и голоса. – Базыкин там? – спросил буфетчика Бахтин. – Там-с.

Бахтин расстегнул полушубок и направился к бильярдной. Здесь было посветлей. Над двумя столами с заштопанным зеленым сукном горели здоровенные лампы-«молнии». Видать, для Базыкина хозяин керосина не жалел. Кольку Бахтин узнал сразу. Он стоял, картинно опершись на кий, демонстрируя всем дорогую шелковую косоворотку, серебряный поясок и сапоги варшавского лака. – Тебе чего, гражданин? – лениво спросил он.

– Да хотел шары покатать. – Бахтин скинул полушубок.

– А здесь играют только на интерес, – заржал Колька.

Бахтин взял из стойки кий. Прикинул. То, что нужно, тяжелый и удобный. – Так какой твой интерес? – подошел к Базыкину.

– Мой, говоришь. – Колька засунул руку в карман фасонистых бриджей и вынул пачку денег.

Здесь были и керенки, и советские, и добрые старые «ка-

теринки», и «петруши».

– Давай по «кате» сгоняем. – Он положил на сукно сторублевку.

– Я за такие деньги из дома не выхожу, – с презрением ответил Бахтин.

– Ишь ты, деловой, – Базыкин оглядел своих ребят, развел руками, – я тогда «петрушу» добавлю. Легла на стол пятисотенная бумажка. – Чем ответишь?

Бахтин растегнул карман кителя, вынул фотографию, сделанную Дранковым, и бросил на стол. Он не стал ждать реакции Базыкина и с размаху ударил его тяжелым кием. Развернулся и достал второго, выхватившего из-за голенища нож. Кий сломался. В комнату ворвались Литвин с чекистами.

– ЧК, всем к стенке, – рявкнул Алфимов.

Губастый парень в люстриновом пиджаке выхватил из-за пояса наган. Бахтин выстрелил. Пуля угодила точно между глаз. Литвин и Батов ловко обыскали задержанных. На столе появились два нагана и три браунинга, ножи и кастеты, внушительная кучка денег. – Где милиционеры?

– Здесь мы. – В дверь опасно заглянул старший пикета. – Это ваши жиганы, вы их и забирайте. – Так как же, товарищ начальник, куда же мы их?

– Холодная при бывшем жандармском poste есть? – Оно конечно, но там у нас овощи лежат.

– Вот что, любезный. – Бахтин подошел к старшему. Он

хотел сказать ему о том, что такое служба, но, посмотрев еще раз на маленького, худого, с ввалившимися щеками человека в шапке с милицейским значком и путевой куртке, понял, что любые объяснения здесь бесполезны. – Где ваш комиссариат? – В Горенках.

– Вот вы этих дельцов на картошку посадите и телефонируйте в Горенки, пусть их заберут. – Сделаю.

– Ну а теперь все выйдите, мне с Колей Базыкиным поговорить надо.

Бахтин подошел к лежащему у стены Базыкину, рывком поднял его и коротко без замаха ударил его по печени. Базыкин, пуская ртом пузыри, медленно осел.

– Это тебе, Коля, аванс. А дальше у нас разговор будет. – Я ничего не знаю, – прохрипел Базыкин.

– Слушай меня, жиган с ландринной фабрики, меня твои скачки и тормозилы не интересуют. Ты шофером был, когда из сыскного архив увозили? – Ну я. – Куда отвез? – А если скажу? – Мне твои рассказы ни к чему. Ты покажешь где. – А потом?

– Потом. – Бахтин закурил. Посмотрел на сидящего на полу грабителя. Жалкий был гроза уезда Колька Базыкин. И похож он был на нашкодившего приказчика из мелочной лавки. – Потом я тебя отпущу. – Побожитесь.

– Падло буду. – Бахтин щелкнул по зубам ногтем большого пальца.

– Я вам, господин начальник, верю. – Колька медленно

встал. – Только ты мне одну бумагу напишешь... – Сексотить, что ли?

– Именно. Ты пойми, мне тебя просто так отпустить нельзя. – Хоть десять, потом пусть найдут.

– Это не моя печаль. – Бахтин достал из кармана бумажку и химический карандаш. – Так где архив? – Да рядом здесь, в Салтыковке.

К Салтыковке подъехали в сумерках. Минут десять простояли у шлагбаума, пропуская товарный из Москвы. Бахтину раньше никогда не доводилось бывать в этих местах. В глубине начинающего чернеть леса угадывались очертания домов. Кое-где светились редкие огоньки. Проехали еще полверсты, и Базыклин сказал: – Здесь направо.

– Не проедем, – мрачно сказал шофер, – снегу-то намело.

Бахтин выпрыгнул из авто. Ступил на дорогу. Действительно снегу намело много.

– Вы остаетесь в машине, – сказал Бахтин шоферу, – остальные за мной. Веди, Сусанин.

Утопая в снегу, они подошли к двухэтажной даче с легкомысленными башенками по краям крыши. В доме горели три окна.

– Литвин, – тихо сказал Бахтин, – видите водопроводную колонку? – Вижу.

– Вот и прикрепите нашего Сусанина к ней наручниками.

Они осторожно подошли к дому. В первозданной тишине снег предательски скрипел под сапогами. Литвин быстро

осмотрел дом. На другую сторону выходило всего одно окно.

– Батов туда. Стреляй в каждого, кто попробует бежать.

Бахтин встал на деревянный карниз, заглянул в окно.

За столом трое играли в карты. Двоих он узнал сразу. Казимир Нож и Хряк, ходивший с Сабаном трясти Немировского. Третий в офицерском кителе сидел к нему спиной.

Внезапно Казимир бросил карты и выхватил пистолет. Батин упал в снег, стекло разнесла пуля. – Сколько их? – крикнул Алфимов. – Трое. – Ложись. – Чекист бросил в окно гранату.

Туго рванул взрыв, погас свет, посыпались стекла. А Алфимов уже влез в окно, за ним прыгнул Литвин. Выстрел, крики, мат.

Бахтин влез в окно, зажег потайной фонарь. Круглое желтое пятно побежало по полу, усыпанному разбитыми стеклами, вырвало из темноты развалившийся пополам стол, остановившись на развороченном осколками лице. Только по усикам можно было узнать того, кто еще недавно жил под именем Казимир Нож. Лицом вниз лежал человек в офицерском кителе, сукно на спине стало черным от крови. Бахтин перевернул его. Нет. Этого человека он не знал. В углу сидел Хряк, по лицу его капала кровь. – Орест, найдите лампу.

Литвин вернулся через несколько минут. Чиркнул спичкой, зажег трехлинейку. – Где архив, Хряк? – В той комнате... У, суки...

– Будешь много языком бряцать, пулю съешь, – предупре-

дил его Бахтин.

Бахтин взял с трюмо свечу. Зажег, толкнул дверь в комнату. У стены приткнулась аккуратная стопа папок. Штук тридцать, на глаз определил Бахтин. – Где остальные? – Их Лимон вчера забрал. Опредил, сука. Но ничего, кое-что есть. – Зовите Батова.

Когда собрались все, начался обыск. Нашли оружие, патроны, немного денег и навал жратвы.

– Алфимов, берите мотор и в Горенки, в милицию. Пусть дадут подводу увезти трупы. Вам, Орест, с Батовым придется остаться в засаде.

Они с Алфимовым вышли. Ночь была морозной и светлой. Месяц и звезды больше походили на елочные игрушки, приклеенные к темному бархату. – Ночь-то какая, Александр Петрович.

– Плохая ночь, Миша, вспомните, сколько людей мы уложили. – Так ведь бандюг.

– Я после тюрьмы все чаще о Боге задумываться начал. Перед ним мы все равны. – Может быть, – тихо ответил Алфимов. Бахтин подошел к колонке. – Ну что, Базыкин, потерпелся? – Было малость. – Иди. – Спасибо, ваше благородие. – Ишь ты, признал.

– Вспомнил. Только одного не пойму, что вы с ними делаете. – Я и сам не пойму, друг Базыкин. Иди.

– Век помнить буду. – Колька растворился в темноте.

– А почему вы его отпустили, – раздался за спиной голос шофера.

– А это мое дело, юноша, и советую вам не делать мне замечаний. Почему оставили авто? – Выполнял свой долг. – Революционный? – Да.

– Тогда шли бы бандитов брать. И запомните, еще раз нарушите приказ, пристрелю.

– Ты, реалист, – рявкнул Алфимов, – а ну, к машине. У меня к тебе разговор есть.

На Лубянку они приехали только утром. Сдали Хряка в камеру, занесли в комнату папки.

– Миша, – сказал Бахтин, – я там пакет пшена прихватил и пару банок консервов, если вам не трудно, занесите их на Арбат Кулику. Алфимов молчал, отвернувшись к окну. – Вы что, Миша?

– Александр Петрович... – Голос Алфимова сорвался. – Я...

– Да говорите же. – Нехорошее предчувствие сдавило сердце Бахтина.

– Умер Валентин Яковлевич... А ворону застрелили... – Кто? – Бахтин вскочил с дивана. – Наши.

– Как это? – застучало в висках, казалось, что комната стала раскачиваться, как пароходная палуба. Бахтин устало опустился на диван. – Ворону-то за что?

– Его той же ночью забрали, как мы ушли. Приехали из следственного отдела. – Ворону-то за что? – тупо повторил

Бахтин.

– Говорят, кричала очень. Бахтин встал, пошел к двери. – Вы куда? – К Манцеву.

– Не ходите, Александр Петрович, Валентин Яковлевич умер. Сердце на допросе не выдержало.

– Бедный старик. Ловил собачьих воров. Криминальным музеем заведовал. Потом финансовые аферы раскручивал. Он из своего нагана не выстрелил ни разу. Да и вообще его не носил. В домкоме работал. Чем же он вам, господа большевики, не угодил? – При чем же здесь мы? – обиделся Алфимов.

– При чем? Помните, Миша, нет и не будет будущего у того народа, кто из своих защитников сделал палачей. – Разве я палач? – Вы нет и вам трудно будет служить здесь.

– А я и не буду. Весной река вскрыется, уйду на буксир шкипером.

– Не уйдете, Миша. У вас здесь круговая порука, как в банде. Вас всех кровью вяжут. – А у вас иначе было? – зло спросил Алфимов.

– Мы закон защищали, плохой ли хороший, но закон. А вы революционную совесть и классовое чутье. А это дело зыбкое. Вот видите, и ворона контрреволюционером стала.

Бахтин закурил. Так они сидели и молчали несколько минут.

– А как вы думаете, Миша, почему забрали Кулика, знают о Никитине, но не тронули Дранкова? – Не знаю.

– Пасут меня. И пасет шофер. К Дранкову-то мы пешком шли. – А ведь точно.

– Значит, не верят мне. А держат, как говорят наши клиенты, за подставного фраера. Мы тебя из тюрьмы взяли, за это ищи, а потом мы тебя шлепнем. – Бог с вами, Александр Петрович...

– Точно, Миша, и вы в это дело не встревайте, иначе они вас прижмут. – Я в ячейку пойду...

– Не надо, Миша. Это система. А ее невозможно победить.

Рослева сидела у печки и курила. В комнате было тепло, но ее познабливало, не спасал даже полушубок, накинутый на плечи. Который день она не досыпала. Допросы. Допросы. Допросы.

Она уже не помнила лиц арестованных, голосов. Все они слились для нее в одно понятие – враг. Без стука распахнулась дверь. Вошел Мартынов. – Тебе чего, товарищ, Федор? – Зачем вы взяли Кулика? – Я должна была его допросить.

– А вам известно, что Кулик должен был помочь нашей группе в розыске Сабана. – Этот старец? – Именно.

– Может быть, вы зачислите в ЧК всех полицейских офицеров? – Если будет нужно.

– Двое уже работают у вас. И ваш хваленый Бахтин совер-

шает преступление за преступлением. Я решила арестовать его. – А агентурный архив? А банда Сабана?

– Бахтин для нас опаснее, чем все банды, вместе взятые.

– Идемте к Дзержинскому. Председатель МЧК и ВЧК принял их сразу же. – В чем дело? – холодно поинтересовался он. – Я решила арестовать Бахтина. – Основание.

– Сегодня ночью он отпустил врага революции, бандита Базыкина.

Мартынов молча подошел к столу, положил перед Дзержинским бумаги.

Дзержинский внимательно прочитал их, усмехнулся:

– Школа. Есть чему поучиться. Запомните, товарищ Рослева, бандита Базыкина нет, с нынешней ночи есть секретный сотрудник МЧК по кличке Глухарь. – Как это? – Читайте. Значит, часть архива Бахтин вернул?

– Почти половину, Феликс Эдмундович. Одновременно разгромил преступную группу в Обираловке, завербовал их главаря, уничтожены два известных бандита и арестован активный член банды Сабана Николаев Сергей по кличке Хряк.

– Ну что ж, – Дзержинский встал, – у каждого свои методы. Одни стреляют комнатных ворон, другие ловят бандитов. Идите, Федор Яковлевич, а с товарищем Рослевой я поговорю.

Когда Мартынов вышел, Дзержинский раздраженно ска-

зал:

– Я просил вас наблюдать, а не действовать. Зачем вам понадобился этот старик? – Я хотела отработать связи Бахтина.

– Поэтому Черкасов при обыске застрелил ручную ворону? – Это случайность.

– Продолжайте наблюдать за Бахтиным, но очень осторожно, и только. Кстати, как он живет?

– Проживает вдвоем с Литвиным. Сосед – литератор Кузьмин. – Кузьмин. Либерал. А женщины? – Нет.

– Вот и подумайте об этом. Впрочем, не надо. Просто наблюдайте. Думаю, при его опыте он скоро справится с заданием. А там посмотрим.

Бахтин сидел в кабинете и ждал, когда к нему приведут Хряка. Он не думал о допросе и не готовился к нему. Все это было раньше, теперь, особенно после смерти Кулика, он прекрасно понимал, что ему рассчитывать не на что. Но господа товарищи плохо его знали. Он понял их, значит, ведет скачки он. Хряк рухнул на стул и попросил хрипло: – Дайте закурить, ваше высокоблагородие. – На. – Бахтин протянул ему портсигар. Хряк глубоко затянулся. – Хорошо. – Ну, что скажешь? – Нет на мне ничего. – Это мне решать, Николаев. Где Сабан?

– Мне скрывать нечего. Я ваши приемчики, господин Бахтин, расчудесно знаю. Не хочу калекой в камеру возвращаться. Поэтому честно говорю. Видел его вчера ночью, брали

в Банковском переулке квартиру одного полковника. Я его несколько дней пас. – А зачем Сабану полковник понадобился?

– Не Сабану, а Лимону. Он говорил, что у того валюты лом. – Взяли?

– Нет. Он четверых гранатой взорвал и ушел. Его вся наша хевра по Москве ищет. – Слушай, Хряк, а где Сабан?

– До вчерашнего дня на даче в Сокольниках был, а утром они оттуда спрыгнули, а куда, не знаю. – А что ты в Салтыковке делал?

– Нож весточку прислал, дружок его золотишко скидывал. – Кто он? – Не знаю. Его Нож Андреем называл. – Ну, а золотишко куда? – К Каину. – А деньги тебе зачем? – Хочу пивную открыть. – Значит, от налетов отошел. – Как в семнадцатом освободили – все. – А где Лимон? – Это никто не знает. – С Сабаном связь есть? – Он меня сам находит. – Ты кури, кури. Не жрал, наверное. Литвин, спроворьте чайку да поесть чего-нибудь.

Зашедший в кабинет Мартынов застал картину почти идиллическую. За столом Бахтин, Литвин и Алфимов пили чай с арестованным.

– Меня в компанию возьмете? – засмеялся Мартынов.

– Присаживайтесь, Федор Яковлевич, вот с Николаевым о жизни толкуем. Хочет он трактир открыть. Деньги, говорит, собрал. Поможем?

Люди обладают разными врожденными талантами. У

Мартынова был подлинный талант сыщика. Он моментально просчитал, как выгодно ему иметь в городе место, где будут хороводить уголовники.

– А почему не помочь, если Сергей нас угощать будет. – Начальник, первая рюмка ваша. – Надо подумать.

Они пили чай и говорили о пустяках. А Мартынов думал о том, как убедить Дзержинского, что Бахтин им нынче просто необходим.

– Слушай, Николаев, а где ребята Сабана собираться любят? Где хрусты сбрасывают?

– Там, где и все. В Столешниковом, в угловом, где кафе. Там на втором этаже механические лошадки.

– Посиди пока, – Бахтин повернулся к Мартынову, – выйдем на секунду, Федор Яковлевич.

Они вышли в коридор. Мимо них восемь матросов потащили тяжелый засыпной сейф...

– Да держи ты... Твою мать... Он же тяжелый, как жесьь... Да не урони... – Что, Александр Петрович?

– Конечно, вы можете его расстрелять, но, думаю, от него больше пользы на свободе будет. – Я с вами согласен.

– Тем более, что он от дел отошел. Правда, я раньше по мокрухе не ходил. – Хотите его завербовать?

– А мне для чего? Как я понял, долго я в вашем департаменте не задержусь.

Мартынов внимательно посмотрел на него и понял, что этот человек понимает все.

– Врать не буду, Александр Петрович, служить у нас вам нельзя. – Спасибо за откровенность.

– Но в уголовно-розыскной милиции для вас всегда найдется место. – Там посмотрим. Так что вербуйте его сами.

– Александр Петрович, – из кабинета выглянул Литвин, – вас Кузьмин к аппарату просит.

В гостиной Кузьмин соорудил выпивку и закуску. За столом сидел человек в ладном офицерском кителе.

– Знакомьтесь, это бывший коллежский советник Бахтин Александр Петрович, а это полковник Чечель Василий Борисович.

– Интересно, Женя, – Бахтин пожал руку Чечелю, – коллежский советник бывший, а полковник всегда полковник. Так, что ли?

– Заело, – засмеялся Кузьмин, – садись, поужинаем, да поговорить надо.

Выпили, закусили и Чечель рассказал свою историю невеселую.

– Значит, вы говорите, что о деньгах знали двое. Кто? – Князь Львов и его помощник Усов.

– Так. – Бахтин вскочил, нервно зашагал по комнате. – Усов. Интересно. А он знал, что вы деньги сдали? – Нет. – Все ясно, покажите-ка расписочку.

Чечель достал из кармана потертый сафьяновый бумажник, вынул документ, протянул Бахтину.

– Так... так... интересно. Значит, вот почему вас Сабан с

Рубиным искали. – Я их не знаю.

– И не надо, Василий Борисович. Вам Женя мою одиссею, надеюсь, рассказал. – Так точно. – Поможете мне? – Каким образом?

– Вам ничего не надо будет делать. Сходите раз в один притончик с дамой, поиграете и все. – Это нужно?

– Необходимо. Мы должны их уничтожить, пока они не убрали вас. – Оружие дадите? – Вы же инструктор милицейского резерва. – У меня есть иной выход? – Нет, Василий Борисович, нет. – Не военное дело.

– Бросьте, вы же контрразведчик, сродни нам, грешным. Ну, как? – Согласен. – Вот и хорошо. Поутру двинем в ЧК.

– Жуть-то какая, не к ночи, – замотал головой Чечель.

Наконец он понял, что это не сон, а кто-то вполне реальный колотит в дверь. За окном висела ночь. Бахтин накинул полушубок и пошел к дверям. – Кто? – Это я, Алфимов. Бахтин открыл дверь. Миша ввалился в квартиру вместе с лестничным холодом.

– Беда, Александр Петрович, банда шведского консула угробила. Манцев приказал... – Сейчас.

Хорошо, он по давней привычке побрился на ночь. Раньше Бахтин делал это почти ежедневно. Чтобы выехать на ночное происшествие в пристойном виде. Ровно через пять минут он спустился к авто. – Где? – спросил он.

– Дом страхового общества «Россия», на Сретенском бульваре.

Шофер был новый, что порадовало Бахтина. Последнее время он еле сдерживался, чтобы не набить морду юному классовому борцу.

За стеклом машины лежал черный, засыпанный снегом город. Пустой и опасный, как пещера из книги Жаколио. Но даже сейчас была в облике Москвы некая трагическая красота, город, словно больной, переживал, когда спадет высокая температура. У шикарного дома, отгороженного от улицы резной решеткой, стояли несколько авто и санитарная карета.

Бахтин вылез из машины, пошел к подъезду. Этот дом пока сохранил былое барское чванство. На лестнице лежал ковер. Медные костыли, прибившие его к ступеням, сияли нестерпимо и ярко. В вестибюле толпились люди в кожаных куртках и шинелях. – Где? – спросил Бахтин. – В бельэтаже направо.

У дверей квартиры Мартынов и Манцев о чем-то разговаривали с элегантным господином в дорогой шубе.

– Позвольте, господин посол, представить вам известного криминалиста товарища Бахтина, он будет вести расследование, – сказал Манцев. Посол вежливо приподнял котелок. Бахтин приложил руку к шапке «пирожку».

– Вы бывший полицейский чиновник? – спросил посол по-французски.

– Я служил помощником начальника сыскной полиции, – по-французски ответил Бахтин. – Вы служите в Ч К?

– Нет, господин посол, я занимаюсь уголовным сыском.

– Господа, – посол перешел на русский, – наличие такого специалиста позволяет мне надеяться, что преступники будут пойманы и наказаны.

– Извините, господин посол. – Бахтин улыбнулся печально, показывая одновременно расположение к столь важной особе и свою скорбь по поводу произошедшего. – Кто в квартире? – спросил он Манцева. – Литвин и врач. – Где эксперты? – Скоро будут. – Позвольте. – Бахтин закрыл дверь.

Медная табличка. Буквы под готику: «Консул королевства Швеция. Кручинин А. Е.».

Кручинин... Нет... Не может быть... Он же возглавлял Московский удельный департамент.

– Простите, господин посол, а господин консул ранее не работал в Министерстве Двора.

– Да, господин Бахтин, но в семнадцатом году он стал подданным нашего короля и консулом в Москве.

Вот, значит, как. Нехорошо стало Бахтину, словно на плечи тяжелый мешок упал, словно придавило его к коврику этому, к стене, к ступеням. Но он собрался и внимательно осмотрел дверь. – Пойдемте, Федор Яковлевич. – А мне можно? – спросил Алфимов. – Нужно, Миша.

В передней ярко горела бронзовая люстра, сделанная как матовый шар, на полу лежал человек в кожаной куртке, синих бриджах и фасонистых сапогах с ремешками на голенище, рядом валялся кольт. – Обыскивали? – Нет, ждали вас, –

сказал Мартынов.

Бахтин присел. Пуля попала точно в сердце, крови было немного. Бахтин расстегнул куртку, достал из внутреннего кармана бумажник.

Две порнографические открытки... Деньги... Письмо... Паспорт... Соловьев Игнат Петрович... Явная липа... Мандат... «Тюремный отдел МЧК... Ковалев Федор Петрович... комиссар. Всем военным и гражданским властям... Подпись: комендант Семенов».

– Это вам. – Бахтин протянул мандат Мартынову.

В карманах бриджей патроны к кольцу... Ключ... Только вот где та дверь, которую можно им открыть... Опять деньги.

– Проследите, пусть откатают пальцы, – приказал он Алфимову, – если повезет, они могут оказаться среди тех папок, что мы взяли в Салтыковке.

Бахтин поднялся, зашагал по коридору. В гостиной, на ковре, лежал человек с простреленной головой. Пуля из кольта или маузера разнесла ему практически все лицо. Рядом валялся браунинг калибра 6,35. Видимо, из него и застрелил Кручинин одного из бандитов. В гостиной поработали основательно. На ковре осколки фарфора, хрустальные бокалы, серебряная посуда. Из гостиной дверь в кабинет. Там работал Литвин. – Что, Орест?

– Ящики стола вывернуты, в стене взломан секретный сейф. – Что там было?

– Вот, нашел на полу. – Литвин протянул Бахтину кольцо с

изумрудом и бриллиантами. – Наверное, уронили впопыхах.

Бахтин узнал это кольцо. Оно было на руке Лены в день их последней встречи в Петербурге.

Он вышел в коридор. Посол и Манцев продолжали о чем-то беседовать.

– Господин посол, – Бахтин подошел к ним, – вам приходилось бывать в этой квартире? – Конечно.

– Были ли у господина Кручинина какие-то редкие ценности?

– Да, у него в гостиной находилась необычайная коллекция изделий Фаберже. – Я попрошу вас пройти со мной. – Конечно.

Посол брезгливо переступил через убитого, увидел труп Кручинина и снял котелок. – Это ужасно.

– Я прошу вас внимательно осмотреть гостиную. Есть ли здесь предметы, о которых вы говорили? – Голос Бахтина был служебно-будничен.

Посол прошелся по комнате, внимательно разглядывая разбитые стекла горок. – Коллекции нет.

– Благодарю вас. Держал ли господин Кручинин в доме служебные документы? – Что вы имеете в виду? – Бланки паспортов.

– Уверен, что нет, – запнувшись на секунду, ответил посол.

– Благодарю. Но мне бы хотелось, чтобы вы еще раз подумали. – Господин Бахтин! – возмутился посол.

– Господин посол, представьте, что паспорта попали в руки бандитов. Следовательно, они воспользуются ими для новых убийств и грабежей. Подумайте, граждане королевства Швеция занимаются в Москве уголовным промыслом.

– Я поговорю с господином послом, – вмешался в разговор Манцев.

Ну вот, пора идти в соседнюю комнату. Бахтин уже знал, что увидит там. И знание это страшило его, отзываясь в сердце острой болью. На ковре лежала полуголая Лена.

– Ее изнасиловали сначала, потом застрелили, – сказал за спиной Бахтина врач. – Литвин, нашли что-нибудь рядом с убитой? – Ничего.

– Посмотрите внимательно еще раз. Поднимите тело, ковер ощупайте...

Бахтин вышел в соседнюю комнату. Закурил, повернулся к окну. Не думал он, что увидит в последний раз ее мертвой. Вошли жиганы, надругались над его первой любовью, изнасиловали хором, а потом застрелили. И в этом виноваты все. И те, кто пришли сегодня, и те, кто под видом ломки старого позволили ворам и бандитам хозяйничать в его родном городе. Он смотрел в окно и не видел ничего. На темном стекле, словно на экране электротeatра, возникали воспоминания. Они были щемящи и нежны.

За что Господь послал ему все эти испытания? Тюрьму, расстрельный подвал, смерть Лены. И он чувствовал, как к острому ощущению горя и утраты примешивается такое же

пронзительное чувство ненависти. К Рубину, Сабану и всем тем, кто разрушил его мир, испохабил жизнь. Лишил всего, что он заработал тяжелым трудом. И постепенно это чувство поглотило в нем все остальное, стало главным, как совсем недавно в камере Бутырской тюрьмы. Воспоминания обожгли на несколько минут и погасли. Исчез молодой романтический петербургский житель. У окна в комнате опять стоял человек, пришедший в этот город мстить.

– Александр Петрович. – Литвин дотронулся до его плеча. Бахтин повернулся. – Где швейцар, Орест? – Сейчас приведу. – На кухню.

На кухне сидели два чекиста в кожаных куртках и ели консервы. – Вон отсюда, – рявкнул Бахтин.

– Чего? – Один из них встал, угрожающе надвинулся. – Ты, ошметок полицейский... – Вон, – Бахтин достал наган, – застрелю, суки.

– Ты чего... Чего... – Второй чекист попытался встать, но упал с табуретки.

На шум вошел Мартынов. Он увидел консервы, хлеб, наган в руке Бахтина. – Вон, – скомандовал он. – Погодите, – Бахтин спрятал наган, – Алфимов. – Здесь я. – Обыщи их.

– По какому праву... – заорал тот, что полез первым.

– По праву революции, – с удовольствием ответил Бахтин.

Они с Мартыновым вышли, а через некоторое время Алфимов вывел этих двоих.

– Наворовали, сволочи, – обратился он к Мартынову. –

Арестовать.

– Вы, Федор Яковлевич, не расстраивайтесь, – Бахтин дотронулся до кожаного рукава Мартынова, – это всегда было и всегда будет.

– Нет, не будет, – зло ответил Мартынов, – выжжем каленым железом. – Ну-ну, давайте. Где швейцар? – Здесь я. – Пошли. В кухне Бахтин сел рядом со швейцаром. – Ну, братец, излагай.

– Приехали они за полночь... Значит, мне позвонили. Я им: кто, мол? Они: мы из чеки. Я открыл. Старший ихний одет как барин, с кольцами...

– Стоп. – Бахтин достал фотографию Сабана. – Он?

Швейцар повернул карточку к свету, поглядел внимательно. – Ну! – Точно он. – Они документы показывали? – Бу-мажки, везде штамп ЧК. – А этого не было? – Бахтин достал фото Рубина.

– Был, господин начальник, точно, он мне-то документы и показывал. – Литвин! – позвал Бахтин. И когда тот вошел, скомандовал: – Снимите показания. – Опознал? – В цвет.

На Лубянке Мартынов позвал Алфимова в свой кабинет. – Миша, ты знаешь, кого убили на Сретенском? – Консула с женой.

– А ты знаешь, что его жена – первая любовь Бахтина. Мне Литвин об этом рассказал. – Ну прямо роман, Федор.

– Только с плохим концом. На Александре Петровиче лица нет. Такое пережить. Тюрьму нашу, потом смерть люби-

мой. – Так, что делать? – Что делать, что делать... Мартынов полез в шкаф, вынул пузатую бутылку.

– Коньяк. Французский. Дай ему, пусть душу облегчит. И закуску приготовь.

Бахтин вошел в комнату своей группы. Никого не было. На его столе стояла открытая бутылка коньяка «Финь-Шампань» и тарелка с консервированным мясом. Бахтин посмотрел на это великолепие, и что-то дрогнуло в его душе. Нет, не все сволочи в этом мире и даже в доме этом. Люди остаются людьми; со своими грехами, добротой, любовью, какая бы власть ни пришла в этот город. Он налил полный стакан и залпом выпил. Ему стало тепло и грустно. И предательски по лицу потекли слезы.

Разбудили его голоса. Бахтин скинул пальто, которым его кто-то заботливо укрыл, и сел на диване. В комнате была вся группа. – Доброе утро. – Выспались? – спросил Алфимов. – Сколько времени-то? – Два пополудни.

Через час Бахтин и Мартынов сидели в кабинете Манцева. – План ваш, Александр Петрович, хорош, слов нет. Значит, инструктор милицейских курсов Чечель согласен? – Согласен.

– Странная история, неужели Усов не знал, что полковник сдал деньги. – Мартынов закурил.

– А как он мог до этого дознаться? – Бахтин достал из бумажника расписку Красного Креста. – Вот видите, все до копейки передано.

– Ну что ж, – Манцев встал, – пойду доложу Дзержинскому.

– Мы такие вопросы раньше решали на уровне начальника сыскной. – Бахтин прищурился насмешливо.

– Дело уж больно склочное, шведы телефонируют в Наркоминдел по три раза в день. Что вам надо для проведения операции?

– Тысячи две франков, наших денег побольше, хорошие мужские вещи, модную женскую одежду, квартиру и людей. – Это не проблема. – Тогда я начинаю.

Бахтин шел по Маросейке. Улицу замело, дворники-подлецы не работали, поэтому пробираться приходилось по узкой, протоптанной дорожке. День был солнечный, яркий. Снег искрился на солнце. Над домами в безветрии стоял печной дым. Спокойной была утренняя Москва, радостной, словно в преддверии Рождества. Вот навстречу заскользила по намятому снегу барышня в синей бархатной шубке с песцовым воротником. Стрельнула в Бахтина лукавыми серыми глазами и пронеслась мимо.

Война войной, переворот переворотом, а люди живут, радуются, на свидания бегают. Живет Москва, живет!

Бахтин свернул в Колпачный и приятно удивился. Троуар был аккуратно разметен.

Он оглянулся, перепроверяя, и зашел в дверь с надписью на стекле «Антиквариат».

Звякнул колокольчик, Бахтин спустился на две ступеньки

и попал в мир старых вещей.

Ничего особенно дорогого он не увидел. Темные от времени картины с ликами неведомых чиновников и штатских господ в старинных камзолах, бронзовые часы с грудастыми наядами и могучими мужиками, шкатулки прекрасной резьбы, целый табун каслинских чугунных коней.

Много вещей собрал Каин в своем магазине, но, видимо, самое ценное для подлинных любителей прятал где-то в закромах.

– Кто там? – Бахтин услышал знакомый голос и шаркающие шаги.

Появился Фролов в теплой фужайке и полосатых брюках, заправленных в валенки. Он взглянул на Бахтина и сказал: – Кто видел? – Нет. – Тогда в задние комнаты прошу.

До чего же квартира московская на питерскую похожа. Тот же буфет огромный, лампа под зеленым абажуром на цепях под потолком, диван с зеркальцем, плюшевые кресла.

– А у тебя, Петр Емельянович, все по-старому. Впрочем... – Бахтин подошел к дивану. Над ним висел картонный плакат с плохо выполненными стертыми фотографиями и надписью «Вожди революции». – Вместо государя императора повесил?

– Именно, именно. Каждая власть от Бога. – Фролов назидательно поднял палец. Посмотрел внимательно на Бахтина.

– Потрепала вас тюрьма, господин коллежский советник, совсем с лица спали. – Есть немного.

– А мне верные люди сказали, что расстреляли вас. Я заупокойную у Ивана Воина заказал. А вы бежали, значит. – Не рад? – Если честно – рад. И денег дам, и схороню.

– Спасибо тебе, Петр Емельянович, только выпустили меня. – Быть не может! – Вот слушай... – Один секунд, я только закусить соображу.

За коньячишком хорошим, да закусочкой Бахтин поведал Каину о своих злключениях.

Все рассказал, особенно подробно о разговоре с покойным Адвокатом.

– Да, Александр Петрович, что же получилось, вы, скажем так, полковник, кавалер императорских орденов, в чекисты пошли.

– Нет, Петр Емельянович, у меня к Сабану и Лимону свой счет. Я с них получу. – Понимаю. А не боитесь?

– Опасно, конечно, но надо. Теперь у меня к тебе, Петр Емельянович, два дела. – Говорите. – Первое, как к моему агенту... – Ох, уволили бы вы меня от дел этих. – О том тоже поговорим. К тебе придет Сабан. – Уверены?

– Уверен. Ты ему скажешь, что вот этот человек продал тебе десять тысяч франков. – Бахтин положил на стол фото Чечеля. – Одет был в бекешу офицерскую, фуражку с наушниками, суженки и сапоги. Сабан спросит, где его найти. Ответишь, что он в кафе «Бом» на Тверской. – И все? – засмеялся Каин.

– Все. На этом твоя служба в сыске закончена.

Бахтин встал, вышел в прихожую, из кармана пальто вынул сложенную вдвое папку с агентурным делом «Макаров». Вернулся в столовую, положил папку на стол. – Проверь, Петр Емельянович, здесь все.

Каин схватил папку, достал из ящика комода очки, подошел к окну. Читал он долго, потом открыл дверцу голландки и кинул папку в огонь.

– Вот за это спасибо. Век помнить буду. Так какое второе дело-то?

– теперь, Петр Емельянович, я тебя не как агента прошу, а как авторитетного Ивана, не как сыщик прошу, а как человек, в тюрьме настрадавшийся.

Бахтин налил в фужер коньяк, выпил. Каин, хитро прищурившись, смотрел на него. Он понимал, что агентурное дело ничего не стоит. Слову Бахтина поверит любой московский жиган. Скажи он кому, и найдут его, Каина, с пулей в башке. – Так говори дело-то, Александр Петрович. – Найди мне щель, куда Лимон закопался. – И только-то. – Сможешь?

– Он в Петровском дом купил, в цыганской слободе. Завтра Мишка Цыган придет, я его спрошу, вот и все. – Спасибо.

– Александр Петрович, слышал я, твоя жена в Финляндии? – Да. А тебе зачем? – Хочу через месячишко подорвать. – А граница?

– Есть человек. Да ты его знаешь, капитан Немировский.

– Значит, мы с тобой по одной тропе ходим. Запоминай:

Черная речка, семь, госпожа Нечволодова. Думаю, я тебя там встречу. – А если нет?

– Тогда, – Бахтин вынул из галстука булавку, – передай ей это. Каин повертел булавку. – Дорогая вещь. – Подарок жены. Пора мне.

Бахтину повезло, на Маросейке он взял извозчика. – Первая Тверская-Ямская, 57, – назвал он адрес.

И потащились санки по снежным колдобинам. Бахтин сначала пожалел, что не сел в трамвай, но чем дальше он ехал, тем лучше ему становилось. Зимняя Москва гостеприимно распахнулась перед ним. Бульвары, засыпанные снегом, горбатые переулки Сретенки, все еще элегантная Петровка. Почти каждая улица была связана с ним невидимой нитью воспоминаний. Прекрасных и добрых. В них не было места тому, чем он занимался сегодня. Это была память о святочных обедах, рождественских балах, новогодних елках. И жили в ней веселые друзья и прелестные девушки. Все те, кого он больше никогда не увидит.

Дверь ему открыла сама Абрамова. Она узнала его сразу. – Беда какая, господин начальник? – Да нет, мне Михаил нужен.

А в коридоре уже появился Мишка Чиновник. Был он в бархатном халате с атласными бортами. – Александр Петрович, прошу. – Нет, Михаил, у меня к тебе два слова всего. Мадам Абрамова деликатно исчезла. – Ты теперь, говорят, крупье в Столешниковом? Михаил кивнул. – Нарисуй-ка

мне план вашего притона.

Они прошли на кухню, и Мишка сноровисто нарисовал план. – На второй двери ключи есть? – От какой? – Черного хода. – Да. – Когда тебе скажут, откроешь? – Значит, брать нас будете?

– Радуйся, что я приду. Как мы войдем, ты свалишь сразу. – Спасибо.

– Не на чем. А это тебе на память. – Бахтин положил на стол папку агентурного дела.

На Пименовской улице было совсем темно, правда вопреки времени и логике один газовый фонарь горел. Свет его желтовато-синий был настолько слаб, что с трудом освещал стену соседнего дома.

Хряк шел за водкой, рядом во дворе ею торговала здоровенная бабища Афанасьевна. Промыслом этим она занималась при всех властях: при царе, при Керенском и нынче при большевиках. Качество напитка в зависимости от политических потрясений резко менялось. Казенная, ханжа, а нынче самогон. Хряк спрятался в подворотню, чтобы прикурить. И тут кто-то крепко взял его за плечо. – Тихо, Хряк. Признал?

Хряк чиркнул спичкой. Перед ним стоял высокий бородатый человек в рваном малахае и стеганой фуфайке. – Ты кто? – Ну, зажги еще одну спичку-то, не жалей. Слабый огонек вновь осветил лицо незнакомца. – Да не признаю я. Вот голос... – А еще трактир хочешь открыть...

– Ваше высокоблагородие, ну, как в театрах прямо. Дело

какое есть?

– Разрешение на трактир я тебе схлопотал. Помнишь шашлычную Автандила? – Век не забуду. Что делать должен?

– Надо, чтобы Сабан узнал, что тот фраер, которого ты пас, заходил к Каину. – И все? – Все.

Сабан с Рубиным играли в карты. Просто так. Без интереса, чтобы скоротать время. Григорий Львович карт терпеть не мог, любимая его игра была лото.

– Гриша, – Сабан начал тасовать карты, – мы у того консула взяли прилично. Может, пора мотать.

– Дня три еще полковника пусть твои ребята поищут, а там поглядим. – Ты паспорта шведские отдал человеку?

– На. – Рубин бросил на стол синюю книжку с тремя золотыми коронами на обложке.

Сабан открыл паспорт. Печать на его фото ничем не отличалась от печати на втором листе. – Молодец твой гравер. – За такие деньги плохо не делают.

– Как жить будем дальше? – Сабан налил в фужер тягучего ликера.

– У нас на очереди профессор Васильев. Наводчика я нашел. Договорился, что он ко мне в эти три дня придет. – А если найдем полковника?

– Мочи его, Коля, и отбирай валюту. Я сейчас поеду. Буду человека ждать.

– Значит, через три дня? – Сабан сквозь зубы вытянул об-

жигающую влагу.

– Да. Под чекистов работать нельзя. Пойдем к нему как специалисты из Швеции. – Дай Бог. – Три дня, Коля, я на дне. А потом телефонирую. – Если что, я тебе тоже телефонирую.

Рубин встал. Прошелся по комнате. За стеной спорили о чем-то налетчики.

«Пора, – подумал он, – что-то заигрался ты, Гриша».

– Ну, бывай. – Он протянул руку и вышел.

Сабан остался один. Кинул три карты, вышло очко. Снова кинул, опять очко. Да черт его знает, этого Рубина. А может, он зря с ним связался. Денег у него был лом. Есть камушки неплохие. Может, завалить любимого друга Гришу, забрать его долю. Но у того деньги в Стокгольме, и большие. Нет, надо добраться туда, а там он из него все выбьет. В дверь заглянул налетчик по кличке Пашка Сучок.

– Сабан, Коля Малый пришел, говорит, до тебя разговор есть. – Пусть войдет.

Коля Малый, здоровенный парень под два метра ростом, плюхнулся на диван, застонавший под его тяжелым телом. – Налей, Сабан. Сабан взял фужер, наполнил его ликером до краев. Коля в два глотка выпил, икнул. – Ну что у тебя?

– Помнишь того фраера, который в Банковском от нас ушел? – Ну. – Его Хряк видел. – Где? – Сабан вскочил. – Он у Каина был.

– Ну и фраера же мы. – Сабан затопал ногами. – Конечно.

Где ему валюту-то скинуть. Поехали. – Куда? – К Каину.

Рубин вел авто сквозь темноту переулков у Патриарших прудов, стараясь кратчайшим путем вырваться на Тверскую. На Триумфальной его остановил милицейский патруль. Но магическое слово «комиссар» и подпись Ленина на мандате сделали свое дело. Его отпустили без проволочек. На темном Петербургском шоссе он вдруг подумал о том, что только эта власть могла его, мальчишку с Привоза, сделать комиссаром и уважаемым человеком. Только здесь, в России, для таких, как он, открыта необыкновенная возможность войти во властные структуры. Он даже на секунду пожалел, что не может их реализовать.

Полковника Сабан найдет или нет – неизвестно. А вот профессор Васильев, дело верное. Не зря Рубин завел дела с Левенцовым из Гохрана. Человек он был корыстный и жадный. Именно он должен привести его и Сабана на квартиру профессора. Ну а там...

Все. Через три дня берем Васильева и прямо с дела в Петроград. А там через границу. Видимо, он зря боялся Бахтина. Сломала тюрьма сыщика. Сломала. Машина шла ходко. Успокаивающе урчал мотор. Рубин чувствовал себя комфортно и спокойно.

Фролов спал чутко. Сторожей у него не было. Он сам да авторитет в жиганском мире охраняли его добро. Поэтому, когда в окно заскребли, проснулся сразу. Прямо на белье накинул пальто, сунул в карман наган. К окну подошел, всмот-

релся в темноту. В черном проеме забелело лицо. Появилось и исчезло.

– Ты, Колька? – сказал Каин тихо и пошел отпирать черный ход.

Сабан сидел в комнате за столом, не снимая дорогой барской шубы.

– Сдохнешь ты скоро, Каин, куда деньги денешь? Живешь как червь. Тьфу!

– Ты не плюйся. За этим будил среди ночи? Это, Коленька, голубчик, у тебя денежки, а у меня так, на хлебушек.

– «На хлебушек», – передразнил Сабан, – сколько ты только через меня поимел? – То все прахом ушло. Война да революция. – Тоже мне Рябушинский, заводы отобрали.

– Ты чего, Колечка, пришел, старика ночью пугать?

– Тебе, старое падло, валюту кто недавно сбрасывал? – Валюта разная бывает. – Франки. – Откуда нынче франки? – Темнишь, гад старый!

Сабан вскочил, надвинулся на Фролова, заскрипел зубами.

– Ты фуфель не гони, был у тебя военный? Говори, падло старое, иначе...

Лицо Сабана пятнами пошло, заиграли на скулах желваки.

И вдруг распрявился старик. Ласковость с лица как смыло. Глаза жесткими стали, страшными. Зверь стоял перед Сабаном, хоть и старый, но зверь, по-прежнему опасный и силь-

ный.

– Ты на кого прешь? Да когда ты еще пьяных раздевал, я уже шниффером был. Забыл, кто тебя на первый налет взял, к делу приспособил? Я за себя еще ответить смогу на любом толковище, да и есть кому за меня слово сказать. Отодвинулся Сабан, сник: – Да разве я... – А если так, так какое у тебя ко мне слово? – Был у тебя военный? Фролов пожевал губами.

– Мои дела ты знаешь, Сабан, я на доверии живу. Мое слово дорого стоит. – Сколько?

– Большие деньги. Сабан бросил на стол пачку. – Мало.

– На, гад старый, подавись. – Сабан вывернул из кармана кучу кредиток. Фролов аккуратно собрал их. Сложил в одну пачку.

– Клиента тебе отдаю, с которого много пользы мог бы поиметь. – Да не тяни ты.

– Франков у него много. Я все скупить не смогу, так вот он теперь в кафе «Бом» на Тверской обретается. Там сбрасывает, я ему наколку дал.

Сабан не прощаясь вышел. Фролов запер за ним дверь, вошел в другую комнату, где аппарат телефонный стоял. – Барышня, мне 22-345. – Да, – раздалось на том конце провода. – Кто у аппарата? – Литвин. – Передайте Бахтину, что гость был. – Давно? – Только что ушел.

Рано утром в ЧК готовили Чечеля к «новой жизни». Спе-

циально гримера из уголовно-розыскной милиции вызвали. Его одевали и так, и эдак. Наконец остановились на английском пиджачном костюме и кастиоровой шубе с шалевым воротником из бобра. Подобрали такую же шапку. Бахтин, Манцев и Мартынов внимательно оглядели Чечеля. – Вроде ничего. А? – сказал Манцев.

– Как вам, Александр Петрович? – поинтересовался Мартынов. – Чего-то не хватает. Чего-то не хватает. Бахтин, как театральный режиссер, рассматривал Чечеля. – Василий Борисович, снимите-ка шубу. Бахтин взглянул и хлопнул себя по лбу.

– Понял. Федор Яковлевич, Василий Николаевич, часы золотые нужны и перстень. Но дорогие.

– Ох, подведете вы нас под монастырь, Александр Петрович, – засмеялся Манцев, – но что делать. Добудем. А где же дама?

– Это по моей части. – Мартынов встал, вышел за дверь.

Все с нетерпением ждали. Наконец дверь распахнулась, и на пороге появилась прелестная женщина, закутанная в черно-бурий мех. Маленькая шапочка чудом держалась на пепельных волосах, глаза были пронзительно синими. – Вот это да, – сказал Чечель.

– Интересно, – Манцев встал, подошел к даме. – Откуда в наших суровых стенах такое чудо?

– Знакомьтесь, это наш товарищ Нина, она работает в ИНО.

– Ну, теперь все готово. – Манцев довольно потер руки. – Александр Петрович, начинайте инструктаж.

Странное это было кафе – «Бом». Воздух в нем слоистый от табачного дыма, стены давно свой цвет потеряли, размазаны, расписаны, заклеены обрывками афиш. Народа в нем всегда полно. Актеры, журналисты, писатели, поэты, сторонники различных фракций и так, праздные, бездельные люди, которых так много развелось в Москве. Сюда приходят поговорить, узнать новости, посплетничать или просто побывать на людях. Поэты сюда приходят вечером, тогда чтение стихов, споры, гвалт. Сейчас на пустой сцене гармонист в расшитой борчатке играет старые вальсы и романсы. Хорошо играет. Голос гармошки, резковато-нежный, щемящий, заполняет зал воспоминаниями о прошлом: о покое, стабильности, сытости, счастье. Люди Сабана сидели в углу с утра. В кафе ничего не подавали, кроме горького, как хинин, желудевого кофе с сахарином, да странных булочек из темной муки с повидлом, которые здесь именовались пирожными. Но у бандитов все всегда было с собой: и спирт, и окорок, и хлеб пшеничный. В другом конце зала сидел Хряк, он уныло глотал бурду, именуемую кофе, и жевал пирожное. Правда, и ему спиртяги перепало и теперь он мучительно думал, где найти еще выпить. Внезапно зал затих. Даже гармонь словно поперхнулась. В кафе вошла дама редкой красоты, в черно-бурой шубе, следом за ней роскошно одетый господин. Они сели за стол, мужчина достал из кармана бутылку «Бе-

недиктина» и разлил в чашки. Дама отхлебнула, устало взяла папироску и равнодушно поглядела в зал. В ее огромных синих глазах была одна только скука и презрение ко всем этим дурно одетым, суесящимся людям. Хряк встал, вынул из кармана платок, вытер лоб и пошел к выходу.

– Он, – сказал Семен, – здесь он командовал, и все бандиты подчинялись ему.

– Возьмем, больно уж одежда богатая, – сплюнул на пол Пашка Сучок.

– Нет, его пасти надо. Пусть приведет нас к кассе своей. Смотри, смотри.

К столу Чечеля подбежал маленький юркий человек и положил сверток. Чечель вынул пачку франков и протянул человечку. И тот исчез, словно растаял.

– Глянь-ка, – заржал Семен, – валюту сбросил. Ну и жох парень.

А Чечель встал, взял подружку-даму, и они вышли.

Уже смеркалось, но на Тверской былолюдно. Барский вид Чечеля и его дамы резко контрастировал с убогой толпой. – Они идут за нами, – сказала Нина. – А вы боитесь? – У меня в муфте браунинг. – Я думаю, пока до этого не дойдет.

Они перешли Страстную площадь, прошли мимо заколоченного Елисеевского и свернули в Козицкий. Потом на Дмитровку. А вот и Столешников.

– На лошадок пошли, – обрадовался Семен, – телефонируй Сабану, пусть приезжает.

Чечель и Нина вошли в дверь столовой. Обычной нынешней обжорки, где кормили овсяной кашей и почему-то пахло тухлым мясом. Мимо раздевалки свернули к двери. – Куда-с? – словно из стены вырос человек.

– На лошадок. – Чечель протянул ему сотенную ассигнацию. – Прошу-с. – Человек открыл дверь.

Они поднялись на второй этаж. Опять дверь, со звонком. Чечель повернул его три раза. Из распахнувшейся двери на темную лестницу вырвался свет и веселые голоса. Швейцар в ливрее, фуражке в галунах, получив мзду, принял их пальто бережно, словно они из фарфора сделаны. – Прошу-с, господа.

Одна из комнат – буфетная. Да, здесь не знают о нужде и голоде. В свете свечей переливались разноцветные бутылки, лежали в вазах фрукты, шоколад, бутерброды. – Ты выпьешь шампанского? – спросил Чечель. – Немного.

А буфетчик в черном фраке, белоснежной манишке с бабочкой. Все как в старые добрые времена, уже хлопнул пробкой. Заискрилось, запенилось в бокалах веселое вино. К стойке подошел человек в щеголеватом пиджаке, с жемчужной булавкой в галстук. – Папиросы есть? – Асмоловские-с. – Дай, любезный, пару пачек.

Мельком посмотрел на него Чечель и узнал Мартынова. С трудом, но узнал. И сразу же ему стало спокойно: – Мне тоже пачку. Буфетчик протянул коробку: – На лошадок-с не желаете взглянуть? – Конечно. Дорогая, подожди меня здесь.

Чечель усадил Нину за стол.

В соседней комнате, огромной, без мебели, толпился народ. Кого здесь только не было: завсегдатаи скачек в модных, не потерявших лоск костюмах, дельцы, напуганные временем, шустрые карманники с Сенного рынка, спокойные налетчики. У самого стола уже стоят двое из банды Сабана. Пришли рискнуть да погулять малость.

Чечель протолкнулся к огромному столу. Вот оно «птишво» – механические бега.

Мишка Чиновник в серой визитке и полосатых брюках, лорд прямо, а не крупье, командовал за этим столом.

– Ставок больше нет! – крикнул он, нажал рычаг, и побежали четыре лошадки вокруг стола. Круг. Еще. Финиш.

– Первым пришел рысак под номером три. Получите выигрыш, господа. – Крупье лопаткой пододвинул грудку денег к человеку в сером костюме.

– Позвольте. – Чечель протолкнулся к столу, бросил пачку денег. – На все. Мишка мазанул глазами по его лицу.

– Ваш номер, сударь? Сколько ударов будете делать? – Двойка. Поэтому играю дважды. Посыпались на стол деньги. – Третий! – Третий! – Четвертый! – Второй! – Игра сделана, ставок больше нет.

Крупье вновь пустил лошадок. Круг. Еще один. На последнем вперед вырвалась черная лошадка с единицей, написанной на крупе.

– Выиграло заведение. – Крупье сгреб ставки в ящик. –

Желаете еще? – Мишка улыбнулся нагло-вежливо и посмотрел на Чечеля.

Полковник вынул пачку денег. За его спиной люди делали ставки, кидали деньги, дышали тяжело и азартно. – Ваш номер? – спросил Мишка. – Двойка. – Вы фаталист. Ставок больше нет!

Лошади побежали, а серая в яблоках с двойкой на крупе, так приглянувшаяся Чечелю, словно услышав и поняв его, бойко взяла с места. И первой прибежала к финишу.

Крупье лопаточкой подвинул полковнику кучу денег. – Больше играть не будете? – Пока повременю. В комнате часы забили гулко и тревожно.

– Господа! – объявил крупье. – Перерыв пять минут.

Мишка сложил деньги в сумку. Вышел из комнаты. Теперь он двигался стремительно. Схватил пальто, нахлобучил шапку, подошел к черному ходу. Прислушался. Стукнул трижды в дверь. Ему ответили так же. Мишка повернул ключ. В казино вошли Бахтин и чекисты.

– Уходи. – Бахтин толкнул Мишку в дверь. – Литвин, разденься и войди туда.

Чечель вошел в буфетную и увидел, что за столом, напротив Нины, сидит человек с жирным актерским лицом и золотой лирой на лацкане визитки. – Вас сюда приглашали? – спросил Чечель.

– Садись, полковник, будешь умным, уйдешь отсюда живым и бабу свою уведешь. – А если не буду? – Чечель сел.

– Тогда все равно скажешь, где деньги. Только умрешь смертью мучительной, страшной, а бабу твою по кругу пустим. Смотри, мои молодцы на нее как на мед смотрят.

Чечель обернулся, все столики в буфетной были заняты людьми Сабана, только у самой стены, рядом с дверью, пил шампанское Мартынов. – Что тебе надо? – Франки. – Откуда узнал о них?

– Голуба-душа, – засмеялся Сабан и щелкнул пальцами. К столу подбежал один из бандитов. – Шампанского, – приказал Сабан. Через минуту на столе появилась бутылка.

– Выпьем, полковник. А потом поедем в кассу твою. Я человек добрый, оставлю тебе на лошадок немного. Пей. – А если я тебя шлепну? – улыбнулся Чечель. Сабан посмотрел на него и понял, что этот человек может все.

– А зачем? За деньги? Нет, не шлепнешь меня. Не успеешь просто. – Сабан поставил бокал. – Пошли! Краем глаза Чечель увидел появившегося Литвина. – Легавый, – крикнул один из бандитов. Раздался выстрел. Потом еще. В комнату ворвался Бахтин с чекистами. – Бросай оружие! ЧК!

Сабан рванул из кармана гранату-лимонку. Но сорвать кольцо не успел. Нина вывернула из муфты руку с браунингом, всадила ему пулю точно в лоб. Рухнул со стула Сабан, покатила по полу граната. Чекисты обыскивали бандитов. Чечель оглянулся и увидел Бахтина, сидящего прямо на полу рядом с лежащим Литвиным. Орест умер сразу. Бандитская пуля пробила висок, и из черной дырочки, пульсируя,

вырывалась кровь. Бахтин не видел комнаты, не видел бандитов и чекистов. Он смотрел только на лежащего перед ним товарища, нашла пуля доброго, смелого, нежного Ореста, с которым было пережито столько горя и радостей. Ради того, чтобы спокойно жили в этом городе большевики, положил свою жизнь честный человек, хороший сыщик.

– Александр Петрович, – над ним склонился Мартынов, – взяли мы их. Бахтин молчал.

– Александр Петрович! – Мартынов затряс его за плечо. – Очнись.

Той же ночью Манцев по прямому проводу связался с находящимся в Воронеже Дзержинским. – Банда Сабана ликвидирована. – Значит, план Бахтина удался? – Да. – Вторая половина архива найдена? – Бахтин сказал, что это дело дней. – Поблагодарите его. И пусть ищет.

Литвина похоронили на Ваганьковском. Сначала, как водится, отпели в церкви Обновления Воскресения Христова. Потом понесли по заснеженным аллеям к могиле.

– Ушел из жизни наш боевой товарищ, – сказал над гробом Мартынов, – погиб в расцвете сил от подлой, бандитской пули, защищая завоевания революции. Спи спокойно, дорогой Орест, мы отомстим за тебя. Опустили гроб, засыпали землей. Нестройно рванул тишину залп из наганов. С криком взлетело к небу воронье. Бахтин стоял над могилой и думал о страшной закономерности жизни. Он думал о невозвратных потерях, приносящих горе и душевную пустоту. Ко-

гда они уходили с кладбища, Чечель спросил его: – А где же Женя Кузьмин? – А разве его не было? – удивился Бахтин. – Нет. Вечером в кабинет Мартынова вошел Алфимов. – Тебе чего, Миша? – Дело скверное, Федор Яковлевич. – Что за дело?

– Я с полчаса назад случайно подслушал разговор Рослевой и Заварзина. Так они толковали о том, что на той неделе какой-то офицерик, вроде как агент Заварзина, даст показания, что шел от белых на связь с Бахтиным.

– Вот сволочи, – ахнул Мартынов, – что им нейдет? За что они человека губят?

– Сам понять не могу. Только Заварзин, друг Бахтина, литератора Кузьмина уже арестовал, показания из него выбивает. Что делать будем? – Иди, Миша.

Алфимов застал Бахтина сидящим у окна в кабинете их группы.

– Вы совсем с лица спали, Александр Петрович, может, чайку? – Спасибо, Миша. – Бахтин встал.

– Александр Петрович, я понимаю, погиб ваш друг. Но вы подумайте, голодные люди сделали революцию...

– Не обольщайтесь, Миша, – перебил его Бахтин, – революции обычно делают сытые, чтобы жрать еще лучше. – А наши вожди...

– Миша, не сердитесь, но все вы, как сказано в священной книге, слепые, поводыри слепых.

– Александр Петрович, – заглянул в комнату Мартынов, –

можно вас на минутку. В кабинете Мартынов запер дверь. И сказал тихо: – Уходить вам надо, Александр Петрович. – Куда?

– Скройтесь на время, против вас Заварзин дело шьет. Я всем скажу, что вы остатки архива методом личного сыска ищете. Пять дней хватит? – Вполне. – А приедет Дзержинский, мы с ним разберемся.

– Спасибо, Федор Яковлевич, – Бахтин пожал Мартынову руку, – хороший вы человек. Трудно вам будет работать в этом гадюшнике.

– Ничего. Сдюжим. И знайте, вашего соседа Кузьмина Заварзин арестовал. В Бутырке он. Хотят из него показания на вас выбить. – Так...

Ах, Митя, Митя. Дорогой наш агент Сибиряк, ты теперь мне за все заплатишь.

– Прощайте, Федор Яковлевич, дай вам Бог выжить в это страшное время.

Бахтин шел по заснеженному Кузнецкому и думал о том, что порядочные люди будут всегда. В любое время и при любой власти. Он был благодарен Мартынову. Этот веселый, отважный, красивый человек сегодня спас ему жизнь. Возможно, если бы его арестовали, то Манцев с Мартыновым сумели бы доказать его невиновность. Но, зная Заварзина, Бахтин понимал, что живым бы его не оставили. Да и сам бы он не дался чекистам без боя.

Ну все. Вчера Фролов дал ему адрес Рубина. И его лю-

ди караулят Лимона. Значит, нынче он закончит свои московские счета. А предъявить ему есть что. Поруганную Лену Глебову, погибшего Литвина, свою разбитую и растоптанную жизнь.

Бахтин остановился и закурил. Внезапно из облаков вырвалась огромная, тревожно-желтая луна. Она словно осветила город магическим светом. Это было преддверие ночи. Страшной ночи, когда слабому нечего делать на этой земле.

Заварзин приехал домой в десять. Квартира стала для него островком покоя в бушующем море войны и разрухи.

Сегодня днем ему удалось попасть в кремлевский кооператив «Коммунист», где он купил десять плиток любимого шоколада «Эйнем», два круга хорошей колбасы и три фунта телятины. Жаль, что не удалось купить фруктов, но ничего. Другим разом. Сегодня у него был длинный и весьма приятный разговор с зампредом ВЧК Петерсом, который прямо сказал, что ему надо собираться на работу в полпредство РСФСР в Стокгольме. Необходимо наладить в Европе дееспособную агентурную сеть. И ему, Заварзину, как человеку с богатым опытом политэмиграции эта работа по силам. Пока все шло нормально. Бахтин, отпущенный из тюрьмы, ловил своих уголовников и не лез никуда. Правда, ему не доверяли, и Заварзин нашел себе союзника, политсыскную амазонку Рослеву. Ему легко удалось убедить ее, что если бывший полицейский сегодня не опасен революции, то завтра он непременно станет врагом. А к врагам, даже потенциаль-

ным, эта фанатичка была непримирима.

Иногда по ночам Заварзин просыпался, сидел на кровати и перелистывал страницы прожитой жизни. Но думая о прошедшем, он не корил себя и не раскаивался. Он находил оправдание всему. Предательству, подлости, жестокости. Он давно уже разделил бытие на две части. В одной жил он, а в другой все остальные. И поступки свои сверял только с собственным мироощущением.

И вернувшись сегодня домой, он не думал о сидящем в тюрьме Кузьмине, из которого завтра он будет выбивать признание о том страшном, что ожидает его бывшего друга. Ему это было совершенно безразлично. Эти две судьбы стали каплей в море крови, которую лили он и его сослуживцы. В коридоре зазвонил телефон. – Заварзин.

– Товарищ комиссар, это дежурный Лукин. К вам отправлен посыльный с секретным пакетом. – Спасибо.

Заварзин положил трубку, крутанул рычажок отбоя. Ну что за служба поганая, даже дома покоя нет. Заварзин только заварил чай, как в дверь позвонили. – Кто? – Товарищ комиссар, посыльный.

Заварзин открыл дверь и отлетел на середину прихожей, отброшенный мощным ударом.

В квартиру вошел Бахтин с наганом в руке и человек в офицерской бекеше.

– Ну что, Сибиряк, – Бахтин пнул его ногой, – вставай.

Но Заварзин не мог встать, ужас словно сковал его. Зна-

чит, Бахтин все знает.

– Вставай, вставай. – Бахтин поднял его и кинул на стул. – Что тебе надо? – прохрипел Заварзин.

– Немного. – Бахтин достал из внутреннего кармана сложенную пополам папку. – Ты мне Кузьмина, я тебе папку. – Сейчас я позвоню, поезжай и забери его.

– Слышишь, Василий Борисович, – засмеялся Бахтин, – мой однокашник меня за фраера держит. Нет, Митя, ты сейчас позвонишь, вызовешь свой мотор. Только прикажи его заправить, и бидон с газOLIном чтобы был про запас. Потом мы поедем с тобой в Бутырку и заберем Кузьмина. Телефонируй.

Минут через сорок в конце Остоженки появился свет фар.

– Ну вот и машина, – Бахтин отошел от окна, снял с Заварзина наручники, – шофера отпустишь, скажешь, сам поведешь. Одевайся, Митя. Через несколько минут они спустились на улицу. – Гусев, отправляйся домой, я поведу сам.

– Спасибо, товарищ комиссар, – радостно поблагодарил шофер.

Когда шофер скрылся за углом, Бахтин сел за руль.

У входа в комендатуру Бутырки машина остановилась. Мимо часового Заварзин и Бахтин прошли в комнату коменданта. Тот, увидев Заварзина, почтительно вскочил: – Здравствуйте, товарищ комиссар.

– Губанов, – медленно сказал Заварзин, – из пятой Кузьмина приведите, я его забираю. – Документик надо. – Сей-

час напишу. Ведите.

Бахтин смотрел на своего бывшего друга и пытался вспомнить что-то хорошее и доброе. Пытался и не мог. Слишком много горя принес ему этот человек. Женя Кузьмин вошел в кабинет, увидел Бахтина и ни один мускул не дрогнул на его лице. – Вот расписка, – сказал Заварзин, – пошли. В машине Бахтин протянул Кузьмину наган. – Если что, Женя... – Я понял. – Куда вы меня везете? – спросил Заварзин. – К нам. В гости, Митя.

Когда они в Камергерском поднимались по лестнице. Бахтин сказал: – Собери вещи, Женя. Мы уезжаем. – Куда? – К Ирине. Кузьмин присвистнул и пошел в свою квартиру. Бахтин и Чечель ввели Заварзина в комнату.

– Садись, Митя. – Бахтин вынул из кармана пистолет Заварзина, вынув семь патронов, оставил в обойме один, передернул затвор. – На. – Он бросил пистолет на стол. – Зачем? – Заварзин вскочил. Бахтин нажал ему на плечо и усадил.

– У тебя нет выхода. Уйди из жизни приличным человеком.

Заварзин улыбнулся криво, взял пистолет, медленно-медленно начал поднимать его к голове, но внезапно выкинул руку в сторону Бахтина. Грохнул выстрел. Чечель опустил наган. – Спасибо, Василий Борисович. – Он хотел убить вас.

Бахтин посмотрел на лежащего на полу Заварзина и подумал: хорошо все же, что не его пуля достала бывшего одноклассника. Потом взял агентурное дело и бросил его рядом

с трупом.

Машина на предельной скорости неслась по Петроградскому шоссе. – Куда мы едем, Саша? – спросил Кузьмин. – С Рубиным потолковать. – Остановись, Саша. Зачем тебе его кровь?

– Женя, это моя игра. Вы, либералы, проморгали Россию, обрекли нас, честных людей, на муки и горе... – Саша, Рубин здесь ни при чем. – Он убил Лену. – Какую? – Глебову. – Не может быть! – сдавленно вскрикнул Кузьмин.

– Это правда, Женя, – вмешался Чечель, – ее сначала хором изнасиловали, потом убили.

Кузьмин закурил и сидел молча, пока машина не остановилась. Бахтин и Чечель вылезли.

– Ты жди нас здесь, Женя, – приказал Бахтин. Утопая в снегу, они шли вдоль заборов, почти закрытых сугробами.

– Господин Бахтин. – Из темноты показалась фигура. – Я это. – Там он. Только что спать лег. – Откуда знаешь? – Свет погасил.

– Фролов сказал, что ты любую дверь открыть можешь? – Попробуем.

Они тихо подошли к даче. Постояли, прислушиваясь. Тишина. Калитку открыли тихо, шли не по дорожке, а по снегу, чтобы не скрипеть сапогами. Человек поднялся на крыльцо, повозился с замком и открыл дверь. Они вошли на террасу. Еще одна дверь. Вот и она тихо открылась. И еще одна с тремя хитрыми замками. На этот раз подручный Фролова

возился долго. Потом повернулся и прошептал: – Все. Я ухажу. – Иди.

Бахтин засветил фонарь и подумал с облегчением, что Лимон верен себе: весь коридор в прихожей покрывал толстый пушистый ковер. По нему они неслышно прошли в комнату. Бахтин посветил фонарем, нащупал лучом дверь. Там, за ней, спал человек, с которым он вел многолетний бой. В котором пока всегда выигрывал Рубин. Но теперь козырные карты были на руках у Бахтина.

– Он там, – шепнул Бахтин и уперся лучом в дверь спальни. – Давай.

Бахтин ворвался в комнату и прыгнул на кровать. Он чувствовал, как бьется, крутится под ним чужое жаркое тело. Привычно заломив руки за спину, он защелкнул наручники. – Засвети, Василий Борисович, лампу.

Под потолком вспыхнула керосиновая лампа, осветила Рубина в разорванном белье и нехорошо усмехающегося Бахтина. Он скинул пальто, подошел к Рубину и ударил его в челюсть. Лимон отлетел к стене, сбивая стулья и тумбочки. – Где архив, Гриша? Лимон молчал, сплевывая кровь. Бахтин подошел и ударил его ногой по ребрам. – О-о-ох, – застонал Рубин. – Ты меня знаешь. Я тебя долго бить буду. – Твоя взяла, сука. В шкафу.

Бахтин подошел к шкафу, вделанному в стену. Выкинул костюмы и белье и увидел деревянную стенку. Нажал на нее и отодвинул.

На столе в гостиной лежали папки, стояли красивые вещи, которые с любовью сделал великий ювелир Фаберже. Наверное, их трогала Лена. Брала в руки и разглядывала внимательно и долго. На полу стоял саквояж. Бахтин открыл замок. Внутри лежали пачки долларов, франков, фунтов стерлингов. Избитый Рубин сидел на диване, и его трясла мелкая противная дрожь.

– Ну вот видишь, Лимон, я обещал, что доберусь до тебя.

– Зачем это тебе, Бахтин, у меня в Париже и Стокгольме много денег. Я озолочу тебя. Помогу свалить из России.

– Ты знаешь, друг Гриша, может, месяц назад я бы и послушал тебя. Но Семен из банды вашей шепнул, что ты первый изнасиловал жену Кручинина. Насиловал и приговаривал, что это ты меня имеешь. А потом бандюгам ее отдал. Да не трясись ты. Будь мужчиной. Ты тихо умрешь, без мук. Бахтин выстрелил. Рубин дернулся и затих. – Точно в сердце, – одобрительно крикнул Чечель. Бахтин подошел к телефону:

– Барышня, 26-665. Мартынов... Это Бахтин. Федор Яковлевич, приезжайте в Петровский парк, дача шесть. Здесь и архив, и ценности Кручининых. Бахтин повесил трубку. В машине Кузьмин спросил Бахтина: – Саша, может быть, ты скажешь, куда мы едем? Бахтин закурил, помолчал, повернулся к Кузьмину:

– Наш план таков: постараемся доехать до Клина, благо Василий Борисович нашел у Рубина в гараже еще один би-

дон газolina. Там сядем на любой поезд до Петербурга. – А почему не здесь?

– Боюсь, что нас могут искать. Поэтому не хочу рисковать. В Петербурге есть человек, который за деньги переправит нас за границу.

– Ну что ж, – вмешался в разговор Чечель, – план хорош, едем.

На выезде из Москвы Бахтин затормозил и вылез из машины. – Ты чего, Саша? – крикнул Кузьмин. – Подожди, Женя, я сейчас.

Бахтин смотрел в темноту. Туда, где остался город, к которому на всю жизнь он прикипел сердцем. Снежная поземка била в лицо морозной крупой, а он все смотрел в черную бесконечность, и память услужливо подсказывала ему любимые улицы, переулки, бульвары. Он прощался с Москвой. Уезжал в неизвестность, еще не зная, доберется до места или нет. Ну что ж, он выполнил все, о чем лихорадочно думал страшными тюремными ночами.

Кажется, Дантон сказал, что нельзя унести родину на подошвах сапог. На подошвах нельзя, а в сердце можно. Где бы он ни оказался, его город будет всегда с ним.

Поземка била по лицу, глаза стали влажными. И Бахтин никак не мог понять, откуда взялись слезы, от снега или печали.

До Клина они добрались к трем часам следующего дня. Горючего хватило как раз до вокзала. Напредстанционной

площади бушевал базар. По нынешним тяжелым временам волокли люди сюда все, что когда-то украшало их скромные жилища. Часы с боем, граммофоны, фарфоровые сервизы, картины, одежду. Ходили мимо продавцов мужики и бабы из соседних сел, выменивали на сало, картошку, муку, ска-терти и гобелены, теплые чиновничьи шинели и бархатные женские шубы. Нужда и горе правили здесь бал. Не от хорошей жизни пришли сюда люди. Бахтин со спутниками протолкались через толпу и прошли в здание вокзала. Обходя людей, лежащих вповалку на полу, они подошли к дверям с надписью: «Военный комендант». В комнате, синей от махорочного дыма, сидел чудовищно уставший человек и орал в телефонную трубку. – Нет!.. Нет!.. Запрещаю! Комендант положил трубку и спросил недовольно: – Ну чего вам?

Видимо, барский вид Бахтина не внушал ему доверия. – Мы из ЧК. – Бахтин протянул мандат. Комендант прочел его и вскочил, поправляя пояс. – Чем могу помочь, товарищи? – Нам в Питер нужно.

– Ну что ж. На третьем пути стоит товарняк, он скоро должен отойти. Пошли устрою.

Они шагали по обледенелым шпалам, лезли под вагонами и наконец добрались до товарного состава. Комендант повел их к пытящему паровозу. – Климыч! – крикнул он. Из будки высунулся машинист. – Чего, Андреич? – Спустишь. Машинист спустился, вытер ветошью руки.

– Климыч, возьми товарищей чекистов до Питера.

– Чего не взять, если сам комендант просит, – улыбнулся машинист в прокуренные усы. – У меня два вагона с сеном. Даже хорошо, что вооруженные люди поедут. А то на полустанках мужики шалят. Только, товарищи чекисты, чур, не курить.

Когда поезд тронулся, Чечель подтянул к себе мешок: – Закусим.

Он вытащил полбуханки хлеба и две банки консервов.

Бахтин случайно заглянул в мешок и увидел пачки денег. – Это что, Василий Борисович? – Те самые франки. – Так ведь расписка. – Слышали такое слово «конспирация»? – И вы ни копейки не истратили?

– Так они же казенные, – искренне удивился полковник. – И что вы с ними будете делать?

– Поеду в Стокгольм. Там, говорят, мой начальник генерал Батюшев, сдам ему.

Дверь им открыл капитан Немировский. Был он в кителе с каким-то замысловатым морским значком на груди.

– Не надо пароля. Я вас сразу признал, господин Бахтин. Меня Дранков предупредил, что вы приедете. Дядюшка мой очень о вас тепло вспоминал. – Как его здоровье?

– Прекрасно. Он в Париже. У него ювелирное дело. Проходите, отдыхайте, сейчас соображу вам поесть.

Когда они вошли, разделись, Немировский пригласил Бахтина в другую комнату. – Понимаете, господин Бахтин...

– Понимаю, – Бахтин расстегнул саквояж, достал пачку

долларов, – хватит? – Более чем. – Тогда тронемся? – Документы у вас надежные? – Более чем, – в тон ему ответил Бахтин.

Они вымылись, побрились, поели и привели в порядок платье. Немировский ушел. А они легли спать. Когда стемнело, капитан сказал: – Пора.

Во дворе стоял военный зеленый мотор. Немировский сел за руль, а Бахтин с силой крутанул ручку стартера. Двигатель молчал. Он крутанул еще. Машина чихнула и заработала басовито и гулко. Улицы Питера были перегорожены баррикадами, по темным мостовым шли вооруженные отряды, скакали всадники, ползли броневики.

– Белые наступают, – пояснил Немировский.

Но людям в машине это было безразлично. Белые, красные. Это была не их война. Трижды мотор останавливали и проверяли документы. Но мандат с подписью самого Держинского производил магическое действие. Миновав заставу, Немировский остановил машину и дважды мигнул фарами. К машине подошел человек в армяке. – Привезли? – Да.

Дальше они ехали в розвальнях. По каким-то проселкам, рошам, даже по льду озера. Когда езда эта стала уже нестерпимой, возница сказал: – Тихо теперь. Граница.

Он вылез из саней и трижды мигнул потайным фонарем. На той стороне в темноте трижды вспыхнул и погас свет. – Если что... – тихо сказал Бахтин.

– Если что, у меня две гранаты «мильс» и у нас три ство-

ла, – ответил Чечель, – пробьемся. Заскрипел снег, и к вознице подошел человек. – Это они, Уно.

– Пошли, господа, – с чухонским акцентом сказал человек. Они шли, утопая в снегу, глуша шаги.

– Теперь господа, можно итти смело. Вы в свободной Финляндии.

Они вышли на поляну и увидели ладные санки и сытого ухоженного коня. – За тенги, господа, я могу товезти вас то станции.

– Нам надо на Черную речку, к седьмой даче. – Бахтин протянул вознице десять долларов.

– Спасибо. За такие тенги я могу отвезти вас, кута угодно.

Жеребец лихо взял с места, и побежали санки. Сначала по лесу, потом по дороге. Над лесом, со стороны залива, пришел рассвет. И в свете его можно было различить аккуратные домики дач, заборы, разметенную дорогу.

– Приехали. Вот ваша тача. – Возница натянул вожжи. – Прощайте, господа.

Они стояли перед красивым двухэтажным домом. Клубился над трубой дымок. Ветер раскачивал кованый чугунный фонарь над дверью. На его стекле был нарисован улыбающийся гном. Он словно говорил: «Здравствуйте, добрые люди. У вас была тяжелая дорога. Идите в дом, вы заслужили покой и отдых».

Москва – Петроград – Париж 1991-1995 гг.

От автора

Этот роман я писал долго, потому как возвращение к истории, оживление давних криминальных реалий – дело очень и очень сложное.

В основе книги лежат подлинные факты. Сегодня мы спорим о том, когда в нашей стране появилась организованная преступность. По этому вопросу высказываются различные точки зрения. Изучая исторические материалы, я могу смело сказать, что эта форма противоправной деятельности складывалась в России со дня отмены крепостного права.

Что касается моих героев, то они жили в то время, правда, носили другие фамилии. Бандитам я оставил подлинные имена и клички. Только вот где-то я покривил против исторической истины. Сабана, например, застрелили не в Москве, а в городе Лебедяное, где он вырезал семью своей сестры и был расстрелян на месте по требованию жителей города. Рубин бежал в Париж. Его убили при обстоятельствах странных и таинственных.

Я очень благодарен за помощь в сборе материала для книги генералу милиции, профессору Игорю Ивановичу Карпцу, ныне покойному.

Роман закончен, теперь о нем будете судить вы, дорогие читатели. Хотелось бы, чтобы он вам пришелся по душе.